

роде Нозочёваске всего адествас
яволюаь сс-бтн ливавлод-агстаь л
и чстае ордаамн нгб-55 человет

РУССКИЕ СТРАИНЫ

РАССТРЕЛ НА ПЛОЩАДИ

**РУССКИЕ
СТРАИНЫ**

**ИГОРЬ
ЛЕБЕДЕВ**

**РАССТРЕЛ
НА ПЛОЩАДИ**

МОСКВА

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОЛИМП
1997

Серия основана в 1997 году

Лебедев И. Н.

Л 33 **Расстрел на площади: Роман.** — М.: Олимп;
ООО «Издательство АСТ», 1997. — 480 с. — (Рус-
ские тайны).

ISBN 5—7390—0381—4 (общ.)

ISBN 5—7390—0403—9 («Олимп»)

ISBN 5—7841—0418—7 (ООО «Издательство АСТ»)

История только кажется незбылемой. А на самом деле время — самый суровый и справедливый судия — выносит свои приговоры. События 1962 года в Новочеркасске, когда войска расстреляли рабочую демонстрацию, доньяне остаются одной из самых страшных тайн коммунистического режима. Используя материалы спецхранов, анализируя официальные версии причин происшедшей трагедии, автор находит в событиях того времени все новые мотивы, в которых были заинтересованы органы государственной безопасности...

Об этом повествуется в книге, об этом был фильм, показанный Телекомпанией НТВ.

ББК 84 (2Рос-Рус)6

© «Олимп», 1997

© Оформление.

ООО «Издательство АСТ», 1997

*Светлой памяти Сашуленьки —
Александры Михайловны Кузьминой
посвящается эта книга*

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

31 октября 1961 года из Мавзолея вынесли гроб с телом Сталина и захоронили у Кремлевской стены.

Место погребения выбирали подальше от усыпальницы вождя мирового пролетариата — крайнее слева, за могилой Калинина. Его загодя обнесли сплошным забором как бы для проведения ремонтных работ.

Поздней ночью, когда Красная площадь была пустынна и холодный осенний ветер кружил по мокрой брусчатке невесть откуда залетевшие сморщенные листья, солдаты специального кремлевского караульного подразделения пронесли сквозь распахнутые задние двери Мавзолея оббитый красным и черным пышный гроб и осторожно опустили в сырую яму. Закапывали тихо, стараясь, чтобы не звенели штыки лопат и не громыхали о крышку комя земли.

За два дня до описываемого события, 29 октября в 19 часов 47 минут Мавзолей посетил секретарь ЦК КПСС товарищ Шелепин. Он вошел в усыпальницу тем же путем, каким немного погодя отправился в последний путь прах Отца народов, и надолго бездвижно замер у саркофага, под которым покоилось тело великого Сталина.

Шелепин никогда не считал себя сентиментальным и способным на рефлексию человеком, но теперь (надо сказать, не без удивления) испытывал нечто похожее на угрызения совести.

Он глядел на сосредоточенный, суровый сталинский профиль, на узкий покаты́й лоб и крупные, миндалевидной формы ноздри, на сжатые бледные губы, и в душе подымалась бессильная злоба.

Ведь и по его, Шелепина, вине, по его малодушью Сталина изгоняют из последнего пристанища. Трудно даже представить, что в траурном зале Мавзолея отныне будет стоять только один гроб с маленьким, похожим на лакированную куклу с приклеенными усиками и бородкой телом Ленина. А Сталин обречен гнить в земле.

Шелепин пытался отогнать прочь навязчивую мысль. В конце концов, он не виноват. Его заставили. Всех заставили. Один за другим на высшую партийную трибуну поднимались виднейшие деятели государства и, как заведенные, клеймили дела и образ того, благодаря кому выстояло в войнах и потрясениях Советское государство. И он, Шелепин, тоже клеймил. Когда, окончив речь, он двинулся на свое место, Хрущев одобрительно кивнул ему. У Хозяина был вид победителя.

Шелепина едва не передернуло.

Хрущев добился своего. На XXII съезде КПСС было-таки принято решение о том, что Сталину не место в ленинском Мавзолее. И вот теперь решение должно быть претворено в жизнь.

Развернувшись на каблуках, Шелепин тяжелой поступью направился к выходу, напяливая на голову шапку.

Празднуй, Никита, твоя взяла. Пока — взяла.

А там, дальше, мы еще посмотрим, кто кого.

1 НЕЗНАКОМЕЦ С «ПРАВДОЙ» НА КОЛЕНЯХ

Дирижер, маленький взъерошенный человек, враскачку поднялся по шатким ступеням и, важно раскланявшись в ответ на нестройные хлопки публики, взмахнул палочкой. Ударили барабаны, и взревели трубы. Вспыхнул яркий свет прожекторов, озарив покрытую цветным ковром арену. Митя дождался, покуда вой труб станет и вовсе оглушительным, и, склонившись к самому уху Оленьки, прошептал:

— Я тебя люблю.

Она не удивилась и не обернулась; можно было подумать, что она не услышала Митиных слов, если бы тонкая девичья шея не зарозовела и не напряглась на ней тоненькая пульсирующая жилка.

— Я тебя люблю, Оленька, — повторил Митя, сам удивляясь собственной храбрости и при этом мучительно оттягивая момент, когда, согласно составленному накануне дома плану, он должен будет взять в ладони хрупкую, прозрачную кисть ее руки. Ладони были предательски мокрыми; Митя пытался незаметно вытереть их о брюки, но они тотчас же вновь покрывались липким потом.

Оленька, выпрямив спину, не отрываясь глядела вниз, как будто ничего важнее не было и не было Мити с его признанием. Между тем внизу распахнулся занавес, и на арену высыпали карлики в ярких трико, полуголые одалиски и огромные мускулистые атлеты.

— После победной гастрولي в Соединенных Штатах Америки и перед гастролью во Франции, — вещал шпрыхшталмейстер, заложив руки за спину, как знающий себе цену петух на птичьем дворе, — последнее представление!

Зрители восхищенно переглядывались. Эти полуобнаженные карлики и жонглерши — совсем недавно они были на другом конце света, в загадочной стране, известной разве только по трофейным фильмам и песням, а теперь они здесь, на Родине, а завтра будут в Париже. От одного только этого слова — Париж — сладко кружилась голова.

— Мировой триумф советского циркового искусства! — горланил шпрыхшталмейстер, а карлики жонглировали горящими факелами. — Русские — первые в космосе и на арене, вот как вынуждена была писать о наших гастролях капиталистическая пресса!..

Митя старался сосредоточиться на том, что происходило перед глазами, в круге света, — но не слишком-то хорошо это получалось. Мысли скакали в голове, как солнечные зайчики, — так обычно говорила о Митином образе мышления мама, и на сей раз такое определение было как нельзя кстати.

Впрочем, чего требовать от девятнадцатилетнего парня, который завтра уходит в армию, а сегодня задался целью окончательно выяснить, дождется ли его возвращения прелестная, прозрачная от худобы Оленька Шевелева.

Накануне Митя твердо решил, что непременно поцелует Оленьку, и именно в губы, а не в щеку, как целуют сестру или тетю; этот поцелуй и будет гарантией. Гарантией чего — этого Митя не знал, но ощущал важность момента.

Однако когда губы Оленьки оказались как никогда близко, вся Митина решимость утекла в никуда, будто песок между пальцев.

В волнении Митя скользил взором по арене, по

смеющимся лицам публики и никак не мог сосредоточить внимание на чем-либо одном. Он и сам удивился, когда вдруг увидел знакомое круглое лицо и пятерню, сжимавшую в руке кукурузный початок. Он вздрогнул и попытался взглядом вернуться в ту же самую точку и лишь тогда убедился, что лицо это было черно-белым, глядящим с газетного листа. Хрущев посетил передовой колхоз, возделывающий кукурузу, – гласил набранный крупным заголовком.

Человек во втором ряду впереди преспокойно читал «Правду». То есть он делал вид, что смотрит представление, но голова его была чуть наклонена, а взгляд опущен к коленям, и ошибиться было невозможно вместо того чтобы смеяться со всеми, он читал газету! Ничего нелепее нельзя было придумать, когда гремела веселая музыка и то и дело раздавалось визгливое «алле».

Митя с интересом наблюдал за странным зрителем.

Пожилой, решил он про себя.

На вид человеку было лет двадцать восемь, никак не меньше. Время от времени он бросал сквозь очки в тонкой оправе быстрый взгляд на массивные наручные часы («Именные, как пить дать», с неожиданной завистью отчего-то решил паренек), а затем поглаживал ладонью коротко стриженный затылок и морщил при этом высокий лоб. Когда соседка, пухлая крашенная шатенка, начинала хохотать особенно громко, человек с недоумением взглядывал на нее, а затем словно бы спохватывался: «Ах да, это ведь цирк!», улыбался краешком губ и возвращался к прежнему занятию.

Незаметно, стараясь не привлекать внимания соседей, он перевернул газету, и Митя прочел заголовок: «Империализм наступает».

Странный какой-то человек, подумал Митя, и надо же было покупать билет в цирк, занимать

чье-то место, чтобы затем штудировать здесь передовицу!

Он уже хотел было поделиться своими наблюдениями с Оленькой, но девушка так живо и непосредственно реагировала на происходящее на арене, что Митя решил не отвлекать ее.

В конце концов, что ему за дело до незнакомца с «Правдой» на коленях?

Объявили антракт, и публика валом повалила в буфет за пирожками и газировкой.

Встав в конце длиннющей очереди, Митя растерянно улыбался своей спутнице, не зная, о чем завести разговор.

Как всегда, выручила Оленька.

— А если тебя пошлют на Курилы? — спросила она.

— В каком смысле?

— В прямом. Там, говорят, тоже наши ракеты стоят.

— Курилы — это интересно, — уклончиво произнес Митя.

— Пообещай, что ты обязательно пришлешь мне свою фотографию на фоне вулкана.

— Обещаю. А разве на Курилах есть вулкан?

— Разумеется! — не очень уверенно сказала Оленька. — Курилы и без вулкана, смешно даже. Знаешь, а Рудик из соседнего подъезда, ну, такой рыжий, помнишь, в желтом галстуке ходил, и его за это чуть из комсомола не исключили, — так вот, Рудик служит в Венгрии, представляешь! Счастливый, за границей. Он тете Лиде, своей маме, такую кофточку прислал — закачаешься!

— Я тебе тоже пришлю, если меня за границу отправят, — осипшим от волнения голосом сообщил Митя.

— Правда? Только, чур, мне голубенькую. Мне этот цвет очень идет.

В этот момент прозвенел звонок и толпа рину-

лась назад, и Оленька — вместе со всеми, и на ходу оглядывалась и улыбалась Мите странной, обещающей улыбкой.

Еще на пути к своему месту Митя с удивлением увидел, что человек, привлечший его внимание в начале представления, по-прежнему восседает с газетой в руках, словно он не в цирк пришел, а в читальный зал, и лицо его по-прежнему выражает рассеянность и скуку.

— Ты куда смотришь? — игриво спросила Оленька. — Почему не на меня? Может, тебе понравилась какая-нибудь зрительница?

— Нет, просто...

— Никаких «просто», — сказала Оленька и кокетливо коснулась пальчиком Митиной щеки, — сегодня ты должен смотреть только на меня... больше ни на кого, слышишь?

У Мити закружилась голова. Он опустился на жесткую скамью и нащупал узкую Оленькину ладонь в своей руке.

Потом, много позднее, он будет думать об этом своем состоянии как о досадном, непростительном недоразумении, которое помешало ему увидеть разгадку происшествия. Потому что в этот момент он отвлекся от человека с газетой, потому что теперь его интересовал лишь непослушный прозрачный локон на Оленькином виске.

Митя не смог бы вспомнить, сколько прошло времени, сколько сменилось артистов на арене, прежде чем похожий на петуха шпрыхсталмейстер объявил:

— Феноменальные чудеса мастерства и отваги — воздушные гимнасты братья Сетчиковы!

Тихонько взвизгнув, Оленька прижалась к Митиному плечу:

— Ой, боюсь, боюсь. Какие они смелые! А ты бы так смог, Митя? А вдруг они разобьются?

Двое высоких молодых парней, с ног до головы укутанные в серебристые просторные плащи, вы-

шли на арену. Сверху, из-под самого купола, опустились трапеции.

Сбросив эффектным жестом плащи, братья остались в узких комбинезонах, выпукло очертивших мускулистые, сильные тела.

Ухватившись за трапеции, они взмыли вверх и оттуда, совершив невероятный кульбит, послали публике воздушные поцелуи.

— Ой, не могу, не могу, — восторженно шептала Оленька, — и как они не падают, я не знаю!

Митя ревниво наблюдал за гимнастами, чувствуя все большее раздражение. Они были слишком красивы, слишком сильны, слишком умелы, и в глубине души он не мог не сознаться, что, разумеется, на их фоне серьезно проигрывает в глазах Оленьки.

Поэтому он отвел взгляд в сторону — и с удивлением обнаружил, что странный зритель, отложив в сторону «Правду», внимательно наблюдает за происходящим под куполом. Мышцы лица его были напряжены, а взгляд устремлен вверх, — как будто у парня судьба решается, с ехидцей успел подумать Митя, как вдруг зал охнул, раздался звук лопнувшей струны, а вслед за тем — истерический женский крик.

Митя увидел, как накренилась, а затем резко пошла вниз трапеция, на которой гроздь висели воздушные гимнасты Сетчиковы, и один на руках держал другого над бездной; затем гимнасты отделились от трапеции и на несколько мгновений словно повисли в пространстве под куполом, как две диковинные птицы. А потом...

Потом они лежали на ярком ковре, и со всех сторон по направлению к ним бежали униформисты, а дирижер, еще не успевший осознать, что случилось, продолжал размахивать палочкой, и одиноко гудел тромбон, и истошно вопила женщина в партере.

Зрители повскакивали с мест и, вытягивая шеи, пытались разглядеть, что же происходит там, внизу.

— Мамочка моя, — удивленно пролепетала Оленька, подняв на Митю полные испуга глаза, — кажется, они упали!

Оркестр наконец смолк, и шпрыхсталмейстер, перекрикивая шум, объявил, что представление прерывается.

— В лепешку! — крикнул снизу возбужденный мужской голос. — Оба — в лепешку!

Галерка загалдела.

Растерянно озираясь по сторонам, Митя вдруг увидел, как странный человек, складывая на ходу «Правду» и опуская ее во внутренний карман пиджака, проталкивается сквозь толпу к выходу. Деловитое выражение на лице — вот что поразило и запомнилось тогда Мите. Он даже шагнул было следом, но Оленька мертвой хваткой вцепилась ему в рукав, и в следующее мгновение Митя потерял незнакомца из виду.

...А незнакомец, покинув здание цирка, торопливо втиснулся в шумную толпу Центрального рынка и, не задерживаясь у прилавков, манящих острыми запахами солений, пробрался к лестнице, ведущей вверх, в Каретные переулки. Он отыскал одинокую телефонную будку, опустил монетку в прорезь автомата и, оглядевшись по сторонам, набрал номер.

— Алло, — сказал он, — это я. Все в порядке, операция завершилась успешно. Результат? Стопроцентный!..

Улыбнувшись, он повесил трубку на рычаг и быстрым шагом двинулся к саду «Эрмитаж». Теперь пивка бы в самый раз.

2. ОСОБО ВАЖНОЕ ЗАДАНИЕ

— Здравия желаю, товарищ полковник!

— Ладно, давай без церемоний, заходи. Чаю хочешь?

Тучный, с нездоровым багровым румянцем по всему лицу полковник Бугаев жестом указал Игорю стул напротив. Расстегнув тесный воротник кителя, полулежа в кресле, он прихлебывал чай из тонкого стакана в позолоченном, с замысловатым узором подстаканнике.

Правой рукой он сжимал ручку подстаканника, а левой, всей пятерней, отирал со лба обильную испарину.

— Чай с утра — лучше не бывает, — философски произнес Бугаев, поглядывая на визитера внимательными маленькими глазками, глубоко упрятанными за тяжелыми веками.

От этого взгляда голубоватых прозрачных глаз, Игорь знал по себе, душа нередко уходила в пятки.

Сегодня, однако, у полковника было благодушное настроение.

— Вражеская пресса уже откликнулась на твою работу, — усмехнулся полковник и кивнул на сложенную вчетверо газету, — ты прочти, Игорек, не стесняйся. Будь как дома.

Стараясь не выказать волнения, которое неизменно сопровождало визитам в этот кабинет, Игорь взял со стола газету и извлек из внутреннего кармана пиджака очки в тонкой оправе.

Бугаев покривил губы, но ничего не сказал.

Игорь завел очки не потому, что плохо видел — они нередко облегчали ему игру на публике; как сказал бы Станиславский, создатель знаменитой актерской системы, эти очки выполняли роль специального приспособления, позволяя отвлечь в нужный момент внимание зрителя. Полковник был осведомлен об этой Игоревой хитрости — впрочем, как и обо всем другом; порою Игорь ловил себя на мысли, что для Бугаева вовсе не существует никаких тайн.

— Служба обязывает, — любил повторять полковник, и голубые глазки становились похожи на стекло, — чекист всегда должен быть начеку.

Итак, аккуратно надев очки, Игорь на английском прочел заголовок, набранный крупным кеглем сверху страницы. Заголовок гласил: «Трагедия в московском цирке».

— Вслух читай, — приказал Бугаев, вновь отирая со лба крупные капли пота. — Еще раз хочу послушать.

Он отвалился на спинку кресла и прикрыл глаза. Игорь автоматически прочел первую фразу на английском.

Полковник от неожиданности даже рот приоткрыл.

— Ты чего, Захаренко, — рявкнул он после секундной паузы, — белены объелся?.. Умным стал, что ли?..

— Виноват, товарищ полковник.

— Смотри у меня. А то ведь наша служба такая: сегодня орел, а завтра опять воробьем стал. Чай, назад в воробьи не хочется?

— Никак нет, товарищ полковник. Виноват. Привычка.

С досады Игорь покусывал губу.

Вернувшись из Штатов, где он вволю попрактиковался в английском, он теперь то и дело путался в языках. Продавщица в булочной выпучила гла-

за, когда, получив сдачу, Игорь механически поблагодарил: «Thank you!» Наверняка решила: заморский шпион.

Шпион, шпион, с усмешкой думал про себя Игорь, поспешно удаляясь от прилавка, только не заморский, а самый что ни на есть наш! Он просто-таки физически ощущал, как продавщица тычет ему в спину пальцем, жарко нашептывая что-то (известно, что!) своей товарке.

— Ну, читай, — повторил Бугаев.

— «Братья Сетчиковы, знаменитые русские воздушные гимнасты, разбились вчера вечером во время представления в московском цирке. Уникальный аттракцион братьев Сетчиковых был известен во всем мире. Недавние гастроли братьев Сетчиковых в Соединенных Штатах в составе русской цирковой труппы произвели подлинный фурор. По данным, полученным нашим корреспондентом из неофициального источника, Сетчиковы изъявили желание остаться в демократических Соединенных Штатах и вели закрытые переговоры с представителями иммиграционных служб. Ожидалось, что во время предстоящих гастролей во Франции русские гимнасты попросят в посольстве США политического убежища...»

— Смотри-ка, — хмыкнул Бугаев, — все знают, черти! Вот это информированность, я тебе скажу, высший класс. Узнать бы, кто таков этот самый «неофициальный источник» и с чем его едят. Уж не от нас ли идет утечка данных?

— Ну что вы, товарищ полковник! — начал было подчиненный, но тот сделал знак рукой: мол, не отвлекайся, продолжай, и Игорю не оставалось ничего другого, как дочитать заметку до конца: — «Во время выполнения сложной поддержки на руках без страховки братья Сетчиковы сорвались с трапеции и с большой высоты упали вниз. Оба скончались, не приходя в сознание. Дирекция цирка сослалась на

ошибку при исполнении номера, однако, по имеющимся у нас данным, имела место неисправность циркового оборудования. Была ли это роковая случайность или подстроенное службами КГБ убийство? Ответом на этот вопрос редакция газеты не обладает».

— У, пройдохи! — выдохнул Бугаев, покачивая головой. — Чуть что, сразу КГБ виновато! Мы уже направили протест по каналам МИДа. Завтра опубликуем в центральной печати. Надеюсь, ты не оставил никаких следов?

— Никак нет, товарищ полковник, — отрапортовал Игорь. — Можете не сомневаться, комиссия придет к выводу, что оборудование было неисправным по вине самих артистов. Они обычно очень тщательно проверяют конструкции перед выступлением... то есть проверяли, — поправился он.

— Дураки, — процедил Бугаев, — чего им не хватало! Виллу на побережье Тихого океана им подавай. Давно направил докладную записку наверх, что артистов для зарубежных гастролей надо подбирать по особому списку, а не пихать кого попало.

— В Америке Сетчиковы действительно пользовались большим успехом, — осторожно произнес Игорь.

— Нужен был нам их успех! Что нам с него, воду пить? Ты еще радуйся, Захаренко, что вовремя их раскусил. Если бы они рванули от тебя во время гастролей... сам понимаешь, здесь бы тебя за это по головке не погладили.

— Так точно, товарищ полковник, понимаю!

— Ладно, — отмахнулся Бугаев, и по тону его Игорь догадался, что весь этот разговор был при сказкой, сказка впереди, — дело сделано, и хватит об этом. Я наверх доложил насчет успешно проведенной операции, думаю, нас отметят и тебя не забудут. Чем собираешься заниматься теперь?

— Ну... — нерешительно пробормотал Захаренко, — мне вроде отпуск обещали...

— Зачем тебе в отпуск? Разве в Америке не отдышался?

— Никак нет, товарищ полковник. Артисты, вы же знаете, особого пригляда требуют. Ни днем ни ночью покоя не давали. А эти Сетчиковы, они же просто не спали вообще, они после представления сразу в ночной бар намыливались. Однажды пришлось их три дня подряд пасти, потому что они в бордель собирались. С трудом удержал, честное слово. Ну, я все это в докладной записке указал...

— Да, артисты — народ тяжелый. Был один такой кадр, Михоэлс, может, слышал? Из еврейского театра? — Полковник тяжело вдохнул и покачал головой: — Ох и намучились мы с ним. Ну, это давно было, сразу после войны. Я уж думал, с меня из-за этого жиды звездочки сорвут и направят лес валить... куда-нибудь в Сибирь. Тогда времена другие были, за любую ошибку, сам знаешь, как наказывали. Ну, к счастью, обошлось.

— Я слышал, грузовик его сбил? — с робкой улыбкой проговорил Игорь.

— И я слышал, — кивнул Бугаев, и по виду его ясно угадывалось, что полковник знает об этом деле куда больше, чем говорит. — Очень вовремя сбил. Всякое в жизни бывает... Я как раз тогда первое повышение получил, — усмехнулся он, — так уж совпало. Ну, это к слову. Не хочешь, Игорек, с артистами возиться, я тебя на другой фронт переправлю. — Бугаев вперил в собеседника острый взгляд немигающих глаз.

Захаренко невольно выпрямился на стуле, понимая, что неофициальная часть разговора подошла к концу и сейчас он получит новое задание. Прощай, отпуск, прощайте, солнечные Гагры, теплая галька, море, загорелые девушки в открытых купальниках и холодное «Киндзмараули»!..

— Дело особой важности, — продолжал полковник. — Это тебе не по борделям циркачей отлавли-

вать. Наверху долго подбирали подходящую кандидатуру... и наконец остановились на тебе, прислушавшись к моей личной рекомендации. — Бугаев выдержал паузу, чтобы последняя фраза обрела подобающую весомость. Игорь хранил молчание, преданно глядя на полковника сквозь очки. — Согласно поступающим сигналам, нас ждут большие неприятности. В стране неспокойно. Все эти открытые границы, иностранцы на Красной площади, фестивали с неграми и заграничными киноартистками до добра не доводят, это я еще в пятьдесят шестом говорил. И вот на тебе, дождались! Короче. На некоторых крупных предприятиях стали действовать зачинщики, провоцирующие массовые выступления рабочего класса против Советской власти. Чуешь, чем дело пахнет?

— Так точно, товарищ полковник.

— Заладил: «так точно, так точно». Ты же не шарманка какая-нибудь, неужели тебе все равно, что со страной будет?

— Никак нет.

— У тебя, говорят, отец сидел? — Бугаев внимательно покосился на собеседника.

— Отчим, товарищ полковник, — поправил Игорь, прекрасно зная, что Бугаев лучше его самого осведомлен об обстоятельствах дела. — В пятьдесят шестом был освобожден из мест заключения... как реабилитированный...

— Отчим жив?

— Никак нет, товарищ полковник. Через полтора года умер. Застарелые болезни... сами понимаете. Лесоповал не курорт.

— М-да, брат, жизнь — сложная штука. Я вообще не понимаю, как ты умудрился институт международных отношений закончить... с такой анкетой!

Игорь замялся:

— Я ведь уже рассказывал, товарищ полковник. Так получилось. Когда я поступал, как-то удалось скрыть... Все-таки не отец — отчим. А так как отец

в Австрии погиб, рядовым, в апреле сорок пятого, то лишних вопросов не задавали. Ну, потом все равно каким-то образом выяснили. И уже собирались погнать из института, уже из комсомола исключить должны были, а тут — двадцатый съезд партии, выступление товарища Хрущева. И все изменилось...

— Выходит, и ты Никите Сергеевичу лично должен быть благодарен.

— Так точно, товарищ полковник.

— Вот и думай, под кого теперь мину подкладывают. Под первых лиц страны. Это тебе не два гимнаста на трапеции, которые решили в Америку сбежать, это, брат, широкомасштабная подготовка к государственному перевороту!..

Полковник вновь сделал паузу.

Игорь слушал, сохраняя на лице каменное выражение.

За несколько лет службы в органах он привык ко всякому, однако государственный переворот!.. Это было слишком. Конечно, по поведению некоторых представителей интеллигенции, особенно в столицах, можно было предположить, что посеянная Хрущевым вольность в умах очень и очень скоро даст свои всходы, но если уж в дело вступили и рабочие, то ситуация действительно могла выйти из-под контроля.

В докладной записке Игорь указывал, что главной отличительной чертой нынешней молодой вольнодумной интеллигенции является ее очевидная разобщенность при видимом плакатном единстве, и никто из самых пламенных трибунов не станет класть голову на плаху ради гибнущего собрата. «Старики» же, все еще способные противостоять в силу авторитета и независимости мышления государственной системе — Ахматова, Эренбург, Паустовский, — в борцы не годятся по возрасту и состоянию здоровья. Отсюда вывод: интеллигенция в основе своей остается вполне управляемой, хотя

необходимо учесть, что при дальнейшем развитии подобных тенденций возможны всякие эксцессы.

Что до рабочего класса — здесь ситуация была иной. Игорь мало занимался заводским контингентом, но по краткому общению с трудягами с завода Лихачева он заключил следующее: никакие они не гегемоны, а темная серая масса с четко ограниченным кругом требований — зарплату бы побольше, да собственное жилье, да два выходных в неделю. Все. Игорь и сам был удивлен подобным: все-таки пропаганда с детства воспитывала восторженное отношение к «самому просвещенному и передовому в мире классу рабочих». В докладной записке он написал, что подобное положение дел — палка о двух концах: с одной стороны, полуобразованность рабочих и наличие бытовых, «заземленных» желаний дают основания надеяться, что основная масса доверяет правительственному и партийному курсу, не высказывая каких бы то ни было критических оценок, с другой — эту самую темную массу достаточно просто поднять на противоправные выступления, и тут уж ей рот не заткнешь.

Иными словами, дело пахнет керосином.

— У нас имеются данные, что в Москве и в Ленинграде всякими заокеанскими секретными службами подготавливаются массовые антиправительственные акции, — продолжал между тем Бугаев. — Сам понимаешь, тут не до шуток. Если в Москве начнется заварушка, неизвестно, что будет. Навверху опасаются, что даже войска не помогут. Столица, несколько миллионов населения, всех ведь не пересяжешь.

Игорь согласно кивнул: и впрямь, несколько миллионов сразу посадить весьма затруднительно.

Полковник вздохнул:

— Короче, возникла идея. Дельная идея, по-моему. Но тут специалист нужен — высший класс. Чтоб комар носа не подточил. Ты меня понимаешь... — Он мрачно поглядел на собеседника.

— Так точно, товарищ полковник.

— А раз «так точно», тогда слушай. Завтра сядешь в поезд и поедешь... ну, скажем, в Оренбург. Устроишься на завод, — список предприятий возьми у секретаря, сам выберешь, — устроишься и будешь наблюдать, что к чему. Мне тебя не учить, сам знаешь, как действовать в подобной обстановке. Дальнейшие инструкции получишь позже.

Бугаев замолчал. Молчал и Игорь, надеясь, что за сказанным последует хоть какая-нибудь расшифровка. Однако полковник, казалось, считал, что разговор закончен.

— Виноват, товарищ полковник, — наконец проговорил Игорь, — я не понял, в чем заключается собственно идея?

Нахмурившись, Бугаев прозрачными глазами взглянул на собеседника, и тот с трудом удержался, чтобы не поежиться.

— Много будешь знать, скоро состаришься. Сказано: дальнейшие инструкции позже. Можешь идти.

— Значит, в Оренбург? — бодрячески произнес Игорь, подымаясь.

— Можешь выбрать по своему усмотрению. Есть Оренбург, Мурманск, Каменец-Подольский... Куйбышев, по-моему, Саратов...

— Мне бы что-нибудь южнее, — с беспечной улыбкой сказал Захаренко. — Если в отпуск на море не получается, так хоть в командировку в теплые края съездить!

— Хочешь к казакам?

— К казакам?

— Ну да. Мне прислали данные по какому-то захолустному городишку, но там крупный завод... электровозы делают, что ли. В тех местах тоже неспокойно. — Полковник рылся в бумагах на столе. — Зато — юг! Казачки с косами до земли, арбузы... Эх, будь я помоложе, обязательно бы съездил. Имел я в молодости одну чернобровую дивчину, ка-

зачку... мечта, а не дивчина! — И Бугаев обнажил в улыбке свои мелкие желтые зубы. — Езжай, Игорек, не пожалеешь! Бабу себе найдешь... может, еще и обженишься там, а? Не обженишься, так хоть пое..шься всласть. И не забудь потом мне за это спасибо сказать, понял? — Он наконец нашел нужную бумажку и прочел ее: — Новочеркасск...

* * *

«Дорогая Оленька, здравствуй!

Пишет тебе пока еще не солдат Дмитрий Бажин.

Прошло всего только четыре дня с момента нашего расставания, а мне кажется — целая вечность. Когда там, в подъезде, ты мне сказала, что будешь ждать, у меня как будто крылья выросли за спиной, честное слово.

Если бы ты только знала, как я к тебе отношусь!

Правильно, что ты не пришла на призывной пункт. Там толчея, суматоха, крик — короче, тебе бы там не понравилось.

По-моему, мама, которая приходила ко мне два дня подряд, была в ужасе от того, что творилось на этом призывном пункте. Она у меня очень впечатлительная, но я так и не смог отговорить ее не приходить на третий вечер. Наверное, она долго меня искала, — а нас поутру погрузили в крытые брезентом грузовики и отправили на вокзал.

Теперь мы едем на поезде, а куда — никто не говорит.

Извини за почерк, писать приходится, подложив под бумагу чемодан. Вагон трясется... ну, сама понимаешь.

Я все еще надеюсь, что нас отправят за границу. Честно говоря, очень хочется сделать тебе подарок, какой обещал. Но если я вдруг окажусь в другом месте и не смогу купить тебе голубую кофточку, ты ведь не обидишься, правда? В конце концов, я вер-

нусь, и будет тебе голубая кофточка, и даже не одна, а сколько пожелаешь.

Командует нами старшина, очень суровый человек, которому ребята тут же дали кличку Бецман за тяжелую, враскачку, поступь и хриплый прокуренный бас. Заставляет подыматься в шесть часов утра, хотя делать в поезде абсолютно нечего. Просыпаемся и сидим на полках, как овощи.

Ребята играют в картишки, прячась от Бецмана, курят.

В вагоне накурено так, что хоть топор в воздухе вешай! Нечем дышать абсолютно.

Я взял с собой «Манон Леско», но у меня ее тут же отобрали. Сказали, не солдатское это дело — книжки читать.

Поэтому приходится смотреть в окно. Природа у нас в России красивая, раньше я об этом как-то не задумывался, а теперь — глаз не могу оторвать.

Особенно хороши закаты и рассветы, такие краски даже в Третьяковке не увидишь!

Знаешь, ты на меня не сердись, что я так повел себя в последний вечер, я ведь не хотел тебя обидеть. Я же по-дружески тебя попытался поцеловать, а не как-нибудь иначе, ты не подумай!

Мир, ладно?

По вагону прошел слух, что везут нас не за границу, а на море. Я даже расстроился, но не из-за того, что мне море не подходит, я готов служить, где прикажут, — а из-за того, что ты ждешь кофточку, а я пока не смогу тебе ее достать.

Кормят нас не очень хорошо: то есть, если честно, совсем почти не кормят, дают сухой паек. Вчера была драка из-за того, что один у другого все печенье забрал, ни крошки не оставил, а тому есть было совсем нечего.

Но за меня не волнуйся, я постоять за себя умею, и, кроме того, у меня есть кое-какой съестной запас, с голоду не умру.

Я все время думаю про тех циркачей, которые сорвались из-под купола. Ужасная история. Мама сказала, она вычитала в газете о том, что они нарушили правила безопасности и поэтому упали. Что делать, в цирке всякое случается.

Когда-то я сам мечтал работать на манеже, а потом почему-то передумал. А может, зря. Как ты думаешь, стоит мне попытаться устроиться работать в цирк?

Ой, что-то я не то пишу. Просто мне хочется написать как можно больше, чтобы ты читала и как будто со мной разговаривала.

Когда мы доедем до места назначения, я сразу вышлю тебе свой адрес, а ты, пожалуйста, пиши мне как можно чаще, ладно?

Твой друг Бажин Дмитрий».

3. ЛЮБОВЬ ДО ГРОБА

— Где же ты пропадаешь, я жду тебя с самого утра!

Галина вылетела навстречу, на ходу запахивая легкий халатик с японскими иероглифами и «как бы шелкографией» на спине, изображающей журавля на заснеженном суку с видом на Фудзияму.

— Папа уже вернулся из Японии? — при виде журавля удивился Игорь. — Когда?

— Ну, во-первых, — обиженно поджав губы, заявила Галина, — он тебе пока что никакой не папа, а Анатолий Дмитриевич, а, во-вторых, мог бы и поздороваться.

— Здравствуй, моя хорошая, — сказал Игорь, — очень красивый халат, тебе идет.

Он потянулся к ней губами, но Галина проворно увернулась и, сохраняя на лице обиженно-капризную мину, направилась в гостиную.

Вздыхнув, Игорь переобулся в мягкие плюшевые тапочки и двинулся следом.

— Я нервничаю, — врасстяжку произнесла Галина, полуулегшись на пухлый кожаный диван с крутыми, похожими на увесистые бочата, валиками и отбрасывая за спину золотистые, тщательно завитые локоны, — я, можно сказать, места себе не нахожу, — а ему хоть бы хны! Я даже позавтракать не смогла как следует!

— Ну, извини. Я же был на службе...

— Врешь.

— Клянусь.

— Ты ушел с Лубянки три часа тому назад.

— Разве? — притворно охнул Игорь.

— Может, у тебя новый роман?

— Галочка, что ты говоришь?!

Она по-детски трогательно надула губки:

— А что мне остается думать? Обещал быть в час, а уже полпятого. Я звонила в приемную, мне сказали, был, но давно ушел. Я позвонила папе...

— Ты звонила Анатолию Дмитриевичу? Зачем? — Игорь не смог скрыть замешательства. Новость была не из приятных.

— Да, звонила, — не без злорадства подтвердила девушка. — И папа, вместо того чтобы заниматься делами, был вынужден разыскивать тебя по всему комитету. Разве что на председателя не вышел...

— Галочка, я же тебя просил... — Обессиленный, Игорь повалился в кресло. С этими женщинами всегда одни неприятности. — Ну зачем вмешивать папу в наши отношения?

— Папа волнуется. Как и я. Ему тоже не безразлично, где будущий зять ходит-бродит.

— Просто я решил пройтись пешком. Отличная погода.

— Ага, пешком, — усмехнулась Галина, и по лицу ее было видно, что слова Игоря не вызвали у девушки ни малейшего доверия.

Для нее, привыкшей передвигаться по городу в папиной машине, пешеходные прогулки по многолюдным тротуарам представлялись чем-то вроде нелепой блажи. Как и стойкое, ничем не объяснимое нежелание Игоря устроиться помощником к Анатолию Дмитриевичу, — казалось, он даже слышать не хотел о такой возможности.

Впрочем, на деле все обстояло несколько иначе.

Пожалуй, Игорь давно перешел бы на службу в ведомство будущего тестя, да гордость мешала.

Карьеру надобно уметь делать самостоятельно, а иначе что за интерес!..

По сей день ему удавалось скрывать от большинства сослуживцев, чьей дочерью оказалась его невеста. Ну, конечно, в руководстве комитета об этом факте знали, тут и говорить нечего, — Игорю вообще иногда чудилось, что там, наверху, известно все и про всех. Наверняка в курсе был и Бугаев, хотя ни разу ни словечком не намекнул о своей информированности в данном вопросе. Лишь однажды, как бы в шутку, обронил:

— Смотри, на свадьбу пригласить не забудь, не загордись! — но ведь и в этих словах необязательно было усматривать некий тайный смысл.

Короче говоря, Игорь делал вид, будто со времени знакомства с Галиной в его жизни ничего не переменялось, по крайней мере внешне.

Они познакомились случайно. Игорь был представлен гидом-экскурсоводом к одной важной иностранной делегации, члены которой нуждались в постоянном, но незримом контроле со стороны соответствующих служб. Галина выступала как бы от имени гостеприимных хозяев, и эта роль, надо признать, была ей весьма к лицу.

Легкая, улыбчивая, она выпархивала из машины, будто экзотическая бабочка, нежно-голубое платье развевалось на ветру.

— Ленинские горы! — объявляла она, выразительным жестом указывая на восхитительную панораму Москвы, открывавшуюся с верхней точки. — Такой красоты вы не увидите ни в Риме, ни в Нью-Йорке, ни даже в Париже!..

Ее милая наивность вызывала в солидных членах делегации нечто вроде умиления; лысые чопорные иностранцы согласно кивали и вскидывали неизготовку фотоаппараты, — причем, Игорь обратил внимание, снимали они большей частью не столичные красоты, а саму Галину на их фоне. Поначалу

он даже заподозрил в этом некий умысел, но быстро убедился, что никакой подоплеки в поступках гостей нет, — просто-напросто им действительно очень понравилась улыбчивая и открытая девушка.

Они мчались на правительственной машине по московским проспектам, и она по-детски непосредственно указывала пальцем на то, что являлось, по ее мнению, достопримечательностями, и непременно комментировала.

— «Мосфильм» — крупнейшая киностудия в мире, — как само собой разумеющееся, сообщала Галина, и Игорь был вынужден слово в слово переводить. — Хотите, посмотрим, как снимается кино?

Вообще-то подобные вольности в заранее утвержденной гостевой программе, мягко говоря, не приветствовались, однако дочери Анатолия Дмитриевича позволялось куда больше обычного, и, разумеется, она об этом знала.

Игорю пришлось в спешке, по вахтерскому телефону созваниваться с вышестоящими инстанциями, получать официальное разрешение, оформлять пропуски на территорию закрытого объекта, а девушка тем временем как ни в чем не бывало порхала у проходной и, тыча пальчиком в плакаты перед входом, вещала:

— «Летят журавли», знаменитая наша картина. Про войну. Ее весь мир смотрел. А это «Карнавальная ночь». Кинокомедия. Очень смешная. Как, вы не видели?! Потрясающе! Что же вы там у себя смотрите, интересно?

Иностранцы улыбались, кивали, явно ничего не понимая, и фотографировали Галину на фоне нарисованной Гурченко в черном платье с белой муфточкой.

Наконец разрешение было получено, и галдящие члены делегации, вытягивая шеи, миновали вертушку проходной.

— Оу, Голливуд! — хором горланили они, а Галина отмахивалась и смеялась:

— Куда вашему Голливуду до нашего «Мосфильма»!

Надо сказать, что изнутри крупнейшая киностудия в мире, скорее, походила на территорию довольно-таки грязного, обшарпанного заводика. Сквозь распахнутые двери склада виднелись скособоченные кареты без колес и массивная старинная пушка, из широкого ствола которой торчали дворницкие метлы. В запущенном скверике на покосившихся скамейках резались в карты статисты из массовки, наряженные гусарами. Неподалеку курили «Беломор» две тучные матроны в пышных бальных платьях начала девятнадцатого века, и крикливая всклокоченная девушка с выпученными глазами с грозным видом наступала на них:

— Если спалите хоть оборочку, хоть перышко от костюма, я напишу на место постоянной работы, так и знайте! За всю жизнь не расплатитесь.

Обалделые иностранцы ничего не могли понять.

По счастью, в одном из павильонов в тот день снимались сцены новой кинокомедии, в которой действовали русские и американцы; американцы каким-то необыкновенным путем попадали в Сибирь и воочию убеждались в превосходстве советского образа жизни.

Игорь объяснил иностранным гостям интернациональный сюжет картины, и те вежливо закивали, изъявив желание попристутствовать на съемочной площадке.

В павильоне была выстроена декорация сибирской деревни, и под ослепительными лучами прожекторов на плетнях и крышах искрился искусственный снег. В снегу, в легких сандалиях и спортивного покроя брюках, стоял седовласый режиссер с густыми бровями и объяснял актерам мизансцену.

— Ой, мамочки! — всплеснула руками Галина, и

лицо ее приняло по-детски восторженное выражение. — Живая Орлова! Посмотрите, настоящая! Вы что, Орлову не знаете? — Изумлению ее не было предела. — Ну, вы даете! Все могу понять, но чтобы не знать, кто такая Орлова!

Иностранцы вновь улыбались, кивали и фотографировали Галину — на этот раз на фоне искусственного снега, бутафорской деревни и живой Орловой.

Одним словом, было весело.

— А знаете, между прочим, вы похожи на киноартиста, — сообщила Галина на второй день, подсаживаясь в ресторане к обедавшему в стороне от делегации Игорю, — вам об этом никогда не говорили?

— Никогда, — со смиренным видом соврал он.

— Странно. — Девушка рассматривала его с неожиданным любопытством; впервые за время знакомства она удостоила его очевидным вниманием.

— Почему вы на меня так смотрите?

— А что, нельзя? Странные мужчины пошли. Не смотришь на них — они обижаются, смотришь — тоже недовольны.

— Я не обижаюсь, — изрек Игорь.

— Вот и неправда. Я заметила, как вы бросали на меня косые взгляды...

— Вам показалось.

— Опять неправда. Вы что, так любите врать?

Игорь непринужденно рассмеялся, хотя и почувствовал нечто вроде замешательства. Подобная откровенность — на грани бесцеремонности — считалась моветоном в его привычном кругу, и ею пользовались только в крайнем случае, когда желали немедленно смять и уничтожить противника.

Между прочим, девушка была права: он действительно был недоволен, что Галина едва кивнула ему при знакомстве и отвернулась.

Он привык нравиться женскому полу и при этом не прилагал никаких усилий.

Подобное качество оказалось весьма ценным

при выполнении некоторых деликатных заданий, и Игорь втайне был убежден, что расположению начальства он в не малой степени обязан именно своему необычному, неброскому, но при том неотразимому обаянию.

Как-то раз — было это года три-четыре назад — его приставили к известному адвокату в качестве секретаря; появились сведения, что адвокат проявляет нелояльность по отношению к высшим чинам государства и позволяет себе весьма вольные высказывания о партийном лидере.

Более того, в разгар фестиваля молодежи и студентов он даже пытался навести мосты с представителями некоторых государств, обещая предоставить документы, компрометирующие высшие органы СССР, в обмен на политическое убежище на Западе.

Впрочем, его так и не смогли поймать с личным и как раз для этой цели привлекли к работе Игоря.

Адвокату было под пятьдесят, а его молодой супруге едва исполнилось двадцать пять: он был высок, сед и представительен и высоко держал свою красиво посаженную голову, произнося речи в суде.

Говорили, Алина вышла за него замуж по любви.

Вероятно, так оно и было; однако уже через три недели после того момента, как Игорь впервые переступил порог просторной квартиры в доме на Котельнической набережной, Алина заливалась краской с ног до головы, стоило ему только бросить на молодую женщину мимолетный взгляд.

Игорь до сих пор поражался, как этот факт мог ускользнуть от внимания адвоката; однако почтенный муж по-прежнему доверял своей супруге и безбоязненно оставлял ее наедине с красавцем секретарем.

Они вдвоем разбирали обширный архив адвоката, едва не касаясь головами; Игорь чувствовал: еще мгновение, и верная жена повалится без чувств от одного только осознания его близкого присутствия.

Будто невзначай, он взял ее за руки; она задрожала, как пойманная в силки птица.

Это было — как озарение; Игорь уже явственно понимал, что от замкнутого адвоката он так и не добьется опрометчивых откровений, и предчувствовал весомый выговор за проваленную операцию; в этой ситуации внезапная страсть Алины была для него счастливым спасением.

Он взял ее здесь же, на рассыпавшихся бумагах и судебных протоколах; целуя ее лицо, он чувствовал на губах соленые слезы стыда и раскаяния.

«Бедная девочка, — думал он, скользя ладонями по ее мелко подрагивающему горячему телу, — бедная моя девочка! Если бы она только знала!»

— Ты меня любишь? — взახлеб шептала она, неистово прижимаясь к его груди. — Скажи только, что ты меня любишь!

— Люблю, — отвечал Игорь, стараясь придать голосу интонации страсти.

— Если ты меня разлюбишь, я не знаю, что с собой сделаю! Мне нечего терять!

Она выболтала все. Она даже показала ему тайник на веранде адвокатской дачи, где супруг хранил рукописные тексты статей для западной прессы, обвинявших Советскую власть в грабежах и массовых убийствах.

Этого было более чем достаточно для смертного приговора. Бугаев ликовал в предвкушении награды за удачно проведенную операцию.

Однако процесс по делу о предательстве так и не состоялся.

Адвокат выбросился из окна при обыске квартиры. Но — горькая ирония судьбы — вовсе не из-за того, что был разоблачен. Просто молоденький и ехидный лейтенант госбезопасности, проводивший обыск, смеясь, высказался насчет неверности супруги, и выражение лица ее, стоявшей рядом, бы-

ло для адвоката самым лучшим и безжалостным подтверждением его слов.

Никто не ожидал от солидного человека такой прыги.

Он перемахнул через стол и, проломив телом оконное стекло, разбился вниз, на асфальте.

Дело замяли: адвокатскую вдову за закрытыми дверями осудили за недоносительство и пособничество в шпионаже и надолго отправили в лагерь строгого режима.

Игоря повысили в звании за успешно проведенную операцию по раскрытию империалистического диверсанта.

Смешно, но Алина при знакомстве тоже сказала: — Вы похожи на киноартиста.

— ... но на самом деле не киноартист, — прибавила теперь Галина. — Я знаю, кто вы.

Игорь рассмеялся, вновь смехом скрывая замешательство.

Интересно, что она могла знать, что имела в виду: что он гид или что только прикидывается гидом?

Никогда они не возвращались больше к этому разговору.

Вероятно, Галина узнала о роде его занятий от отца и потому не расспрашивала. Разве что капризничала, когда он в очередной раз отбывал в дальние и продолжительные командировки, и недоумевала, почему бы не выбрать себе работу покомфортнее, благо возможности имеются.

— Пожалуйста, не сердись, — попросил Игорь.

— Буду сердиться, буду! И никогда не прощу! — По тону девушки было понятно, что гроза миновала.

Игорь усмехнулся:

— Ну, тогда я схожу на кухню, горло промочу, а ты тут пока дуйся себе на здоровье.

— Папа привез сакэ, — не сдержавшись, сообщила

Галина, и лицо ее осветила по-мальчишески хитрая улыбка. — Ты когда-нибудь пробовал сакэ, деревня?

— Никогда в жизни!

— Я и говорю: что бы ты без меня делал?!

Потянувшись, девушка соскользнула с дивана и направилась к встроенному в стену бару.

Этот зеркальный ларчик, игравший «Турецкий марш», едва створки его отворялись, был замечателен своим содержимым. Весь советский народ, от мала до велика, пришел бы в состояние столбняка, увидав пузатые прозрачные бутылки с заморскими этикетками и прозрачными жидкостями цвета драгоценных камней. Советский народ знать не знал, что на белом свете существуют подобные напитки и что пьют их не только за морями-океанами, но и в самом центре Москвы, на Ленинском проспекте. Впрочем, советскому народу этого знать и не полагалось.

— Папа сказал, что существует особый ритуал, как надо пить сакэ, но он ничего не запомнил, — сообщила Галина, снимая навинченную пробку с узкого бутылочного горлышка и наполняя рюмку бесцветной, как казалось издали, жидкостью. — Японцы сразу напоили папу, и он с непривычки захмелел, и хорошо, что дядя Боря из посольства незаметно увел его с приема и отвез в гостиницу. А то были бы неприятности, как пить дать! Попробуй.

Игорь взял протянутую рюмку, принялся и, прежде чем опрокинуть содержимое, заговорщицки выпалил:

— Думаешь, удивила? Сакэ — это всего-навсего рисовая водка!

В первое мгновение Галина растерялась, а затем бросилась на него и принялась колотить в его широкую мускулистую под рубахой грудь кулачками. Игорь смеялся и шутливо пытался защититься.

— Бесстыжий! — кричала девушка. — Я с тобой больше не разговариваю, так и знай! Обманщик!

Вот скажу папе, пусть тебя с работы выгонят, тогда будешь знать!

Потасовка закончилась столь же быстро, как и началась.

Галина как бы невзначай прижалась к Игорю, он сжал ее в объятиях и прильнул к мягким губам.

С минуту было тихо — так тихо, что с улицы доносилось гудение троллейбусных штанг и гнусавые звуки автомобильных гудков.

Девушка наконец отпрянула от возлюбленного и, переводя дух после поцелуя, взъерошила его густую иссиня-черную шевелюру.

— Убить тебя, что ли? — прошептала она. — Чтоб никому не достался, кроме меня.

— Убей. Но все равно я только твой, — в тон отвечал Игорь.

— Врешь. А с циркачкой в Америке кто заигрывал, которая обручи вращает?

Ему стоило немалых трудов удержать на лице небрежное выражение:

— С какой еще циркачкой?

— Да ладно. Ты же понимаешь, я первая обо всем узнаю. Хоть ты там и прикидывался простым переводчиком.

— Не знаю никакой циркачки.

— Разумеется. Кстати, ты слышал, в цирке разбился кто-то. Какой кошмар! Говорят, прямо на глазах у зрителей...

Не ответив, Игорь извлек из бара бутылку французского коньяка и махом заглотнул добрые сто граммов под аккомпанемент «Турецкого марша».

Какое счастье, что ему хватило ума не взять с собой на представление Галину. То-то потом было бы неприятностей!

Казалось, девушка не обратила на его реакцию никакого внимания.

Она доверчиво прижалась к его плечу и, ущипнув губами за мочку уха, прошептала:

— У меня для тебя есть сюрприз. Во-первых, завтра в Доме кино американская картина, закрытый просмотр, мне принесли два билета. Во-вторых, папа сказал, на выходные дача целиком и полностью в нашем распоряжении. Он едет на охоту... с Никитой и остальными.

— Охота? — против воли удивился Игорь. — В такое время?

— Сколько тебе лет? — рассмеялась Галина. — Можно подумать, ты не знаешь, во что это выливается! Охотничий домик, стол, вино, банька... — Она сокрушенно покачала головой: — У папы последние пару лет сердце пошаливает, ему нельзя париться. Каждый раз боюсь, как бы там с ним чего-нибудь не приключилось. Это Никите хоть бы хны; папа говорит, у него такое здоровье, пахать можно!..

— Тс-с! — испуганно воскликнул Игорь, невольно оглядываясь по сторонам.

— Да ладно тебе, — беспечно взмахнула рукой девушка, — он и сам везде похваляется: мол, у них в роду Хрущевых все крепкие, он еще до коммунизма доживет. Я его на днях видела мельком, румянец во всю щеку, как у годовалого младенца. Ну что, ты рад?

— Румянцу?

— Глупый! Тому, что выходные мы проведем вместе, вдвоем.

— Понимаешь, какое дело, Галочка... — Игорь прошелся по комнате и остановился у окна, спиной к собеседнице, делая вид, что рассматривает простиравшийся перед ним урбанистический пейзаж. Он, как мог, оттягивал момент, когда надо будет сообщить о своем отъезде. Слезы, упреки — все знакомо, скучно, тоскливо.

Каждый раз, когда ему приходилось срывать с места и срочно уезжать в очередную командировку, Галина устраивала представление, как две капли воды похожее на предыдущее, всхлипывала, причитала, грозила применить отцовскую власть, строила

логадки насчет девушек, которые могут встретиться в дороге и которые конечно же способны вскрыть голову кому угодно.

Хотя, справедливости ради, не так уж она была неправа, но Игорь даже под страхом смертной казни не сознался бы в этом.

Интересно знать, откуда она прослышала про Ядвигу?

Ядвига была красивой смуглой полькой; на манеже она лихо управлялась с десятком разноцветных обручей, умудряясь вращать их во всех направлениях на обеих руках, на ноге, шее и бедрах одновременно.

Влажные губы Ядвиги пахли какой-то дикой лесной ягодой, Игорь так и не смог вспомнить ее названия.

Ночью, когда они, мокрые, утомленные, лежали на смятых простынях, Ядвига вдруг ни с того ни с сего в порыве откровенности стала рассказывать, как в сорок восьмом расстреляли ее отца, знаменитого укротителя хищников.

— Иногда мне кажется, — говорила Ядвига, а Игорь тем временем пытался сдержать рвущееся наружу сдавленное дыхание, — я бы сама, своими руками могла растерзать их... этих... Ненавижу! А ты? Говорят, к нашей трупке тоже приставили надзирателя, вот бы узнать, кто это? Мне кажется, карлик Ян ведет себя подозрительно. Ты с ним поменьше откровенничай, Игореша, будь осторожен.

По возвращении он ни разу не виделся с Ядвигой.

Раза два она звонила по телефону, но он измененным голосом отвечал, что ошиблись номером и такие здесь не проживают.

Игорь пережил несколько не самых приятных минут, когда в отчете о поездке ему пришлось указать, что вращательница обручей выказывала отрицательное отношение к отдельным структурам Советского государства. Но он не стал указывать, к каким именно.

Впервые Игорь подумал о том, что исполнение гражданского долга может быть не только почетной, но и мучительной обязанностью.

Раньше он никогда не размышлял на подобные темы.

С тех самых пор как выпускника Института международных отношений пригласили в тяжелое серое здание на площади Дзержинского для собеседования на предмет возможной работы, Игорь чувствовал себя человеком, который честно служит, а что еще надобно!..

Он в мельчайших подробностях помнил день, когда впервые перешагнул порог Комитета госбезопасности.

Длинные коридоры, покрытые темно-красной, с зеленой оторочкой, ковровой дорожкой. Постовые у дверей. Сосредоточенные лица сотрудников, деловито снующих туда-сюда по лестничным маршам. Это выглядело более чем солидно, и на предложение поступить на службу в КГБ Игорь немедленно ответил: «Да».

Полковник Бугаев — в ту пору он еще был подполковником — быстро оценил по заслугам способности молодого коллеги.

Практически с первых шагов на новом месте работы Игорю стали поручать важные и весьма delicate дела, содержания которых, впрочем, никто не знал, за исключением очень узкого круга лиц.

В качестве гида-переводчика Игорь сопровождал в заграничных поездках всевозможные делегации, гулял по нью-йоркам и парижам, разглядывал неоновые рекламы и даже пару раз исхитрился побывать в стриптиз-барах под предлогом наблюдения за неблагонадежными соотечественниками.

Словом, не так уж и дурно для молодого мужчины двадцати девяти неполных лет, стоящего на пороге бурной карьеры.

Со временем поручения становились серьезнее.

Братья Сетчиковы были именно таким серьезным поручением, и по реакции Бугаева можно было безошибочно угадать, что наверху остались довольны результатом проделанной операции. Комар носа не подточит.

Сетчиковых, конечно, было жаль, но ведь на чаше весов находился престиж государства, который Сетчиковы пытались всерьез подмочить.

Можно себе представить, какой шум подняла бы западная пресса, если бы они и впрямь остались за рубежом, не пожелав вернуться домой! Все равно бы к ним кого-нибудь послали, и счастливая жизнь в чужеземном раю оказалась бы недолгой. В чем, в чем, а уж в этом-то Игорь не сомневался.

...Три часа кряду вышагивая по московским улицам и бульварам, размышляя о новом задании, Игорь неизбежно приходил к мысли, что полковник Бугаев не столько сформулировал предстоящее, сколько максимально попытался скрыть его.

Быть не может, чтобы из столицы, из главного управления, высылали на периферию первоклассного эмиссара всего лишь затем, чтобы разведать обстановку в каком-то заштатном мухосранске.

Если, как утверждал Бугаев, волнения зреют на крупных московских и ленинградских рабочих предприятиях, то при чем здесь Оренбург, Новочеркасск и Каменец-Подольский?

Да если бы там только пикнули, их бы сразу к ногтю, и делу конец.

Другое дело — столичные заводы. Здесь на испуг не возьмешь. Толпу укротить сложнее всего, в толпе человек забывает о себе, у него уже не срабатывает инстинкт самосохранения.

Не то чтобы Игорь всерьез верил в возможность антиправительственных выступлений — сама мысль о подобном казалась ему нелепой и совершенно фантастической, — но тревогу Бугаева нельзя было сбрасывать со счетов.

Информированность полковника всегда была пугающе исчерпывающей, Игорь не раз убеждался в этом на собственном опыте.

Значит, все-таки грядут какие-то важные события... но какие?

Весьма трудно предсказать многофигурную комбинацию, оставаясь в полном неведении по поводу расстановки фигур на шахматной доске.

Сориентируюсь на местности, а там видно будет, решил Игорь, с повинной головой направляясь к элитному дому на Ленинском, где в родительской квартире ждала его невеста.

— ...То есть как это — уезжаешь?! Когда, почему, с какой стати?!

Ну вот, так и знал, начинается.

У Галины обиженно задрожал подбородок, а глаза наполнились слезами.

— Ты нарочно! Я знаю, ты нарочно это сделал! Не успел приехать, опять уезжаешь.

— Галочка, ты же понимаешь: служба.

— Не понимаю! И понимать не хочу! Я сейчас позвоню папе. Хватит! Мне это больше не нравится. С какой стати они тебя по всему свету гоняют?!

— Не сердись. Это ненадолго.

— Что, опять в Америку? Конечно, казино, рулетка, проститутки прямо на улицах!

— Никакой Америки. Я еду в Новочеркасск.

— Куда-а? — поразилась Галина.

— Это на юге. Небольшой такой городишко. Казачий край, арбузы...

— Что ты там собираешься делать? Арбузы есть? Я закажу тебе в папином магазине.

— Делать дело.

— Ничего не хочу знать.

— Я вернусь, и мы поженимся.

— Ой-ей-ей, обрадовал! А я, может, к тому времени другого себе найду, получше.

Игорь ухватил девушку за плечи и строго заглянул в глаза:

— Это еще что за разговорчики в строю? Даже в шутку не смей такое говорить!

— А я буду, буду!

— Будешь меня ждать, — закончил он фразу за Галину.

— А вот и нет.

— Кто говорил: любовь до гроба?

— Мало ли какую глупость сболтнешь по недомыслию, — обиженно процедила Галина и прижалась к его груди. — Игоречечка, ну что у тебя за работа такая, а? Давай ты ее бросишь, а? Папа тебя к себе пристроит, там и спокойно, и зарплата большая, и машина у тебя будет служебная, и дача... а?

— От дачи не откажусь.

— Ну вот, опять шутишь! — вспыхнула она.

— Хорошо, — Игорю стоило усилий удержать ее в объятиях, — хорошо, я обещаю подумать...

Девушка радостно вскинула на него глаза:

— Нет, пообещай, что перейдешь к папе.

— Если он меня возьмет...

— Пообещай!

Игорь вздохнул и прошептал:

— Ладно. Последняя поездка — и все. Обещаю.

4. ПОПУТЧКИ

— Эх, сыночки мои, скажу я вам, судьба у нас такая. Сначала Русь-матушка от монголов мир спасла, а потом от немца поганого. Завсегда мы первые. У меня сосед был, он целый поезд взорвал, да-да. Вагоны все опрокинулись, и потом так воняло, так воняло! Я пошла посмотреть, а там молоденькие фрицы лежат, совсем обыкновенные. Я ведь как сначала думала: уж коли они из-за границы, они должны быть какие особенные, — а они обыкновенные, даже на нас похожие, только воняли очень, потому что их в землю не сразу закопали. Ну, а потом уж немецкое начальство нас согнало, с автоматами, и заставили рыть ямы и их хоронить. А когда Красная Армия пришла, я так плакала, так плакала, целовала всех солдатиков! А меня потом забрали, куды надо, и говорят: «Что ж ты, бабка, немцам на оккупированной территории помогала?» А я им говорю: «Да кто ж разберет, чи она оккупированная, чи не!» И никому я не помогала, а если зашел в хату голодный парубок, тонюсенький во такой, да рази ж я дите не покормлю? Ну, они меня и отпустили. Смотри, бабка, сказали, вдругорядь заплатишься. А я и спрашиваю: «Ой, сыночки, неужто другорядь опять фрицы придуть?» Когда Юрочка в космос полетел, я опять прям так плакала, так плакала! Сидела у радио и так и заливалась. Дочка говорит: «Мама, да успокойтесь вы, ей-богу!», а у меня слезы градом катятся. Вот, думаю, это ж надо,

какая страна: не успели Гитлера побить, а уже ракету сделали. Рази ж понимала я, когда с голоду на Украине в тридцать третьем пухла, что наш Никита Сергеич ракету в космос запустит? Интересно, а он сам тоже полетит, а?

Сухонькая старушка, расправив на коленях платок и разложив на нем три вареные картофелины, грызла огромный, брызжущий соком огурец и обмакивала в соль.

Лежа на верхней полке, Игорь рассеянно прислушивался к ее неумолчному щебетанию.

Напротив расположился крупный, с отечным, в оспинах лицом мужчина; как веером, он обмахивался сложенным в восемь «Трудом» и неодобрительно покачивал головой.

За вагонным окном проносились редкие перелески и вечереющие поля; размахивая палками, как саблями, вслед за поездом неслись и отставали коротко стриженные мальчишки в латаных-перелатаных штанах.

— За такие слова при Иосифе Виссарионовиче в Сибирь бы загудели, гражданочка, — авторитетно сказал мужчина с «Трудом», свешиваясь с полки и глядя в упор на старушку.

— Почему это — в Сибирь? — оторопела та.

— Когда это вы с голоду пухли, а? Какой еще голод на Украине при Советской власти?

— Пухла-пухла! — отчаянно заверещала старушка и в знак подтверждения мелко закивала головой. — У меня и сестрица младшенькая тогда померла, а ей восемнадцать годков только было. Я прям так плакала, так плакала! Как вспомню, страшно становится. К нам соседи пришли и говорят: «Царствие ей небесное, она уже в раю, а нам еще перебиться как-то надо. Давайте, мол, поделим ее и съедим!» Так и сказали, вот те крест! — Заглядывая в глаза собеседнику, старушка истово перекрестилась. — Спасибо милиционеру Валентин Иванычу,

не дал в обиду, похоронили сестрицу по христианскому обычаю. А то я уж думала: съедят!..

— Это, мамаша, антисоветчиной попахивает, — сурово проговорил мужчина. — Как вы были несознательным элементом, когда фрицев подкармливали, так и теперь остались. Если в войну в блокадном Ленинграде никого не ели, то уж в тридцать третьем и подавно! Я газеты внимательно читаю, у меня с юных лет привычка: газету читать от корки до корки. И что-то я про голод не слышал. Украина — житница России, там же всегда и всего вдоволь было!

— Может, и было, — упиралась старушка, — только не на нашем хуторе. У нас односельчане даже до Киева собирались, самому Хрущеву пожаловаться, чтоб помог Никита Сергеевич не отдать Богу душу с голодухи. Ну, да так и не собрались. Кто помер, а кто и передумал. А Микола Мельниченко, он у нас шибко грамотный был, так он даже Сталину Иосифу Виссарионовичу грамоту в Москву писал, во какое дело! Его потом заарестовали, будто бы за вредительство и наведение паники...

— И правильно сделали, — поддержал пассажир, продолжая обмахиваться «Трудом», — больше бы сажали, меньше бы было всяких паникеров. Вроде вас, гражданка.

— Господь с тобой! — перепугалась старушка. — Да разве ж я паникер какой?! Я ж за Советскую власть всей душой, хоть и не партийная. Что у моего отца раньше было: одна старая кляча да полная хата детей-народу. А я теперь живу как фон-барон. Дом саманный, печка есть, а в сельпо зайду, там капусту квашеную дают, бери — не хочу. Спасибо Никите Сергеичу!

— Как же, — мрачно усмехнулся мужчина, — про товарища Сталина вы уже не вспоминаете даже. А кто войну выиграл? А индустриализацию и коллективизацию кто в стране произвел? За несколько пятилеток — от сохи к ракете! Где еще такое было

видано?! — Не-ет, — решительно покрутил головой он, — неблагодарный у нас народ, вот что я вам скажу. Я в атаку шел со словами «За Родину, за Сталина!», до Берлина дошел. Какую бы мне сейчас квашеную капусту на уши не вешали, до самой смерти Иосифу Виссарионычу в ножки кланяться буду.

— Так и я тоже кланяюсь, вот те крест! — окончательно запутавшись, пробормотала старушка и от греха подальше затолкала в рот целую картофелину, чтоб не сболтнуть еще чего-нибудь лишнего по недомыслию.

— Жизнь тяжелая, это конечно, — вздохнул невзрачный мужичок, свесив ноги с боковой полки. Шерстяной носок на левой ноге был надорван, и выглядывал наружу большой палец со скрюченным ногтем. — Возьмем меня, к примеру. Вот я кто по специальности, спрашивается? Токарь! — солидно ответил он на собственный вопрос, и лицо его приняло донельзя важное выражение. — Вкалываю на заводе от зари до зари, а денег платят — тьфу, на жратву не всегда хватает. Перед получкой сухари жуем. А я ведь не какой-нибудь ученик или подмастерье. Пятый разряд имею, а также супругу и двоих дочерей. Вот чего ждать от бабы, спрашивается? — немедленно перекинулся он на другую тему. — Я у нее сына заказывал, а она мне баб нарожала. Вместо чтобы в мяч на дворе гонять, с куклами возются, глядеть стыдно!

— А чего ж, дочки — тоже хорошо! — не выдержала старушка. — С дочками — радость в доме.

— Ага, радость, — невесело усмехнулся мужичок, — футбол по радио послушать, как следует, не могу, у них, видите ли, концерт, они музыку желают! Ну, приходится идти навстречу слабому полу, как говорится. Достаяю из загашника поллитру, и айда в песочницу. Мы с приятелями в песочнице поллитру пьем, там удобнее, — пояснил он. — Вот и вся тебе радость в жизни: футбол послушать да

поллитру раздавить. Жду не дождусь, когда коммунизм начнется, чтобы хоть дух перевести!

— А что, ежели коммунизм — значит, гуляй — не хочу?! — возмутился мужчина с «Трудом». — Коммунизм — это, брат, серьезно! Это когда каждый работает и об всяком отдыхе не думает. Ежели ты токарь, вот и приноси пользу государству, а не пей горькую в песочнице!

— Что, даже футбол по радио послушать нельзя будет? — удивился мужичок, озадаченно почесав макушку.

— Может, и нельзя! — отрезал собеседник. — Может, не до этого будет. Есть дела поважнее, чем футбол. Для коммунизма, брат, всего себя без остатка отдавать надо, а иначе что это за коммунизм такой?!

Мужичок совершенно сник, и по лицу его было видно, что с этой минуты он уже не ждет наступления грядущей замечательной эпохи, а даже несколько опасается ее.

— Ну вот, — подала голос пухлая тетка в цветастом халате, которая на протяжении дискуссии мирно глядела в потолок и будто бы даже дремала с открытыми глазами, а теперь вдруг оживилась и взмахнула руками, — что же это получается, интересно: строим-строим коммунизм, мучаемся, а построим — еще больше мучиться будем?!

— Я же говорю: антисоветчики. Целый вагон антисоветчиков набился, — пробормотал мужчина с «Трудом», а тетка тем временем продолжала:

— У нас в колхозе — разве жизнь? Посмотрите на мои руки, это ж не руки, а черт-те что! — В доказательство она продемонстрировала свои широкие, огрубевшие ладони, покрытые мелкими воспаленными трещинками. — Пока всех коров передоишь, все тело гудит, каждая косточка! Встаю затемно, бегу на ферму, а домой возвращаюсь, когда солнце уже садится. Недодала трудодень, так

грозятся из колхоза исключить, и тогда вообще ничего не дадут — ни муки, ни семян. Так и крутишься, как собака. Ничего по дому не успеваю сделать, дети не кормлены. И еще ночью муж пытается приставать, бесстыдник, чтоб ему пусто было. Я прошлый раз ему так заехала, неделю с синим глазом ходил, вся деревня смеялась. А что — мне не стыдно! — вскинулась она на сдавленно-стыдливый смешок попутчиков, весело переглянувшихся меж собой на последних фразах. — У нас у всех баб вот такие мозоли на руках. Мужики в кино идут, на городских артисточек смотрят: худенькие, красивые, в туфельках цок-цок, — а попробовали бы эти артисточки молока подоить, коров за титьки подергали бы, я бы на них посмотрела, как бы они танцевали после этого! Я и дочери так сказала: «Умру, а ты у меня в городе жить будешь, а не мучиться, как твоя мать!»

— Думаете, в городе легче? — покачала головой немолодая женщина, заглядывая на разговор из соседнего отсека. — Я вот горожанка, учительница... на руках, конечно, нет мозолей. Но знали бы вы, как тяжело целый день у доски провести, объясняя до хрипоты один и тот же урок, а потом вернуться в коммуналку, где соседи ругаются, кому первому ужин готовить, кому первому в ванную мыться идти!

— Сравнила! — ядовито парировала доярка. — У тебя небось и туалет в квартире, а мне зимой до ветру на мороз приходится бегать, и так поддувает снизу, что я однажды простуду схватила и чуть не померла!

— А зарплата у нас знаете какая? — возразила учительница. — У вас хоть огород свой, наверное, фрукты-овощи. А мне сына в конце месяца кормить нечем, все до последней крошки в доме съедаем, а потом хоть шаром покати!

— Ну и что, что огород! На нем же ничего не растет. Раньше хоть яблоки по осени были, а теперь налог какой-то ввели, а откуда мне денег на этот

налог взять. Вот муж все яблоньки и выкорчевал, до единого деревца. Слеза берет, когда смотрю, что от сада осталось.

— А вы кукурузу выращивайте! — разозлился мужчина с «Трудом». — Партия и правительство всех крестьян призвали кукурузу растить.

— И чего мне с ней потом делать, в бочках солить?

— Не понимаешь — не лезь! — вдруг встрял в перепалку потрепанный, взерошенный мужик с сильно впалыми щеками и выдающейся вперед нижней челюстью, который долгое время молча прислушивался к разговору и только сумрачно хмыкал. Доярка и учительница растерянно оглянулись на него, но, как выяснилось, пылкий окрик относился не к ним, а к гражданину с газетой в руках. — Про кукурузу советовать — каждый дурак может, а попробуй вырасти ее сам, если такой умный!

Обалделый, гражданин с «Трудом» даже не сразу нашелся, что ответить.

— У меня раньше полный хлев скотины был, — продолжал мужик, вращая челюстью, — теперь вот пустой стоит, — а все почему?

— Почему?! — послушно откликнулись в один голос учительница и доярка.

— Потому что новый закон выпустили, что на скотину тоже налог нужен, вот почему! У меня жена — бухгалтерша, так она посчитала, что легче забить скот и мясо на рынке продать, от греха подальше, чем налоги эти платить. Никаких денег не хватит. Во как!

— И я говорю, — пробормотал гражданин с газеткой, сбитый с толку агрессивным напором собеседника и решивший пойти на мировую, — при Иосифе Виссарионовиче такого бы ни в жизнь не допустили. При Иосифе Виссарионовиче первого марта каждый год цены снижались. Забота была о народе!

— А через день после снижения цен и все заводские расценки срезали, — грустно отозвался то-

карь. — Ох, помню, мужики ругались! Только, кажется, вздохнешь свободней, и тут тебе опять как мешком по голове. Цены ниже — так ведь и зарплата меньше!

Все загалдели, обсуждая, при ком же все-таки лучше жилось: при Сталине или же теперь. Казалось, в дискуссию включились все пассажиры без исключения.

Утомленный перепалкой попутчиков, Игорь соскользнул с полки и направился по узкому проходу вдоль вагона, разминая затекшие суставы.

В вагоне воняло провинцией. Да-да, именно так: не кислой капустой, луком и хлебными пережаренными котлетами, а глухой вечной провинцией, и скукой, и тоской.

После шумной, полной сил и молодости Москвы контраст был слишком разительным.

Игорь с трудом отгонял прочь невеселые мысли.

Может, и права была Галина. Под крылом Анатолия Дмитриевича жилось бы теплее и спокойнее, а уж о командировках в Тьмутаракань вроде этой и думать бы не приходилось.

Но сам Анатолий Дмитриевич ни разу открытым текстом не предлагал перейти под его покровительство, а Игорь не напрашивался.

И зря — так думал он всякий раз, когда приходилось ехать неизвестно куда и неизвестно насколько, особенно если в таком вот тесном и душном плацкартном вагоне.

(Разумеется, он мог бы взять и мягкий, но — роль обязывала, он не должен был выделяться из толпы, он обязан был оставаться среди прочих, слушать, смотреть, анализировать.)

Разговоры в поездах всегда были об одном и том же, и Игорь уже заранее мог предсказать, что через час после отправления со станции попутчики начнут жаловаться друг другу на тяжелое житье-бытье,

спорить про возделывание кукурузы и еще про то, где легче — в городе или в деревне.

Лично для себя он давно ответил на этот вопрос: легче в ЦК КПСС, там в буфете клубника, говорят, даже зимой бывает, не говоря уже обо всем остальном.

Впрочем, этим своим наблюдением он ни с кем не делился.

Когда Галина впервые привезла его на «скромную» служебную дачу Анатолия Дмитриевича, Игорю стоило больших трудов сохранить на лице обычное невозмутимое выражение.

Анатолий Дмитриевич пригласил его в свой кабинет и несколько минут задавал необязательные вопросы про самочувствие и настроение, а потом, строго поглядев из-под очков с толстыми линзами, отчетливо произнес:

— Надеюсь, вы не из болтливых молодых людей. Мне вас рекомендовали в комитете как надежного товарища. Так вот, ОНИ, — сделал неопределенный жест за спину Анатолий Дмитриевич, — ОНИ не должны знать о наших возможностях. Вы понимаете, надеюсь, о ком я говорю. Игорь понимал.

Анатолий Дмитриевич говорил обо всем великом и гордом советском народе.

В накуренном тамбуре молоденькая проводница подметала пол и собирала в совок окурки.

— Станция через полчаса, — объявила она, не дожидаясь вопроса и даже не подняв на Игоря глаза.

— Странно, — сказал Игорь.

— Что — странно? — удивилась проводница, захлопав белесыми ресницами.

— Вы первая, кто не замечает, как я похож на киноартиста. — Ему вдруг захотелось немного побузить.

— Много вас тут таких, а я одна, — отрезала собеседница, явно не желая вступать в разговор.

Игорь шутливо-удивленно огляделся:

— Мне казалось, я тоже один. Давайте теперь будем вдвоем!

— Гражданин, вы куда едете? Вот и едите себе, а мне не мешайте.

— В Новочеркасск. Это очень далеко, девушка.

— В Новочеркасск? — Кажется, проводница удивилась и обрадовалась. — Нет, правда? Вы меня не разыгрываете?

— Чтоб я сдох, — весьма убедительно отвечал он.

— Вот удача-то! — Она выпрямилась, отбросив в сторону общипанную метелку, и тыльной стороной ладони откинула со лба светлую прядь волос. — А можете сделать, что я попрошу?

— Для вас — что угодно! Хотите, луну с неба достану!

— Да ну вас, — смущенно улыбнулась проводница, — вот все вы такие, мужики пассажиры, просто спасенья от вас нет никакого! Не нужна мне ваша луна. Мне сестренке двоюродной посылочку передать нужно. А? — И она умоляющими глазами поглядывала на собеседника.

— Ну, если она такая же симпатичная, как вы...

— А если не такая?

— Ну-уу, — разочарованно протянул собеседник, — тогда это скучно. А где она работает?

— На заводе.

— Небось толстая, рыжая, волосы сзади в пучок собраны, вся в веснушках, — от нее все время кислым борщом пахнет!

— Ничего подобного! — попыталась заступиться за родственницу проводница, но вошедший в роль Игорь даже бровью не повел и продолжал как ни в чем не бывало рисовать воображаемый портрет:

— ...Лет сорока — сорока пяти, трое детей, муж с газетой и сварливая свекровь на кухне...

— Да вы что?! — возмутилась девушка. — Какой еще муж?! Она не замужем.

— Что, в таком возрасте — и не замужем?!

— В каком еще — таком?

— Преклонном. Выходит, она старая дева?

— Вы же меня разыгрываете! — наконец сообщила проводница. — Как же не стыдно!

— Не стыдно, — смиренно согласился Игорь, сдвинув брови домиком.

— Значит, вы человек ненадежный...

— Еще какой надежный. Загляните в мои честные глаза, и все сомнения отпадут сами собой.

Девушка попыталась притворно нахмуриться, но в конце концов не выдержала и рассмеялась.

— Значит, передадите? — спросила она.

— Легко! — ответил Игорь.

— Что, правда?

— Чтоб я сдох!

— Ее Дашей зовут, она на электровозном заводе работает... или как там его называют?

— О, так мы с ней коллеги... некоторым образом. Я не шучу, — опередил реакцию проводницы Игорь, предостерегающе подняв указательный палец. — Как раз на электровозостроительный и еду. А она кто? Какая-нибудь формовщица-штамповщица?

— Даша — медсестра, — сообщила проводница, — работает в заводском медпункте.

— Превосходно. С детства люблю медсестер. Нет ничего приятнее, чем скидывать перед хорошенькой медсестрой штаны, пусть даже и для укола.

Девушка укоризненно покачала головой.

— Скидывать штаны вам не придется. Вон вы и без уколов какой живчик!

— Но, может...

— Никаких «может»! Даша не такая.

— Жаль, — притворно вздохнул пассажир. — Впрочем, если вы меня напоите горячим чаем, что угодно и кому угодно доставлю в целости и сохранности. Кстати, если она не толстая и рыжая, а, как говорите, симпатичная, эта ваша Даша, я бы все-таки порекомендовал передать ей побольше поцелу-

ев. Уверяю, она останется очень довольна! — И он со значением пошевелил бровями.

— Да ну вас! — прыснула проводница. — Идемте, будет вам чай. Только не забудьте про посылочку... а то знаю я вас, транзитников, с три короба наобещаете, а потом сойдете не попрощавшись!

Игорь улыбнулся, расправил плечи и расслабленной походкой направился следом за девушкой в самом что ни на есть превосходном настроении.

Что ни говори, а все-таки человек и есть главный творец своего собственного счастья.

5. «ВЕРТУШКА»

Председатель Президиума Верховного Совета Российской Федерации товарищ Игнатов устало отложил в сторону бумаги и привычным жестом потер переносицу.

Пора сделать перерыв. Работа — дело хорошее, но что может быть лучше сытного обеда! Горячий куриный суп и телячий антрекот отнюдь не помешали бы.

Эта несложная мысль привела Игнатова в неожиданно приподнятое настроение. Он потянулся и уже собирался было подняться из-за стола, как резко и требовательно зазвонил телефон.

Быть может, хозяин кабинета и не стал бы снимать трубку, если бы звонил обычный, городской аппарат, но на сей раз трезвонила кремлевская «вертушка», и это означало, что на проводе — кто-то из сильных мира сего.

Игнатов всегда опасался «вертушки». Ничем не примечательный телефонный аппарат (ну разве что на диске был выдавлен и покрыт позолотой герб Советского Союза) одним своим видом вызывал у Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР суеверный, почти животный страх.

Разумеется, Игнатов никому в этом не признавался. Пожалуй, о его истинном отношении к «вертушке» догадывалась лишь секретарь, сухая, как вобла, чопорная и неулыбчивая женщина неопределенных лет, которая однажды в неурочную минуту заглянула в кабинет и застала патрона протиравшим «вертуш-

ку» собственным накрахмаленным носовым платком. При этом выражение лица Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР было боязливо-почтительным. Секретарь неслышно затворила дверь, так и не обнаружив своего появления. Она была мудрая женщина — мудрая и глубоко разбиравшаяся в психологии начальства.

Итак, в тот момент, когда товарищ Игнатов уже собирался покинуть рабочее место, чтобы отправиться для трапезы в комнату отдыха, «вертушка» разразилась требовательными трелями.

Напрягшись и против воли вжав голову в плечи, Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР снял трубку.

— Игнатов слушает! — неожиданно хриплым голосом выдохнул он.

Он ждал, что с того конца провода раздастся знакомый говорок Первого секретаря Центрального Комитета партии, однако просчитался.

— Приветствую, — услышал он.

Игнатова прошиб пот.

Это был Семичастный.

Председателя КГБ Игнатов боялся, как чумы. То есть, конечно, при встречах он улыбался, жал руку и раскланивался, мучительно пытаясь удержаться от того, чтобы зябко не поежиться и не выдать — жестом ли, взглядом — того ужаса, который внушала ему сама фигура Семичастного.

Он и сам не знал почему, но высокий и холеный, с благородной проседью в густых волосах Семичастный отчего-то напоминал Игнатову маленького, толстого и лысого человечка с ласковой улыбкой и холодными глазами за поблескивающими стеклышками пенсне — Берию.

Не надо думать, что Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР в душе был мелким трусом и вздрагивал от любого звука, любого шороха. Просто Игнатов в силу служебного положения хоро-

шо знал, что такое высшая власть и на что она способна. В СССР высшая власть была способна на все.

— Владимир Ефимович! — фальшиво обрадовался Игнатов, валясь в кресло и механическим жестом отирая со лба крупные капли пота. — Рад слышать! Какими судьбами?

— Есть дело.

— Внимательно слушаю.

— Не по телефону. Николай Григорьевич, могу ли я попросить вас заглянуть ко мне, так сказать, на огонек? Это ненадолго.

Игнатов явственно ощутил подташнивание. Приглашение на огонек к председателю Комитета госбезопасности не сулило ничего хорошего.

— Разумеется! — бодрым голосом откликнулся он. — Когда?

— Сейчас.

— В смысле сегодня?

— Сейчас — в смысле сейчас. Если надо, за вами зайдет моя машина.

— Почему же... — пробормотал Игнатов, — у меня и своя есть.

— Отлично. Жду.

Опустив трубку на аппарат. Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР несколько мгновений сидел, тупо уставившись в пространство перед собой. Все кончено. А еще говорили, что времена переменялись и возврата к прежнему не будет. И вот — простой звонок: «Заезжайте ко мне», и никаких черных воронок у подъезда, но в голосе председателя КГБ металл и нечто, исключающее даже мысль об отказе от визита. Неужели час пробил? Расстреляют? Просто посадят? Нет, чиновников такого ранга не сажают — во всяком случае, в Советском Союзе. Тут уж — или пан, или пропал. И некуда бежать.

Игнатов знал, что еще десять лет тому назад прощения бы не было. Наутро в «Правде» появи-

лась бы передовица, извещающая о том, что раскрыт еще один иностранный шпион и злостный вредитель — бывший Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР, затем стремительно состоялся бы показательный судебный процесс и...

Правильно говорила жена: никому нельзя доверять, даже себе. А он, старый дурак, не послушался.

Игнатов с тоской вспомнил минувшее лето, Пизунду, отпуск. Однажды вечером, когда, наслаждаясь тишиной и пьянящими эвкалиптовыми ароматами, разлитыми в теплом воздухе, он мирно прогуливался в одиночестве по извилистой тропинке, проложенной сквозь пустынную рощицу, его нагнал первый секретарь ЦК КП Украины Подгорный. Надо сказать, Игнатов давно замечал, что Подгорный присматривается к нему, словно бы раздумывая, посвящать или нет в важную тайну. И вот теперь под вкрадчивый шепот морских волн Подгорный сообщил чудовищное известие: есть мнение — Хрущева надо снять.

Поначалу Игнатов воспринял слова собеседника как грубую и вульгарную «проверку на вшивость». Мол, Подгорный прошупывает его на предмет преданности Хозяину, чтобы потом доложить Никите Сергеевичу: выдержал или нет испытание Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР. Однако, поглядев на сомкнутые губы и нахмуренные брови Подгорного, а больше — на испуганно вжатую в плечи голову и на то, как опасно озирался против воли по сторонам уважаемый Николай Викторович, Игнатов понял: первый коммунист Украины не блефует.

— Подумайте сами, — сбивчиво говорил Подгорный, — страна медленно втягивается в затяжной кризис. Хрущев уже не в состоянии отдавать себе отчет в том, что происходит. Он упрям, его невозможно переубедить. А что за ерундень он устраивает на съездах? Первые люди государства должны выходить на трибуну и перед всем миром отхлестывать себя,

как унтер-офицерская вдова. Мертвый Иосиф Виссарионович ему, видите ли, поперек горла! В народе зреет недовольство. Вы ведь в курсе, что произошло три года тому назад в Караганде? Так вот, еще немного — и волнения начнутся повсеместно. Это я вам со всей ответственностью заявляю.

Игнатов брел, глядя себе под ноги и пытаясь ничем не обнаружить охватившего его волнения.

Конечно же он знал о карагандинской трагедии. Дело было в 1958-м; на улицы города вышли демонстранты с требованиями повысить зарплату и облегчить жизнь трудящимся. Чтобы разогнать их, пришлось применить оружие. Имелись жертвы. Игнатов знал также и слушок, что произошедшее было делом рук КГБ, но, конечно, он и под пытками не произнес бы этого вслух. Расстрел мирной демонстрации в Караганде удалось, как ни странно, сохранить в тайне. Страна осталась в неведении.

— Грядут большие перемены, — продолжал между тем Подгорный. — Советую вам поразмыслить над тем, какое место вы могли бы занять в правительстве и в партии, если Хрущев будет смещен со своего поста. Вы — человек опытный, умный... Насколько мне известно, ваша кандидатура могла бы устроить многих, если не всех...

— Меня вполне устраивает тот пост, который я занимаю сейчас, — осторожно возразил Игнатов.

— Пока устраивает, — парировал Подгорный, — но ведь неизвестно, что будет дальше. Хозяин — человек непредсказуемый.

Игнатов вздохнул. Это было истинной правдой. Дурной нрав Хрущева был хорошо известен всякому, кто хоть сколько-нибудь близко сталкивался с ним.

Однако вслух Игнатов произнес:

— По-моему, Николай Викторович, вы не совсем отдаете себе отчет в том, что говорите.

Подгорный, несмотря на собственную запуганность, усмехнулся. Он знал, что собеседник долго

будет юлить и отнекиваться, пока не услышит, что к предстоящей операции по смещению главы государства привлечены даже некоторые секретари Центрального Комитета партии, не говоря уже о простых членах ЦК. Он вполголоса стал перечислять фамилии. Игнатов внимательно слушал, склонив голову набок.

— А вы говорили с Микояном? — после паузы поинтересовался Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР.

Подгорный тонко улыбнулся:

— Вы полагаете, это необходимо? Анастас Иванович всегда будет держать нейтралитет. Сами знаете — старая закваска. Ему уже тоже давно пора на заслуженный отдых.

— А с Брежневым?

— Леонид Ильич в курсе.

— И Малиновский?

— Вы хотите слишком много знать, — холодно обрезал Подгорный. — Сейчас речь о вас.

— Ну, — замылся Игнатов, — я в принципе за... Если, конечно, ситуация позволит.

— Ситуации складываем мы сами.

Ночью Игнатов без сна ворочался в постели.

Известие о возможных переменах в высших эшелонах власти повергло его в смятение и взволновало до глубины души. Сладостное предчувствие щемило сердце, оттесняя на второй план даже священный ужас от того, что нежданно-негаданно оказался участником государственного заговора.

«Ваша кандидатура могла бы устроить многих...» — сказал Подгорный. Это был самый что ни на есть недвусмысленный намек — да что намек, забирай выше, — обещание. Такие слова на ветер не бросают.

Игнатов впервые в жизни подумал о том, что не в грезах, а в реальности можно стать первым человеком страны. Его имя будет золотыми буквами

вписано в мировую историю. Он, а не этот лысый круглолицый дурак, будет встречаться на равных с главами правительств и президентами крупнейших держав. Каждое его слово станет судьбоносным для миллионов.

Подгорный оговорился, что на первых порах, возможно, надо будет выставить взамен Хрущева «буферную» фигуру — какой-нибудь полный ноль типа нынешнего Председателя Президиума Верховного Совета СССР Брежнева, чтобы в случае чего его и отдать на растерзание толпы.

Игнатов согласно кивнул. Кто-кто, а Леня больше других годился на роль калифа на час.

— Но мне нужны гарантии, — слабо проговорил Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР, отводя взгляд в сторону. — Вы же понимаете: я рискую слишком многим...

— Гарантия — наша с вами решимость и твердая уверенность в успехе, — ответил Подгорный.

Со времени этого разговора прошло уже изрядное время, и Игнатов грешным делом решил, что «государственный заговор» так и остался болтовней и ничего не сдвинулось, и уже забросил было свои честолюбивые мечтания, как вдруг — этот звонок Семичастного и с виду безобидное приглашение «заглянуть на огонек».

Игнатов аккуратно сложил бумаги на столе и протер полировку носовым платком.

Потом он медленно набрал по городскому телефону домашний номер и, стараясь говорить как можно более деловито и бесстрастно, произнес:

— Дорогая, это я. К ужину не жди. Дела. Да, возможно, и ночевать не приду. Не волнуйся. Целую.

Ему хотелось плакать. Но Игнатов был мужественный человек. Он знал — умирать надо уметь с достоинством. А то вот Берия, тот, говорят, обмочился, когда его поставили к стенке. Тьфу, противно.

Полчаса спустя, высоко подняв голову, Игнатов

уже входил в тяжелые дубовые двери кабинета председателя КГБ.

Он был готов к тому, что в кабинете окажутся люди в форме и с суровыми лицами, которые сразу зайдут ему за спину, отрезая путь к отступлению, и до глубины души удивился, обнаружив в помещении одного лишь Семичастного, который к тому же гостеприимно поднялся ему навстречу.

— Спасибо, что нашли время для визита, — сказал Семичастный, усаживая обалдевшего гостя в кресло и опускаясь на кожаный, глянцево поблескивающий диванчик напротив. — Я бы и сам к вам приехал, да, знаете ли, разговор слишком серьезный. Мало ли что...

Даже в том взвинченном состоянии, в котором он находился теперь, Игнатов понял, что председатель КГБ имеет в виду возможное наличие в его собственном, игнатовском кабинете прослушивающей аппаратуры. Он через силу кивнул.

— Может, чайку? — поинтересовался Семичастный.

— Благодарю, не стоит.

— Тогда — к делу. — Председатель КГБ откинулся на спинку диванчика и полуприкрыл глаза. Вид у него был такой, словно вот сейчас, в эту минуту Семичастный собирается преспокойно всхрапнуть чашок-другой, ничуть не стесняясь присутствием собеседника. Игнатов, впрочем, знал, что именно этот вид принимал председатель КГБ, когда собирался сообщить нечто государственной важности.

— Помните ли вы беседу, состоявшуюся прошлым летом в Пицунде? — спросил Семичастный.

Стены закачались и поплыли перед глазами Игнатова.

— П-простите, я не совсем понимаю... — жалким голосом пробормотал он.

Семичастный усмехнулся:

— Полноте, Николай Григорьевич! Нам ли с вами пристало ваньку валять! Вы имели конфиденци-

альный разговор с первым секретарем Центрального Комитета компартии Украины товарищем Подгорным или нет?

— И-имел, — безропотно подтвердил Игнатов, впрочем несколько приободренный тем, что председатель КГБ назвал Подгорного «товарищем».

— Так вот, решающий момент приближается.

Семичастный со значением поглядел на Игнатова. Тот предпринимал лихорадочные усилия, чтобы ничем не выдать своего ликования. Его не собираются арестовывать. Более того, выяснилось, что главный чекист страны тоже в стане заговорщиков. Игнатов был счастлив. Он будет ночевать дома, в кругу домочадцев, в своей кровати!

— Замечательно, — выдал наконец Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР, понимая, что молчание затягивается.

Семичастный тонко улыбнулся:

— Вам предстоит предпринять некоторые шаги, чтобы, так сказать, подтолкнуть дело к развязке.

— Что вы имеете в виду?

— Найдите возможность, чтобы попасть под благовидным предлогом на прием к САМОМУ. — Семичастный выразительно поднял глаза кверху. — Причем это надо сделать как можно скорее.

— Понимаю, — сказал Игнатов.

— У него на подписи лежат важные документы. Но он не торопится с подписанием. А надо, чтобы поторопился.

— Что за документы?

— Постановление ЦК и Совмина о повышении цен на мясные и молочные продукты.

Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР обалдело уставился на Семичастного.

— Да-да, — кивнул тот, — не удивляйтесь. Вы должны повлиять на... сами знаете, на кого, чтобы он поскорее поставил на постановлении свою подпись. Так надо.

— Но при чем тут я? Вряд ли Никита Сергеевич станет меня слушать.

Председатель КГБ покачал головой. Меньше всего ему хотелось в эту минуту что-то объяснять и растолковывать. Разумеется, само по себе мнение Игнатова погоды не делало, однако важна была массовость.

— Так надо, — устало повторил он, но в усталости явственно звучали нотки, пресекающие саму возможность возражения. — Найдите неопровержимые аргументы. Убедите его. Сошлитесь на здравый смысл, в конце концов. Документ должен быть подписан в кратчайшие сроки. Надеюсь, вы отдаете себе отчет, ЧТО поставлено на карту!

О, как раз в этом Игнатов отдавал себе отчет, будьте уверены. У него и сейчас тряслись поджилки, когда неизвестное было позади и вызов на ковер к председателю КГБ вылился не в арест, а в доверительную беседу двух сообщников.

Игнатов кивнул.

— Вот и хорошо, — сказал Семичастный, протягивая на прощание руку. — Надеюсь вскоре услышать от вас приятные новости.

Все еще не веря окончательно в счастливое избавление, Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР на подкашивающихся ногах покинул кабинет с пухлыми кожаными креслами, дубовыми дверьми и портретом Феликса Эдмундовича Дзержинского над рабочим столом.

Он чувствовал себя как приговоренный к казни, которому вдруг объявили о помиловании на ступенях эшафота.

Семичастный так пристально глядел в глаза во время разговора. Должно быть, он доверяет Игнатову, как самому себе, если посвящает в подобные планы.

Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР, если честно, никак не мог понять, каким образом сопрягаются повышение цен на мясомо-

лочную продукцию и возможная отставка первого лица страны со своего поста.

«ИМ виднее!» — заключил наконец Игнатов, и от сердца отлегло. Теперь важно было составить план действий и добиться от Хрущева нужного решения.

* * *

«Галочка, привет!

Пишу тебе я, и попробуй только не догадаться кто. Ты была права, ах, как же ты была права, отговаривая меня ехать! Ничего более скучного и убогого, чем это путешествие из столицы в черт знает какую дыру, и придумать нельзя.

Проводница — курица, попугачики — дурак на дураке сидит, дураком погоняет. Всю дорогу едят картошку с селедкой, обсуждают политическую злобу дня и жалуются на жизнь. Умереть можно от тоски.

А как (пардон!) воняют носки, просто сил никаких нет! Сижу, зажимаю себе нос и думаю о том, что, наверное, в моем возрасте действительно пора завязывать с бесконечными командировками, надо осесть на месте, надеть хороший костюм и галстук, завести семью (догадываешься, куда клоню?), парочку кудрявых детишек и теплые домашние шлепанцы.

Надо уметь наслаждаться спокойствием и семейным счастьем.

«Нас водила молодость в пламенный поход!» — это, знаешь ли, уже неактуально, ты права.

Пожалуй, мне действительно стоит обратиться с просьбой к Анатолию Дмитриевичу. Надеюсь, ты подготовишь его к этому, чтобы он не томил меня раздумьями, а нужно ли брать меня к себе под крылышко. Более надежного и исполнительного помощника ему не сыскать. Опять же, как учат классики марксизма-ленинизма, крупные партийные вожди должны загодя готовить себе смену — а чем я не смена, скажи!

Шучу.

Вчера, засыпая, я думал о тебе. Надеюсь, ты тоже обо мне думаешь, хоть изредка, когда прогуливаешься с ухажерами по Александровскому саду. Учти, Галочка, измены не прошу, изрублю обоих — себя и Александровский сад.

Путешествуя по нашей большой стране, не перестаю удивляться убогости народа. Уже, казалось бы, и социализм им построили, и коммунизм не за горами, а у них в голове одно: пожрать, поспать и побольше водки выпить. Даже с образованными (вроде бы образованными) людьми говорить совершенно невозможно. «Хочут», «можа», «надьсь» и другие перлы, которые они без конца употребляют в разговоре, лично я уже слышать не могу. Ваша домработница Елена и та, по-моему, лучше умеет выражать свои мысли и изъясняется изящнее, да-да!

Только что мы обогнали состав, доверху полный новобранцами. Эти рожи кривлялись в окна и показывали пассажиркам голые задницы. Тетки в моем вагоне ругались, закрывали физиономии руками, но при этом краснели от удовольствия. Какое счастье: на них обратили внимание молоденькие мальчики. Как тебе это нравится? С такой публикой, и в коммунизм! — как поется в песне, «ах, Катюша, вы меня смешите».

Поэтому, дорогуша, я подумал вот о чем: а не наплевать ли нам на все и не пожениться ли сразу по моем возвращении? Будем жить в моей маленькой квартирке, ты будешь дожидаться, когда я приду с работы, и готовить мне ужин. По-моему, замечательная перспектива. А ты как считаешь?

(Для недогадливых объясняю: это признание в любви и предложение руки и сердца. И попробуй только откажи мне!)

Целую. Передай от меня нижайшие поклоны Анатолию Дмитриевичу и не забудь о моей просьбе. Твой с потрохами. Игорь».

Городишко оказался маленький, захолустный — Игорь и сам был озадачен тем, что увидел, хотя, разумеется, вовсе и не рассчитывал попасть на фешенебельный курорт.

Тяжело вздохнув, поезд остановился у покосившегося длинного здания с надписью по всему фасаду: «Новочеркасск»; и бойкие торговки, груженные сумками, побежали вдоль состава, наперебой предлагая семечки и кислые, истекающие влагой моченные яблоки.

Игорь ловко спрыгнул на перрон, снял с подножки вагона чемодан и, зевнув, потянулся.

Проводница умильно смотрела на него из проема двери. Он даже не обернулся к ней.

Из рабочего донесения Захаренко И. А.:

«...Обращаю внимание, что, по всей видимости, для проводников поездов дальнего следования остались лазейки для того, чтобы заработать «левые» деньги.

Так, проводник вагона № 14 указанного железнодорожного состава Влатыкина Л. Е. трижды на протяжении суток подсаживала пассажиров без билетов общим количеством 8 (восемь) человек. Трое из них ехали на похороны, но в железнодорожной кассе купить билеты не смогли. При этом я обратил

внимание, что в некоторых вагонах имеются пустующие места. По всей видимости, существует система круговой поруки между работниками железнодорожных касс и проводниками и бригадирами поездов. За безбилетный проезд, по моим наблюдениям, взимается сумма, равная от полутора до двух с половиной единиц официальной стоимости. Разумеется, деньги никак не оприходуются и попадают прямым ходом в карман проводнику.

...На железнодорожных станциях по пути следования по-прежнему процветает базарная торговля в ущерб государственной. Помимо сельскохозяйственной продукции, выращенной на собственных приусадебных участках, торговцы-мешочники продают промышленные товары достаточно большими партиями, видимо вывезенными прямым ходом со складов. При этом нередки случаи вопиющей спекуляции. Вокзальная милиция, как правило, предпочитает не замечать этого и вообще ведет себя по отношению к спекулянтам на редкость безынициативно».

— Молодой человек, не хотите картошечки? Вареная, с лучком, недорого возьму. Сахарная картошечка, сынок, такой больше нигде не попробуешь, во рту тает!

Игорь отрицательно покачал головой, и обмотанная ветхими платками торговка, обдав его острым запахом лука и еще чего-то затхлого и вместе с тем пряного, промчалась мимо, спеша соблазнить своей сахарной картошечкой новую жертву.

Игорь снисходительно улыбнулся ей вслед.

Подхватив нехитрую поклажу, он направился в обход здания и вскоре оказался на привокзальной площади, выглядевшей еще более жалко и неприятно, чем перрон.

Все те же торговки с рыхлыми лицами, но уже не

беспокойно квохчущие, а лениво восседавшие на пыльных мешках перед разложенным на земле товаром, во всю пасть зевали перед покупателями, ощупывавшими редкие пучки зелени, и оживлялись лишь тогда, когда заходил спор о цене.

Дворник в фуражке и рваном фартуке сметал обильный мусор в кучу, которая, впрочем, тут же разлеталась под порывами ветра.

— Семеныч! — вопила облаченная в железнодорожную форму женщина со ступеней вокзала. — Черт бы тебя побрал, старый дурак, или ты не видишь, куда метешь?!

Дворник Семеныч не удостоивал крикунью даже взглядом, продолжая свое бесполезное занятие.

«...В народе настроения в большинстве своем прежние. Наиболее часты жалобы на низкую зарплату, отсутствие жилищных условий.

Пассажиры плацкартного вагона поезда, большей частью крестьяне, рабочие и низший слой интеллигенции, проявляют мало внимания к директивным документам партии и правительства.

...Среди пассажиров поезда я обратил внимание на учительницу начальных классов Веру Степановну (фамилию узнать не удалось). Проживает с мужем и сыном подросткового возраста в коммунальной квартире в г. Ленинграде. Коренная ленинградка, пережила блокаду. Жалуется на низкую зарплату и неверную ориентацию школьного образования. Судя по ее высказываниям, некоторые ее коллеги придерживаются того же мнения. Заявляла, что ее бабушка, умершая в блокаду, знавала лучшие времена при царизме: «жаль, что нам их не дано было заставить». При этом прямых выпадов в адрес Советского правительства или Коммунистической партии не допускала. При упоминании имени Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева выразительно вздохнула.

Думаю, имеет смысл обратить внимание на настроения низшей прослойки советской интеллигенции, позволяющей себе подобную скрытую недоброжелательность по отношению к Советской власти. При этом, согласно моим наблюдениям, очагами такой недоброжелательности являются педагогические коллективы школ, преподавательские коллективы отдельных институтов и университетов, а также учреждения культуры типа библиотек и проч.

...Отдельные представители крестьянства также высказывают скрытое неудовольствие курсом партии и правительства. Некоторые при этом весьма скептически высказываются по поводу партийных работников, приезжающих на село подымать идейный уровень жизни.

Так, житель села Татарск Монастырщинского района Сервиоров в частной беседе сообщил, что парторг колхоза Бутенко часто бывает в нетрезвом состоянии, пристаёт к дояркам и в подобном виде позволяет себе весьма резкие выражения в адрес высших должностных лиц государства. Ему, в частности, принадлежит высказывание: «Кукурузник чертов, только не летает!» — имеется в виду Первый секретарь ЦК КПСС тов. Н.С.Хрущев.

Многие колхозники намерены отказаться или же уже отказались от содержания в подсобном хозяйстве крупной скотины. Доярка Варвара (фамилию узнать не удалось) из села Порецкое Горьковской области заявила, что их задушили налогами.

...Работники крупных промышленных предприятий, с которыми мне довелось общаться, мало интересуются политикой. Круг их интересов весьма ограничен. Некоторые в доверительном разговоре сообщают, что часто выносят с завода различные детали, а затем по низкой цене сбывают их на рынке. При этом они утверждают, что сегодня подобным мелким воровством пробавляется практически весь рабочий класс, не говоря уже о заводских мас-

терах и более крупных начальниках. Ссылаются на то, что зарплаты не хватает даже на питание, а уж о том, чтобы хорошо одеться, и речи быть не может.

По сообщенным мне сведениям, директор завода металлоизделий из г. Калинин некто Лобызов купил машину марки «Победа» на средства, вырученные со спекулятивной продажи ворованных с завода инструментов. Возможно, необходимы проверка данной информации и принятие соответствующих мер.

...Наиболее надежными в политическом смысле остаются бывшие фронтовики. Правда, необходимо отметить, большинство недовольны развенчанием культа личности Сталина и позволяют себе критические высказывания в адрес тов. Н. С. Хрущева в связи с его выступлениями на XX и XXII съездах партии».

Оглядевшись по сторонам, Игорь увидел, как, хлопнув скрипящими дверьми, от остановки стал отъезжать старенький полупустой автобус.

Призывно размахивая чемоданом, приезжий бросился наперерез, но молоденький водитель, ехидно улыбнувшись сквозь ветровое стекло, крутанул руль влево и преспокойно объехал опоздавшего пассажира.

Оставалось лишь с досадой плюнуть автобусу вслед и дожидаться следующего.

— Мамаша, — обратился Игорь к сухонькой старушке, волочившей, будто муравей, огромный мешок на горбу, — здесь автобусы часто ходят?

— Тяжело, родимый, тяжеленько, — ответствовала мамаша, ловко перебрасывая поклажу с одного плеча на другое, — а что делать прикажешь?

— Я спрашиваю, как тут у вас с транспортом? — проорал столичный гость в самое старухино ухо.

— Ага, — кивнула она, — спасибочки. Здоровье, оно в нашем возрасте самое главное.

В сердцах Игорь швырнул к ногам чемодан — и

тут же обнаружил невдалеке, среди редких общипанных кустов, крашенный в голубое дощатый домик с надписью «Закусочная».

Его встретил на пороге монотонно жужжащий рой мух.

Из-под потолка свисали длинные клейкие ленты, будто крупной черной крупой, усеянные насекомыми; огромные тяжелые мухи кружили вокруг этих липких могильников, над еще шевелящимися товарками, попавшими в плен, облепливали прилавок и ползали по выставленным за стеклом бутербродам со свернувшимися тонкими ломтиками сыра и коричневатым, с потрескавшейся кожицей куриным тушкам, обжаренным до загорелого глянца с одной стороны и сохранившим тифозно-зеленоватый оттенок с другой.

В глубине помещения, в полутьме, разведя руки в стороны, высилась огромная женская фигура, казалось, составленная из одних только шаров и округлостей и увенчанная тяжелым, будто закружившаяся шляпка гриба-боровика, темным шиньоном. К животу, словно подчеркивая его объем и монументальность, был пришлепнут коротенький, почти детский и при этом довольно-таки грязный передничек, свидетельствующий, что данная фигура и есть хозяйка этого заведения, буфетчица.

Бездвижная и мрачная, она царила в этом мушином жужжащем царстве, будто древнеегипетский сфинкс.

«...Насколько могу судить, состоявшееся во исполнение решений съезда партии перезахоронение тела Сталина также до сих пор вызывает в некоторых слоях населения неоднозначную реакцию. Представители периферии, видимо, хуже информированы о решениях партии и правительства, но при этом они в меньшей степени подвержены буржуазному влиянию Запада. Жители столицы и крупных промышленных центров, как явствует из последних моих наблюде-

ний, по-прежнему более критичны в своих высказываниях. На мой взгляд, тревожным фактом является, что большинство пассажиров поезда позволяли себе абсолютно безответственные высказывания в присутствии посторонних, малознакомых людей, нимало не заботясь о том, что их слова могут быть неправильно истолкованы. Налицо понизившийся уровень политической грамотности и самосознания.

...Вероятно, необходимо также обратить внимание на репертуар кинотеатров и кинопередвижек по всей стране. При обилии серьезных художественных достижений СССР в области кинематографии большое число потенциальных зрителей предпочитают трофейные фильмы на мелкобуржуазные темы. Возможно, назрела необходимость активно рекомендовать соответствующим структурам шире пропагандировать революционные достижения советского киноискусства и снизить поток ремесленной продукции западных киностудий, отмеченной бессмысленной развлекательностью. Возможно, следует также рекомендовать Комитету по кинематографии создать новые фильмы в жанре советской кинокомедии, развивающие традиции таких любимых народом лент, как «Волга-Волга», «Цирк», «Веселые ребята», «Карнавальная ночь» и др. По моим наблюдениям, эти фильмы до сих пор пользуются не меньшим успехом, чем низкопробная западная продукция капиталистических стран, в частности США и Франции».

— Скучаете, девушка? — Игорь извлек на свет одну из самых ослепительных и безотказно действующих на слабый пол улыбок и подарил ее буфетчице.

— Ну, скучаю, — прокуренным голосом отозвалась «девушка». — А тебе чего? Уж не развеселить ли собрался?

Она неприветливо поглядела на вошедшего маленькими заплывшими глазками.

— Я бы с удовольствием...

— Ростом не вышел, — отрезала буфетчица.

Не слишком любезное обращение, прямо скажем.

— Я приезжий, — сообщил Игорь, хотя это было и так ясно, и для убедительности продемонстрировал верный чемодан. — Не подскажите, где у вас тут можно остановиться?

— Чего я тебе, стол справок?

— Ну, раз так, — пожал плечами Игорь, — налейте-ка мне пивка. «Жигулевского». Да похолоднее.

— Какое есть.

Она швырнула на прилавок стакан с несмываемыми уже следами жира и, сколупнув крышку, с размаху поставила бутылку перед надоедливим клиентом.

По здравом размышлении Игорь отказался от стакана и прихлебнул пиво прямо из горлышка, а затем вновь с хорошо сыгранным доброжелательным интересом уставился на буфетчицу. Ему уже стало доставлять тайное удовольствие поддразнивание могучей дамы.

— Впервые в Новочеркасске, — сообщил Игорь. — Замечательный городок. Мне очень нравится.

— Ничего замечательного не вижу, — хмыкнула та. — Одно слово: дыра.

— Вы несправедливы! Наверняка здесь должно быть много интересного!

— Дыра, она и есть дыра, — упрямовала буфетчица. — На танцы и то не каждый день сходишь. Кино привозят — старое. От этих «Кубанских казаков» тошнит уже.

— А вы книжки читайте, — посоветовал Игорь.

— Сам читай, если такой умный!

— Слышал я, у вас тут завод знаменитый есть. Будто бы всю страну электровозами снабжает.

— Завод есть, это верно, — согласилась буфетчица. — Да мне что проку от этих паровозов! Ни горячо, ни холодно. Замуж за них не выйдешь.

— Зато за рабочего можно.

— За рабочего! — хмыкнула буфетчица, а затем вдруг разразилась гомерическим хохотом. Перепуганные мухи так и взвились над ее покачивавшимся в такт смеху шиньоном. — Сам выходи за рабочего, я на тебя тогда погляжу!

Вообразив эту картину, она загоготала с удвоенной силой.

— «Уж. Замуж. Невтерпеж», — пробормотал под нос Игорь, а вслух произнес: — Не понимаю, чем это вам так не угодили местные рабочие?

— Я эту пьянь на дух не выношу! — сообщила буфетчица. — Меня они на рабочем месте во как достали, а ты еще хочешь, чтоб я с таким дома тятькалась! Хорош! Я бы завод этот разогнала, к чертям собачьим, все равно никакого от него проку нет.

— Не скажите, — возразил он. — Вот я про него книжку напишу, сразу вас прославлю!

— Книжку? — удивилась буфетчица.

— Ага.

— Так ты, чего — писатель?

— Представьте себе.

— Врешь!

— Чтоб я сдох.

— То-то я гляжу: внешность у тебя столичная! — В заплывших глазках мелькнул интерес. Больше того, буфетчица попыталась выдать на лице некое подобие улыбки. — И чего, — проговорила она, наваливаясь грудью на прилавок, — на всю страну про нас пропишешь?

— Посмотрим, — уклончиво отвечал Игорь. — Я в командировке, собираю материал для нового романа. Если у вас найду что-нибудь интересное, значит, напишу.

— Интересное?

— Ага. Может, про передового рабочего...

— Вот все про рабочих пишут, нет чтоб про торговых работников написать! — В словах буфетчицы засквозила праведная обида. — Что, мы не люди, что ли, рылом не вышли?

— А еще мне говорили, жизнь тут у вас богатая, — продолжал собеседник, деликатно обходя вопрос насчет рыла. — Народ живет в свое удовольствие. Юг все-таки, казачья вольница!

— Вольница? — удивилась она, а потом вновь зычно заржала, да так, что звоном откликнулись стаканы на подносе. Игорь вежливо хихикнул в ответ, ожидая продолжения монолога. — Была вольница, да вся сплыла, — заявила буфетчица. — Пашешь, как проклятая, а денег — кот наплакал. Какая может быть вольница без денег? Мне-то еще хорошо, я при продуктах работаю, с голоду не подохну, а вот какво заводским приходится, уж я не знаю! В магазинах шаром покати. В запрошлом месяце в универмаг марлю завезли, такая очередь собралась, аж страшно было.

— Ну, я бы сказал, марля — не первый продукт питания, — усмехнулся Игорь.

— Может, и не первый, — в пылу полемики буфетчица даже не услышала иронии, — а только чем детей пеленать? А колбаса? А макароны?! Это тоже, по-твоему, плевое дело? Интересно, что там думают, в Москве или где, на что рабочему человеку жить и кормиться, а?

— Народ, значит, недоволен?

— Народ, может, и доволен, а вот мы — нет, — заявила буфетчица. — Говорят, в Москве фрукты-овощи даже зимой продают, а мы чем хуже?! Слухай, — оживилась она, — ты ж из Москвы?

— Есть немного, — уклончиво пробормотал Игорь.

Оживившись пуще прежнего, дама подалась ближе к собеседнику и при этом навалилась обильной грудью на жалобно пискнувший прилавок.

— А чего, она правда такая большая, как в кино показывают?

— Ну, достаточно...

— Домов, говорят, много, не сосчитать!

Игорь неопределенно кивнул.

— А правда, там артисты по улицам разгуливают?

— Бывает.

— Ой, слухай! — обрадовалась буфетчица. — А ты там этого, из кино, не видел?

— Которого?

— Ну, который синеглазенький!

Игорь улыбнулся:

— Стриженова, что ли? Из фильма «Овод»?

— Ага, его. Ой, он мне так нравится, такой красавчик! Ты не знаешь, он женатый?

— Не в курсе.

— Повезло же ж, наверно, какой-то бабе, — мечтательно вздохнула буфетчица, вновь возвращаясь к наболевшей тематике, — а у меня тут одна пьянь ошивается. Тьфу!

— Не горюйте, будет и на вашей улице праздник. Найдется тут у вас гостиница какая-нибудь?

— Клоповник, что ль? Мы ее промеж собой клоповником прозываем. Есть гостиница, а как же!

— Выручайте! Подскажите, как до нее добраться.

— Так проще простого, — сказала буфетчица. — Сядешь на автобус, доедешь до центра, а там спросишь.

— Девушка, вы — прелесть! — воскликнул Игорь и подхватил чемодан.

— Скажешь тоже, — кокетливым жестом отмахнулась она, покрываясь густой краской. — Сдачи возьмите, гражданин!

Но Игоря уже и след простыл.

Немного спустя он высаживался на центральной площади городка.

«Дыра — это еще мягко сказано», — усмехался он про себя, оглядываясь по сторонам и припомни-

ная нелестную характеристику буфетчицы о родном Новочеркасске.

Ветхий, пыльный, весь какой-то нелепый и скобоченный, донельзя провинциальный, город производил тоскливое впечатление. Ленивая жизнь протекала за кривыми заборами, во дворах и палисадах. Женщина в рваном халате, вывешивавшая белье на веревках для сушки, рассеянно проводила Игоря взглядом. В выбоинах у дороги копошились куры.

«Бежать. Поскорее закончить все дела и бежать!» — колотилось в мозгу.

Впрочем, Игорь понимал, что бежать будет не так-то просто.

Задание было туманным, а значит, весьма серьезным.

Если Бугаев что-то недоговаривал, на то имелись особые причины.

Если бы цель заключалась в том, чтобы провести умонастроения в заводской рабочей среде, сюда прислали бы кого-нибудь пониже рангом, а то и вовсе обошлись бы отчетами местных гэбэшников.

Видимо, в Новочеркасске предстояли какие-то важные события: эмиссару из центра придется контролировать их ход.

Игорь обычно старался не анализировать задачи, которые ставило перед ним начальство, — он оценивал их единственно с точки зрения путей реализации.

Конечно, ему было жаль гимнастов Сетчиковых, но если Сетчиковы решились предать свою страну и свой народ, значит, они должны были понести наказание — вот и вся логика.

Никакой другой логики не существовало и не могло существовать.

С предателями нужно быть жестким и безжалостным.

Впрочем, когда Игорь впервые участвовал в операции по ликвидации изменника, продавшего

государственный секрет и бежавшего в Финляндию, он был по-настоящему ошеломлен увиденным.

Предатель умирал на его глазах, сбитый «случайной» машиной; согласно заданию, Игорь двигался в нескольких метрах позади от жертвы и чуть-чуть подтолкнул ее на оживленном перекрестке. Собственно говоря, припоминая те события, Игорь убедил себя в том (и это было недалеко от правды), что он не столько толкнул предателя под колеса грузовичка, сколько всего лишь не дал отступить на спасительный тротуар, уперевшись рукой в спину.

Никто ничего не понял, Игорь запомнил лишь прикосновение напрягшейся спины жертвы, скрип тормозов — и все.

Затем мужчина лежал на асфальте, отовсюду сбежались зеваки; изо рта показалась темная струйка крови.

Предатель растерянно, будто не веря в происшедшее, озирался по сторонам, не в силах повернуть голову и лишь вращая глазами, и на лице его был написан испуг перед неведомым; потом веки мелко-мелко задрожали, и будто невидимая кисть провела под глазами и у крыльев носа жертвы, и на лицо легли мертвые фиолетовые тени.

Он умер.

«Отлично проведенная операция», — оценил полковник Бугаев, усаживая Игоря в кресло напротив рабочего стола, и перешел к более насущным вопросам.

Игорь глядел на него, с трудом разбирая смысл слов, и пытался отогнать прочь пульсирующую в висках мысль: неужели государственная безопасность — это всего лишь убийства во имя интересов страны?

Но время шло, и он привык к специфике своей работы, как привыкают ко всему, и чувствовал прилив гордости, когда произносилось слово «чекист». Чистильщик родной страны от всяческой нечисти — вот кто он такой.

В небе загромыхало, и Игорь, подняв глаза, с удивлением обнаружил, что над головой успели собраться сизые грозовые тучи, и первые тяжелые капли уже застучали по асфальту.

Подняв над головой чемодан, как щит, Игорь огромными лягушачьими прыжками пересек пустынную площадь и ввалился в темный вестибюль обшарпанной гостиницы.

Внутренность ее вполне соответствовала определению буфетчицы: клоповник и есть клоповник.

— Мест нет, — хмуро сказала администратор, оторвавшись от залистанной книжонки, — у нас тут слет колхозников, все места зарезервированы.

У нее было худое, изможденное лицо и темные припухлости под глазами.

— Плохо вы встречаете гостей, — покачал головой Игорь. — А если мне остановиться негде? На улице ливень, у вас нет мест... Вот заболую и умру, и моя смерть будет на вашей совести.

— Сказано же, — повторила администратор с обреченной нотой в голосе, — нету мест!

— Я издалека, — попытался надавить на жалость Игорь.

— Все издалека.

Игорь вздохнул.

Конечно, он мог обратиться, куда следует, и места в гостинице появились бы, и не просто места, а самый лучший номер, и все было бы замечательно.

Но это нарушило бы условия игры.

Он был обязан появиться в Новочеркасске инкогнито, и ни одна живая душа не должна была догадаться, кто он, что он и какова цель его приезда.

Конечно, считалось идеальным вариантом, если бы Игорь прибыл на электровозостроительный, скажем, по обмену опытом, но для этого требовалось, как минимум, владеть какой-то рабочей специальностью, чтобы тут же не попасть впросак.

В принципе подобные ситуации были предусмотрены, и в органах, Игорь знал, служили ребя-

та, пришедшие с фабрик и заводов и способные при необходимости внедриться в любую рабочую среду, но их квалификация, как видно, не подходила для выполнения особо ответственных и деликатных поручений, мастером которых числился Игорь.

«Н-да, это тебе не хоп хреном по деревне, — сказал однажды полковник Бугаев, — и на елку взлезть, и жопу не уколоть. Тут особенная военная хитрость требуется!»

Тогда и была придумана легенда, согласно которой Игорь на время выполнения заданий в незнакомой для себя среде становился начинающим литератором, ознакамливавшимся с кипучей жизнью страны. Точнее сказать, поначалу он представлялся корреспондентом газеты, однако статус столичного корреспондента немедленно настораживал руководителей предприятий, куда приезжал Игорь, да и простые люди старались держаться особняком, не торопясь открыть свои маленькие секреты: мало ли что в газете потом прописать могут!

Прессу боялись, прессы опасались и сторонились.

Что же до «начинающего литератора», то его никто не принимал всерьез.

— Какую вы книжку уже написали?

— Пока еще никакую.

— А вас где-нибудь печатали?

— Пока еще нигде.

Игорь напускал на себя вид наивного дилетанта, и на это покупались все.

«Будь проще, — напутствовал подопечного полковник Бугаев, — народ, он простоту любит, а начальство — дураков. Если начальник тебя раскусит, если увидит, что ты парень не промах, знай, он тебя на пушечный выстрел к себе не подпустит. Будет очки втирать, на ужин в рестораны приглашать, секретарш под тебя подкладывать. Это, конечно, неплохо, если секретарша — статная девка, но для работы все равно вредит. Лучше, чтобы так: и секретаршу под тебя подложили, и все секреты открыли».

И, довольный собою, Бугаев заливался гортанным смехом.

Игорь делал из сказанного выводы. К будущим жертвам он заявлялся, наивно сводя брови домиком. Должно быть, со стороны его принимали за маменькиного сынка и полудурка.

Люди искусства — что с них возьмешь!

«Мели, Емеля, твоя неделя!» — отмахнулся от Игоря начальник крупного производства, позволив влезть в самые жгучие секреты своей вотчины, и вскоре поплатился за это.

Начальника сняли и осудили лет на десять — пятнадцать — Игорь точно не помнил — за попытку организации на предприятии «параллельного», или, точнее сказать, подпольного производства. Рассказывали, что при оглашении приговора огромный, гренадерского роста мужчина плакал, как ребенок, взхлеб, растирая слезы по лицу широкой шершавой ладонью.

Кажется, он так и не понял, каким образом о его тайной деятельности прознали в органах.

Такой большой — и такой наивный!

Упоминание о профессии начинающего писателя, которое у мужчин вызывало, как правило, снисходительную ухмылку, на женщин отчего-то действовало пьяняще. Женщины размякали и становились ласковыми и податливыми, словно пластилин.

Игорь вздохнул и проникновенно поглядел на гостиничного администратора.

— Неужели вы так не любите литераторов? — вкрадчиво поинтересовался он. — Вот книжку читаете, я вижу, а живого писателя прочь гоните.

— А вы что, писатель?

— Увы.

— Нет, правда?

— Чтоб я сдох.

Администратор поглядела на собеседника с нескрываемым любопытством.

— А что вы написали, может, я знаю?

— Пока еще ничего. Я — начинающий. Но при этом очень, очень талантливый.

— Да? — озадаченно пробормотала она.

Наживка сработала. Было очевидно, что теперь женщина от всей души жалела молодого творческого работника и пыталась сообразить, чем может помочь в данной ситуации.

— Неужели вам вообще жить негде?

— Здесь — негде. Я в творческой командировке, только что с поезда. Собираю материал для книги. Наверное, напишу про ваш завод...

— Про электровозостроительный? Правда?

Игорь солидно кивнул.

— Надо же! — всплеснула руками администратор. — У меня на электровозостроительном дочь работает. Штамповщицей.

— Вот видите, — укоризненно произнес Игорь, усмехнувшись про себя: после знакомства и разговора с проводницей поезда упоминание о дочери-штамповщице звучало почти как анекдот. — Дочь на заводе работает, а вы не даете возможности, чтобы о ней узнала вся страна. Мне ведь условия для творчества требуются, не просто так! Разве я поверю, что в таком замечательном городе, как Новочеркасск, не найдется отдельного номера для командированного начинающего литератора!

Администратор чуть не плакала.

— Ну, где ж я вам этот номер возьму? Ну, нету!

— Катастрофа! — заключил Игорь и с размаху опустил на старый, жалобно скрипнувший стул.

Он уже наверняка знал, что администраторша что-нибудь да придумает.

«...Новочеркасск в целом мне представляется активно развивающимся городом, чей расцвет пришелся на годы Советской власти. Налаживается строи-

тельство многоквартирных домов для рабочих, действуют культурные учреждения. Как мне стало известно, намечено строительство новой гостиницы».

— Знаете что, — сказала администраторша, — если хотите, я вас к себе приглашу. Жилье у меня не Бог весть, но все же отдельное...

Игорь с сомнением покосился на женщину.

Старовата для флирта.

Если она решила, что за хлеб и кров заполучила молодого жеребца, то просчиталась, голубушка.

Администратор глядела на Игоря подслеповатыми глазами, и на поблекшем, усталом лице ее светилась робкая и застенчивая улыбка.

Лет сорок с гаком тетеньке, никак не меньше, и вся тяжелая жизнь ее — как на ладошке, в морщинах и темных мешках под глазами.

— Не хотелось бы вас стеснять, — галантно расшаркался Игорь.

— Ничего-ничего, — оживилась администратор, — у нас две комнаты, я сына и дочку к себе переселю, а вам отдельную предоставлю. У нас даже вода есть в квартире.

— Горячая?

— Горячую мы на плите разогреваем.

«Сервис на уровне лучших отелей Парижа», — подумал Игорь.

Вслух же он произнес:

— Замечательное предложение. А я вас не очень стесню?

— Ну что вы! Дочка будет очень рада. Она у меня литературу очень любит, прямо зачитывается. Тоже с детства хотела писательницей стать и даже стихи писала, но ведь надо деньги зарабатывать, я без мужа живу — вот и устроилась на завод.

— Сколько это будет стоить?

— Что?

— Ну, комната.

— Ах, комната! — Администратор залилась краской.

Игорь с удивлением наблюдал за такой реакцией. В крупных городах гостиничных дамочек трудно смутить упоминанием о презренном металле, уж они-то своего никогда не упускают, Игорь знал по опыту.

— Так что, дорого возьмете?

— Да сколько дадите, — пролепетала администратор, — мы люди простые, нам все одно прибавка в хозяйстве будет.

— Отлично, — подбодрил ее новоиспеченный постоялец, — я еще и на харчи могу подбросить, если вместе питаться будем.

— Так, значит, договорились? — обрадовалась женщина. — А если не понравится, я вас в гостиницу переселю, как только слет закончится!

— По рукам, — заключил Игорь.

«...По внешним признакам и общению с горожанами у меня не возникло ощущения, что в Новочеркасске готовятся какие-либо антиправительственные акции. Здесь царит провинциальное настроение, и люди ведут себя по принципу: чем тише, тем лучше. Мелкие недовольства не дают основания заявить, что жители города способны к резким выступлениям. По крайней мере, в сравнении с настроениями на крупных предприятиях Москвы и Ленинграда атмосфера в Новочеркасске может считаться спокойной».

7. ПАНКА

— Уже началось? — Запыхавшийся комсорг Милютенков вбежал в директорскую приемную и устался на строгую, с серым сушеным личиком секретаршу Лидию Ивановну, восседавшую на своем неизменном посту — за разбитой печатной машинкой «Ундервуд».

Лидию Ивановну боялись все. И потому, что ей первой попадали в руки все приказы и распоряжения, и своими сильными пальцами она отстукивала их текст по клавишам машинки; и потому, что она единственная могла себе позволить войти в директорский кабинет без стука, как само собой разумеющееся; и потому, что она всегда оказывалась тем самым звеном в цепочке, без которого безнадежно нарушалась связь между простыми смертными, корпевшими с утра до ночи в запыленных шумных цехах завода, и сильными мира сего.

Из уст в уста передавалось, как легенда, что уборщица, в неурочный час заглянувшая в директорскую приемную, слышала, как секретарша Лидия Ивановна, печатая шаг, самолично надиктовывала текст очередного высокого приказа и при этом фамильярно называла самого директора электровозостроительного товарища Петухова Л.К. Леней. Директор товарищ Петухов, по утверждению уборщицы, добросовестно конспектировал.

— Вот те крест! — испуганно повторяла на каждом углу уборщица, сообщая обо всем этом, и в до-

казательство своих слов мелко крестилась морщинистой ручкой.

Впрочем, в последнее мало кто верил. Это какой же властью и силой надо обладать, чтобы заставить директора товарища Петухова записывать под диктовку!

Как бы то ни было, на протяжении долгих лет Лидия Ивановна умудрялась сохранять и упрочать свою репутацию «серого кардинала», и никому не приходило в голову удивиться, когда к ней, а не, скажем, в профком, ходила бить челом учетчица Валька Строганова, чтобы получить место в заводском общежитии.

Что вы думаете? Место было получено!

— Уже началось?.. — повторил комсорг, умоляющим взглядом уставившись на Лидию Ивановну, будто ожидая, что она из жалости опровергнет его слова.

Секретарша мрачно поглядела на Милютенкова поверх очков и кивнула.

— Значит, можно войти? — робко поинтересовался тот.

— Нужно! Только тебя и ждут.

Покрывшись испариной, Милютенков прошмыгнул в кабинет и, пробормотав дежурное «здрась-сь-сь...», занял свободный стул в уголке.

Товарищ Петухов смерил опоздавшего негодующим взглядом, но сам факт опоздания никак не прокомментировал.

— ...Итак, — продолжил начатую речь директор, — вывод один: дыма без огня не бывает. Он, конечно, разыгрывает из себя наивного мальчика, но меня, знаш-кать, на мякине не проведешь! Я с ним поговорил несколько минут и понял: дело ясное, что дело темное. Просто так, да еще из столицы Москвы ехать, чтобы посмотреть на то, как мы живем? Ну, знаш-кать, дудки, ни за что не поверю! Я пытался навести справки: не связан ли приезд

этого писаки с ситуацией на заводе. Насколько мне известно, никаких кляуз в Москву от заводских вроде бы не поступало. Значит, что остается?

Директор товарищ Петухов обвел присутствующих суровым взглядом.

Присутствующие нервно переглядывались, строя догадки, касавшиеся, впрочем, не столько причин прибытия в Новочеркасск столичного литератора, сколько того, как этот визит может отразиться на их личном положении.

За широким и длинным столом сидели все руководство завода и представители общественных организаций. Не забыли призвать к совету даже мать-героиню Абрамову, славившуюся среди заводских рабочих и представителей инженерных служб не только количеством детишек и неохватным материнским бюстом, но и своей непроходимой тупостью.

— Остается только гадать! — веско заключил Петухов, так и не дождавшись реакции собравшихся.

— Меня интересует, — подал голос главный инженер, — почему о приезде он не предупредил заранее? Мы могли бы организовать встречу, устроить номер люкс в гостинице.

— Это-то и подозрительно! — кивнул начальник ОТК.

— Он сказал, что интересуется жизнью и бытом простых заводчан, — сообщил Петухов, — хочет, знаешь, познаться с молодыми рабочими, побродить по цехам и территории завода...

— Может, сослаться на то, что у нас закрытый объект, и послать его куда подальше? — предложил вохровец.

Все загалдели.

— А если он в Москву пожалуется?

— А вдруг — прямо в министерство?

— Забирай выше. В ЦК может пойти!

— Может, ему надо охоту организовать и вообще досуг, а?

— Предлагаю приставить к нему кого-нибудь из комсомольской организации... вроде как в качестве экскурсовода! Чтоб следить удобнее было!

— А если догадается?

— Мы скажем: обычай, местное гостеприимство!

— А я думаю, его в детский сад-ясли надо сводить, — невпопад предложила мать-героиня Абрамова. — Пусть поглядит-порадуется, как мы о своих детишках заботимся!

Все посмотрели на нее, как смотрят на тяжело и неизлечимо больного.

— Очень ему надо детские горшки разглядывать!

Директор товарищ Петухов внимательно выслушивал речи жарко спорящих подчиненных. На душе его было беспокойно. Когда на завод приезжала очередная комиссия, он знал, как действовать: культурная программа, сытный обед, посещение цехов по тщательно составленному маршруту, исключающему возможность посетителей заглянуть, куда не надо, плюс общение с передовиками производства. Члены комиссий всегда оставались довольны, — а что еще требуется!

Однако вкрадчивый писака из Москвы, который нынче днем решительно распахнул дверь директорской приемной, — он был неожиданностью, а неожиданности, как известно, в жизни директора крупного промышленного предприятия бывают только крайне неприятными.

Товарищ Петухов изобразил занятость и предельное дружелюбие. Хотите гулять по территории завода, знакомиться с жизнью рабочего класса? Пожалуйста! Хотите заглядывать в дальние закоулки цехов и присутствовать на собраниях коллектива? Милости просим. Желаете общаться с рядовыми рабочими предприятия? Всегда рады.

В разговоре товарищ Петухов не преминул вернуть несколько неназойливых цитат из последних

партийных документов и, казалось, оставил о себе в сознании гостя весьма лестное впечатление.

Впрочем, кто их, столичных прохвостов, разберет, что там у них на уме!

— А что, если организовать банкет? — предложил комсорг Милютенков, до этой минуты отсиживавшийся в своем уголке и лихорадочно соображавший, как бы замять казус с опозданием. — Устроим какую-нибудь крупную дату в жизни завода. Столько-то лет с момента закладки первого кирпича. Столько-то месяцев со дня пуска конвейера. Или еще что-нибудь в этом роде. Пригласим этого писателя как бы для ознакомления с досугом предприятия. Он, конечно, наберется под завязку — и сам все выболтает: зачем приехал, почему!

— А если не наберется? — любопытствовал кто-то.

— Куда ж денется!

— Вы, комсомольские активисты, всех по себе судите.

— В принципе предложение дельное, — пожевав губами, заявил директор товарищ Петухов. — Мы, знаш-кать, таким образом сразу трех зайцев убить сможем. Во-первых, проведем культурное мероприятие, и это нам зачтется, когда потребуетя. Во-вторых, попробуем расколоть московского писаку, чего ему от нас надо. В-третьих, он же нам еще за это спасибо скажет, потому что будет о чем в книжке писать.

— Надо выбрать ответственного! — предложила председатель месткома, которая больше всего на свете любила, когда ее выбирали.

— Комсомол предложил, пусть комсомол и отвечает, — сказал, к разочарованию председателя месткома, Петухов. — Это, знаш-кать, поручение особой степени важности, здесь нужна молодая энергия и задор. Надо решить, что именно празднуем, — и, как говорится, вперед и с песней!

— А деньги? — робко поинтересовался Милю-

тенков, донельзя расстроенный свалившейся на плечи обузой и на чем свет стоит клянуший себя за проявленную инициативу.

— Что — деньги? — не понял директор.

— Как это — что? Нужны средства на проведение праздника. Где я их возьму?

— Ну, знаш-кать! — надулся Петухов. — С деньгами каждый дурак организовать может, а ты без денег организуй! Есть у тебя какая-нибудь заначка?

— Какая-нибудь есть, — нехотя отозвался комсорг.

— Вот и славно. А мы подсобим, когда понадобится. Ну что, совещание можно считать закрытым. Надеюсь, не надо предупреждать, что все, о чем мы только что говорили, останется между нами. Вас это особенно касается, товарищ Абрамова, — строго поглядел директор на зардевшуюся, словно нецелованная девушка, мать-героиню, — а то вы у нас поговорить любите. И отдельно прошу: никакой паники! Этот наш столичный гость ни о чем не должен догадаться. Действовать надо спокойно, размеренно, как само собой разумеющееся. Предупредите рабочих, чтоб не болтали лишнего. А то с ними у нас будет разговор короткий! — И он плашмя ударил широкой ладонью по столу.

Все вновь загалдели и, поднявшись с мест, потекли к выходу. Плюхнувшись в кресло, директор провожал их тяжелым взглядом.

Когда голоса стихли, дверь директорского кабинета, только что затворившаяся за последним посетителем, вновь отворилась и на пороге возникла секретарша Лидия Ивановна.

— Ну и как? — спросил директор товарищ Петухов.

— По-моему, все в порядке. Только с комсомольцем надо было поостроже. А то совсем разболтался!

— Ничего, — устало пробормотал Петухов, — ничего. Налей-ка ты мне, Лида, коньячку. А то что-то устал я сегодня, сил нет.

Из рабочего донесения Захаренко И. А.

«...Живу на квартире у гостиничного администратора М. Д. Патрищевой. Снимаю отдельную комнату. Хозяйка квартиры — одинокая женщина, мать двоих детей. Муж несколько лет назад погиб в результате автомобильной катастрофы (попал под грузовик в пьяном виде). Дочь — восемнадцати лет, рабочая-шлифовальщица на электровозостроительном заводе. С ее помощью рассчитываю завязать в рабочей среде нужные связи и получить необходимую мне информацию. Сын — тринадцати лет, учащийся школы. По окончании восьмилетки собирается поступать в военное училище. Уровень жизни в семье — средний. Судя по ежедневному меню, они не испытывают острой нужды в продуктах. Насколько я понимаю, хозяйка периодически использует свое служебное положение, поселяя в гостиницу вновь прибывших за вознаграждение.

...По первому общению с директором электровозостроительного завода Л. К. Петуховым могу судить, что он человек идейно выдержанный и политически грамотный. Поддерживает активную связь с заводской партийной организацией и вышестоящими органами. Антисоветских и антиправительственных взглядов не выказал.

У нас состоялось короткое знакомство, он обещал всемерную помощь в «сборе материала для литературного произведения» о рабочем классе Новочеркаска. Моя легенда по-прежнему действует безупречно.

...Состояние завода во всех смыслах могу оценить как среднее. Материальная часть содержится в относительном порядке, хотя по отдельным приметам возможно предположить, что и здесь тайно процветает мелкое воровство. Я заметил, как во время

моей ознакомительной экскурсии по территории завода, которую специально для меня проводил комсорг предприятия Милютенков Т. Ф., человек в рабочей спецовке незаметно проскользнул сквозь щель в ограждении, прижимая что-то к груди. Таким образом, всесторонняя проверка соответствующими органами на предприятии не помешала бы.

Настроения рабочих я пока не уловил в полной мере. Комсорг сказал, что в ближайшее время состоится прием в партию молодых рабочих, хорошо зарекомендовавших себя в производственной и общественной жизни. Непременно познакомлюсь с кандидатами и попытаюсь выяснить их внутренний настрой.

...Продолжаю наблюдения и жду дальнейших инструкций».

3. РОДИНЕ, БАНИ, СЛУЖИТЬ

— Равняйся! Смир-р-рно!

У старшего лейтенанта был грозный вид застарелого вояки и смешная фамилия Школьник.

Шевеля усами и грозно вращая белками крупных, навывате глаз, он прошелся вдоль строя новобранцев, заглядывая каждому в лицо и словно оценивая, кто чего стоит.

Напротив Мити он остановился и с неудовольствием скривил губы.

— Два шага из строя, товарищ рядовой!

Митя не сразу понял, что приказание относится к нему.

— Выполняйте! — рявкнул старший лейтенант.

Митя повиновался.

— Фамилия?

— Бажин.

— Не слышу!

— Рядовой Бажин!

— Та-ак, — протянул командир взвода и резким движением одернул гимнастерку, — вот только бажинных нам и не хватало... Москвич?

— Так точно! — гаркнул Митя, надеясь зычным голосом исправить нелестное впечатление, которое, как видно, успел составить о нем начальник.

— Москва — хороший город. Туалеты чистить умеешь?

— Ч-что? — растерялся новобранец.

— Болт в пальто. Отвечайте старшему по званию.

— Т-туалеты? Никак нет, не умею.

— Научись. Это я тебе обещаю.

И Школьник двинулся дальше, а Митя глядел ему в спину, не зная, может ли встать в строй или должен оставаться на месте.

Служба в армии проходила для Мити вовсе не так, как сам он ожидал. Воображение рисовало ему военные горны, осанистого генерала, принимающего утренние парады, и, конечно, внимательного отца-офицера, любимца солдат, который покажет, обучит, введет новичков в строгую армейскую жизнь.

Но на деле никакой торжественности и значительности не было и в помине.

Утро начиналось с суматошного крика дневального: «Рота, подъем!», и сонные, не успевшие продрать глаза новобранцы бежали на плац, чтобы размахивать ногами и руками, прыгать, отжиматься и производить массу других бесполезных действий.

Занятия по учебной подготовке разворачивались на территории части: солдатам раздавали грабли, метелки и совки, и последующие полдня они мели, скребли и чистили все, что попадалось под руку. Затем появлялся старшина и, внаглую сплюнув на до блеска выдраенную скамью, начинал орать, что всех отправит на гауптвахту, потому что вокруг срач, а на скамейку кто-то нахаркал. Солдаты молчали, перепуганно хлопая глазами.

Потом старшина, вдоволь накричавшись, удалялся развинченной походочкой, покуривая папиросу, а одуревшим от начальничьего нагоняя новобранцам приходилось покорно начинать все сызнова.

Эта бессмысленная круговерть повторялась изо дня в день.

Митя не без растерянности наблюдал за происходящим, думая, что, должно быть, очутился в какой-то особенной, нетипичной военной части. Потому что всем известно: армия — школа жизни; а тут ничем похожим и не пахло. Ну, скажите на милость,

какая может быть школа жизни с метлой в руках и бесконечным вытиранием старшинских плевков!

Митя с трудом боролся с разочарованием.

Даже знаменитая солдатская дружба и взаимовыручка и та на проверку оказалась не более чем мифом.

Среди солдат почти сразу наметилось разделение; горожане держались особняком от тех, кто родился и всю жизнь жил на селе, а селяне, в свою очередь, видели в уроженцах городов изнеженных маменькиных сынков, которым было бы полезно надавать по шее, чтоб не выпендривались.

Старший лейтенант Школьник словно бы благоговел это скрытое противостояние; ко вчерашним городским жителям он относился с плохо скрываемым презрением.

Казалось, Школьник был свято убежден, что здесь, в армии, горожане всеми средствами должны отрабатывать свою вину перед Господом и перед ним самим, командиром взвода, — вину за то, что от пеленок купались в городской роскоши, ездили на трамваях и метро и ни разу в жизни не убирали вилами коровий навоз.

К отбою Митя уже валился с ног, а глаза щипало, словно в них сыпанули пригоршню песка.

Не успевал он заснуть, как в казарме, стуча подошвами, объявлялся Школьник (или сержант Жиян, присланный по наводке комвзвода); от обоих внятно разило спиртным.

— Рядовой Бажин, твою мать, подъем! Смирно стоять! Почему не отдаете честь перед старшим по званию?

Митя отдавал честь.

— Почему отдаете честь без головного убора? — ехидно интересовался старший лейтенант.

— Виноват...

— Значит, пойдешь драить сортир, ясно?

— Так точно, товарищ старший лейтенант!

— Чтоб блестел, как люлечка! — покачиваясь, предупреждал Школьник и громко, на всю казарму, икал.

Как правило, в напарники Мите комвзвода снаряжал низенького добродушного Сидоренко, несостоявшегося абитуриента театрального вуза, которого тоже невзлюбил с первого дня.

Сидоренко раздражал Школьника тем, что без конца в любую свободную минуту твердил себе под нос скороговорки, — для выработки правильной дикции, как сам новобранец пояснял приятелям. Такое упорство в достижении цели воспринималось комвзвода как нечто оскорбительное для него лично. «Не мужское это дело, в театре кривляться!» — цедил он и смачно сплевывал солдату на сапог.

Сидоренко вытирал.

Так, за скороговорками и мытьем унитазов проходила ночь; на подкашивающихся ногах Митя плелся к своей кровати, чтобы, едва успев сомкнуть глаза, тут же подскочить от крика: «Рота, подъем!»

Круг замыкался.

— Родине, блин, служить, это тебе не мамке титьку кусать, — наставлял старший лейтенант Школьник. После обеда он любил выстроить взвод во фронт и произнести перед солдатами поучительную речь.

— Родина прикажет, будешь говно жрать и говорить «спасибо большое». Правильно я говорю, рядовой Ганиев?

— Так тошно, товариш старший лейтенант! — звонким голосом отвечал узбек Ганиев.

— Родина — это святое. Она вам, сосункам, дала все! От себя оторвала, вам дала. А вот рядовой Бажин этого не ценит. Верно я говорю, рядовой Бажин?

Митя растерянно закусывал губу.

Специально для него Школьник формулировал вопросы в высшей степени иезуитски. Умрешь, а не сможешь односложно ответить: «Так точно!» или «Никак нет!».

Приходилось молчать.

— Что, товарищ рядовой, уши компотом мыли, а косточки не выбрасывали? — заводился комвзвода. — Я к кому обращаюсь?

— Так точно, товарищ старший лейтенант! — невольно выпаливал Митя.

— Что — так точно? Ты больной, может, а, Бажин? Вон Ганиев, он из черт-те какого аула, трех слов по-русски связать не может, и тот отвечает лучше тебя. А ты, Бажин, прямо как чурка какая-нибудь!

Митя краснел от стыда и досады, а взвод угодливо хохотал.

Школьник любил, когда его армейский юмор имел успех.

Особенно в том случае, если этот юмор касался рядового Бажина.

— Целься, рядовой! — орал он Мите, когда тот лежал на огневой позиции на стрельбище, глядя на мишень сквозь мушку автомата. — Перед тобой враг, ты его должен убить, иначе он тебя... сначала вы...бет во все дыры, а уж потом пристрелит. Если ты так будешь целиться, только в жопу себе попасть сможешь! Или тебе нравится, когда в жопу, а?

В школе Митя стрелял лучше всех. Но на армейском стрельбище он терялся. Автомат грохотал, над ухом вопил комвзвода, и это было ужасно.

Правда, он все равно показывал один из лучших результатов не то что во взводе, но даже в роте, однако Школьник будто бы не замечал этого.

— Если бы у нас все стреляли, как рядовой Бажин, мы бы войну не выиграли, — заявлял он. — Просрали бы Родину!

Перед отбоем Митя опускал в карман огрызок карандаша и чистый листок. Ночью, за мытьем унитазов, можно было выкроить время, чтобы написать в Москву короткое послание.

«Оленька, здравствуй!

Улучил минутку, пишу тебе письмо. Увы, все наши мечты так и оказались мечтами. Никакой Венгрии, никакой заграницы. Ростовская область, какой-то захолустный городишко — вот место моей службы. Хорошо хоть, я попал в танковые войска, как и хотел, а не в артиллерию или, чего хуже, в пехоту. Служба идет нормально. Ребята подобрались хорошие, веселые. Что еще рассказать? Вот закончу письмо и пойду в клуб, посмотреть новую кинокартину. Пиши, пожалуйста, почаще, а то я тут совсем соскучился. Может, до тебя не доходят мои письма? Я попрошу маму, она передаст тебе адрес моей полевой почты. Твой Митя — рядовой Дм. Бажин».

9

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

— А я знаю, сегодня вы писали! — воскликнула Беда, вбегая в кухню и глядя на Игоря лукавыми раскосыми глазами. — Угадала, да?

И она рассыпалась мелким, будто стеклянный горошек, смешком.

— Бедочка, да как же тебе не стыдно! — всплеснула руками Мария Дмитриевна, укоризненно качая головой.

— Угадала! — ничуть не смутившись, продолжала Беда.

— Ну... в общем... да, — пробормотал Игорь, отряхивая капли с рубашки.

Восклицание неожиданно появившейся девушки застало его врасплох, он едва не поперхнулся водой из стакана и посадил влажное пятно на свою свежую, только что выглаженную сорочку. Дело в том, что с утра Игорь действительно много писал, но не роман о славном городе Новочеркасске и его замечательных жителях, а очередной подробный отчет в центр. Не хватало, чтобы любознательная хозяйкина дочка сунула нос в эти бумаги!

— Если честно, то я все видела, — сообщила Беда, опускаясь на колченогий табурет и запихивая в рот кружок печенья, — я утром умываться мимо вашей комнаты шла, а дверь была приоткрыта, и вы писали. У вас было такое лицо...

— Какое? — невольно вздрогнул Игорь.

— Вдохновенное, вот! Это вы уже про нас пишете?

- Ну, можно сказать...
- Про завод?
- И про завод.
- А про город?
- Про город тоже.

Смешно, но это была чистая правда. На сей раз Игорь подробно анализировал казачьи нравы и общий настрой в Новочеркасске.

— Ух ты, здорово! Интересно, а про меня вы тоже можете что-то написать?

Игорь пожал плечами и против воли улыбнулся:

— Ну, если ты очень попросишь...

— Нет, про меня лучше не надо, — после краткого раздумья заявила девушка, — лучше вы про маму напишите. Она вот у нас какая хорошая. Труженица!

— Перестань сейчас же, — заметно смутившись, произнесла Мария Дмитриевна, за напускной суровостью стараясь скрыть свое смущение, — уже восемнадцать лет, замуж пора, а ведешь себя как девчонка!

— Подумаешь, — сказала Беда, — разве было бы лучше, если бы я вела себя как старушка? Знаете, — она вновь обернулась к Игорю, — у мамы Почетная грамота есть. И даже не одна. Она давно заслужила, чтобы про нее в книжке написали. А то про всех пишут — и про летчиков, и про полярников, и про моряков, а про гостиничных работников — никогда. А у них тоже труд почетный, ведь правда?

— Разумеется, правда, — солидно кивнул Игорь, пытаясь удержаться от улыбки.

— Значит, обещаете?

— Обещаю.

— Здорово! — И, не обращая внимания на укоризненный взгляд матери, девушка принялась за ужин.

Она была темненькая, пухленькая, густые блестящие волосы, заплетенные в толстую косу, венцом увивали голову. Из-под черных бровей внимательно и весело глядели на собеседника глаза-маслины. При улыбке девушка широко раскрывала щербатый рот.

«Вы на мой зуб внимания не обращайтесь, — радостно сказала она Игорю при знакомстве, — это я на заводе тяжесть подняла и упала, вот зуб и кувырк».

Теперь вместо переднего зуба зияла маленькая пустотка, и сквозь эту пустотку девушка любила просовывать кончик языка, когда слушала собеседника в разговоре, — будто дразнила.

Она родилась зимой сорок четвертого, и в честь долгожданного всеми исторического события родители нарекли младенца Победой. Счастливый отец даже настаивал на том, чтобы в метрике было записано: «Победа советского народа над фашистами», но дамочка, производившая запись, отказалась наотрез, к счастью для новорожденной.

Ей и без того пришлось нелегко, потому что «Победой» ее звали в редких случаях; мальчишки дразнились, а мама, Мария Дмитриевна, выкрутилась тем, что изобрела сокращенное имя Беда — с ударением на первом слоге.

Звучало достаточно странно, но тут уж ничего не поделать.

— Скажи спасибо, что твой отец не так много выпил, — заявила однажды в сердцах Мария Дмитриевна, — а то ведь, ты его знаешь, и не так мог называть. Однажды пришел и заявил: «Будет сын, назовем его Впередом-к-победе-коммунизма». Я уж плакала-плакала, насилу эту дурь из башки выбила!

Младшему брату Победы в смысле имени повезло несколько больше: Впередом он так и не стал. В день его рождения пьяный в стельку отец семейства пошел на почту и отправил телеграмму в Москву. На бланке от так и написал: «Москва, Кремль, Великому Отцу Народов Товарищу Сталину! В честь вашего отца, Товарищ Сталин, называю своего новорожденного сына Виссарионом Семеновичем! Ура!», после чего отправился допивать горькую в ближайшую забегаловку.

Наутро его обнаружили под забором, полуголым, синим от холода, но живым.

Дошла ли телеграмма до адресата, так и осталось неизвестно.

Виссарион вырос в сосредоточенного подростка, ежеутренне бегающего во двор в трусах и майке отжиматься на турнике, какая бы ни была погода. Он был молчун, что несколько уравнивало непрекращающуюся болтливость старшей сестрицы.

— Я сегодня в обеденный перерыв новый стих написала, — сообщила Беда, уплетая за обе щеки вареную картошку, — про любовь. Хотите, расскажу?

И хотя она смотрела на мать и брата, вопрос был явно адресован Игорю.

— Интересно, интересно, — пробормотал он, принимая позу внимательного ценителя.

Эти ее стишки Игорь уже не мог слышать, до чего надоело! Беда оказалась поэтической натурой, и при этом весьма плодовитой. Каждый день она радовала слушателей одним-двумя новыми сочинениями и досаждала «молодому столичному литератору» расспросами о стихосложении.

— Посвящается нашему гостю, — торжественно продекламировала Беда, расправив плечи. — Стих Патрищевой Победы. «Любовь». Это название такое...

— Я понимаю, — поспешил откликнуться Игорь тоном знатока.

— «Любовь». — Беда поднялась с табурета и начала читать:

Любить мы можем с детства всех —
И маму, брата, и семейство,
И друга детских лет, — и все ж
Куда важнее если... если

Мы любим то, что суждено
Нести по жизни год от года.
И свой писательский талант
Мы пронесем по жизни гордо.

Любовь к стихам, любовь к труду,
Она возвысит наши души.
Ты Родине отдай ее,
Она вовек тебя...

— Ну, тут я еще не придумала! — приятно зардевшись, сообщила поэтесса. — Не могу найти рифму к слову «души».

— Уши, — сказал Игорь. — В целом, ты знаешь, очень даже ничего, — похвалил он, — энергично. Чувствуется ритм стиха. В последней строфе, правда, я не совсем понял, кому и кого надо отдать, но в целом, повторяю, звучит убедительно.

— Правда? — обрадовалась Победа.

— Чтоб я сдох.

— Ну, вот, опять шутите, — огорченно вздохнула она.

— Не шучу. Не шу-чу! — по слогам произнес Игорь и для убедительности даже легонько встряхнул девушку за плечи. — Не останавливайся на достигнутом, и о тебе скоро узнает вся страна.

— Шутите, — радостно повторила Беда, и по лицу ее разлился румянец удовольствия.

Мария Дмитриевна и Виссарион переводили взгляд от гостя к Победе и кивали на каждое слово, будто боясь показаться невежливыми или же, чего хуже, не сведущими в литературе.

Виссариону, впрочем, это притворство быстро надоело, и, заскучав, он просочился из кухни в коридор и хлопнул входной дверью.

— Виссарион, — опомнилась Мария Дмитриевна, — вернись сейчас же, хватит баклуши во дворе бить! — Однако его уж и след простыл.

Воспользовавшись заминкой, Игорь поспешно поблагодарил хозяев за ужин и направился к себе.

За спиной он услышал сдавленное перешептывание, смысл которого понять было нетрудно.

Мать: «...Оставь его в покое, дай человеку отдохнуть!» (Это об Игоре.)

Дочь. «...Ничего ты не понимаешь». (Это о поэзии)

Мать. «...Осталось всего ничего, кот заплакал!» (Это о деньгах.)

Дочь. «...Может, он мне подскажет». (К сожалению, это опять об Игоре.)

Оставалось только обреченно вздохнуть и готовиться к вторжению в комнату доморощенной поэтессы.

Игорь уселся за стол, скоренько разбросал перед собою в поэтическом беспорядке бумаги и, закусив губу, уставился в пространство перед собой, изображая глубокую творческую задумчивость.

Едва он успел проделать это, как в дверь раздался робкий стук, и на пороге возникла Победа с донельзя виноватым выражением лица.

Ой, вы работаете? — фальшиво удивилась она. — Значит, я вам мешаю. А то я поговорить хотела...

— Кое-что в твоём стихотворении пробудило во мне творческую идею, — значительно произнес Игорь.

Это была ошибка — входить в контакт не следовало ни под каким видом, в чем лжелитератор тотчас убедился.

— Правда? — обрадовалась Беда и сделала три шага по направлению к нему, словно бы невзначай. — Интересно, а что именно?

— Я теперь не помню... но, пожалуй, вот это: «Та-ра-ра-рам... любовь к семье!»

— К стихам, — поправила девушка. — Любовь к стихам.

— Вот именно! — воскликнул он. — Погоди-ка... я запишу!

Он склонился над бумагой и принялся исписывать ее, строчка за строчкой, своим мелким каллиграфическим почерком.

Это был прозрачный намек, однако хозяйкина дочка упрямо не хотела его понять.

— А можно я прочитаю, что вы написали? — промолвила она после недолгой паузы.

— Нельзя, — отрезал Игорь. — Настоящий писатель никогда не показывает свои черновики.

— Никогда? — удивилась Победа.

— Никогда и никому.

— Странно. А вот я показываю.

— Делай выводы.

— А вы завтра на завод пойдете? Я хотела вас с девчонками из бригады познакомить.

— Зачем?

— Сами же просили! — обиделась Беда.

— Ах, да. Конечно.

— Вот здорово! — Она опять прыгала, как шаловливый котенок, будто ни в чем не бывало. — Они вас прошлый раз видели, и вы им очень понравились. Спрашивали: а что, вы женатый или нет? — Она с лукавым интересом глянула на постояльца.

— Нет, — сказал Игорь.

— Почему? — притворно изумилась Победа. Разумеется, она отлично знала, что гость холост, но теперь важно было выяснить причину его холостячества. — Разве вам девушки не нравятся?

— Нравятся. Только девушек много, а я один. Очень трудно остановить свой выбор... — Он игриво стрельнул глазками в собеседницу.

— У нас на заводе праздник намечается, — сообщила Беда, — а на празднике хорошо знакомиться и дружбу заводить!

— Что за праздник?

— А Бог его знает. Вроде освобожденного труда.

— Ух ты! — воскликнул Игорь. — Вот если бы еще объявили праздник освобожденной дружбы и любви — вот было бы здорово!

— Да ну вас! — рассмеялась она своим звонким, хрустальным смешком, отворачиваясь. — А что это

у вас за ящичек такой? — Она указала на небольшую, перетянутую бечевкой коробку, стоявшую позади чемодана у двери.

Игорь хлопнул себя ладонью по лбу:

— Тьфу, совсем забыл! Это посылка.

— Вам?

— Да нет, не мне. Проводница передала своей сестре... какой-то Даше из медпункта. Знаешь такую?

— Даша из медпункта? — кокетливо переспросила Беда. — Отчего ж не знать, знаю!

— Она симпатичная?

— Ну, как сказать... У вас там в Москве, наверно, и получше есть. Я видела в кино, какие там артистки. Вон, в «Карнавальная ночи» — тоненькая, улыбочивая, мечта!

— Даша, значит, хуже... Рыжая? Толстая? В веснушках? А волосы сзади в пучок собраны, да? И под пятьдесят, верно? — Игорь вновь принялся рисовать в язвительном своем воображении карикатурный портрет двоюродной сестры проводницы поезда.

Однако собеседница веселья не разделила.

— Да ну вас! — вдруг рассердилась, а может, обиделась Победа. — Пойдете в медпункт, сами увидите. Подумаешь, Даша! — И вышла из комнаты, высоко подняв голову.

Игорь пожал плечами и вновь уселся за письменный стол — дописывать послание в Москву.

10. ЖИЗНЬ-ТЕАТР

— Из-под топота копыт пыль по полю летит, пыль по полю летит из-под топота копыт!

Третий час утра, ротный сортир.

Митя драил заплыванный унитаз и рассеянно прислушивался к бормотанию из соседней кабинки.

— Слушай, Сидоренко, — взмолился наконец он, — я тебя прошу: смени пластинку!

Из-за перегородки выглянула круглая физиономия, бордовый румянец во всю щеку, и бодро улыбнулась:

— Не нравится? Я другую скороговорку знаю. «Кукушка кукушонку купила капюшон. Надел кукушонок капюшон. Как в капюшоне он смешон!»

— А что-нибудь поинтереснее?

— «Всех скороговорок не переговорить, не пере-выскаговорить!», «Бык тупогуб, тупогубенький бычок, у быка бела губа была тупа!».

— Ох и нудный же ты, Витек!

Сидоренко, не обидевшись, рассмеялся:

— Профессионалы — они все нудные. Хороший специалист подобен флюсу, это еще Козьма Прутков сказал.

— Не знаю, что там говорил Прутков, но мне эти твои скороговорки хуже смерти надоели.

— Настоящий артист должен тренировать свой аппарат всегда и везде. Если, конечно, это настоящий артист!

— Как же ты, со своим театральным образованием, и унитазаы чистишь, а? — поддел Митя.

— А кто сказал, что театральное образование мешает человеку почистить места общего пользования? — откликнулся вопросом на вопрос Сидоренко. — Может, в этом и есть высшая мудрость бытия: чистишь стульчак и думаешь о вечности!

— Лично мне ни о чем таком не думается, — признался Митя. — Просто очень хочется спать.

— Ерунда. Борьба со сном — первая заповедь военного человека.

— Слушай, Сидоренко, где ты этой ерунды набрался, а? Не понимаю. Мы уже восьмой день подряд, вместо того чтобы, как все люди, спать, драим сортир. А тебе хоть бы хны! Уж лучше бы на кухню послали картошку чистить, по крайней мере можно было бы пожрать до отвала.

— Сырой картошкой не нажрешься, — парировал Сидоренко. — На кухне, мне сказали, еще хуже. Там шеф-повар — зверь. Ходит и ножом размахивает, того и гляди, зарежет.

— Интересно, чего он от нас хочет? — в такт собственным мыслям пробормотал Митя, погружая щетку поглубже в воронку. — Прицепился, как клещ...

— Шеф-повар? — переспросил сослуживец.

— Нет, конечно, наш комвзвода. У меня такое впечатление, он нас специально изводит...

— Очень правильное впечатление, — согласился Сидоренко. — Но ведь в этом нет ничего удивительного.

— Почему?

— У меня отчим — военный. Я уже давно привык к армейским штучкам. Когда он приходит податый, даже если уже два часа ночи и весь дом спит, подымает нас с матерью с постели и заставляет чистить ему сапоги и разогревать ужин. Потом усаживается в кухне на табурет и говорит: «Докладывай-

те!» Это значит, мы с матерью должны рассказывать о проделанной за день работе и о выполненных поручениях.

— Бред какой-то! — фыркнул Митя.

— Вовсе даже и не бред. Ты живешь по своим законам, а он — по своим. И с этим надо считаться и принимать как есть, — философски изрек Сидоренко. — Я вообще думаю, что жизнь нужно уметь любить такой, какая она есть. Не переживать, не страдать, не злиться. Обидел тебя человек — ну и ладно. Обрадовал — очень хорошо. По большому счету это одно и то же: грусть, радость, боль. Великий человек сказал: «Мир — театр, а люди в нем — актеры».

— Шекспир! — не преминул продемонстрировать эрудицию Митя, как жезл, воздев над головой унитазную щетку.

— Именно, — кивнул собеседник. — Поэтому и жить надо так, как будто играешь роль. По роли требуется радость — изображаешь радость, требуется страдание — вот вам. А внутри остаешься спокойным. Тогда уже не важно, народный ли ты артист, пекарь или чистильщик сортира — ты просто играешь очередную сцену из пьесы, только и всего. Отчим играет. Ты играешь. И я. И все вокруг. Раньше я думал, что никогда в жизни не возьму в руки оружие, вот из принципа не возьму! А теперь — беру, и ничего. И даже прицеливаюсь в мишень в виде человеческого силуэта.

— А в человека — сможешь?

— Запросто. Это тоже роль. Я играю стрелка, он — мишень, ничего страшного.

— Ну, ты даешь!

— Вот поэтому я и не скучаю по дому. Вы все скучаете, а я нет. Потому что по большому счету дом или казарма — это одно и то же...

Митя покачал головой и, разглядывая ерш щетки, невпопад сообщил:

— А меня на гражданке девушка ждет. Красивая!

— Девушка — это хорошо.

— Она тоже артисткой хочет стать. Как ты. И, знаешь, я думаю, у нее обязательно получится. Есть в ней что-то... такое... как тебе объяснить... необыкновенное!

— Вы что, пожениться собираетесь? — поинтересовался Сидоренко.

— Может быть, — ответил Митя, и от одного только осознания того, что женитьба на Оленьке — вполне реальная возможность, у него сладко закружилась голова. — Вот скажи, Витек, — обернулся он к собеседнику, стараясь разглядеть выражение лица склонившегося над унитазом Сидоренко, — скажи: а ты когда-нибудь любил по-настоящему? Чтобы на всю жизнь?

— Сложный вопрос.

— Вот и я так думал, что сложный. А на самом деле оказалось, все очень просто. Любишь — и все тут! Это очень важно, чтобы тебя на гражданке кто-то ждал. Кроме матери и отца (если есть), это не считается. По-моему, у каждого солдата дома должна быть девушка.

— Это ты ей на унитазе письма пишешь? — вновь высунувшись из-за перегородки, поинтересовался Сидоренко.

— Ей.

— Любовные?

— Естественно. Мы с ней уже целовались, — соврал Митя неожиданно для себя самого и покраснел.

К счастью, собеседник ничего этого не заметил.

— Я раньше тоже мечтал с кем-нибудь поскорее поцеловаться, — сообщил Сидоренко, — а потом понял, что есть в жизни вещи поважнее.

— Поважнее, чем любовь?! — ужаснулся Митя.

— Представь себе. Вот, скажем, как ты относишься к религии? — опершись ногой об унитаз, Сидоренко уставился на сослуживца.

— Бабушкины сказки, — небрежно усмехнулся тот.

— Может быть. А вот я изучал Библию.

— Чего? — не поверил Митя. — Зачем?

— Чтобы знать, во что верить. Там есть много чего любопытного. Например, десять заповедей. Слышал о таком?

— Не-а.

— «Не убий. Не укради. Не возжелай жены ближнего своего»... Очень мудрые советы, если вдуматься.

— За такое чтение тебя вполне из комсомола могут погнать.

— Глупости.

— А я говорю: могут! Может, ты еще и молиться в церковь ходишь?

— Молиться не молюсь, а ходить хожу.

— Че-его?! — вновь ужаснулся Митя. Впервые в жизни он встретил человека, который вот так, запросто признавался, что ходит в церковь.

— «Чее-е-е-его?!» — передразнил его Сидоренко и засмеялся. — Ты мне моего отчима напомнил. Он тоже так говорит: «Че-е-его?», когда чего-нибудь не понимает. Он матери такую взбучку закатил, когда про Библию узнал. Вопил, что его из-за меня могут из войск погнать и из партии и он эту макулатуру в доме не потерпит.

— Ну, тут он прав, по-моему, — сказал Митя.

— А по-моему, нет. В конце концов, сапоги я ему могу начистить, а вот что читать — это уж я сам как-нибудь для себя решу...

— Странный ты. На твоём месте я бы вел себя по-другому. И с чтением, и с отчимом. Я бы над собой так издеваться не позволил, уж это точно, — восклицал Митя, надраивая ершом унитаз. — Я бы его кочергой огрел. Или какой-нибудь дубиной. Он бы сам мне сапоги по ночам чистил.

— По-моему, это у тебя в поезде книжку отобра-

ли, верно? — без ехидства, просто констатируя, напомнил Сидоренко. — Что-то я не заметил, чтобы ты проявил себя отчаянным борцом за справедливость.

— Просто кочерги под рукой не было, — буркнул Митя.

— Если честно, я тоже вначале думал: надо отстаивать собственное достоинство и все такое. А потом, проанализировав хорошенько и опять-таки почитав Библию, я понял, что мое достоинство тут ни при чем. Просто отчим пытается сам себе доказать свою значимость. На него какой-нибудь полковник наорет, он напьется, а потом заявляется домой и душу отводит. Слабый человек, что поделаешь!

— По-моему, наш комвзвода чем-то его напоминает, ты не находишь?

— Школьник? Не знаю. Я еще его не понял.

— А вот я понял! — запальчиво воскликнул Митя. — Дурак дураком, и больше ничего. Долдон.

Сидоренко с сомнением пожал плечами и, переместившись к писсуару, проговорил:

— Если честно, он не производит впечатление идиота. Идиот — это нечто простое, элементарное, с очень конкретными реакциями, похожими на условные рефлексы. А старший лейтенант... у него глаза нехорошие...

— Во-во, и я говорю! Лупоглазый какой-то.

— ...нехорошие, с прищуром, что-то в таком взгляде есть отгалкивающее. Подозреваю, он активно не любит горожан. То есть не горожан вообще, а солдат, которые прибывают на службу из больших городов. Может, у него какой-нибудь скрытый комплекс?

— Ага, комплекс дуболома. Как ты говоришь: бык тупогуб. Знаешь, когда у меня срок службы подойдет к концу... — мечтательно произнес Митя.

— О-о, когда это будет! — иронически вставил Сидоренко, но тот, не обращая внимания, продолжал:

— ...когда меня демобилизуют, я дождусь его у ворот части, подойду и скажу... Знаешь, что я ему скажу? «Товарищ старший лейтенант, — скажу я ему, — какой же вы все-таки козел!»

— А он... — засмеялся Сидоренко, — а он возьмет и ответит...

— Если, конечно, ему будет, что ответить.

— Он наверняка скажет...

— Могу себе представить, — в свою очередь прыснул Митя.

На обоих вдруг напал отчаянный, совершенно необоримый приступ хохота. Они смеялись, хватая себя за бока, размахивая в воздухе щетками, и не могли произнести даже слова. Каждый представлял себе физиономию старшего лейтенанта Школьника, услышавшего, что он — не кто-нибудь, а именно козел, и его грозно шевелящиеся усы, и его бессилие сделать что-либо.

— А еще я ему скажу... — давился смехом Митя, — еще я ему такое, такое выдам! «Товарищ старший лейтенант Школьник! А не хотите ли испить водицы из унитаза?»

— А он тебе...

— И еще я скажу: «Не пошли бы вы в задницу?»

— А он?!

— И еще... — вновь начал Митя — и осекся.

В дверях туалета, шевеля усами и бешено вращая глазами яблоками, стоял старший лейтенант Школьник.

«Дорогая Оленька, здравствуй!

Вот опять собрался написать тебе короткое письмо. У меня все благополучно, служба идет. Очень по тебе скучаю и жду не дождусь, когда же получу от тебя первое письмо. Меня здесь очень уважают. Командир взвода (он у нас очень строгий, но меня уважает) — так вот, командир взвода говорит, что из та-

ких, как я, получают настоящие полководцы, но я, конечно, не принимаю этого всерьез.

Почему ты мне не пишешь?

Здесь много красивых девушек, но я думаю только о тебе. Представляешь, когда мне дадут отпуск, я приеду в Москву и мы пойдем с тобой на Красную площадь. Мне очень идет военная форма. Особенно парадная. Во время увольнительных на меня оглядываются.

Ну все, заканчиваю, труба зовет. Сама понимаешь, служба серьезная, это тебе не туалеты по ночам чистить!

Крепко целую. Твой Митя».

11. ЗАВОД

Он лежал на желтоватой, прокаленной солнцем земле, будто усталый дикий зверь, и его тяжелое, хрипкое дыхание разносилось далеко окрест.

Если центральная часть города могла похвалиться весенней, пробуждающейся зеленью, уже начавшей курчавиться в каждом палисаде, пробивавшейся в утоптаных за зиму скверах и на газонах, то заводская окраина выглядела так, будто в природе и вовсе не существует никаких цветов, кроме единственного — серого.

Даже небо, и оно казалось серым, и под этим серым небом распростерлись, куда ни кинь взгляд, прямоугольные постройки различных конфигураций, одинаково унылые и покрытые степной пылью.

К тяжелым коробкам корпусов тянулись обернутые рваной стекловатой трубы и узкие железнодорожные ветки.

Повсюду грязь и лужи, не высохавшие даже в жаркую погоду.

Асфальтовые дорожки, проложенные от здания к зданию, успели покрыться сетью трещин; кое-где асфальт раскрошился, и в образовавшихся выбоинах гнила застоявшаяся вода.

«Приведем территорию родного завода в образцовый порядок!» — сиял кумачом потрепавшийся лозунг неподалеку от входа.

Миновав проходную (вахтер смерил незнакомца ленивым и сонным взглядом и, кажется, хотел бы-

ло поинтересоваться, откуда таков и чего ему тут надо, но зевнул и передумал), Игорь порывлся в карманах и извлек бумажный лист, на котором дотошная Победа загодя зарисовала стрелочками и пунктирными линиями маршрут движения к корпусу, где трудились шлифовальщицы.

Накануне она пыталась уговорить постояльца отправиться на завод вместе с ней к началу смены, но Игорь отказался наотрез.

— Утром я писал, вечером писал... как проклятый. Мне же и выспаться когда-нибудь надо, а?

Возражать против такого серьезного аргумента девушка не посмела.

Итак, Игорь проснулся в половине одиннадцатого, сладко потянулся и нагишом прошелся по пустой квартире.

Перед тусклым, с полустершейся амальгамой зеркалом в коридоре он задержался и несколько минут придирчиво разглядывал свой — увы, при внимательном рассмотрении не такой уже плоский, чуть заплывающий жирком — живот и ягодицы. Для последней операции ему пришлось чуть ли не на сто восемьдесят градусов вывернуть шею, чтобы в конце концов убедиться, что в принципе и тело в целом, и отдельные его части находятся в относительно спортивном состоянии.

Хотя, если честно, задница уже стала едва-едва заметно отвисать — и это настораживало. Раньше девушки и женщины глядели на его фигуру, не скрывая восхищения стройностью линий и отточенностью пропорций, а теперь безжалостное время исподволь стало растушевывать классические черты. Негодное время!

Игорь не собирался стариться — во всяком случае, в течение ближайших пятнадцати — двадцати лет. Более того, он готов был зубами держаться за ускользящую молодость и ради сохранения ее чувствовал себя способным на любые подвиги.

Поэтому он несколько раз отжался от пола на кулаках, забросив ноги на табурет, и, отдышавшись, отправился умываться и пить чай.

Записка на столе гласила: «Бирите все что есть в ледничке. М. Дмитривна».

Игорь укоризненно покачал головой. Эх, тетенька, до седых волос дожила, а русской грамоте так и не научилась.

Ледничком хозяйка по привычке именовала холодильник — маленький, с пожеванной резиновой прокладкой на двери, он периодически взрывался оглушительным ревом, и Игорь не раз и не два за ночь просыпался от этого жуткого животного звука, а потом долго не мог уснуть.

В ледничке в смысле продуктов питания было негусто: стояла кастрюлька со вчерашней картошкой «в мундире» и банка с солеными огурцами. На боковой полке, аккуратно завернутый в промасленную бумагу, обнаружился небольшой кусок сала, весь в крупных кристаллах соли.

В конце концов Игорь решил ограничиться чаем вприкуску с остатками печенья. В случае чего, подумал он, можно будет заскочить в заводскую столовую, заодно и ознакомиться с заводским бытом.

Итак, час спустя, миновав мост через реку (квартира администраторши находилась в старой части города), столичный визитер уже входил на территорию электровозостроительного. В левой руке его небрежно болталась перетянутая бечевкой посылка проводницы.

У стенда, где размещались заводские объявления, Игорь притормозил. Огромный свежевывешенный плакат (еще вчера его здесь не было, Игорь точно помнил) извещал о том, что на заводе силами комсомольской организации идет подготовка к новому празднику — Дню труда. Под нарисованным мускулистым рабочим было приписано, что этот праздник планируется сделать ежегодным и он по-

священ всем тем, кто ударно трудится на электро-возостроительном. Как сообщалось, дата празднования будет объявлена отдельно.

— Любопытно, — пробормотал Игорь и подумал, что и об этом надо будет непременно доложить в очередном отчете.

Он не без труда отыскал шумный и пыльный цех, где работала Победа.

— Здравьте, это вы! — будто сквозь вату, пробился тонкий Победин голосок, и она сама, чумазая и сияющая, вынырнула из клубов пара и встала перед Игорем, разбросав по сторонам руки, будто собиралась его обнять. — Как здорово! А я уже думала, не придете, проспали.

— Обещал, значит, пришел. Ну, где твои девчонки?

— Ой, вас заждались. Уже ко мне подходили: «Куда же делся твой москвич-писатель?», а я им сказала, вы все равно придете!

— Правильно сказала.

— Они обедать пошли, но кое-кто уже вернулся, — сообщила девушка, — так что я вас не со всеми сразу познакомлю. Это ничего?

— Ничего, даже лучше. Есть возможность пообщаться обстоятельнее.

— Как мудрено говорите! — восхитилась девушка, увлекая гостя за собой.

Путь лежал через бесконечные цеха. Победа что-то говорила, объясняла. Игорь кивал, но не слушал. Все равно сквозь грохот и лязг ничего не разобрать.

— Это наш участок! — наконец объявила Победа, остановившись на открытом пяточке между громоздкими станками. — Здорово, правда?

— Замечательно, — кивнул Игорь.

— Я в честь его сегодня новый стих придумала... — Она уже открыла рот, чтобы начать декламировать, но Игорь поспешно перебил:

— Мне здесь очень нравится. Даже уютно, когда привыкнешь к шуму. Я думаю, надо будет обязательно дать описания цехов в книге. Ну и, конечно, мне нужны образы молодых передовых рабочих...

— Ой, сколько угодно! — обрадовалась Беда. — Вон там Лидка Пермятенко работает, очень хороший молодой рабочий. В партию собирается вступать, счастливая!

Она подвела Игоря к станку, за которым, надев на лицо огромные лягушачьи очки, трудилась невысокая девушка, с забранными под косынку светлыми волосами, в промасленном комбинезоне.

— Лидка, — прокричала Победа, — познакомься, это писатель из Москвы!

Девушка подняла голову, и Игорь — скорее по привычке, чем из интереса, — бросил на нее один из своих фирменных, оценивающих взглядов.

Не фонтан. Провинциалочка. Бледненькая, неопытная, одним словом, скучная. Хотя, конечно, личико — ничего себе, простое, но милое. Распахнутые голубые глаза доверчиво и дружелюбно глядели на незнакомца. Рубашечка на груди многообещающе топорщилась. Пожалуй, в ней что-то есть, решил про себя Игорь. Во всяком случае, на ощупь уж точно что-нибудь интересненькое обнаружится. Надо обратить внимание.

— Игорь! — элегантно представился он.

— Лида, — зарделась девушка.

Сразу стало ясно, что столичный литератор ей приглянулся.

«Ставки растут, господа», — с удовольствием констатировал Игорь.

— Как вы ловко со станком управляетесь, — сделал он дежурный комплимент, чтобы закрепить первый успех. — Я бы так ни за что ни смог.

— Захотели бы — смогли, — улыбнулась Лида. — Это очень просто. Только ноги устают стоять.

— А вы почаще на танцы ходите! — попытался пошутить Игорь. — Для тренировки.

Но собеседница, кажется, не поняла юмора.

— Какие там танцы! Каждый день только и думаешь, чтоб до конца смены дожить и до дому дотащиться...

— О, у вас собственный дом? — Это уже была разведка боем.

Лида с Победой переглянулись, не в силах скрыть замешательства.

— Не, — пробормотала Пермятенко, — я в бараке живу, с родителями. Нас там много. Тридцать восемь семей.

— Тридцать восемь семей? — удивился Игорь. Как скучно! — Весело живете. Это сколько ж человек получается?

— Человек сто, наверно, — сказала Лида, — а може, и больше...

— Экзотика. Настоящая коммуна.

— Ну, в общем, да, — не стала возражать Лида. — Могло бы быть и хуже.

— Я слышал, в партию вступать собираетесь? Поздравляю! А как с личной жизнью? — Еще один недвусмысленный намек. По своему опыту Игорь знал, что вопрос насчет личной жизни всегда срабатывал безотказно.

Но не на этот раз.

— Жених имеется? — Гость удостоил собеседницу одним из самых вкрадчивых и многообещающих своих взглядов.

Лида и Победа вновь переглянулись.

— Имеется, имеется! — не выдержала Беда. — У нее знаете какой жених? Васька Сомов! Мировой парень. Тоже у нас на заводе работает, токарем.

— Ах, вот оно что! — с трудом пряча разочарование, протянул Игорь. — Когда же свадьба?

— Не знаю, — вздохнула Лида. — Мы в бараке живем, и он в бараке, только в другом. У нас места

нет, и у него места нет. Может, в общежитии комнате выделят, тогда и поженимся.

— Они уже заявление подали! — вновь не вытерпела Победа. — В загс!

— Да ладно тебе, Бедка! — обиделась подруга. — Я тебе больше никогда ничего рассказывать не буду!

— А я — что? Я — ничего!

— Девочки, не ссорьтесь, — встрял Игорь, который после сообщения о предстоящей свадьбе несколько утратил интерес к молоденькой собеседнице. — Считайте, что я ничего не слышал, и инцидент исчерпан.

— А вы правда из Москвы, да? — спросила Лидка. — Вот здорово! Какой же вы счастливый! — И она вновь расплылась в наивной детской улыбке.

— Я вам скажу, только вы никому не рассказывайте! — жарко зашептала Победа, как только они вдвоем с Игорем отошли от Лидинога станка. — Клянётесь?

— Чтоб я сдох.

— Ладно, тогда слушайте. У Лидки с Васькой Сомовым ребеночек будет, во как.

— В каком смысле?

— В прямом. Лидка станет мамой.

Игорь остановился как вкопанный. Вот тебе и раз! Такая миленькая девочка, губки бантиком, вздернутый носик, — ей с ухажерами на танцах целоваться, про любовь щебетать да зажиматься в темных уголках сада, — а туда же, во взрослую жизнь подалась.

Встряхнув головой, Игорь направился следом за Победой, которая, кажется, даже не заметила его остановки и продолжала декламировать, размахивая на ходу руками.

Ребенок — чудо из чудес, —

услыхал Игорь.

— Его любите больше жизни,
Он будет друг на склоне лет.
Надежда будет и опора,
Поможет в самый трудный час.
Поэтому, Лида и Василий,
Я поздравляю вас сейчас!

— Ну, как, здорово? — обернулась Беда к спутнику.

— По-моему, замечательно.

— Вы правда так думаете? Только не говорите: «Чтоб я сдох!», — опередила она его ответ, — скажите честно.

— Отличные стихи.

— Правда? — Лицо девушки озарилось счастливой улыбкой. — Лидке тоже понравилось. А вас не смущает, что там нарушение в рифме?

— Где?

— Ну, вот тут: «Поэтому, Лида и Василий...» Как бы надо, чтобы было: тара-тарата-та-тарата! — а у меня: тататата-тата-тататата... Как, по-вашему?

— Я в таратататах плохо разбираюсь, — впервые за долгое время сказал правду Игорь, — но конкретно в твоём стихотворении все звучит очень убедительно.

— Знаете что: давайте я вас правда с Васькой познакомлю, с Сомовым, который Лидкин жених, а? Его на заводе все-все уважают. Даже старшие, даже мастера и начальник цеха. Я в его честь тоже стихи хочу написать, но пока не очень получается, — доверительно сообщила она. — Он вам понравится! — Победа, кажется, была в восторге от своей новой идеи. — Точно! Как же я раньше не додумалась? Вот кто вам нужен — Васька Сомов. Настоящий передовой молодой токарь. Как раз для книжки!

Игорь хотел было отказаться, но вовремя сообразил, что общение с женихом Лиды Пермятенко тоже могло оказаться полезным для дела. Раз

уж парень пользуется таким уважением на заводе, от него можно получить весьма ценную информацию

Тяжело вздохнув, Игорь кивнул.

Обрадованная Победа, окончательно вошедшая в роль экскурсовода, ухватила его за руку и свернула в узкий зарешеченный проход.

Вокруг грохотало и дымилось. Для чутких перепонок столичного интеллигента, подумал Игорь, шум почти смертельный. Продвигаясь вдоль груд металла, кое-как складированных ящиков, едва успевая увернуться от грузчиков, зычными голосами вопивших: «Поберегись!», Игорь размышлял о том, как удачно его угораздило родиться в столице, в городском роддоме, а не где-нибудь в подобном городке.

Правильно сказал великий пролетарский писатель Максим Горький, мудро сказал: «Рожденный летать — ползать не может». Прямо как будто про него, Игоря Захаренко, сказано.

Все, что его теперь окружало — и эти скрежещущие станки, и грязные потные трудяги, и холодные даже в такую теплынь заводские корпуса, увитые-перевитые ржавыми трубами с ключьями стекловаты, и сам завод, изнутри похожий на разбомбленный концентрационный лагерь с курсирующими по рельсам, гудящими электровозами, и этот заштатный городишко с заплеванным перроном и покосившимся зданием вокзала, и даже дурацкий праздник труда, — все это навело бы на Игоря неизлечимую, беспробудную тоску, если бы он твердо не знал, что в один прекрасный день командировка закончится, и он, теперь уже не таясь, сможет занять уютное мягкое купе, и поезд тронется по направлению к столице, и все, что происходит с ним здесь и теперь, и всех, с кем он сталкивается в эту минуту, можно будет забыть, как страшный, но, к счастью, закончившийся сон.

Он получит денежную премию, а может, и повышение по службе, и все будет хорошо.

— Васька, он у нас самый сильный, — щебетала тем временем Победа, — у него мускулы знаете какие? Во! Он на городском празднике первый приз получил — живого барана. Мы потом его зарезали и шашлык сделали, я прям объелась — так вкусно было!

— Кого зарезали?

— Барана, конечно, не Ваську же Сомова! У него отец в тюрьме сидел, — горячим шепотом сообщила девушка, — даже расстрелять хотели, но потом пожалели.

— За что?

— Не знаю. Говорят, против самого товарища Сталина что-то сказал. Ну, сейчас, правда, он совсем спился... все время у пивной торчит. Васька его домой на себе относит. А дядя Боря знаете какой тяжелый! Ух! Ой, — радостно воскликнула она, — а вон и сам Васька Сомов, видите?

«Флирт отменяется окончательно и бесповоротно», — подумал Игорь.

За станком высился плечистый малый, ростом под метр девяносто, с руками-лопатами и крепкой бычьей шеей, упакованный в грязную рабочую спецовку.

«Мокрого места не оставит...»

— Вася! — заверещала Победа, подлетая к гиганту и теребя его за штанину. — Вась, ну отвлекись на минуту, я с кем тебя познакомлю!

— Ну? — Сомов отключил станок и только после этого обернулся, отирая со лба серый пот.

Удивительно, что при угрожающем виде лицо его оставалось почти детским, открытым и ребячливым. Даже сурово — «по-взрослому» — сомкнутые брови и те не добавляли впечатления солидности.

— Здорово, Бедуха, — сказал он. — Опять мешать заявилась?

— Почему это мешать? — опешила Победа. — Я по делу. Вот, молодой писатель, из самой Москвы

приехал, будет про наш завод книжку писать. Может, и про тебя напишет.

Сомов с сомнением поглядел на Игоря сверху вниз.

— Добрый день, — сказал Игорь. — Ты — Василий, я знаю. Мне уже про тебя столько всего рассказывали...

Рабочий продолжал молча разглядывать незнамого гостя.

— Между прочим, — интимно сообщил Игорь, — я уже успел познакомиться с твоей подружкой, и она мне оч-чень понравилась!

Тут произошло неожиданное.

Васька Сомов надвинулся на опешившего «столичного литератора» и, ухватив могучей пятерней за грудки, припер к холодной стене. Игорь почувствовал, что ноги его оторвались от земли и заболтались в воздухе.

Победа взвизгнула и повисла на свободной руке рабочего, что, впрочем, никак не отразилось на положении ее подопечного.

— Ч-что... что случилось? — сдавленно пробормотал Игорь, видя перед собой огромную, как блин, угрожающую физиономию.

— Лидку не трожь! — прорычал Сомов.

— Да я... я не трожу!

— Он не трожет, не трожет! — визгливо подтвердила Победа, стараясь оторвать Сомова от постояльца.

— Не трожь, а то яйца оторву и сожрать заставлю!

— Пусти, Васька!.. Дурак! — продолжала вопить девушка, но ее голос доносился до полузадушенного Игоря, как из гулкого колодца. Еще немного, и он потерял бы сознание, но Сомов наконец ослабил хватку, и столичный гость вновь ощутил под ногами твердую почву.

Он с достоинством отряхнул лацкан пиджака и выдавил некое подобие улыбки:

— Вот и познакомились.

— Васька, ты чего, с ума сошел?! — кричала Победа. — Это ж человек откуда ехал, чтоб тебя увидеть, а ты так к нему отнесся! Извинись сейчас же!

— Вот еще! Пусть на Лидку не заглядывается, — рявкнул Сомов.

— Очень ему нужна твоя Лидка! У него таких, как она, целый воз и маленькая тележка. Правда, Игорь? Ой, Вась, представляешь, Игорь к нам специально приехал, книжку будет писать про завод, — в который раз повторила Победа, успокаиваясь. Гроза, судя по всему, миновала.

— Врешь!

— Докажите ему, Игорь, докажите! — пламенно воззвала девушка, и тот обреченно произнес:

— Чтоб я сдох.

Лицо Сомова расплылось в добродушной улыбке.

— Ну, даешь! А про меня напишешь?

Игорь скептически усмехнулся:

— А как же.

— Только не пиши, что я тут тебя зашиб маленько, — попросил Сомов. — Ты, как мужик, понимаешь, я из-за Лидки в огонь и в воду пойду! Она хорошая. А про что ты писать будешь?

— Про то, как вы тут живете. Вот, к примеру, чем ты занимаешься после работы?

— Это как когда, — раздумчиво произнес Васька, почесывая пятерней подбородок. — Иногда с Лидкой на речке гуляем. А по праздникам и выходным в центр идем, по скверу пройтись, газировки выпить и поесть мороженого. Но вообще я больше всего люблю токарить на заводе. Тут весело, ребята вокруг... опять же делом занимаешься, а не ерундой какой! Глянешь на новенький электровоз, и приятно, что ты его своими руками делал.

— Интересная жизнь, — усмехнулся Игорь.

— Интересная, — подтвердил Сомов. — Только вот платят мало. Мы с Лидкой жениться собрались,

но разве на нашу зарплату комнату снимешь? Вот и приходится порознь куковать.

— Ваше дело молодое.

— Ага, молодое! Мне вот через два месяца двадцать три стукнет, мужик уже, а семью обеспечить не могу! Где ж такое видано, а? Вы вот из Москвы приехали, скажите, там люди тоже так живут, как мы, или лучше? А правда, что у Хрущева Никиты Сергеича свой самолет есть, собственный?

— Неправда, — отрезал Игорь. — Все в стране живут одинаково. Вот доживем до коммунизма, будет легче.

— Это понятно, — вздохнул Сомов, — так до него еще дожить надо, когда это будет!

— Хороший парень, правда? — призвала Игоря в свидетели девушка, когда вдвоем они вышли из дверей цеха.

— Замечательный.

— Вы на него не сердитесь. Он отходчивый.

— Спасибо, что не убил, — сказал Игорь, — и посылку не раскурочил. Кстати, где тут у вас медпункт, а то мне надоело уже эту коробку повсюду за собой таскать!

— Ой, — вдруг спохватилась Победа, — я ж с вами заболталась совсем, меня ж с работы выгонят! Я побежала. А медпункт вон в том здании, видите, окна белым занавешены. По лестнице и налево.

И она вприпрыжку помчалась к родному корпусу.

Игорь покачал головой, глядя девушке вслед, а затем побрел в указанном направлении.

Он одолел несколько пролетов темной лестницы и уже решил было, что заблудился, как сверху донесся хлопок двери и стук каблучков.

Взбежав на верхнюю площадку, Игорь увидел тоненькую женскую фигурку, мелькнувшую и тотчас исчезнувшую за поворотом.

«Хороша Глаша, да не наша», — вздохнул он и

постучал в выкрашенную белой краской дверь с нарисованным красным крестом и надписью: «Медпункт». Дверь оказалась заперта.

В сердцах Игорь ударил ее носком ботинка — и внезапно услышал доносящуюся глухую возню.

— Ну, иду, иду, растарабанились тут! — раздался женский голос, скрежет ключа, и дверь приотворилась. На Игоря уставилось полное, в разноцветных веснушках лицо уже немолодой женщины, обрамленное всклокоченными рыжими волосами. Одной рукой женщина удерживала дверь, а другой пыталась запахнуть на рыхлой объемистой груди белый медицинский халатик. «Даша» — гласила вышитая цветными нитками надпись на кармашке.

Игорь усмехнулся. Проводницына кухня оказалась именно такой, как он и предполагал.

— Здравствуйте, девушка! Вы — Даша?

— Ну, допустим, — процедила она. — А ты кто?

— Я — тот, кого никто не любит, — продекламировал Игорь. — Вам посылочка от сестрицы. Может, разрешите войти?

— Не видишь, что ль, люди заняты, — буркнула медсестра. — Давай сюда посылку, и до свидания.

Пожав плечами, Игорь протянул перевязанную бечевкой коробку, и дверь тотчас захлопнулась.

— Старая дура, — процедил он сквозь зубы и принялся спускаться по лестнице.

Женщина тем временем заперла дверь на два оборота замка и, скинув с плеч халатик, оказалась в чем мать родила.

— Кто это? — произнес сдавленный мужской голос, и из-за медицинской ширмы показалась помятая физиономия.

— Откуда мне знать? — пожалала плечами женщина. — Хмырь какой-то. Для Дашки передачу принес. — Она широко, с удовольствием развела в стороны руки и потянулась. — Петрович, — сказала

женщина, и на лице ее возникло кошачье выражение, — так, можа, продолжим али как?..

Игорь, скучая, брел к заводской проходной. Впечатлений на сегодня было более чем достаточно, и он мог с чистой совестью возвращаться восвояси.

Внезапно перед ним, выскользнув из-за угла заводского корпуса, возникла девичья фигура. Сомнений не возникало — это была та самая девушка, с которой Игорь разминулся у дверей медпункта.

Стуча каблучками по разбитому асфальту, она стремительно удалялась прочь.

Разумеется, вторично упустить возможность знакомства было бы совершенно недопустимой оплошностью, решил Игорь.

Он прибавил шаг.

Когда до девушки оставалось несколько метров и преследователь мог разглядеть прелестные завитки волос на ее тонкой шейке и уже праздновал викторию, нога вдруг провалилась в выбоину в асфальте — и, громко охнув, Игорь повалился наземь.

Услыхав шум за спиной, девушка обернулась.

Богиня, корчась от боли, все-таки не преминул оценить он.

— Что случилось? — спросила она, подбегая.

— Нога...

— Вы можете встать? — Девушка аккуратно подхватила Игоря под локоть.

— С такой помощницей? Разумеется! — Он браво оперся на ногу, но, вновь вскрикнув, упал.

— Ничего страшного, — сказала девушка, без лишних слов закатав ему штанину и ощупав лодыжку, — обычный вывих. До свадьбы заживет.

— Легко вам говорить! — капризным голосом, рассчитанным на женскую аудиторию, произнес Игорь. — А если это смертельная рана?

Девушка исподлобья поглядела на него.

— Мужчины, они как дети, — заявила она. — Чуть поранятся и уже объявляют себя инвалидами.

У вас все будет в порядке. А вот с администрацией завода опять придется ругаться, сколько можно просить заасфальтировать территорию, как полагается!

— Давайте ругаться вместе, — галантно предложил кавалер. — Между прочим, разрешите представиться: Игорь. Начинаящий литератор из Москвы.

— Очень приятно, — сказала девушка. — А я — сотрудник завода.

— Вот так официально! И как же вас звать, прелестница?

Девушка улыбнулась и просто сказала:

— Даша.

12 ПЕДОТРОГА

— Вы меня обманули! — воздев глаза к потолку, заявил Игорь. — Вы, можно сказать, едва не отвратили меня от счастья!

Толстая фельдшерица, заправляя под косынку рыжие пряди волос, настороженно поглядела на вошедшего. Игорь сиял, будто начищенный медный пятак, сжимая в руках свежий весенний букетик.

— Если вы и теперь будете говорить, что вас зовут Дашей, я застрелюсь на месте.

— Очень надо, — буркнула женщина. — Когда я это вам говорила, что меня Дашей зовут?

— То есть как — когда? В прошлый раз.

— Ничего похожего.

— Я принес посылку, а вы сказали, что вы — Даша!

— Как я могла сказать такое, если я никакая не Даша? Вы сказали: посылка, я и взяла. А про Дашу ничего не говорила!

— Предположим. Но и не отрицали, что Даша — это вы, — наступал Игорь. — Вы ввели меня в тяжкое заблуждение, нанесли, так сказать, глубокую душевную травму. Итак, — огляделся он по сторонам, — где же она, наша кудесница? Я должен ее поблагодарить.

— Нету. Ушла по делам.

— Надолго ль?

— Она мне не отчитывается.

— Я подожду, если вы не возражаете, — не до-

жидаясь приглашения, Игорь плюхнулся на застеленный клеенкой топчан, но тут же подскочил и, отвесив галантный поклон, продекламировал:

— Спасительница! Фея! Волшебница!

Даша мило улыбнулась, входя.

— Благодаря вам я вновь ощутил всю прелесть здоровой жизни. — В доказательство он весьма эффектно отбил подошвами короткую чечетку. Фельдшерица обалдело открыла рот, а Игорь продолжал: — Позвольте от всего сердца, излеченного вами, преподнести этот скромный весенний букет!

Даша покачала головой.

— Это уже лишнее, больной, — сказала она.

— Выздоровевший, — немедленно поправил Игорь, — и все благодаря вашим стараниям!

— На этом и расстанемся, — заключила Даша.

— В каком смысле?

— В прямом. У меня очень много работы, и вы отвлекаете.

Игорь сделал молитвенное лицо.

— Не поверю. Никогда не поверю, что вы столь безжалостны! Я пытался выспросить ваш адрес, чтобы поблагодарить вас в приватной обстановке, но вы были неумолимы. Я пришел на работу — и вновь оказываюсь гоним!

— Знать, судьба ваша такая, — усмехнулась Даша.

— Нет благодарности на белом свете, — сокрушенно вздохнул молодой мужчина. — Издалека, за сотни и тысячи километров я вез для вас посылочку от любимой сестрицы, а вы даже не соизволите сказать мне «спасибо» и отнестись повнимательнее...

— Мне кажется, я уже десять раз произнесла «спасибо», — возразила девушка.

— Но ведь этого недостаточно!

— Нет, я больше не могу, — простонала Даша, повалившись на стул. — Ну что, что вам от меня надо?!

Приосанившись, Игорь сообщил:

— Во-первых, мне надо, чтобы вы не говорили

со мной так сухо. Во-вторых, я хочу, чтобы вы приняли этот скромный букет.

— Принимаю.

— В-третьих, — жалобно заглянул он ей в глаза, — в-третьих, давайте вечером погуляем!

— Нет, — сказала Даша.

— Умоляю! Я же совсем один в этом чужом и незнакомом городе. Я ищу вдохновения. Между прочим, — деловито вставил Игорь, — вы — тоже лицо заинтересованное. Неужели вам все равно, какая проза выйдет из-под моего пера? Ведь речь идет о вашем родном Новочеркасске!

— Игорь, я очень устаю. Поверьте, просто нет сил на вечерние прогулки.

— Ага, — обрадовался он, — вот вы сказали «вечерние прогулки», во множественном числе. А ведь я говорил всего-то об одной-единственной. Пожалуйста!

Даша тяжело вздохнула.

— Только не говорите «нет»!!!

— Игорь, вы меня замучили! Ну хорошо — да. Только ненадолго. На полчаса.

— Понял! — просиял он. — Полчаса, и ни минутой больше. Значит, в шесть я жду на проходной, да?

Послав пламенный воздушный поцелуй на прощание, он скрылся за дверью, оставив обеих женщин в совершеннейшем оцепенении.

— Тьфу, — сказала наконец после минутного молчания фельдшерица. — Одно слово. писака!

И она с утроенным остервенением загромычала склянками в медицинском шкафу.

Без пяти шесть Игорь уже стоял у ворот электровозостроительного, сжимая под мышкой новый букет и приглаживая ладонью непослушную прядь волос.

Погода, на счастье, выдалась отменная, хотя около двух часов назад у горизонта угрожающе за-

курчавились сиреневые тучки, и, с досадой глядя в окно, Игорь размышлял, как поступить, если пойдет дождь и Даша, сославшись на это, откажется от прогулки.

«Пойдем в кино», — в конце концов нашел он выход, но тучки, подразнив, растворились в небе столь же стремительно, как и зародились.

Небрежно набросив на плечо отутюженный пиджак, Игорь в последний раз оценил свой внешний вид у зеркала («Хорош!»), взмахнул напоследок рукой корпевшему над уроками Виссариону и был таков.

Ждать у проходной пришлось недолго.

— Вот и я, — услышал он за спиной мелодичный голос и обернулся.

В простеньком ситцевом платъице и старенькой, судя по застиранности, но при этом очень аккуратной кофточке, с зачесанными назад и собранными на затылке волосами, открывшими неожиданно высокий и чистый лоб, Даша не была похожа на строгую и сухую в обращении медсестру, которая разговаривала с Игорем сегодня утром.

Он невольно засмотрелся на нее и даже затянул с ответным, заранее заготовленным приветствием.

— А вот и я! — наплевав на это свое выученное приветствие, наконец выпалил Игорь, выдав на-гора одну из самых ослепительных своих улыбок.

Однако Даша не улыбнулась в ответ, а, наклонив голову, пошла прочь по дорожке.

Не дожидаясь приглашения, Игорь поспешил за нею.

— Между прочим, цветы — это вам! — сообщил он, с заметным усилием возвращаясь к привычному стилю общения. — Извините, что букет недостаточно хорош. Он явно уступает вам в прелести. Поверьте, мне как молодому литератору много приходится ездить по свету, глядеть на мир и на людей, но еще нигде я не встречал такой... — Игорь замялся, пыта-

ясь подобрать нужный эпитет, однако на ум шли лишь высокопарные сравнения, а Даша, это он успел усвоить, на высокопарность не покупалась. Поэтому, не мудрствуя лукаво, он просто свернул на новую тему: — Скажу вам честно, как на духу: я нуждаюсь в гиде. Мне дозарезу нужен человек, который бы показы мне город и все рассказал — о жизни, о людях... Я должен понять, чем Новочеркасск отличается от других городов, в чем, так сказать, кроются его характерные особенности. И, конечно, услышать все-все-все про ваш завод — это тоже очень важно для моей книги. Сначала я думал, надо все выяснить у старожилов, но потом понял: что они могут знать о сегодняшнем дне города! Все их истории — вчерашние. Тут требуется молодой собеседник, энергичный, полный сил, чуткий ко всему новому. По-моему, вы и есть именно такой человек, — заключил он.

Несколько мгновений Даша шла молча, словно бы и не слышала пламенной тирады.

Потом просто произнесла:

— Вы ошибаетесь. Все это — не про меня.

— Я не могу ошибаться, — возразил Игорь. — У меня нюх. Я даже подумываю о том, чтобы сделать вас своей главной героиней. А что? — ухватился он за эту мысль. — Оригинальный творческий ход: о крупнейшем электровозостроительном заводе и о городе, в котором этот завод находится, рассказывает не какое-нибудь официальное лицо, председатель горисполкома, секретарь комсомольской организации и даже не знатный рабочий, а прелестная юная медсестра, коренная жительница, можно сказать, неотъемлемая часть будущего!

Игорь увидел, как девушка недовольно покривилась при последних его словах.

— Когда я вас слушаю, — сказала она, — у меня возникает впечатление, будто читаю плохо написанную статью из газеты. Штамп на штампе.

— Это профессиональная черта, — немедленно откликнулся Игорь со смиренным видом.

— Понимаю, — кивнула Даша, — у меня тоже есть профессиональная черта, знаете какая?

Игорь изобразил на лице пламенный интерес.

— Не люблю болтунов!

Они пересекли пыльную дорогу, и дребезжащий грузовичок посигналил им в спины.

— И все-таки, — сказал Игорь, — и все-таки вы должны пойти мне навстречу. Искусство, как говорится, требует!

— Но при чем здесь я?!

— Вы мне понравились. Я понял, вы — моя муза.

— И поэтому вы преследуете меня повсюду днем и ночью? — сухо поинтересовалась Даша.

— Я?! — Если не знать Игоря, можно было бы действительно решить, что он уязвлен словами девушки до глубины души.

— Именно. Вчера караулили меня у медпункта. Потом выследили в шахматном клубе. Не берусь утверждать, но мне показалось, что и затемно кто-то бродил у нас под окнами и позорно бежал через палисадник, когда отец выглянул наружу и гаркнул как следует...

Игорь пожал плечами.

— Может, это был шпион? — предположил он.

— Возможно. В случае, если шпион и вы — одно и то же лицо.

Он рассмеялся. Игорь всегда забавлялся, когда собеседники, сами о том не догадываясь, угадывали род его занятий.

— Разве я похож на шпиона? Чем же?

— Вам нельзя верить, — отрезала Даша.

— Подумайте только, — изображая ироническую обиду, произнес Игорь, — я дарю вам цветы, жду у проходной, плетусь следом, будто побитая собачонка, — и все лишь для того, чтобы вы поглядели ласково. А вы вместо этого злитесь и изображаете из

себя недотрогу... — Последние слова он выпалил автоматически, по инерции и прикусил губу, сообразив, что сказал явно не то. Никогда, ни при каких обстоятельствах девушкам, чьей благосклонности добиваешься, нельзя говорить: «Недотрога!» Услыхав это слово, они становятся самыми настоящими мегерами. Все до одной.

Все — но не Даша. Она не вздрогнула, не вспыхнула, а просто остановилась и внимательно поглядела собеседнику в глаза.

— Вы не понимаете, — кажется, она даже не обратила внимания на очевидную промашку Игоря. — Вы не понимаете. Никого я из себя не изображаю. Я и есть недотрога.

— Ах, вот оно что! — расплылся в улыбке Игорь, переводя дух. — Ну, это излечимо.

Даша устало вздохнула, будто не видя больше способов избавиться от докучливого кавалера, и продолжила путь.

Они миновали мост и очутились на неширокой улочке, по обе стороны которой тянулись палисадники, а в глубине дворов виднелись облупившиеся двухтрехэтажные постройки, сплошь завешанные сохнувшим бельем.

— Почему вы мне не верите? — внезапно спросил Игорь.

— Потому что вы не хотите оставить меня в покое.

— А почему я непременно должен оставить вас в покое?

— Потому что... — Даша вновь остановилась.

Ее лицо оказалось рядом, совсем близко, и Игорь внезапно почувствовал, что некое незнакомое ощущение завладевает им. Ее глаза... губы... бледный румянец на щеках. Он знал многих женщин, но она не была похожа ни на кого из них. Она была другая. Легкое дуновение ветерка донесло до его дрогнувших ноздрей неуловимый аромат, струившийся от русых волос девушки.

— Потому что... — повторила она, но не закончила.

Они стояли и молча глядели в глаза друг другу. «Да она ведь и вправду чертовски хороша», — неожиданно для себя самого подумал Игорь.

— Вы слишком напоминаете мне одного человека, — сказала Даша. — Человека, которого я не хочу вспоминать. Никогда.

Она развернулась и направилась прочь. Растерянный, Игорь глядел ей вслед, сжимая в руках забытый весенний букет.

13. «КУКУРУЗИК»

Безошибочное чутье охотника подсказало Игорю, что мужское упорство, столь неотразимо действовавшее на слабый пол, на сей раз лишь раздражит Дашу и не принесет желаемых плодов.

Тем более что накануне Игорь уже успел нарваться на отца девушки, когда бродил вечером вокруг ее дома.

У папаши и впрямь оказался суровый нрав: высунувшись по пояс в окно, он обложил незнакомца таким цветистым слогом, что Игорь едва ноги унес. К счастью, отец Даши не успел разглядеть его.

Итак, поблуждав по вечеряющим улицам и в конце концов выйдя к кинотеатру, «молодой столичный литератор» — за неимением ничего другого — купил билет и, забравшись на последний ряд, устался на белую, рваную по краям простыню экрана.

Зал был полупустой; несколько подхихикивающих и перешептывающихся влюбленных парочек устроились невдалеке от Игоря и всюду плевались шелухой подсолнечника.

— А чего за кино будет? — громко интересовались две принаряженные тетки с высокими шиньонами у раздраженной билетерши. — Семеновна, про что кино-то?

— Про любовь, про что ж еще!

— А артисты красивые?

— Кто их разберет! — буркнула Семеновна, а од-

на из спрашивавших, толкнув другую локтем в бок, воскликнула:

— Ты, че, не слыхала? Люська говорила, Тихонов играет!

— Это который?

— Ну, тот, который красивый. Который матроса играл.

— Да ты че! — обрадовалась спутница. — Че ж ты мне сразу не сказала? Девочки, покупаем билеты!

Наконец в зале погасили свет, и в будке кинемеханика застрочил проектор. На экране завертелся нарисованный глобус, и на его фоне возникла надпись: «Новости дня».

Первой новостью оказалось прошлогоднее посещение Хрущевым очередного хозяйства, специализировавшегося на возделывании кукурузы. Голос диктора бодро сообщил, что это передовая сельскохозяйственная культура. Первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии качал своей круглой головой, улыбался, выслушивал объяснения взволнованного председателя колхоза, что-то добавлял, энергично размахивая руками, и придиричиво щупал могучие початки.

В темноте зала кто-то хихикнул.

Игорь наблюдал за происходящим на экране, и в душе росла досада.

Хрущев выглядел нелепо.

Эта его улыбка, и суматошные жесты, и желание проявить осведомленность во всем и обязательно напутствовать земледельцев, погрозив коротким и толстым указательным пальцем, — все это смотрелось хуже некуда, и Игорь тотчас припомнил весьма язвительные заметки из американских газет, где про главу Советского государства говорилось не иначе как со снисходительной интонацией.

Хрущев и вправду слишком часто вел себя так, будто нарочно желал подставить себя под удар, вызвать кривотолки и смешки — такие, как этот, про-

звучавший в темном зрительном зале провинциального городка.

Игорь испытывал чувство, схожее с физической болью, когда Хрущев становился объектом насмешек. Он взрывался, когда в подвыпившей компании кто-то пытался рассказать анекдот про кукурузу.

В тот день, когда отчим, смертельно больной, но все-таки живой, вернулся домой из ниоткуда, из могилы, Игорь впервые подумал о том, что есть справедливость на белом свете.

Над кроватью отчим повесил портрет Хрущева.

— Этому человеку я обязан всем, — сказал отчим. — Ты даже представить себе не можешь, Игорек, сколько невиновных людей вернулись на свободу благодаря ему одному...

Игорь видел, как на глазах менялась страна.

Как и многие, он рыдал в тот день, когда черная тарелка репродуктора голосом Левитана объявила о том, что «скончался Великий Вождь и Водитель Коммунистической партии и Советского государства...».

— Сталин! — кричал Игорь, растирая по лицу слезы и не стесняясь этих слез. — Мама, что же будет?! Сталин умер.

В хмурый мартовский день он пытался попрощаться с Великим Вождем и был едва не раздавлен в толпе.

Ему казалось, что смерть Отца и Водителя есть конец всего, вселенская катастрофа, и жизнь закончилась.

Он был потрясен, когда арестовали и расстреляли Берию.

А потом жизнь вдруг стала набирать обороты, и Игорь не без замешательства убеждался в том, что не все, казавшееся правдивым и истинным, было таковым на самом деле.

Он перечитывал скудные сообщения о XX съезде партии и носился по знакомым, стараясь отыскать доклад Хрущева о культе личности Сталина.

Он еще не понял, что случилось, но успел осознать, что произошло нечто важное, необыкновенное, поворачивающее страну и незримо отражающееся в судьбе каждого ее гражданина.

Потом в Москве состоялся студенческий фестиваль, на который — такого на памяти Игоря еще не бывало — съехались люди со всех концов света. Они свободно разгуливали по улицам, пели песни на незнакомых языках — и никто их не называл шпионами, врагами и диверсантами.

Конечно, нельзя было терять бдительность, тем более ему, будущему сотруднику органов безопасности, но, счастливо млея в праздничной толпе, Игорь думал о том, как все хорошо и замечательно, что все люди — братья и что планета — одна на всех.

Хрущев стал для него символом этой новой жизни, нового мира. Когда Игорю приходилось выполнять очередное задание, он всегда вспоминал лицо Первого секретаря и говорил себе: все, что нужно сейчас сделать, — на благо страны и Никиты Сергеевича Хрущева.

Он был безжалостен к врагам СССР и врагам Хрущева.

Он не мог простить братьям Сетчиковым, когда, переговариваясь между собой и не зная, что и у стен бывают уши, они называли Никиту Сергеевича Хрущева «кукурузником» и «хохляцким дурачком». Игорь даже обрадовался, когда по возвращении получил приказ «не допустить, чтобы воздушные гимнасты Сетчиковы выехали из страны». Хотя обычно от подобных приказов он впадал в долгие и продолжительные депрессии, впрочем не заметные ни для кого.

Сюжет с Хрущевым закончился, на экране возник новый титр, однако у Игоря уже было безнадежно испорчено настроение. Он поднялся из кресла и направился к выходу.

— Покурить? — недобро проскрипела билетерша. — Возвращайся скорее, а то не пушу!

— И не надо, — сказал Игорь.

Обалдевшая от такой наглости, старуха даже не сразу нашлась, что ответить, а когда наконец сообразила, строптивного зрителя и след простыл.

Игорь шел по засыпающему Новочеркасску и размышлял о том, как хорошо, если бы вдруг произошло чудо и он смог встретиться с Хрущевым один на один, чтобы в доверительной беседе «за рюмкой чаю» высказать этому низенькому, круглолицему, с суетливыми движениями пожилому человеку безмерную благодарность и признательность, которые питал рядовой сотрудник Комитета госбезопасности к первому лицу государства. И еще — попросить Никиту Сергеевича вести себя осмотрительнее, не подставляться, не давать повода недоброжелателям. Шуточки в адрес Хрущева, которые то и дело шепотками звучали повсюду (или вот такой ехидный смешок, раздавшийся в темноте зрительного зала), ранили Игоря в самое сердце. Ему так остро хотелось защитить Никиту Сергеевича от нападков, от злого слова или взгляда, что к горлу подкатывал соленый комок. И Игорь чувствовал себя счастливым оттого, что является частью — пусть крохотной, пусть ничтожной, — но частью общего дела, рядовым юнгой на великом корабле под названием «СССР», который ведет к победе Хрущев.

«Я с вами, Никита Сергеевич! — думал Игорь, ощущая, как восторженные слезы закипают на глазах. — Будьте спокойны: мы все с вами!»

14. МОСКВА, КРЕМЛЬ

Хрущев спал дурно.

Ночь напролет ему мерещился муторный сон, где сам он, отчего-то облаченный в белую развевающуюся простыню, идет по серой сумеречной пустыне, и песок зыбится и уходит из-под ног, и ступни увязают в этом мягком и вязком, как тесто, песке.

Хрущев проснулся, весь в липком поту, и еще долго ворочался в постели.

Вставать было рано, а сон уже не шел, — может, и к счастью, сам для себя решил Хрущев.

В последние год-два (он тщательно скрывал это от всех, даже от домашних, даже от личного врача) Хрущев стал ощущать непривычную, тяжелую усталость, наваливавшуюся на него с раннего утра и преследовавшую затем день напролет.

Он шутил, смеялся, гневался, читал докладные записки и подписывал государственной важности бумаги, сохраняя на лице выражение победной уверенности, однако внутри чувствовал странную, вяжущую пустоту.

Он гнал прочь мысли о старости, он был уверен, что просто-таки обязан жить как полный сил и энергии молодой еще человек, но, когда оставался один и, сбросив маску всегдашней бодрости, подходил к зеркалу, спрятанному в створке платяного шкафа, он видел перед собой дряхлого старика с потухшими глазами и тонкими, сжатыми в нитку

губами на круглом, нездорово пухлом лице, и этим стариком был он сам.

Он удивленно вглядывался в собственное отражение, будто не веря, будто не желая признать очевидное.

Он упрямо встряхивал головой, и приподымал подбородок, и усилием воли заставлял себя превратиться в прежнего, сильного и хитрого, политика до мозга костей, способного лавировать в самой сложной ситуации, всегда убежденного в собственной правоте, а еще в том, что нет на свете человека, который бы тут же, сию минуту, не исполнил любую его волю. (Подо всем светом Хрущев, как само собой разумеющееся, подразумевал СССР — на остальной мир он против воли глядел как на нечто куда менее значительное, почти случайное, которое по недоразумению забыли сбросить со счетов, и теперь — конечно, только на словах, только на словах — с ним тоже приходится считаться.)

Впрочем, однажды эта его позиция была весьма поколеблена, хотя никто, ни единая живая душа так и не узнали о том.

Хрущев со страхом, почти с ужасом вспоминал момент, когда впервые лицом к лицу встретился с новым американским президентом.

Все первые фигуры государств, с которыми до того в основном приходилось общаться Хрущеву, изначально были в подчиненном положении; их маленькие зависимые страны не могли и в мечтах сравниться с такой машиной, каким был Советский Союз. Все эти президенты и первые секретари, председатели восточноевропейских правительств, посаженные на престол власти его рукой, с его согласия и позволения, они против воли глядели на Хрущева как на вершителя и их личной человеческой судьбы. Кроме того, это были солидные, пожилые люди.

Улыбающийся Кеннеди, внимательно заглянувший в глаза на ступенях Белого дома и протянувший

руку для приветствия, внезапно поселил в душе Хрущева такое же смятение, какое когда-то рождал вид закрытой двери сталинского кабинета в Кремле и бледный Поскребышев, предостерегающе подымавший вверх правую руку и сдавленно шептавший:

— В гневе... в большом гневе!

Кеннеди был молод и белозуб; в жизни он выглядел моложе, чем на фотографиях или в документальных киносъемках. От него исходила мощная, магнетическая сила молодого самца, полного азарта и животной энергии; он прятал эту природную силу под маской официальной благочинности, но она все равно перла изо всех пор, кипела и бурлила, и Хрущев внезапно ощутил себя малозначительным и старым рядом с этим благополучным, до неприличия молодым лидером, знавшим себе цену и в открытую любившим себя и жизнь.

После, в который раз просматривая в личном кинозале хронику своего визита в США, Хрущев тайне поздравлял себя с тем, что никак, видимо, не проявил этого своего смятения. Он вглядывался в собственные черты лица, в мимику и жесты — на экране действовал уверенный в себе политик, покрестьянски обстоятельный и лукавый, подвижный и решительный, ничуть не уступающий статному красавцу Кеннеди.

Хрущев распорядился включить документальные съемки во все киножурналы, и пусть их показывают по стране, и пусть зрители смотрят и знают: советский лидер ни в чем не уступает американскому!

(При этом, сидя в кинозале, с досадой, странно смешанной со злорадством, Хрущев наблюдал за контрастом первых леди; однако этот контраст в несколько невыгодном свете выставлял его собственную, на фоне президента США, мужскую состоятельность: Жаклин была хрупка, истонченно красива и аристократична; что же касается Нины... говорил же, не следовало ей надевать это обтягивающее платье!)

Хрущев перевернулся на другой бок и поглядел на часы. Двадцать минут шестого. Чертовски медленно тянется время.

Старость берет свое.

Лет пятнадцать — двадцать тому назад Хрущев мог проводить без сна ночи напролет, укладываясь только под утро, да и то ненадолго, и при этом не чувствовал себя таким разбитым, как теперь.

Он испытывал нечто вроде превосходства перед Маленковым, которого в узком кругу презрительно прозвали Маланьей за круглое и пухлое, почти бабье лицо и мурлыкающий высокий голос. Маленков-Маланья после таких бессонных ночей выглядел так, будто его несколько часов кряду лупили мешками с мукой: мучнисто-бледный, с синевой под маленькими глазками, с помятым лицом и заторможенной реакцией.

Впрочем, делать было нечего: и Маленков, и Берия, и сам Хрущев, и вся сталинская камарилья — от мала до велика — в ту пору, когда нормальный человек видит третий сон, покорно караулили за служебными столами возможного, как бы невзначай, телефонного звонка Кобы, зевали и пили крепкий чай для поддержания боевого духа.

Так продолжалось не один год. Сталина мучила бессонница; и потому он завел правило целыми ночами просиживать в своем кремлевском кабинете — и горе тому, кого не оказывалось на месте, когда Сам вдруг по какой-нибудь очередной нелепой прихоти требовал к себе.

Коба оказался не столь проницательным, как про себя думал.

Жаль, ах, как жаль, что нет загробной жизни и Грузин не может видеть, что стало со страной после его смерти, — и автор этих изменений не кто-нибудь, а лично он, Хрущев Никита Сергеевич. Ныкита, как небрежно-снисходительно именовал его Сталин.

Хрущев и сам удивлялся, какую невиданную си-

лу вдруг обрело каждое его слово после вхождения в Верховную Власть.

Когда в 1956-м он выступил на XX съезде партии, то, если честно, не подозревал об оглушительных последствиях собственной речи.

В сущности, он желал немногого: надо было несколько потеснить Отца народов на его незыблемом пьедестале, ибо в какой-то момент Хрущев почувствовал, что ему уже недостаточно управлять страной «от имени» почившего старца и ежесекундно терпеть сравнения со Сталиным.

Его раздражали букеты цветов у памятников с монументальным изваянием огромного усатого грузина и бесконечная очередь в Мавзолей — уже не столько к Ленину, творцу и создателю Революции и Государства, сколько к Верному Последователю и Мудрому Водителю Иосифу Виссарионовичу.

Его раздражали и сами эти мощи, такие ссохшиеся, жалкие и нелепые, но неспособные опровергнуть легенду о Кобе как о лолубоге, запечатленную в этих самых величественных монументах и вдолбленную в умы доверчивых соотечественников.

У Сталина было битое оспой серое лицо, желтые белки глаз и сухая рука, он был сутул и невысок ростом, изо рта доносилось зловонное дыхание завязтого курильщика — вот правда, и эту правду Хрущев во что бы то ни стало жаждал донести до всего советского народа.

Вот почему, не ограничившись собственным выступлением на XX съезде партии по вопросу культа личности Сталина, пять лет спустя он инициировал решение о выносе мумии Кобы из Мавзолея и искоренении всего, что так или иначе связано с фигурой поверженного идола.

Он был удивлен и обрадован, когда по всей стране стали сносить памятники генералиссимусу. Он до последнего мгновения не верил в душе, что это все-таки произойдет — и повсеместно!

В личном кинозале ему показали киносъемки: бульдозер натянул веревки, и огромный истукан пошатнулся на постаменте, а затем плашмя рухнул на землю, и отколовшаяся голова с тяжелым стуком покатилась по площади.

Это был момент ликования, но к ликованию смутно примешивалось тревожное чувство.

С невольной оторопью Хрущев тогда подумал, что нет, не хотел бы он, чтобы так когда-нибудь поступили и с его бронзовой головой, но он тут же отогнал прочь тяжелую мысль.

Он — другой. Он — умнее. Он — простой мужик, одолевший великана, и за это ему будут благодарны в веках. Не родился еще тот несчастный, который помыслит поднять руку на него и его, Никиты Сергеевича Хрущева, дело.

Для себя же надо раз и навсегда затвердить главный урок: бойся собственного окружения, тех, кто прост, любезен и всегда спешит исполнить любое твоё желание.

Хрущев старался не вспоминать, но при всем при том не мог не помнить вечера на сталинской даче в Кунцеве, когда по желанию Кобы он вприсядку отплясывал перед пиршественным столом.

Сталин с небрежной улыбкой переглядывался с Берией, поблескивавшим стеклами пенсне, и Хрущев отчетливо понимал смысл этих переглядываний; ну, нет, словно бы говорил Коба, Ныкита — дурак, его можно не бояться, с ним справиться легко.

А вот и нет! — мысленно восклицал Хрущев, с удесятеренным остервенением вскидывая в пляске руки и ноги и — так же мысленно — показывая Отцу народов ядреный кукиш.

Что, съел?! То-то же.

Решительно отбросив одеяло, он опустил ноги и нашарил под кроватью шлепанцы. Запахнув халат, направился в ванную.

За завтраком он сидел несколько суровее обыч-

ного, и домашние, проникательно уловив перемену в настроении главы семейства, молчали.

Лишь за чаем Хрущев недовольно поморщился и, заглянув в сахарницу, сказал:

— Вот ведь штука какая, все любят песок. Избаловались совсем. Сахар должен быть кусковым, от него зубы болят меньше, и вообще...

Никто не возражал.

Затем Хрущев придирчиво осмотрел себя перед зеркалом, поправил галстук и смахнул с лацкана пиджака невидимую пыль.

Ему очень хотелось проявить неудовольствие и отчитать кого-нибудь, кто попался бы под руку, но он никак не мог найти повода, и, оттого еще более рассерженный, он громко хлопнул дверью и опустил свое полное, плотное тело на кожаное сиденье правительственного «зила».

Машина вырулила на проспект и — в сопровождении милицейской машины, озарявшей впереди путь всполохами синего света, — помчалась по направлению к Кремлю.

Утренняя Москва бурлила.

Правительственный лимузин мчался мимо потоков машин (когда еще здесь было столько автомобилей?! — подумал Хрущев как о своей личной победе и вновь почему-то с неудовольствием), мимо переполненных пешеходами перекрестков. Вдалеке сверкали на солнце ослепительно золотые купола кремлевских соборов.

Ритм жизни большого города как-то незаметно подчинял себе и пожилого человека в дорогом костюме, сидевшего за туманными стеклами в салоне черного автомобиля.

Это был его город. Столица его страны. Все эти машины, люди на тротуарах, и высотные здания, и пролетающий высоко в небе самолет — все они зависели от него, от его воли, от его расположения духа.

Точно так же зависели они и от Сталина, но уса-

тый грузин был злой и мелочный, а он, Хрущев, — добрый и великодушный. Это осознание собственного всемогущества и великодушия переполняло его гордостью и умилением, и на лице Хрущева против воли расцвела улыбка.

С этой-то улыбкой он и въехал на территорию Кремля.

Охранник у ворот снял телефонную трубку и, глядя вслед удаляющемуся черному автомобилю, негромко произнес:

— Объект прибыл.

Рабочий день Хрущева начинался с ознакомления с прессой.

Секретарь заботливо раскладывал на столе газеты, согласно убыванию их значимости. Первой, разумеется, шла «Правда», следом — «Известия», к которым Никита Сергеевич питал тайное пристрастие, и не только потому, что издание редактировал его зять, муж Рады, Алексей. Просто «Известия» менее истово гнули партийную линию, а «Правда» в своих выступлениях нередко отличалась так, что против воли вспоминалась поговорка «Заставь дурака Богу молиться». Впрочем, Хрущев ни разу явно не выказывал по этому поводу неудовольствия. Партийная линия, она и есть партийная линия, и чем активнее ее проводят в жизнь, тем правильнее. Остальное — вопрос вкуса.

Хрущев быстро проглядел «правдинскую» передовицу — ничего существенного, одни только громкие слова, — и пролистал полосы одну за другой. Вести с колхозных полей, заметки о партийных работниках, международная информация с обязательным шаржем, изображающим США в образе пузатого буржуа с торчащими вперед зубами и в цилиндре. На последней полосе была помещена фотография рабочего и довольно-таки сусальная заметка. Начинаясь она рассказом про то, как маленьким пареньком Сашка пришел на стройку, а теперь стал большим начальником, прорабом, возвел много-много

домов, женился и воспитывает двойню в квартире, которую построила его строительная бригада. Молодой коммунист.

Хрущев отложил газету в сторону.

Что ни говори, а все-таки это была правильная идея: отказаться от проектирования в сталинском духе, чтоб каждое здание — как крепость с колоннами и лепниной по фасаду. Конечно, в такой величественной архитектуре была своя привлекательность, но кому нужны все эти барельефные мускулистые труженики, будто атланты, поддерживавшие у входа портики в неоантичном духе, когда страна ютилась в коммуналках и бараках безо всякой надежды на лучшее.

Хрущев с опаской пошел на это решение: широкомасштабное возведение жилищных массивов, призванных в срочном порядке разрешить вопрос об индивидуальных квартирах; ему не нравились проекты одинаковых пятиэтажных коробок, в которых не осталось и следа от бывшей архитектурной величественности сталинского стиля: однако в первые же месяцы он был буквально смят волной благодарственных писем, которые направляли в ЦК КПСС простые люди, вдруг оказавшиеся хозяевами пусты небольших, но собственных квартир.

Он едва ли не наизусть запомнил одно такое письмо, наивное, безыскусное и бесконечно трогательное, которое долго хранилось в верхнем ящике рабочего стола, — Хрущев и сам не смог бы объяснить зачем.

«Дарагой ЦК КПСС!

Спасибо Вам большое за нашу квартиру, которую мы получили всей нашей семьей: я, мой муж Валентин Васильевич, свекровь, а также наши трое детей Валичка, Васинька и Петя. Не могу сказать, какая я Вам благодарная, потому что сил никаких небыло жить так, как жили раньше. У нас в бараке было 50 семей и все с дитями, жили за занавеской, уже даже жить не хотелось. Теперь у нас двухком-

натная своя квартира, есть газовая плитка, ванна, туалет и даже горячая вода когда хочешь. У детей собственная комната, и они стали крепко спать по ночам. Мы с мужем Валентин Васильевичем такие счастливые, у нас как будто вторая молодость и любовь началась. Спасибо Вам большое, дарагой ЦК КПСС, а еще передайте наше спасибо и низкий до земли поклон товарищу Никите Сергеичу Хрущеву, который так заботится о нас и обо всем простом народе. Извините, если что не так написала. Я простая, из рабочекрестьян, благодаря Советской нашей власти стала грамотной, получила щастье, семью, квартиру и хочу в партию записаться, потому что на свете нет другой такой справедливой партии, которая бы так заботилась о людях. Как вы думаете, возьмут меня в партию? Я уже старая, мне сорок шесть лет, но я буду стараться и все выполнять, как скажут.

До свиданья. Варвара Громова и мой муж Валентин Васильевич».

«Правда» тем временем в привычной бравурной манере описывала победы на фронтах строительства, но за ее маршеобразными отчетами не таилось той человеческой пронзительности, какая была в этих благодарных, написанных корявым почерком и со множеством грамматических ошибок письмах.

— Никита Сергеевич, к вам товарищ Малиновский, — доложил секретарь.

— Почему без звонка? — недовольно поморщился Хрущев. — Ладно, пусть входит.

Он автоматически перетасовал газеты и уложил на левом краю стола. По опыту Хрущев знал, что без важного повода Малиновский никогда бы его не побеспокоил.

— Здравия желаю, Никита Сергеевич! — Подтянутый, молодцеватый Малиновский стремительно возник на пороге кабинета, стремительным шагом подошел к столу, стремительно пожал руку и

столь же стремительно, без приглашения опустился на мягкий, с кожаным сиденьем стул.

— Как самочувствие? — поинтересовался Хрущев.

— Как и погода, — прекрасное, — бодро отвечал министр обороны СССР.

— А вот у меня голова побаливает, — неожиданно для себя разоткровенничался Хрущев, — со вчерашнего дня еще. Наверное, давление меняется.

— Вы говорили с врачом? — обеспокоился Малиновский.

— От этих врачей никакого проку. Для них лучший пациент — это тот, у кого уже вообще нет никакого давления. Как говорят наши друзья-американцы, нет давления — нет и проблемы!

(Ничего подобного «друзья-американцы» не говорили, и Хрущеву было прекрасно об этом известно, но он любил ради красного словца вернуть в разговор что-нибудь эдакое, слышанное краем уха и переиначенное по вкусу и настроению.)

Малиновский рассмеялся:

— Шутите, Никита Сергеевич? Ну, раз шутите, то все в порядке.

— Надеюсь, все в порядке не только у меня, — сказал Хрущев. — Или все-таки есть плохие новости?

Министр обороны СССР посерьезнел:

— Как вам сказать, Никита Сергеевич... И да, и нет. Вот поэтому и пришел к вам посоветоваться, напрямую, если можно так выразиться...

— Ну, давай, не томи!

Малиновский раскрыл кожаную папку с золотым тиснением и пролистал несколько документов с грифом «Совершенно секретно». Отлично зная повадки собеседника, Хрущев насторожился: министр обороны СССР тянул время, словно не решаясь приступить к делу. Это был дурной знак.

— Вот какая история, Никита Сергеевич, — начал Малиновский. — Должен сказать, что положение у нас неважное. Это, конечно, хорошо, что мы

стали налаживать контакты с империалистами, но нельзя забывать о постоянной готовности к обороне страны. А с этим делом у нас есть проблемы.

— Не понял, — сказал Хрущев. Не по душе ему были обтекаемые фразы Малиновского.

— Никита Сергеевич, необходимо срочно заняться обновлением действующего военного арсенала. Я уже не первый раз докладываю: сокращение в армии негативно сказывается на обороноспособности государства. Американцы, они себе на уме: руку пожимают, а за спиной продолжают вооружаться. Их ракеты расположены, считайте, у самых наших границ.

— У нас тоже есть ракеты.

— Есть, — согласился Малиновский, — и ничуть не хуже, чем их ракеты. Однако поглядите, — подскочив с кресла, он направился к висевшей на стене политической карте мира, — вот какое расстояние приходится преодолеть нам, чтобы достигнуть Соединенных Штатов. И такое — им. Невооруженным глазом видно явное преимущество противника.

Зависло молчание.

Хрущев сидел в кресле, глядя прямо перед собой.

— Кеннеди заверял меня в дружбе, — наконец произнес он.

— Слова. Дела говорят об обратном.

— Что вы предлагаете?

— Необходимо в срочном порядке решить вопрос о передислокации наших баз, где имеется оружие быстрого реагирования, как можно ближе к границам США.

— Куда, например?

Малиновский изобразил на лице добродушную улыбку.

— Есть отличный вариант — Куба. Фидель будет рад оказать нам такую услугу. Да и для него самого это отличная защита от империалистического соседа. Правда, требуются значительные ассигнования, но есть вещи, на которых нельзя экономить.

Наморщив лоб, Хрущев мрачно глядел на крохотную точку на карте, обозначающую пламенный остров, колыбель американской революции.

Если говорить откровенно, предложение министра обороны было сейчас более чем некстати. До Кубы ли или американских ракет, когда, как выяснилось совсем недавно, годовой бюджет страны вновь трещал по швам. Любимый лозунг «Догоним и перегоним Америку!», который возник в голове Хрущева после посещения Соединенных Штатов и был призван, как мощный ракетный двигатель, вывести страну на новую экономическую орбиту, оказался под угрозой. Какое там «догоним и перегоним», когда неизвестно, как свести концы с концами и не очутиться в долговой яме! А ведь такая держава, как СССР, при всем при том не могла не помогать братским странам победившего социализма — слабым развивающимся или же разрушенным войной странам. Ничего не попишешь, статус «большого брата» обязывает. Страшно сказать, какие суммы уходили в никуда, безо всякой надежды на возвращение. Хрущев знал обо всем этом и все-таки был в большом гневе, когда ознакомился с цифрами и сводками. Он носился по кабинету, размахивая руками и топая ногами по ковру. Председатель Президиума Верховного Совета СССР Брежнев Л.И. стоял напротив рабочего стола главы государства по стойке «смирно» и белыми от ужаса глазами глядел в пространство перед собой. Накричавшись вволю, Хрущев повалился в кресло и неожиданно жалобным голосом спросил:

— Что будем делать, Леня? Откуда брать деньги?

— Надо повышать цены, — едва не теряя сознание, пробормотал тот. — Другого выхода нет.

О неизбежном повышении цен на продовольствие пытались говорить и другие, даже этот олух Игнатов. Мол, мера временная, трудящиеся поймут и одобряют. Хрущев был убежден в обратном, однако с каждым таким разговором все более и более сдавал

прежние позиции. В конце концов, советский народ может и должен проявить сознательность и чуть потуже затянуть пояс на короткое время. Войну пережили — разве не смогут пережить возросшую на несколько копеек цену на мясо и молоко!

— Кроме того, надо укреплять армию и, так сказать, на ближних рубежах, — продолжал между тем Малиновский. — Если бы не войска, кто знает, чем закончился венгерский мятеж.

— Ничего подобного не повторится! — запальчиво заявил Хрущев. — Уже весь мир понял преимущество социалистического образа жизни.

— Как сказать. Была же Караганда...

— Не смейте напоминать мне о Караганде! — завопил Первый секретарь ЦК партии. — Никогда не смейте!

— Виноват.

— Сговорились вы все, что ли?!

Окаменев, выставив вперед подбородок, бледный Малиновский глядел на собеседника.

Одно это слово — Караганда — приводило Первого секретаря в состояние иступления. Караганда была для него символом поражения, своей ущербности и неспособности справиться с ситуацией даже в одном-единственном и к тому же небольшом городе, если она хоть на мгновение вышла из-под контроля. Хрущев уговаривал себя, что невозможно было поступить иначе, кроме как послать войска против демонстрантов с антиправительственными лозунгами, но тут же с ужасом вспоминал белый листок, на котором были напечатаны в столбик фамилии погибших. Этот листок положили ему на стол на другой день после разгона манифестации, и он долго и непонимающе смотрел на эти фамилии, похожие на список на братской могиле. Карагандинские события оставили в душе Первого секретаря тяжкий осадок — более тяжелый, нежели будапештские; хотя бы потому, что Венгрия, как ни

крути, — это где-то далеко, за границей, а Караганда — часть собственной страны.

— На днях говорил с Семичастным, — сообщил Хрущев уже более миролюбиво. — Тот совсем с ума сошел. Требуется ввести военное патрулирование на всех крупных предприятиях Москвы и Ленинграда. Мол, антисоветские элементы мутят воду и пытаются спровоцировать забастовку. Ну, разве не бред?

— Бред, — кивнул Малиновский.

— И я говорю: бред! — обрадованный поддержкой, засмеялся Хрущев.

Впрочем, в глубине души ему было не до смеха. Тот разговор с Семичастным посеял в душе тревогу и даже страх.

— Я со всей ответственностью заявляю, Никита Сергеевич, — наступал на него Семичастный, глядя из-под бровей холодными глазами, — мы на грани общесоюзной забастовки.

— Что значит: забастовка? — бормотал Хрущев, принимая угрожающий вид, чтобы собеседник не обнаружил его замешательства. — Какая может быть забастовка?!

— Я предоставляю вам объективную информацию, Никита Сергеевич. Мы пытаемся предотвратить массовые беспорядки. Пока что это удастся сделать. Однако, если случится, что рабочие нескольких предприятий выступят одновременно, наши силы будут слишком незначительны против их сил. Разразится международный скандал...

— Вы соображаете, чего несете?! Наши рабочие объявят забастовку! Чем они на сей раз недовольны, я спрашиваю! В чем дело?

— Во-первых, зарплата. Они считают, она слишком мала...

— Что значит: мала?! Зарплата есть зарплата. Важнейший принцип социализма гласит: от каждого — по способностям, каждому — по труду! Доведите до их сведения!

— Никита Сергеевич, — сказал тогда председатель КГБ, — нужны экстренные меры... Время не ждет.

— Что вы предлагаете?

— Я уже излагал свои соображения по этому поводу, и они остались прежними.

— Ввести на заводах военное патрулирование?! Тогда весь Запад затрубит о том, что мы превратили рабочий класс в заключенных и за ним надзирает армия! Если это и есть главное ваше предложение, то оно отклоняется самым решительным образом!

— Боюсь, Никита Сергеевич, вы не совсем отдаете себе отчет в масштабах происходящего, — возразил председатель КГБ.

— Ерунда! — отрезал Хрущев. — Я знаю свою страну. Вы читали письма, которые каждый день поступают в Центральный Комитет партии? Нет? Вот и напрасно. Прочтите, очень рекомендую. Люди поддерживают происходящие в стране перемены, они понимают, что трудности — явление временное, что скоро всем станет легче.

— Но, Никита Сергеевич...

— Никаких «но»! Я сказал: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме, и я это гарантирую! Если на каком-то заводе завелись отдельные элементы, которые тянут нас в прошлое, выявите их и проведите соответствующую работу. Это ваша задача, и я не понимаю, при чем здесь войска. Даже не рассчитывайте! — почти завопил он, увидя, что Семичастный уже открыл рот для возражения. — Я никогда не пойду на это. Советский народ — самый свободный народ в мире, и возврата к сталинщине не будет! Не верю, что рабочие недовольны курсом партии и правительства, слышите: не верю! Значит, до них не донесли истинное содержание наших директив, значит, они находятся в неведении. Объясните! Свяжитесь с Суловым, почему произошли такие проколы в пропаганде? Я крайне недоволен вашим стилем работы, товарищ Семича-

стный, и обращаю на это ваше внимание. Если вы немедленно не внесете коррективы, придется рассмотреть вопрос на заседании ЦК...

Бледный Семичастный молча выслушал монолог Хрущева. Он больше не возражал.

А теперь перед Хрущевым стоял столь же бледный министр обороны маршал Малиновский и силится растянуть губы в улыбку.

— Ладно, — говорил тот, почесывая пятерней обширную лысину, — придумаем что-нибудь. Если дело и впрямь обстоит так, как докладываешь, надо умыть этих америкашек. А то распоясались, понимаешь! Мне и Фидель на них жаловался: мол, ведут настоящую ради войну против свободной Кубы, соблазняют буржуазным образом жизни. Может, действительно стоит разместить там ракеты. То-то друг Кеннеди у меня запляшет! — И Хрущев радостно потер ладоши, предвкушая, как вытянется физиономия у красавца президента, когда он узнает о кубинском сюрпризе. Это соображение неожиданно привело Первого секретаря в отличное расположение духа. На таком фоне даже перспектива резкого повышения цен в стране выглядела едва ли не празднично. Ведь америкашку Кеннеди умоет не только он, Хрущев Никита Сергеевич, — заграничного жеребца умоет весь советский народ. А ради такого удовольствия можно немножко и потерпеть неудобство в виде вздорожавшего молока. Хрущев откинулся на спинку кресла и, сияя широкой улыбкой, заявил: — Так и быть, найдем для тебя деньги. Сколько надо, столько и найдем.

На ступенях подъезда Малиновский столкнулся с секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза товарищем Шелепиным. Они едва удостоили друг друга взглядами и обменялись коротким рукопожатием. Никто бы не заметил, как министр обороны чуть наклонил при этом голову, а если бы и заметил, то не придал

значения. Шелепин поглядел ему вслед, и на губах против воли возникла мимолетная, но очень довольная улыбка. Затем как ни в чем не бывало секретарь ЦК поднялся по лестнице и направился по гулкому, устеленному красной ковровой дорожкой коридору.

Он заперся в своем огромном кабинете, приказав на ходу:

— Я занят, никого не пускать, — и надолго задумался.

Затем он снял телефонную трубку.

— Семичастный слушает, — прозвучал на другом конце провода голос председателя КГБ.

— Хорошие новости, Владимир Ефимович, — сказал Шелепин. — Готовьте второй этап.

Семичастный вызвал секретаря:

— Полковника Бугаева — ко мне немедленно!

— Значит, так, — сказал он, когда, багровый от быстрой ходьбы, Бугаев вырос на пороге кабинета и по привычке плотно затворил за собой дверь, — нас ждут великие дела. — И на клочке бумаги быстро вывел карандашом: «Запускаем вариант Б».

Бумажку эту он сжег в массивной пепельнице, как только Бугаев прочел ее.

15. ПОБЛЯДУШКА

Уже совсем стемнело и в окнах погасли огни, когда Игорь вошел в знакомый подъезд.

— Есть кто-нибудь дома? — громко поинтересовался он, отворив дверь. — Алле-о!

Из глубины квартиры донеслось шуршание.

— Дядя Игорь, это вы?

— Кто ж еще!

— А я один! — объявил Виссарион, показываясь в коридоре.

— Отлично. Теперь нас будет двое.

Игорь сбросил туфли и босиком, в одних носках, направился к своей комнате.

— А мама где? — спросил он, сбрасывая пиджак и делая посвободнее петлю галстука. — Где сестра?

— Мама на работе, сеструха гуляет, — сообщил подросток. — Бедка всегда так: когда у мамы дежурство, завеивается с кавалерами чуть не на всю ночь. А я тут как дурак должен квартиру сторожить...

— Не горюй. Подрастешь — будет и на твоей улице праздник!

Виссарион тяжело вздохнул:

— Так ведь это сколько ждать еще надо!

— Года три-четыре, я думаю.

— Ого!

— Не бойсь, герой. Три года — это тьфу! Пролетят — не заметишь.

— Вам хорошо говорить, вы уже пожилой, —

сказал Виссарион. — А тут не знаешь, как до каникул дотянуть, не то что три-четыре года.

Игорь рассмеялся.

— Ну, вот что, — сказал он, — раз мы с тобой остались в доме хозяева, пойдем чай пить. Без чашки крепкого чаю — смерть!

— Странно, — почесал в затылке подросток, — а у нас все взрослые водку пьют. На худой конец — пиво. Разве вы не любите водку?

— Представь себе.

— Странно, — повторил Виссарион, и по тону его голоса Игорь понял, что мальчишка пыгается справиться с разочарованием.

Как видно, по его мнению, тот, кто не пьет водку или пиво, — как бы и не совсем взрослый.

Пока попевал чайник, Игорь успел нарезать бутербродов, восхитив Виссариона своим умением управляться с острым ножом и таким образом компенсировав в глазах подростка предыдущий недостаток.

— Между прочим, я спросить хотел, — будто бы невзначай произнес Игорь, — ты заводских знаешь?

— Ну, кой-кого знаю, а что? — откликнулся паренек.

— Что значит: кой-кого?

— Лидку знаю, Бедкину подружку. Ваську Сомова знаю, хорошо дерется и с Лидкой везде ходит.

— Да, с ними я тоже успел познакомиться, — усмехнулся Игорь, припомнив тяжелую сомовскую хватку.

— Ну, еще некоторых пацанов знаю.

— Интересно, интересно. Я сегодня собирал материал о заводских службах, ну, так сказать, социального направления. В столовую заглядывал.

— Там есть повариха толстая, вот с такими щипками! — обрадовался Виссарион. — Пацаны ей кличку дали: Тетя Буфер. Смешно, правда?

— Ага, — согласился Игорь. — А еще я в медпункте был. — Он сделал паузу, рассчитывая, что

подросток сам подхватит тему, однако Виссарион молчал. — Ты, случайно, с медсестрами заводскими не знаком, а? — наконец произнес он.

Подросток задумчиво окунул сухарь в дымящийся чай и ответил не сразу.

— Вы про Степановну спрашиваете?

— Ну, если она и есть медсестра...

— Про Степановну или про Дашку?

— Про обеих! — выкрутился Игорь. — Я про каждую написать хочу. Думаю, читателям это будет интересно.

Виссарион шмыгнул носом.

— Степановна, она вредная, — сообщил он. — У нее в саду яблоки растут во такущие, — ей-богу! — а она жмотничает, не дает пацанам яблочко съесть. Прошлый год так гоняла, так гоняла! Меня по спине дрыном огрела, еле улепетнул, — застенчиво сообщил он.

— Да, — согласился Игорь, — мне она тоже как-то не показалась.

— У ей муж был, на железнодорожной станции работал, — продолжал Виссарион, — напился однажды, пошел осматривать пути и досмерти замерз. На похороны много народу пришло; я тоже был. Степановна так убивалась, так убивалась, а раньше, что ни день, с Митрофанычем дрались, она даже ему оба передних зуба вышибла лопатой.

Игорь молчал, сгорая от нетерпения, но не решаясь перевести разговор поскорее ко второй работнице медпункта. Приходилось ждать, пока Виссарион не выговорится.

— А сын у нее на зоне сидит, у Степановны. Говорят, в банде участвовал, магазины грабил, но это не в Новочеркасске, а где-то в другом городе. Может, даже в самом Ростове.

— Ростов — это серьезно.

— Я даже слышал, — продолжал Виссарион, — что якобы эта банда однажды напала на магазин, а в магазине сторож спал. Они его и убили. Представ-

ляете? Живого человека убили Я бы лично никогда не смог человека убить, даже на войне, наверное, — серьезно заявил паренек, — а вы?

— Я? — Игорь даже вздрогнул от неожиданности. — Конечно нет! А насчет второй медсестры? Она что, тоже с дрыном бегают?

— Дашка-то? Не-е, Дашка, она другая.

И подросток вдруг смолк.

Игорь нетерпеливо поерзал на табурете и не выдержал:

— Она что, не в себе, что ли?

— Она в себе, — печально произнес Виссарион. — Просто несчастная она.

Игорь оторопел. Он никак не ожидал от мальчишки таких взрослых, мудрых интонаций.

— Почему же — несчастная? — пробормотал он. — А мне показалось, как раз наоборот.

— Потому что вы не знаете ее. Все, кто ее не знает, так говорят. Дашка, она скрытная, никому ничего не покажет. Даже когда она травилась, никто не понял. Вроде только что веселая была, радовалась, танцевала даже, а потом вдруг — раз, и отравилась. Чуть не померла. Еле спасли, говорят. После этого она такая белая все время и под глазами круги...

— Правда? А я и не заметил. Что ж она травилась-то? Такая молодая, красивая!

— То-то и оно, что красивая, — вздохнул Виссарион. — Через это дело и пострадала.

— В каком смысле?

— Знаете чего, — вдруг произнес мальчишка, — вы бы лучше у Бедки все спросили, она лучше знает. А мне Дашку жалко, я рассказывать не мастак!

— Постой-постой! — испугался Игорь. Казалось, Виссарион и впрямь не намерен больше продолжать этот разговор, и именно тогда, когда дошел до главного. — Я потом с Победой тоже поговорю, но мне ведь важно знать и твое мнение. Потому что в моей

работе это главное. выслушать всех. Ты уж меня не подводи, дружище!

Уже поднявшийся из-за стола паренек был вынужден вновь усесться на место. Ему, очевидно, не хотелось говорить о молодой медсестре, но при этом он также не желал подвести гостя, который так умоляюще глядел на него в эту минуту. Не кто-нибудь все-таки, а настоящий писатель!

— Ну, я не знаю, — промямлил Виссарион. — Я уже вроде все рассказал...

— Не все, — возразил Игорь. — Что там была за история? Я-то знаю по своему опыту, просто так, ни с того ни с сего, человек не отравится.

Он подумал, что фраза, должно быть, прозвучала в его устах более чем двусмысленно, и хорошо, что паренек не мог оценить этого.

— Дашка, она наивная, — сказал Виссарион. — Влюбилась в одного... проезжего. Он командированный был, с завода, по обмену опытом приезжал. Я его видел. Высокий такой, волосы вот как у вас — красивые. И улыбался так же.

— Как — так же?

— Ну, широко, что ли. Вы, дядь Игорь, вообще чем-то на него похожи. Только вы не обижайтесь.

— Я и не обижаюсь.

— Ну вот, Дашка влюбилась в него, а он, говорят, жениться обещал и все такое... А потом собрал вещички и уехал. Дядя Гриша над ней смеялся. И все смеялись. Потому что все знали, что она влюбилась, а хахаль взял да и уехал. Она даже на вокзал его провожала вместе со всеми. Песни пела, танцевала... Никто даже не думал, что она так сделает.

— Понятно, — прошептал Игорь.

Ему и вправду многое объяснил этот сбивчивый рассказ.

Вот почему Даша так странно взглядывала на него, когда он улыбался, а потом растерянно отво-

дила взгляд, будто делала стыдное. Вот почему избегала его общества и отвечала невпопад. Все ясно.

Игорь почувствовал нарастающее раздражение. Он всегда испытывал нечто подобное, когда оказывалось, что кто-то уже успел пройти по дорожке до него и сорвать с розового куста самые первые, самые свежие бутоны.

Девочка-то оказалась — порченная.

— А еще у нее ребеночек должен был быть, — внезапно сообщил Виссарион оцепеневшему от этой новости собеседнику, — она отравилась, и с ребеночком что-то там стало. Короче, он родился в больнице мертвым.

— А это откуда тебе известно?

— Сам слышал, мать говорила. Бедка ей еще кричала, что она лезет не в свое дело, а мать Бедке сказала: «Если в подоле принесешь, как эта Дашка-поблядушка, своими руками тебя задушу!» Во как.

— Интересные дела... — Игорь вытер со лба проступившую испарину и принялся крутить в руках чашку.

Он даже не знал, о чем еще спрашивать.

Все ясно, и точка.

Чтобы он когда-нибудь еще подошел к этой «скромнице» — не бывать такому!

А еще корчит из себя недотрогу.

Правильно сказала Мария Дмитриевна, мудрая женщина, даром что гостиничный администратор.

Поблядушка она и есть поблядушка.

— А вот и я! — раздался в коридоре веселый голос, и, взъерошенная, покрасневшая (не иначе, как от поцелуев, успел подумать Игорь), в кухню влетела Победа. — Пляшите, пляшите! — закричала она, помавав перед лицом квартиранта почтовым конвертом. — У меня для вас письмо!

16. ПИСЬМО

— Ну, чего пишут?

— Все в порядке!

— Жена двойню родила, ребята! Слыхали — двойню!

— Ну, мужик, ты силен!

— Демобилизуют, наверное.

— Вот это да! Нам квартиру дали. Братцы, собственную квартиру! С двумя комнатами и ванной!

— Ну, у тебя еще черт-те сколько квартирой казарма будет.

— ...Пишет, что любит. Что скучает. Собирается приехать, навестить. Как думаешь, увольнительную дадут?

Солдаты галдели, переговаривались, заглядывали через плечо, и каждому было интересно, а что там, в письме, полученном соседом.

Полевая почта работала исправно.

Митя сидел на бровке у строевого плаца и с отсутствующим видом покусывал хилую травинку. Он изо всех сил пытался справиться с судорогой, которая то и дело кривила его губы, и на лице возникала гримаса обиженного ребенка, — впрочем, на мгновение, только на мгновение.

То, что из дому писем не было, Митю отчего-то не огорчало. Он знал, что у матери все благополучно, а что еще надо!

Однако каждый раз, когда в роте, размахивая пухлым мешком, появлялся сержант Жиян со све-

жей почтой, Митя бросался к нему, как к единственной своей надежде.

Сержант раздавал письма, громко выкрикивая очередную фамилию и хлопая счастливец по плечу; вокруг шелестели бумажные листки, распечатывались конверты, а Митины надежды таяли по мере того, как иссякало содержимое почтового мешка.

— Ну, салажня, помни мою доброту! — говорил сержант напоследок, и это означало, что писем больше нет.

Митя глядел на выпотрошенный мешок, валявшийся на полу, и к горлу подступал ком.

Оленька не писала. Она не писала несмотря на то, что сам Митя ежедневно опускал в почтовый ящик маленький белый конверт, а в нем письмо, адресованное ей лично.

— Может, до нее не доходят письма? — в который раз говорил Митя, жалобно взглядывая на невозмутимого Сидоренко, будто призывал его в свидетели. — Может, у нее адрес сменился?

— В жизни все бывает, — философски откликнулся тот.

Однако по мере того как дни шли, а от Оленьки по-прежнему не было вестей, Митей постепенно овладевала тоска.

Ночами, если комвзвода Школьник не отправлял в очередной раз драить сортир, Митя лежал на узкой жесткой кровати, глядя в исчерченный тенями потолок, и размышлял о том, что красивая девушка — это великая загадка. Если Оленька не любила его, то почему же она отправилась с ним в цирк, улыбалась, заглядывала в глаза, просила купить в Венгрии голубую кофточку? Если любила, почему не отвечала на все его послания?

Однажды — это было уже под утро, а сон все не шел, и Митя, уставясь в потолок, снова и снова шептал Оленькино имя, — так вот, однажды вне-

запная догадка пронзила мозг. Митя так и подско-чил на своей кровати.

Вот в чем дело! Оленька в нем разочаровалась. Она-то считала, что доблестный воин Дмитрий Ба-жин окажется на самом важном участке, в самом ин-тересном месте — не в Венгрии, так хоть на Курилах. Она ждала от него поступка — Поступка с большой буквы, а он очутился в каком-то захолустье, в горо-дишке, который, наверное, не сразу отыщешь на карте, и это в Оленькиных глазах было оценкой его достоинств, его значимости в этом мире.

Митя был ошеломлен.

Как же он раньше не понял!

Он с ужасом вспомнил свои подробные письма, и описания полуразвалившихся саманных домишек за забором части, и то, как (надеясь вызвать улыбку Оленьки) рассказывал про чумазых детей, гонявших в лопухах кудахчущих кур, и про армейских сослу-живцев.

Конечно. Она прочла все эти наивные до глупо-сти послания — и навсегда разочаровалась в нем.

А он ведь так и не купил злополучную голубую кофточку, хотя Оленька наверняка ждала этот его подарок и наверняка была очень расстроена, что не дождалась!

Митя решил действовать. На следующий день, сразу после утреннего занятия по физподготовке, он строевым шагом подошел к комвзвода Школьникову и, браво отдав честь, попросил разрешения обратиться.

Прищурясь, старший лейтенант поглядел на вы-тянувшегося в струнку рядового и презрительно буркнул, будто сплюнул:

— Обращайтесь.

— Товарищ старший лейтенант, разрешите по-дать рапорт.

— В чем дело?

Митя набрал в легкие воздуха и сообщил:

— Хочу служить в Венгрии.

— Чего? — переспросил Школьник.

— Желая нести воинскую службу в армейских частях, дислоцированных в Венгерской Народной Республике.

Когда до Школьника дошел смысл сказанного, он так удивился, что едва не выронил из пальцев дымящуюся папиросу. Удивился старший лейтенант, пожалуй, не столько неожиданности просьбы, сколько наглости рядового, посмевавшего заявить подобное.

Он сам, Школьник, вынужден был торчать непонятно где и возиться с этими городскими сосунками вместо того, чтобы делать карьеру штабного офицера.

Он сам не единожды обращался с рапортом к вышестоящему начальству и просил перевести его туда, где его опыт и знания будут нужнее всего и принесут пользу Родине, — в штаб армии.

Однако ему, старшему лейтенанту Школьнику, неизменно отвечали отказом. Ему даже не присвоили очередного звания, хотя срок давным-давно подошел.

А тут какая-то сопля зеленая, маменькин сыночек, дерьмо столичное — и лезет к нему с вопросом, нельзя ли в Венгерскую Народную Республику, как вам нравится!

— Ты чего, Бажин, охренел? — поинтересовался Школьник с хорошо знакомой Мите кривой улыбкой, выражающей крайнее презрение. — Моча в голову ударила?

— Никак нет, товарищ старший лейтенант!

— Тогда иди отсюда и дай спокойно покурить!

Но Митя будто не услышал и звонким голосом повторил:

— Разрешите подать рапорт!

Старший лейтенант поглядел на упрямца с некоторым удивлением. Он всегда удивлялся, когда кто-нибудь отважный, из числа подчиненных, решался ему перечить, не боясь провести ближайшие пару-тройку ночей за чисткой солдатских унитазов.

— Рапорт, говоришь? — иронично кивнул голо-

вой он. — Это ты хорошо придумал. Ну что ж, подавай. Можешь сразу, чтоб не мучиться, подать свой рапорт в сортир на гвоздик.

— Виноват, не понял, — сказал Митя. Он твердо решил не обращать внимания на любые гадости, которые, как предвидел, польются из уст комвзвода, поэтому даже глазом не моргнул, когда услышал:

— Сверни рапорт в трубочку и засунь себе в жопу!

— Могу я обратиться с данной просьбой к командиру роты? — четким голосом произнес Митя.

— Можешь, — усмехнулся Школьник. — Только не думаю, что он станет тебе в жопу рапорт запикивать. Уж если запикинет, так кой-чего посущественней! — И Школьник заржал. Шутка показалась ему весьма удачной.

Митя отдал честь и сделал «кругом».

Вечером, даже не дождавшись отбоя, Школьник объявился в казарме и приказал Мите отправляться мыть туалет.

— Рапорт написал?

— Никак нет! Не успел.

— Жаль, — покачал головой старший лейтенант. — А то унитаза рапортом драить — это, брат, такое удовольствие!

Рассеянно прислушиваясь к журчанию воды, Митя оттирал фаянсовые округлости унитаза. Он даже обрадовался, когда издали донеслись шаги. Школьник и тот был бы сейчас желанным гостем. По крайней мере, своими дебильными армейскими шуточками он мог развеять скуку.

Однако вместо старшего лейтенанта в дверях туалета возник взерошенный Сидоренко.

— Какие люди! — воскликнул Митя, воздев верху ладони. — Милости прошу к нашему шалашу!

— Не смешно, — буркнул Сидоренко.

— Опять Школьник зверствует?

— Школьник в канцелярии пьяный лежит. Вдрабадан. А вот Жиян сучает. Заглянул в казарму и

увидел, что я не сплю. Ну и... — Сидоренко сокрушенно развел руками.

— Сержант, он парень хороший, но только когда трезвый.

— Как жаль, что это бывает слишком редко.

Сидоренко медленно, словно во сне, засучил рукава и достал из-за трубы щетку-ерш.

— А с чего это вдруг ты не спал? Бессонница замучила? Рановато для нашего возраста!

— Просто не хотелось. — Склонившись над унитазом, солдат обреченно принялся оттирать грязный обод, собравшийся в воронке за день.

— Какой-то ты сегодня не такой, — оценил Митя.

Вместо ответа из кабинки донеслось:

— «Из-под топота копыт пыль по полю летит!»

— Достал, Сидоренко! Лучше расскажи, что из дому пишут.

Митя внимательно поглядел на собеседника. Он знал, что накануне тот получил письмо. Сидоренко читал, и на лице против воли возникало странное, незнакомое выражение. А Митя, исподтишка наблюдая за реакцией приятеля, испытывал уколы зависти.

— Ничего особенного, — пробормотал Сидоренко, — все в порядке. — Он отвернулся.

— И все же? — настаивал Митя.

— Ждут, когда я вернусь.

— А вот меня, кажется, никто не ждет, — мрачно сообщил Митя.

— Ерунда. Она напишет. Если любит, обязательно напишет. Куда денется?

— Я бы на твоём месте тоже стал успокаивать, — язвительно произнес Митя. — А чего, спрашивается? В конце концов, на свете ничего не бывает вечным. Даже любовь.

Выдав эту тираду, он застыл. Как никогда в жизни, хотелось, чтобы Сидоренко возмутился и стал переубеждать его.

Однако Сидоренко молчал.

Митя почувствовал, как злость и обида захлестывают его с головой.

— Ага, — недобро протянул он, — конечно. Тебе уже дела ни до кого нет. Даже до друга. Получил письмоцо — и доволен, а дальше хоть трава не расти!

Сидоренко вздохнул и вновь ничего не ответил.

— Нет, все-таки странный ты тип, Сидоренко, — сказал Митя. — Прямо бирюк. Нельзя же все время только скороговорки бубнить! Неужели тебя девушки не интересуют?

— Не интересуют, — коротко ответил тот.

— Ничего себе! Что, вообще?

— А что в них хорошего? — с неожиданной злостью выпалил Сидоренко. — Все они одинаковые. Суки!

— Чего? — поразился Митя.

— Суки и бляди! Я бы всех их — к стенке. Всех до одной. Я бы не стал, как ты, нюни распускать.

— Т-то есть... как?

— А так!

— Что ты понимаешь?! — заорал Митя, наступая на собеседника с грозным видом. — Умник! Артист погорелого театра! Разве тебе известно, что такое настоящая любовь? Настоящая жизнь?! «Из-под топота копыт...» — единственное, что ты умеешь. Да еще вот унитазы вылизывать! А у человека, может, горе! У человека, может, судьба рушится! Всем на все наплевать. Каждый занимается только собой. Никому ни до кого нет дела!

— Вот и занимайся! — рявкнул Сидоренко. — Тоже мне доморощенный Ромео нашелся!

— Чего? — поразился Митя.

— Болт в пальто! — со школьнической язвительной интонацией ответил приятель. — Ты думаешь, твоя там ждет тебя? Очень ты ей нужен! Она уже, наверное, давно тебя забыла! Ходит с каким-нибудь козлом по ресторанам и горя не знает. Они все такие!

Сидоренко недоговорил. Митя сзади прыгнул

ему на спину, повалил на грязный мокрый пол и принялся что есть силы мутузить кулаками. Занимался он этим неумело, но с чувством. Он был настолько поглощен своим занятием, что не сразу осознал, что Сидоренко и не думал сопротивляться. От каждого нового удара тот безвольно вздрагивал всем телом и нелепо мотал головой. С тем же успехом Митя мог колошматить тряпичную куклу.

— Ты чего, Сидоренко? — растерянно пробормотал Митя, ощутив, как весь гнев его улетучивается, будто воздух из пробитого футбольного мяча. — Что с тобой?

Сидоренко повернул к Мите лицо, тронул пальцем разбитую губу и вдруг слабо улыбнулся. Затем он молча поднялся с пола и, взяв ерш, повернулся к унитазу.

Митя глядел на его крепкую спину. Он не сразу понял, что спина, и плечи, и все тело Сидоренко сотрясаются от сдавленных рыданий.

— Эй... Витек... не надо, слышишь! — Митя осторожно коснулся подрагивающего грязного локтя Сидоренко. — Витек, я не нарочно. Прости меня!

Тот не оборачивался.

Произошло страшное. Митя еще не понял, что именно и почему, но шестым чувством ощутил: грядет беда, и он бессилен что-либо изменить. Как нашкодивший школяр, он лепетал бессвязные извинения и клялся в дружбе, но Сидоренко словно не слышал — он продолжал елозить ершом по внутренности унитаза, и на скулах его играли тяжелые желваки.

Утром Сидоренко исчез. Его искали по территории части всем взводом, а потом и всей ротой; Школьник матерился и грозился всех натянуть по очереди, если сейчас же... из-под земли... и т.д., и т.п.

Сидоренко как в воду канул.

— Ты с ним, что ль, сортир вылизывал? — помянув Митю пальцем, негромко спросил сержант Жи-ян. — Я его ночью тебе на подмогу прислал.

У Жияна был непривычно растерянный вид. Он взглядывал на подчиненного почти заискивающе, будто надеялся найти защиту.

— Ага, — кивнул Митя, — было дело.

— Что там у вас случилось?

— Ничего особенного, товарищ сержант.

— Врешь небось?

— Никак нет. — Митя замялся, пытаясь решить, стоит ли сообщать о драке, и в конце концов произнес: — Мы с ним повздорили, так сказать, немного. А потом вроде помирились.

— Что значит: повздорили? — насторожился сержант.

— Ну, не сошлись во взглядах.

— Короче. Кто кого отлупил?

Митя покраснел и опустил глаза.

— Понятно, — сказал сержант. — Значит, так. Если он в течение трех суток не вернется, его судить будут. Как дезертира. Если он скажет, что из-за тебя сбежал, — сам под трибунал угодишь. Понял меня? — Лицо его вдруг приняло заговорщицкое выражение, и Жиян негромко прибавил: — Так что — молчи. Будут спрашивать — ты ничего не знаешь. Он ночью спал. И я его ни в какой сортир не отправлял. Понятно?

— Так точно, товарищ сержант.

— Свободен.

Вечером солдаты были необычно молчаливы и подавлены. В воздухе все ошутимее пахло грозой, нет, не грозой даже — бурей. Мрачные офицеры проходили мимо, не отдавая чести. Не до того. Попытка дезертирства из воинской части — это ЧП.

Старший лейтенант Школьник заглянул в казарму, пошептался о чем-то с сержантом и ушел, не поглядев на Митю, который с обреченным видом стоял неподалеку. Митя был изумлен до глубины души. Неужели на сегодня традиционная чистка сортира отменяется?

После команды «Отбой» он долго ворочался, не в силах заснуть. Поступок Сидоренко был бессмысленным, алогичным, абсолютно нелепым. Сидоренко, который всегда отличался невозмутимостью, демонстративным равнодушием ко всему и вся, — и вдруг дезертировал?! Но это же глупо, глупо!!!

Митя вспоминал вчерашнюю ссору и коротко стриженный затылок Сидоренко, содрогавшийся от рыданий. Из-за чего?

Вряд ли из-за идиотской потасовки или злого Митиного крика. У Сидоренко достало бы иронии отнестись ко всей этой истории как к забавному пустячку, развлекательному времяпрепровождению. Умел же он подобным образом реагировать на зуботычины Жияна и солдафонский юмор старшего лейтенанта Школьника.

Тут дело в другом — но в чем?!

И внезапно перед мысленным взором Мити встали картины вчерашнего дня, бодрый крик сержанта: «Подымайсь, салажня, почта приехала!» — и упругий, шуршащий содержимым почтовый мешок, и извлекавшиеся из него конверты, и счастливое лицо Сидоренко, распечатывавшего послание, и странное выражение, возникавшее на лице по мере того, как он пробегал глазами косые строчки.

Митя широко распахнул глаза.

Письмо! Как же он не понял? Все дело в письме!

Охваченный волнением, он просунул руку под подушку, чтобы повыше взбить ее, и внезапно нащупал скомканный листок бумаги.

Достаточно было и взгляда, чтобы узнать стремительный почерк Сидоренко.

Послание начиналось словами:

«Прости, Митек!»

17. ИНФОРМАЦИЯ

«...Бесстыдник, вот кто ты такой, и не отпирайся! Надо же, в конце концов, и совесть иметь. Понимаю: дела есть дела, но мог бы черкнуть хоть строчечку, разве нет? Хотела бы знать, сколько ты будешь пропадать невесть где! Разумеется, я пыталась навести кое-какие справки, но твое начальство делает вид, будто не знает, что именно меня интересует. На сей раз даже папа хранит мертвое молчание, хотя я вижу, что уж ему-то точно что-то известно. Надеюсь, у тебя все в порядке.

Что до меня, то я бодра, весела и полна сил. Жизнь движется по заведенному кругу, и у меня нет времени тосковать. На прошлой неделе мне позвонил — угадай кто? — Олег Лачинов, помнишь такого? Он проездом в Москве и очень хотел повидаться. Сначала я отказалась, но потом подумала, что тебе не грех было бы и поревновать, и — согласилась. Мы славно посидели в ресторане, а затем ездили в Сосновый Бор и вернулись только под утро. Надеюсь, твоя фантазия подскажет, чем мы занимались ночью в роще. Увы, на самом деле все было гораздо прозаичнее, однако мне ужасно хочется подразнить тебя. В конце концов, это же свинство — бросить меня Бог знает на какое время, не показываться, не подавать весточек и делать вид, что чудовищно занят.

Стоп-стоп, тут я соврала: я ведь получила твое короткое письмецо. Я уже и позабыла о нем, так много воды утекло с тех пор. Разумеется, твоя прось-

ба не осталась без внимания. Я несколько раз аккуратно забрасывала удочку в разговорах с папой, зондировала обстановку и могу сказать, что он по-прежнему готов забрать тебя себе в помощники. Обещает хорошую зарплату и отличные перспективы. По-моему, глупо будет не воспользоваться этой возможностью. Так что поскорее возвращайся, и будем сообща переориентировать твою профессиональную деятельность.

Между прочим, папа позавчера отбыл в командировку в ГДР (хотя какой смысл писать об этом: ты наверняка уже прочитал все эти новости в газетах), и дача опять пустует. Я подумала: как глупо — дача пуста, а ты черт-те где.

Вчера была на спектакле из Швеции, скукотища дикая, но я сидела с умным видом, пялилась в театральный бинокль на безбожно кривлявшихся размалеванных артистов и восхищалась изысканностью постановки. Впрочем, как и все остальные.

Справа от меня сидел «Петр Васильевич» (надеюсь, ты понимаешь, о ком я) со своей милой тюленеподобной супругой. Она была в жутком обтягивающем красном платье с чудовищным декольте (декольте — в ее-то годы!) и все время обмахивалась веером и промокала платочком жирную грудь. В самые драматические, по ее мнению, моменты спектакля она закатывала глаза и шумно вздыхала. Как видно, рассчитывала в очередной раз подкрепить свою репутацию истинной ценительницы высокого искусства.

И вот, представь, когда на сцене рвали страсти в клочья и долговязая рыжая шведка, изображавшая лирическую героиню, уже повалилась на кушетку в предсмертных судорогах, в зале раздался могучий храп. Даже несчастная шведка и та опешила и на несколько мгновений позабыла про свою мучительную и кровавую агонию.

Все завертелись, пытаясь разглядеть, кого ж это так пробрало. Надеюсь, ты уже догадался: «Петр Васильевич» полулежал в кресле, отворив рот, и на ли-

це его было написано такое блаженство, которое недостижимо никакими зрительскими впечатлениями. Раздался смех; супруга с шипением стала толкать «Петра Васильевича» локтем в бок, а он спросонья решил, что спектакль закончился, и заплодировал. Все захохотали. Приободренный «Петр Васильевич» своим гнусавым басом заорал «браво!».

Вообрази состояние несчастной шведки, которой пришлось умирать на кушетке под неумолчный хохот развеселившейся публики.

Короче говоря, все расходились в превосходном настроении и за глаза благодарили несчастного «Петра Васильевича» за доставленное удовольствие. Надо было видеть, как гневно сверкала глазами его женушка, направляясь за шубой в кабинет директора, а «Петр Васильевич» плелся за ней, как побитая собака. Никогда бы не поверила, что у человека, которого все привыкли видеть на трибунах в позе пламенного оратора и на парадных газетных фотографиях, может быть такое жалкое выражение лица.

Надеюсь, ты вскорости свернешь свои дела, и мне больше не придется ходить по театральным премьерам в гордом одиночестве и ездить за город в сомнительных компаниях. Гляди, а то ведь и мое ангельское терпение может в какой-то момент закончиться!

Целую (в щечку) и все еще жду. Твоя Г.

P.S. Кстати, совсем забыла. У меня есть для тебя особая информация. Как сам понимаешь, я могу передать тебе ее только лично (по телефону). Меня настоятельно просили, чтобы ты срочно позвонил мне».

Игорь улыбнулся и, сложив вчетверо бумажный лист, отправил его обратно в конверт. Галина была в своем репертуаре. Самое главное она приписала в качестве постскриптума, и спасибо, что не забыла, а то ведь могла...

Он хорошо знал, что такое эти подчеркнутые жирным слова: «особая информация», «срочно», «настоятельно».

Полковник Бугаев часто предпочитал действовать через Галину, не вовлекая в цепочку передачи сведений лишних людей.

Галина была надежным во всех отношениях человеком: она никогда не интересовалась смыслом зашифрованных фраз, которые послушно повторяла Игорю, и не задавала ненужных вопросов.

Она весьма удивилась бы, если б узнала, что немудреный набор слов, которые то и дело надиктовывала по телефону, не раз содержал смертный приговор тому или иному человеку.

Поначалу, признаться, Игоря смущало, что Бугаев решил вовлечь Галину во «взрослую», как он считал, игру, но полковник резонно заметил, что дочь Анатолия Дмитриевича, которая без конца названивает в комитет в поисках Игоря и со многими чинами общается на короткой ноге, щебеча в трубку: «Дядя Илья», «дядя Боря» по своей давней, еще детской привычке, ни у кого не вызовет подозрений.

Игорю пришлось согласиться.

Итак, наутро после получения письма он сидел в захламленном помещении переговорного пункта и дожидался, когда же наконец телефонистка соизволит соединить его с Москвой.

Связи не было. Рыжая смешливая девчушка, принимавшая заказ, обстоятельно объяснила ему, что на линии неполадки, но она попытается прозвониться «по обходной» и надо просто немножко потерпеть.

— А у меня в Москве двоюродная тетя живет, — сообщила девчушка. — На Арбате.

— Соседи, — кивнул Игорь.

— Правда? Вот здорово! Может, вы ее знаете? Шумилова Ираида Тимофеевна. Высокая такая, толстая. Газированной водой торгует.

— Не знаю.

Он отвернулся, давая понять, что разговор окончен. Девчушка несколько мгновений еще глядела на приятного молодого собеседника в тайной надежде, а потом печально вздохнула и принялась от нечего делать шуршать телеграфными бланками.

Игорь вновь перечитал послание Галины и улыбнулся, вообразив сцену, случившуюся на представлении шведской театральной труппы.

«Петра Васильевича» на самом деле звали иначе, это был крупный партийный чиновник, близкий приятель Анатолия Дмитриевича и, следовательно, давний знакомец Галины.

Он получил свое прозвище в честь откормленного котяры, без конца слонявшегося по помойкам дачного поселка партийно-правительственной элиты. Котяра был до безобразия толстым, наглым и абсолютно уверенным в своей неуязвимости; он не раз умудрялся стащить сочный кусок телячьей вырезки с разделочных столов открытых кухонь, чтобы затем, усевшись на солнышке, внаглую лакомиться добычей и шипеть на разъяренных кухарок, которые осмеливались покушаться на его неприкосновенность.

Старожила Петра Васильевича уважали и побаивались все дачные постояльцы. Как ни странно, за ним давно шла суеверная слава, что, дескать, каждый, кто посмел обидеть зажавшегося котяру, вскорости лишался своего кресла, дачи и многих других привилегий. Помнится, первым пнул Петра Васильевича сам Маленков, у которого Петр Васильевич пытался похитить отбивную. Это было как раз накануне известных событий, после которых всемогущий партийный деятель превратился в опального директора провинциального предприятия. Говорили, что и у Молотова случился какой-то мелкий конфликт с вороватым котом, а следом произошли ужасные перемены в судьбе Вячеслава Михайловича.

— Вот так оно бывает, — однажды заметил философским тоном Анатолий Дмитриевич, погля-

дев на хозяйски прогуливающегося по двору дачи, как по собственной вотчине, Петра Васильевича, — кто-то падает, а кто-то возносится. И все — на одной и той же волне. Повезло Петру Васильевичу...

Тем временем кот уселся на кухонный подоконник и стал жрать сметану из миски. Анатолий Дмитриевич покорно наблюдал за кошачьим бесчинством, однако не шевельнул и пальцем.

Правильно сделал — государственные потрясения в очередной раз обошли Анатолия Дмитриевича стороной и он даже получил правительственную награду за какие-то там (ему самому толком неизвестные) заслуги.

Между прочим, тайна солидного кошачьего имени так и не была никем объяснена. Почему и каким образом Петр Васильевич стал Петром Васильевичем, а не, скажем, Мурзиком, никто не знал.

О Господи, размышлял Игорь, расслабленно развалившись на жесткой скамье и наблюдая за скучным течением городской жизни за окном переговорного пункта, — о Господи, понять бы, что за странные закономерности движут миром, если даже самые всемогущие могут бояться обыкновенного дворового кота и наперебой лебезят перед ним. Великие тайны высокой политики, — обиженный кот сверг с престола Молотова и Маленкова. Слава Богу, Хрущев не имеет соприкосновений с коварным Петром Васильевичем, усмехнулся Игорь, а то, кто знает, как могла бы повернуться его судьба!

— Ой-ей-ей! — тоненьким голоском завопила рыжая телеграфистка. — Кажется, Москву дают! Москва, первая кабина, скорее!

Игорь пружинисто соскочил со скамьи и в три шага преодолел расстояние, отделявшее его от вожделенного телефонного аппарата.

В трубке сипело и шкворчало.

— Алло? — крикнул Игорь. — Алло, Галочка? Это я!

— Говорите громче, — посоветовала телеграфистка.

— Алло!!! Галочка!!! Это!!! Я!!!

Наконец из глубины телефонной бездны, из скрипов, шорохов и дальних голосов возник знакомый, ни с каким другим не сравнимый голос.

— Галочка, это Игорь!

— Представь, я догадалась, — с трудом разобрал он.

— Ты просила позвонить! Я вчера получил твое письмо!

— Вчера?! А звонишь только сегодня?

— Было уже поздно.

— Мог бы и не ждать письма, а объявиться сам. Без приглашения.

— Что-то произошло?

— Пока нет. Ты скоро вернешься?

— Галочка, ты же знаешь, это зависит не от меня!

— Твой Бугаев не хочет со мной разговаривать, — обиженно заявила Галина. — Я ему позвонила, а он сказал, что занят. Сам-то небось в командировки только по загранкам ездит!

— Галя! — укоризненно произнес Игорь.

— Ладно. Папа тебе передает привет. Ждет тебя для серьезного разговора. Надеюсь, ты понимаешь, о чем речь?

— Кажется, да.

— Если ты снова вздумаеть отказываться, я тебе больше не помощник. Разбирайся сам.

— Галочка, ты написала, у тебя есть важная информация. — Игорь попытался перевести разговор в нужное русло.

— Ты что, не хочешь со мной разговаривать? — возмутились на другом конце провода. — Один раз позвонил и не хочешь узнать, как дела?!

— Я обо всем прочел в письме.

— Ты где? Они даже не дали мне твой адрес! Что это значит? Из-за чего такая конспирация, а?

— Никакая не конспирация.

— Новочеркасск — это где?

— На юге.

— Ага! Море, солнце, красивые девушки...

— Никакого моря здесь нет и в помине. Одна только речка-вонючка. Часто идут дожди. Я все время мокну со дня приезда.

— А что насчет девушек? — ехидно поинтересовалась Галина.

— Не видал. Для меня на свете есть только одна красивая девушка. Ты!

— Знаю, что врешь.

— Чтоб я сдох.

— О, теперь не просто знаю, а уверена! И как ее зовут?

— Галочка, перестань.

— Между прочим, Олег продолжает меня обхаживать.

— Какой Олег?

— Лачинов. Я же тебе писала.

— Он еще не уехал?

— Представь себе, нет. Задержался. Догадываешься, из-за кого?

— Время разговора подходит к концу, — металлическим голосом доложила из глубины телефонного пространства невидимая телефонистка. — Заканчивайте!

— Девушка, еще минуту! — возопил Игорь. — Галочка, ты должна была сообщить информацию!

— Должна была. А вот теперь не хочу. — В трубке раздался смешок. — Ладно, слушай. Завтра на железнодорожном вокзале тебя будут ждать. В двенадцать тридцать, у справочной.

— Завтра?

— Именно. Я уже думала, не успею тебе передать.

— Больше ничего?

— Тебе мало?

— Хорошо.

— Больше ничего? — Она повторила его вопрос, придав голосу максимально возможную степень ядовитости.

— Я тебя люблю, — выпалил Игорь. — Скучаю. Жду встречи. Целую. Обнимаю... — На этом слове в трубке шелкнуло, и их разъединили.

Игорь облегченно перевел дух. Телефонные разговоры с Галиной стали превращаться для него в подобие пытки.

Сидишь тут в дыре, мучаешься, звонишь за тридевять земель, можно сказать, на тот (другой, лучший, замечательный) свет — и вместо радости и утешения получаешь очередной ушат помоев. Тьфу, редкостное умение портить настроение, не каждая женщина таким похвастать может.

Впрочем, кое-какую информацию Игорь все-таки получил.

Интересно знать, что случилось там, в Центре, если для передачи инструкций специально снаряжают посланника в эдакую Тмутаракань?

Он-то, наивный, рассчитывал, что не сегодня-завтра его отзовут назад, считал свою миссию выполненной!

Странное дело. Во всех отчетах Игорь не устал указывать, что настроения в Новочеркасске соответствуют среднестатистическим, ничего похожего на массовое недовольство курсом партии и правительства замечено не было и вряд ли зреющие в Москве и Ленинграде антисоветские выступления найдут здесь хоть какую-то поддержку.

Разумеется, если бы на заводе объявились эмиссары-провокаторы, рабочих можно было раскатать на что угодно. На то они и рабочие — что им скажут, то они и сделают. Однако нелепо было предположить, что кому-то всерьез придет в голову подымать восстание в каком-то захолустном городишке, считай, на окраине страны.

Вывод один: в комитете появились новые сведе-

ния, причем весьма важные. Игорь надеялся, что они не повлияют на длительность пребывания в Новочеркасске, но при этом понимал, что надежды эти вряд ли имеют под собой реальное обеспечение. Как видно, здесь еще предстоит много работы.

С окончательно упавшим настроением он покинул телефонную кабинку.

Рыжая телефонистка встретила его взглядом разомлевшей ласковой телки. Она слышала обрывки Игоревых фраз, ничего не поняла, но две из них навсегда запали в душу: «Для меня есть одна девушка на свете!» и финальное «Люблю».

Везет же некоторым, томно вздохнула телефонистка, бывают же высокие чувства!

— Благодарю, — буркнул Игорь, направляясь к выходу.

— Заглядывайте еще, — улыбнулась на прощание рыжая.

Игорь хлопнул дверью — и едва не столкнулся с невысокой девушкой, шагнувшей ему навстречу.

— Надо же! — с радостью воскликнула она, и в этой чрезмерной радости послышалась некоторая натужность. — Это вы?

18. ИНЖЕНЕР ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ДУШ

Игорь поднял глаза и не сразу понял, кто перед ним.

— Мое почтение, — буркнул Игорь. Против обыкновения, он даже не пустился с места в привычный галоп кокетства, как непременно сделал бы в любой другой ситуации.

Казалось, и девушка пыталась скрыть замешательство и после первой фразы словно бы не знала, о чем говорить.

— Вы не поверите, но я как раз думала о вас, — проговорила Даша. — Шла и думала...

— Вот как? — Он сделал видимое усилие, чтобы взять прежний, привычный легкомысленный тон. — И что же вы обо мне думали? Надеюсь, что-то очень хорошее!

— Не скажу! — В голосе девушки зазвучала игри-вость. — Думала — и все. Разве этого недостаточно?

— Смотря для чего.

Оба они замолчали, разглядывая друг друга.

Такая скромненькая, усмехнулся про себя Игорь, такая целомудренненькая: с виду и не скажешь, на что способна. Распахнутые глазенки. Пухленькие губки. Он против воли вообразил, как она до крови кусала эти губки, когда рожала мертвого ребенка.

— Ну что ж, — сказал Игорь, — рад был пови-даться. Мне пора.

— Вы спешите? — спохватилась девушка.

— Дела, — уклончиво отвечал он. — Я хотел

поработать сегодня... за письменным столом. Записать кое-какие мысли.

— Так вы домой?

— Именно.

— Знаете, нам по пути. Я как раз в ту сторону направляюсь. Не возражаете, если я составлю вам компанию? Заодно и город немного покажу, как в прошлый раз обещала.

Игорь удивленно воззрился на собеседницу. Совсем недавно она руками и ногами отталкивала его от себя, всеми силами и средствами давая понять, что тяготится его обществом. А теперь вот сама набивается на общение. С чего бы такие перемены?

— Но, по-моему, вы шли на почтамт, — напомнил он.

— На почтамт? — удивилась Даша. — Ах, да... Папа просил конверты взять. Без конца пишет и пишет своим однополчанам. Скучает по военному времени.

Игорь смотрел на ее нервно подрагивавшие ресницы.

— Ладно, — решил он, — покупайте свои конверты, и пойдём. Только если вы и на этот раз бросите меня посреди улицы, пеняйте на себя!

Даша благодарно улыбнулась и впорхнула в помещение телеграфа. Сквозь стеклянную дверь Игорь видел, как она торопливо расплачивается с рыжей телеграфисткой. Телеграфистка, слюнявя пальцы, отсчитывала конверты и то и дело взглядывала из-за плеча Даши на Игоря — так смотрят убежденные патриоты на врага народа, не иначе. Она была оскорблена в лучших своих чувствах. Ничего себе, гад какой: только что щебетал по телефону с московской пассией, клялся в любви, а теперь вот, не успел за порог ступить, заигрывает с первой попавшейся юбкой.

Тьфу на вас, мужики, все вы такие! — было в

этот момент крупными буквами отпечатано на лице рыжей.

— Все! — объявила Даша, выходя из дверей здания, которые Игорь с привычной галантностью распахнул перед ней. — Мы можем идти.

Они двинулись по залитой солнцем улочке, на которой мальчишки гоняли вдрызг изорванный тряпичный мяч.

— Вы собирались рассказать мне о городе, — напомнил Игорь. — Или так и будем молчать?

Она вскинула голову, и щеки залил нежный румянец.

— Извините, — пробормотала она, — просто я задумалась. Со мной случается. Не обращайтесь внимания. Вы о чем-то спросили?

— Я спросил, не хотите ли поговорить со мной?

— Да, конечно. Как продвигается ваша работа над книгой? — вдруг спросила Даша. — Вы уже собрали материал?

Игорь пожал плечами.

— Похоже, да. Надеюсь, в самом скором времени я покину ваш благословенный город и с чистой душой запрусь в своей маленькой московской квартирке, сяду за письменный стол, чтобы навсегда обессмертить Новочеркасск и его обитателей.

— Так вы уже собираетесь уезжать?

— Хорошего помаленьку. Но не делайте вид, что вы огорчены. Все равно не поверю.

— Почему? Может, я и огорчусь, — уклончиво произнесла Даша. — Вам почем знать!

— Интуиция. Я уеду, вы меня забудете, и прошлое станет сном. Оно оживет лишь на страницах книги. Между прочим, — прибавил Игорь, — про вас я тоже напишу.

— Про меня? — испугалась медсестра.

— Про вас. Это будет очень трогательная и печальная глава о прекрасной девушке, которая однажды бросила своего спутника с букетом цветов по-

среди дороги и запретила стоять под ее окнами и петь серенады. Жестокая, она разбила его сердце!

— Опять шутите? А это поразительно, — негромко произнесла она после недолгого молчания. — Я всегда удивлялась, как, из чего рождаются книги. Вот вы приехали, побродили по городу, заглянули на завод... Казалось бы, так просто! Но ведь я всю жизнь хожу по этим улицам и на электровозостроительном давно работаю, однако не смогла бы, наверное, написать и трех строчек.

— Смогли бы, — усмехнулся Игорь. — Это элементарно!

— Нет-нет, — возразила Даша, — вы не понимаете. Вам кажется, что вы такой, как все, но на самом деле это не так. Писатель должен обладать каким-то особенным зрением, внутренним. Когда я читаю хорошую книгу, меня оторопь берет: как этот далекий незнакомый человек может так полно, так исчерпывающе понимать меня и мою жизнь. То есть, конечно, он пишет вовсе не обо мне, но я все время ловлю себя на мысли, что он угадывает самые важные, самые глубокие тайны — мои тайны, понимаете? Признайтесь, разве вам не страшно? Разве вы не боитесь своего дара видеть людей насквозь?

— Мне это нравится, — без лишней рефлексии сообщил Игорь. — Особенно когда я вижу насквозь хороших женщин. Хотите, я сейчас все про вас расскажу: кто вы, что вы, как складывалась ваша жизнь до нашей встречи?

— Не хочу, — поспешно выпалила девушка.

— Как знаете... — Игорь изобразил на лице загадочную всепонимающую улыбку. Нет, что ни говорите, а инфернальные роли оракулов и ясновидцев всегда шли ему.

Даша остановилась на обочине неширокой дороги, пропуская громыхающую цистерну с мазутом.

— Между прочим, на заводе ваш приезд наделал шуму, — вдруг сказала она.

— Серьезно?

— Да. Все ломают голову, почему и чем мы могли заинтересовать столичного писателя?

— Ну, — протянул Игорь, — как раз это-то понятно. Страна у нас большая, и надо освещать все аспекты ее жизни, в том числе и в небольших городах. Кроме того, у вас тут крупное производство. До революции небось была обычная казачья станица, а теперь промышленный центр. Перемены, так сказать, налицо.

— Скажите, вы действительно будете писать о нас хорошо?

— Думаю, да. Город мне понравился. Я даже пожалел, что не могу навсегда остаться здесь. Тихо, чистенько... никакой столичной суеты и гонки.

— Понятно.

— А что, имеются основания, чтобы писать плохо?

— Плохое можно разглядеть даже в самом хорошем, — философски заметила Даша, — было бы желание. И наоборот.

— Надеюсь, это ваше «наоборот» ко мне не имеет никакого отношения. Скажите, Дашенька, а я вам нравлюсь? — внезапно спросил Игорь.

— В каком смысле? — опешила она.

— В прямом. Мне надоел этот разговор о городе. Ничем не лучше, чем разговор о погоде. Давайте поговорим о личном. Прoshлый раз вы сказали, что я напоминаю какого-то человека.

— Пожалуйста, не будем об этом! — почти взмолилась девушка.

— Нет, почему же! — настаивал Игорь. — Именно это мне и интересно. Потому что писатели, как говорится, они инженеры человеческих душ. Нас влекут чужие секреты.

— Вряд ли мои секреты окажутся для вас интересны.

— А уж об этом мне судить. Так нравлюсь я вам или нет?

Даша остановилась, и Игорь был вынужден остановиться вместе с ней. Она подняла на него полные тоски глаза.

— Зачем вы меня мучаете? — спросила она.

— Я?

— Вы. Если вы инженер душ и все знаете, как утверждаете, то зачем задаете такие вопросы? Жестокость — это ведь ужасно!

Он опешил. Она говорила так, словно и впрямь чувствовала себя уязвленной в самое сердце. Словно он вырвал из нее постыдное признание, а теперь насмеялся над нею.

В эту минуту она вовсе не выглядела взрослой, многое пережившей женщиной. Она была подростком, беззащитным и несчастным, будто страшный груз, волокущим на плечах свою постыдную тайну.

Нет ничего более жалкого на свете, чем обманутая женщина.

Все эти мысли в мгновение пронеслись в голове Игоря.

Даша сжала губы и прошептала:

— Вот и ваш дом. А мне — туда. Не провожайте, не надо, — опередила она его жест. — Я прошу вас, не провожайте меня.

Убейте, если я хоть что-нибудь понял, растерянно подумал Игорь. Эта странная девушка все больше и больше влекла его к себе несмотря на то, ЧТО он знал о ней. В конце концов, закрутить роман можно и с поблядушкой, почему нет?

Размышляя подобным образом, он побрел к двери своего подъезда.

Тем временем Даша свернула за угол, подошла к телефонному автомату и опустила в прорезь монетку.

— Алло? — негромко произнесла она, услышав голос на другом конце провода. — Это я. Ну, что сказать... Он собирается уезжать.

19. ЗАПИСКА

Митя в десятый раз перечитывал записку. Строчки прыгали и перед глазами стояла только первая фраза — «Прости, Митек!» Простить? За что?

Митя не мог понять, как такой всегда уравновешенный Сидоренко решился на побег. Зачем это было нужно? Куда он бежал?

Теория Витька о том, что ничего не нужно принимать близко к сердцу, до сих пор помогала Мите. Не то чтобы он свято верил в нее, но так было спокойней. Рядом был человек, которого, казалось, никакое потрясение не способно вывести из равновесия. Проблемы с Оленькой сразу представлялись несерьезными, и Мите становилось необыкновенно легко.

— Ага-а, рядовой Бажин! — Этот голос словно ударил Митю, и сердце его екнуло. — Встать! — Школьник обрадовался, что застал Митю врасплох. Митя побледнел и нервно смял записку, однако уже было поздно. Школьник вонзил взгляд в белый кусочек бумаги, который выглядывал из Митиного кулака. — Что у вас?

— Ничего.

— Как — ничего? Дурака из меня делать? Развели, понимаешь, цуцели-муцели. — Школьник помахал пальцем перед носом солдата, и едкий запах махорки ударил Мите в нос. Вдруг Школьник неожиданным выпадом ловко схватил одной рукой Митин кулак, а

другой легко разжал его. Записка упала на землю, и Школьник прикрыл ее сапогом.

Митя растерялся. От бессилия предательски наворачивались слезы. И он дрожащим голосом выговорил:

— Вы... Вы не имеете права.

— Да, да, да. Я не имею права. — Школьник издевательски подмигивал Мите и водил носком сапога по записке. — Я вот тебе сейчас такое право покажу. Кру-у-гом!

От окрика, по инерции, Митя развернулся на сто восемьдесят градусов. Школьник легко поддел сапогом записку и так же легко поймал грязный кусочек. Пробежав глазами текст, старший лейтенант подмигнул Мите и, растягивая слова, пропел:

— «Ми-и-тек»! «Ви-и-тек»! Кто писал? Кто писал, я спрашиваю?

Митя стоял спиной к Школьнику, и рыдания застряли у него в горле. Он с ужасом пытался вспомнить текст записки, но не мог. Не мог припомнить ни одного слова. «Гад, гад!» — шептал он.

Школьник резко развернул Митю, и снова перед носом солдата закачался махорочный палец.

— Я знаю, кто писал. Под трибунал вместе пойдете, друженько так, в белых тапочках. — Эта последняя фраза так понравилась Школьнику, что он самодовольно захохотал и, поигрывая запиской, отправился прочь.

Митю трясло. Самое страшное — он подвел Сидоренко. Что удалось узнать Школьнику из записки? Конечно, она не содержала никаких военных тайн, но для Мити сейчас самыми важными были тайны их личной жизни, их переживаний. Кроме того, Витек совершил серьезный проступок, ему грозил трибунал, и эта записка могла стараниями комвзвода вызвать неприятные последствия. Зловещим казалось Мите и то, что Школьник ушел, не придумав Мите очередного наказания. Значит, ду-

мал Митя, дело было таким тяжелым, что не вписывалось в привычный круг школьнических наказаний. Надо было что-то предпринять, однако ни одна трезвая мысль не посещала Митю. Он понимал, что прежде всего следовало успокоиться, но нервное напряжение давало о себе знать, и чем больше Митя старался уговорить себя, тем сильнее хотелось закричать на всю часть, зарыдать.

20. АУШНО

Дверь Даша открыла своим ключом, предварительно позвонив. Полутемный покой директорской квартиры всегда успокаивал ее, она любила приходить сюда одна и теперь, по обыкновению сбросив беленькие туфельки, зашлепала, как хозяйка, по толстому ворсу китайского ковра. Такие ковры распределяли на заводе в глубокой тайне среди самых крупных чинов, и Даша знала, что Петухов даже не догадывался о тех аферах, которые проворачивались вокруг подобных дефицитных вещей, вернее, он догадывался, но никогда не хотел вникать, потому что за него всегда в такие вещи вникала эта бледная мегера, его секретарша. Влияние Лидии Ивановны раздражало и настораживало Дашу, но заговорить о ней с Петуховым было бессмысленно, потому что директор всегда уходил от разговора.

Даша прошла в гостиную и осторожно выглянула из-за портьера. За окном было пустынно. Только теперь она могла расслабиться и приоткрыть форточку. Жаркий, но еще весенний ветер обмахнул ее лицо. Девушка опустилась в роскошное кожаное кресло, свое любимое, и забросила ноги на спинку.

А ножки вроде бы ничего...

Даша вдруг почувствовала радостное возбуждение от своей молодости, желания нравиться, от уюта комнаты и от каких-то совершенно необъяснимых предчувствий.

Вспомнилось, что ровно год назад она в это вре-

мя едва подошла к больничному окну и заплакала. увидев, что ее любимая вишня уже отцвела. Весна прошла. Вдруг остро перед Дашей встал тот вечер, когда она прибежала с вокзала, так остро, что она явно почувствовала в комнате запах аккумуляторной жидкости. Даша нашла ее тогда в бардачке у отца. И сразу все невыносимые душевные страдания отступили перед огнем физических мучений. Организм словно пытался освободиться от ненавистой жидкости, но не мог. Начались судороги, синели руки и ноги. Но ничего не было столь ярким, как страх смерти. Жизнь уходила медленно, постепенно, и это было самым жестоким. Даша орала, как животное, и, словно пытаясь удержаться на краю существования, неловко взмахивала руками. Сейчас в этой прохладной красивой комнате события годовой давности казались ей нелепыми и пошлыми, происшедшими вовсе не с ней. Сегодняшняя Даша хотела жить, потому что жизнь вдруг представилась богатой и многоцветной, с загадочным будущим.

Спас ее тогда врач Сергей Резниченко, маленький человечек с кудрявой головой. Потом Даша поняла, что он не случайно появился в тот вечер в их доме, просто он догадался, что прежний Дашин роман закончен и стоит теперь заглянуть на огонек к симпатичной медсестре, а напоролся на умирающую.

Послышался тихий шум у двери, кто-то шаркал ногами по половице, а потом медленно ключ просунулся в замочную скважину. Даша вскочила, поправила платье и спряталась за трюмо в прихожей. Петухов тяжело ввалился в квартиру. Раздался визг, и Даша повисла на шее директора электровозостроительного завода.

— Ты здесь, свистунья. А я уж думал, знаешь-ка, не придешь.

— Отчего? — Даша кокетничала и баловалась.

— Оттого, что больно гарный хлопец на завод приехал. Я тебе, Дашка, скажу, не нравится он мне.

И что он за тобой ухаживает, и что он такой весь московский, и что больно болтливый. — Петухов показался Даше сильно расстроенным. Она даже опешила.

— Что случилось, дядечка?

— Ничего. — Петухов вынул из портфеля копченую колбасу и большой торт.

— А еще говоришь, не ждал меня. — Даша легко понеслась на кухню.

Петухов залюбовался Дашей. Какая ладная фигура! И какая она хозяйка! Вон как разукрасила салаты, хотя вроде и незачем это было делать. Повезло Григорию с дочкой.

— Ну что, Дарья, рассказывай.

— Да что рассказывать, дядь Лень. Ты сам все знаешь от этой своей... референтки.

— Не твое, знаешь-ка, дело, Дарья, не суйся. — Петухов пугался разговоров о Лидии Ивановне. Он знал, что на заводе ходили недвусмысленные слухи о том, что директор под каблуком у собственной секретарши. Однако от близких людей слышать об этом ему было особенно больно. — Что этот писатель?

— По-моему, ничего интересного, — с деланным равнодушием произнесла Даша. — Ни одной умной мысли, и юмор у него плоский, и вообще: никакой он не писатель.

— Постой, постой! А кто же он? — Петухов положил вилку на стол. Нехорошо засосало под ложечкой. Даша осеклась.

— Ты меня неправильно понял, дядь Лень. Я имела в виду, он плохой писатель и ничего не напишет. Вообще ничего.

— Откуда знаешь?

— Ну я же говорила, больно он легкомысленный, что ли, скользкий.

— Так, так... — Петухов откинулся на спинку стула, о еде забыл напрочь.

— Я думаю, он просто студент-двоечник из ли-

тературного института. А может, его просто выгнали, и он хочет своим шедевром о рабочем классе всех потрясти и доказать своим преподавателям, на что способен. Ей-богу, бояться его не стоит. Ничего плохого не напишет.

Петухов смотрел на Дашу, и сердце его сжималось. Наверное, это было единственное существо, к которому он был привязан. Собственный сын давно уехал из дома, жена жила у матери в Ростове, и получилось так, что Даша оказалась самым близким для Петухова человеком. Он жалел ее, удивлялся ее чистоте и наивности. Вот и сейчас он понимал, что девушка воспринимает приезд московского гостя слишком по-детски. Он-то нюхом чувствовал: не все так просто. Объяснить не мог, а только его «собачье чутье» говорило об опасности.

— Ты вот что, знаш-кать, ты жизни не знаешь. У вас, у молодежи, все сейчас легко. Время другое. За вами по ночам не приходили, и за каждое слово ответ держать не доводилось. Я ничего плохого о писателе сказать не хочу. Только ты пойми, он — из Москвы, из столицы. А значит, не наш, чужой.

— Да бросьте вы, дядь Лень. При чем здесь Москва? Ну, скажем, если я в Москву поеду учиться, значит, что, я тоже буду чужая?

— Нет, Дарья, нет. Они там, в Москве, нами, как кубиками, играют. Для них мы только детские кубики. Захотел, дом построил, захотел, знаш-кать, все смахнул одним движением. Я знаю, они ни перед чем не постоят.

— Ты так серьезно думаешь, дядь Лень? — Голос Даши стал тихим. — Но это же страшно. Выходит, мы сами по себе? Мы не дети родной страны?

— Дети, дети, Дарья. Только дети приемные. За счет нас, Даш, живут. Так всегда было. Казаки себя в обиду не давали. А почему? Потому что они себя отдельно числили от всех властей. Власти сами по

себе, а мы должны друг друга держаться, от них по-
дальше. Только этим и выживем.

Петухов разволновался, никогда в жизни он не был ни с кем столь откровенен, сейчас он высказывал самые потаенные мысли, и крамольность их казалась ему безмерной. Даши он не боялся, но знал, что и стены имеют уши, поэтому настроение, и без того плохое, совсем испортилось. Предчувствия чего-то очень страшного, из ряда вон выходящего навалились всей своей тяжестью.

Стало душно, но Петухов боялся встать и открыть окно, даже взглянуть в светлый квадрат стекла ему было нестерпимо. Во рту он почувствовал резкий металлический привкус.

— Дядь Лень, что с вами? Вам плохо? — Даша сидела на корточках и заглядывала снизу в глаза Петухова.

Петухов обнял девушку.

— Прости, Дарья, прости. Я втравил тебя в такое дело. Я виноват.

— Что вы? Ничего же не случилось.

— Да, действительно, — выдохнул Петухов, мотая головой, словно пытаясь сбросить с себя тяжелый груз.

И тут Даша сделала то, чего так боялся директор. Она распахнула окно широко, смело, и в комнату хлынул свежий медовый аромат яблоневого цвета.

«Действительно, что это со мной? — подумал Петухов, против воли размякая и наслаждаясь весенними запахами. Тревога и дурные предчувствия словно бы истаяли, отступили прочь. — Ничего же не случилось. Она права, как-нибудь прорвемся».

21. ОТКРОВЕННОСТЬ

Чаек был отменным, с сильным травяным ароматом, горяченький, настоявшийся. Папахин, продвигаясь по служебной лестнице и дойдя до командующего Северо-Кавказским военным округом, вынужден был отказаться от многих своих привычек, бросил курить, оставил любимую женщину (и не одну), и только ритуал чаевничания он сохранял неизменным многие годы. В последнее время это стало для него почти интимным делом и уже никто не допускался к генералу во время утреннего чая. Параллельно с ростом любви к чаю падало служебное рвение Папахина. Вот и сейчас он с отвращением смотрел на маленькое бурое пятнышко в углу гостиничного дивана, на граненый графин посреди круглого массивного стола. Московское начальство предупредило о предстоящих посещениях вверенного ему округа высшими армейскими чинами и буквально в приказном порядке затребовало детальных отчетов. Такого нетерпения Москва давно не выказывала, и Папахин стал сильно тревожиться. Беспокойство нарастало еще и потому, что для него не было никаких видимых причин. Теперь, отхлебывая чаек собственного, так сказать, заваривания, генерал перебирал в голове возможные варианты последствий своей командировки. Из всех нелепейших соображений, которые громоздились у него в голове, выходило только одно: кто-то копает под него. (Ведь нельзя же было серьезно предположить, что Совет-

ский Союз начинает войну с Турцией или что в их области готовится диверсионный акт американских шпионов.) Успокаивала только мысль о возможных учениях или об испытании нового оружия. Хотя, с другой стороны, как она могла успокоить? Не дай Бог, Москва решит взорвать у них в округе ядерную бомбу. Эта мысль пугала Папахина не меньше, чем возможная отставка.

Машина пришла ровно в восемь. Предстояло ехать в танковое соединение. Вчера генералу доложили о происшествии в четырнадцатом полку. Какой-то рядовой бежал из расположения части. Самому генералу это происшествие казалось мелким на фоне необъяснимых предчувствий, однако закрадывалось подозрение — не организован ли этот побег специально кем-нибудь из его врагов, и потому Папахин решил действовать максимально сосредоточенно и по-генеральски строго. Первым делом он осведомился у сопровождающего его полковника Харченко о ходе событий.

— Нашли, товарищ генерал. Вчера вечером арестовали на заброшенной пасеке. — Полковник всю благоухал ядовитым запахом одеколona «Русский лес».

— Сопrotивлялся?

— Никак нет. Он в подпол забился и сидел там, как мышь. Сержант Жиян обнаружил.

— Личное оружие было при нем? — Папахин смотрел на улицы просыпающегося Новочеркасска. Какая-то баба с ребенком бранила лающую на кота собаку, дед у ограды почесывал спросонья нос, девушка в белых туфельках бежала через дорогу. Покрытые серой пылью сады придавали этой убогой обстановке нечто величественное и торжественное.

— Главное, изъять оружие, — сказал генерал. — Эти нервные типы... Никогда не знаешь, что от них ожидать. А тут мирное население, возможны всякие истории.

— Так точно, товарищ генерал, все в порядке, — не моргнув глазом, соврал Харченко. Вернее, даже не соврал, а просто не знал деталей, но предполагал, что конечно же вопрос с оружием был уже решен. Вчера ночью в суматохе поисков не было времени узнавать подробности. Харченко метался по кабинету, матеря всех подряд, и уже под утро, совершенно измученный, выехал на пасеку в Морино. Из окна автомобиля, в молочном свете наступающего утра, он видел, как тащили избитого беглеца волоком по земле и как тяжело упало его тело у двери газика.

— Причины дезертирства установлены?

— Устанавливаем.

Генерал недовольно поморщился.

— Вы должны были сделать это первым делом. Мне надоело разгребать это дерьмо с бытовыми склоками. Делом заниматься некогда — то кто-то бежал, то кто-то кого-то пришиб, то еще хуже — у командира дивизии нашли в постели шлюху. Мне на-до-е-ло! — Папахин незаметно для себя перешел на крик. Он уже почти ненавидел этого несчастного наодеколоненного Харченко, так некстати попавшегося ему под руку.

Подъехали к воротам части. Машина бесшумно съехала с асфальтовой колеи и покатила по гравию в направлении здания штаба.

Записка была грязная и измятая. Папахин брезгливо дернулся.

— Что это?

— Разрешите доложить, товарищ генерал. Эта записка конфискована мною у друга рядового Сидоренко. Я обязан был вам доложить о настроениях в армии. — Школьник стоял перед столом, и лицо его от восторга горело.

Наконец-то его принял сам командующий войсками округа. Стоило, наверное, поблагодарить это-

го треклятого Сидоренко. «Главное, я здесь, в генеральском кабинете, главное, познакомиться, а там — как я поведу себя сам. С начальством, главное, встретиться».

Папахин прочел первую строчку: «Прости, Митек!»

— Ну и что? — Глаза побежали по тексту. Обычная слюнявая философия: Витек обманул надежды какого-то Митька. Дурдом. Генерал строго поднял глаза на Школьника.

— А вы читайте дальше, — подобострастно прогнулся старший лейтенант и указал махорочным пальцем на строчки записки.

«Я ненавижу эту муштру, этих болванов, а главное — эту постоянную слезку. Митек, я хочу умереть».

Идиот, думал генерал, пробегая глазами косые рукописные строки, какой же ты идиот, рядовой Сидоренко. Если бы мы все говорили то, что думаем... Школьник стоял уже десять минут навытяжку. Вот этот никогда ничего не скажет откровенно, да и есть ли у него свои мысли, чувства. Генерал почувствовал страшную тоску и желание зевнуть. Но он знал, перед такими школьниками нельзя вести себя расслабленно.

Делу придется дать ход, подумал Папахин. Дурак ты, дурак, Витек.

— Идите, старший лейтенант. Благодарю за службу. Мы еще встретимся.

22. КАЗАЧИЙ РОД

Григорий Онисимович изо всех сил са-
нул ногой по ведру известки. Сухие, серые комки
рассыпались по грязному полу цеха. Нервы явно
сдавали. С пятнадцати лет он работал на электро-
возостроительном. А что заработал? Свой дом, по-
строенный еще в те благословенные времена, когда
бурлило в Новочеркасске славное казачество, он
получил в наследство от отца, и до войны этот дом
был одним из лучших. В сорок седьмом, когда тя-
жело заболела Анна Максимовна, жена Григория
Онисимовича и мать Даши, дом пришлось продать.
В то время их некогда сильный род стал медленно
и незаметно угасать. Не задалась семья у старшего
брата, сеструха сгинула в войну вместе со своими
двумя малолетними ребятишками. И вот Дашка,
хоть видная девка, а не везет. Камнем легла на серд-
це Григория Онисимовича та история с несчастной
дочерниной любовью. Бегал он тогда к Петухову,
размахивая винтовкой, что висела у него лет десять
за печкой, и требовал, чтобы выдали ему имя того
негодяя, что над Дашкой надругался. А только успе-
л сбежать этот проходимец, и с тех пор болела,
болела душа Григория Онисимовича от неутолен-
ной мести, от обиды, и старость как-то неумолимо
подступала. И чем дальше шли годы, тем сильнее
накапливалась в нем злость от того, что и жизнь
свою не так прожил, и Дашке ничего не оставляет,
и жить становилось все труднее. Сегодня злость его

прорвалась настолько, что он был на грани смертоубийства.

Еще когда он кричал в окно на Дашкиного хахаля, который смылся тут же кверху хвостом, он знал, что началась какая-то черная полоса.

Утром, придя на завод, Григорий Онисимович обнаружил, что станок его не работает. Ясно было, что вчера во вторую смену на нем снова работало это чертово «звено новаторов». Была на заводе такая глупость — передовая молодежь якобы что-то изобретала, а приемы отрабатывала на станках в вечернее время.

Григорий Онисимович ненавидел эту показуху, этих сосунков, которые играли в стахановцев. Он считал их вредителями, потому что уж сколько раз сбивали режим станка, оставляли хлам на рабочем месте, а однажды даже стянули под шумок готовые детали. Сколько раз Григорий Онисимович просил мастера обходить его рабочую технику и вот пожалуйста!

Провозившись со станком битых два часа, Григорий Онисимович бросился в кандейку мастера.

— Что будем делать, Иваныч? Я тебя просил?! Я говорил тебе?!

Мастер что-то писал в журнале. Оторвавшись от листа, он презрительно буркнул:

— Что опять?

— Как... опять? — Тут Григорий Онисимович не выдержал. — Я тебе, сука, покажу — опять! Какого хрена эти сосунки лезут в мой станок? Почитай, полдня потерял на ремонт, кто мне за это заплатит?

— Никто к твоему станку не подходил.

Григория Онисимовича понесло.

— Чего врешь? Ты думаешь, мы все дурнее паровоза? Я заставлю тебя записать мне сегодня норму! — И он так грохнул по столу, что ножка обломилась и стол плюхнулся всей своей тяжестью на пол. Мастер едва успел отдернуть ногу.

— Вон! Убирайся вон!!! — в гневе завопил Иваныч. — Думаешь, раз с директором пьешь и дочка твоя с ним путается, то тебе все можно? Есть люди и повыше.

Старика пронзили последние слова, он впервые услышал о подобных разговорах на заводе. А главное, они с Петуховым хоть и фронтовые друзья, но встречались не часто. Кто же пустил такие сплетни? Григорий Онисимович кулаком припечатал мастера в челюсть, и тот, охнув, сполз на пол. Тихо матерясь, он долго копошился, силясь подняться. Григорий Онисимович наклонился над ним и дернул за плечи.

— Если еще что-нибудь вякнешь, с тобой конечно. Я тебя изметелю, и твоих прихлебателей, и всех кобелей... — Чем дольше Григорий Онисимович орал, тем сильнее его охватывала злоба. Злоба на эту ватную, податливую фигуру мастера, на его капельки пота на носу, на его лысину. И старик стал бить мастера ладонью по лицу. Голова моталась из стороны в сторону, и только когда послышался хрип, Григорий Онисимович остановился, с ужасом приходя в себя.

23. ТОЛЬКО СЛОВА

После отбоя Митю позвал в каптерку «старик» Шутов. Они сели за стол, и «старик» вытащил из тайничка поллитровку, заткнутую обрывком газеты. Шутова Митя почти не знал, тот никогда не дрался, не выставлялся напоказ, не задибал молодняк. Так, какая-то серенькая личность, без имени и даже с серым, землистым лицом. Теперь Шутов держался на удивление солидно, он обстоятельно протер стаканы, достал из сумки сало и хлеб, порезал на газету, разлил самогонку.

— Пей солдат, атаманом станешь.

Митя выплеснул горячую жидкость резко в рот и, не закусывая, спросил:

— Что надо?

— Да погоди ты. Я же вижу, тебе тяжело, мучаешься.

— А ты мне прямо с ходу и поможешь, да?

— У тебя нос в пуху. А я домой хочу, может быть, мы друг другу и поможем. В конце концов, люди должны друг другу помогать. А? — Шутов смачно жевал сало после выпитого полустакана. — Я время тянуть не буду. Ты малый сообразительный, ты мне даже нравишься. Записочку Сидоренко тебе послал, не кому-нибудь, а тебе. Теперь кое-кому нужно и письмецо, которое он из дому на днях получил, а письмеца-то и нету. Сам генерал Папахин этим делом занимается, так что имей в виду: пан или пропал. Мне дембель, тебе — увольнительная, а может,

и наоборот, далеко-далеко от дома ушлют. Ну? Как думаешь?

— Напрасно стараешься. Про письмо ничего не знаю. — Митя сам налил еще стакан и также резко выпил. Стало уже почти хорошо. — А если б знал, все равно ты бы ничего не получил. На Школьника работаешь?

— Почему на Школьника? На себя. И тебе советую. Ты сам не знаешь, чем тебе эта история выйдет. Ты ведь знал о побеге, а не предупредил. А если и не знал, кто тебе поверит? — Шутов вдруг обнял Митю и забубнил жарко, с пьяным подъемом: — Ты молодой, ты ничего не понимаешь. Впереди у нас жизнь, чего ее портить ради какого-то Сидоренко? Ему уже не поможешь, он сам на себе крест поставил. А мы? Чего нам себя губить? Если бы действительно мы могли его спасти, а не сделали этого, тогда это подло, это трусость. А теперь... Отдай письмо!

Шутов проникновенно заглянул в глаза новобранцу.

Митя засмеялся.

— Здорово. Сейчас дело сошьем: Сидоренко — срок, Школьнику — повышение, ты — домой... А нет письма! Нету его, хоть режь.

Митя пьянел все больше: расплзлось лицо Шутова, шумело в ушах, и перед глазами влажно заблестели манящие Оленькины губы.

— Нету письма. И от Ольки нет письма. Ни от кого нет письма. — Митя начал медленно, пьяными движениями расстегивать гимнастерку, при этом он смеялся: — Обыщи.

Вскоре в каптерку пришли еще трое, но Митя никого из них не мог вспомнить по имени. Они принесли махорки и такую же бутылку. Стало весело, галдежно. Стали говорить о бабах, о сержанте Жияне, о предстоящем дембеле. Митя все время думал, где же Школьник, почему он еще не нашел его, Ми-

тю, не отправил его на гауптвахту, не расстрелял, как предателя Родины. Но все равно страха уже не было, и Митя даже хотел, чтобы отворилась дверь и вошел Школьник. Но старший лейтенант не приходил, а пьяные хлопцы нашли забаву: Шутов поспорил с кем-то, что выпьет стакан сивухи, не беря ее в руки. Это был знатный аттракцион, Мите сразу вспомнилось последнее представление в цирке, где он так хотел поцеловать Оленьку и где разбились акробаты.

Шутов, как артист, с церемониями, подошел к углу, зафиксировал свое тело и поставил стакан на лоб. Потом, вскрикнув: «Оп-ля!», он начал движение головой, и стакан медленно стал двигаться вниз по лицу...

...Через несколько часов Митя очнулся в казарме на кровати. Постепенно возвращалось сознание, но от этого не становилось лучше, наоборот, накатывала тошнота. Когда очередной приступ стал невыносим, Митя попытался встать, но ноги по-прежнему не держали его. Он упал в проходе между кроватями, и его начало рвать. Он боялся разбудить кого-нибудь, боялся быть замеченным и от нестерпимого стыда и ужаса попытался забиться под кровать. В темноте замкнутого пространства он почувствовал себя лучше, защищеннее, рвота постепенно отступила и он лежал, отдыхая и ощущая блаженный холодок пола, глядя бездумными глазами на сетку кровати, черный матрас и белый клочок бумаги...

Почерк был девичий, кругленький, с некоторыми даже виньеточками.

«Витя, ты не расстраивайся. Вероничка просто ничего не понимает. Он хоть и мастер спорта, но очень злой и бездушный какой-то. Я его однажды попросила деда своего парализованного на улицу вынести, так он мне сказал: «Я старости, Ниночка, боюсь, чтобы не заразиться». Мне кажется, что Вероничка еще в нем разочаруется. Но главное, Витя, знай, я есть у тебя и я тебя буду ждать».

Эту бумажку Митя вытянул из-под матраса. То самое злосчастное письмо. Вот почему его не могли найти школьниковские прихлебатели.

Витек, Витек! Почему же ты, всегда учивший смотреть на жизнь просто, не смог сейчас наплевать на предательство какой-то Веронички. Мне вон Оленька тоже не пишет, но не делать же из-за этого глупости. Так вот почему: «Прости, Митек!»

Все Витькины слова о покое и безразличии оказались только словами...

24. ОЧЕНЬ СТРАННО

Ровно в двенадцать ноль-семь Игорь высадился из скрипнувшего дверьми автобуса на привокзальной площади. Словно бы и не уезжал никуда: в тени обципаных деревьев маялись потные торговки, купались в пыли все те же грязные куры, и дворник продолжал мести разлетающийся по ветру мусор, сохраняя на лице невозмутимое выражение.

До назначенной встречи оставалось чуть более двадцати минут.

Любой другой человек на месте Игоря перво-наперво подошел бы к справочному окну проверить, а не явился ли кто-нибудь на место свидания раньше назначенного.

Любой другой, — но не Игорь Захаренко.

Годы службы в комитете научили его мудрой истине: пунктуальность заключается не только в том, чтобы не опаздывать, но и в том, чтобы не объявляться до времени.

Полковник Бугаев, из которого обыкновенно клещами лишнего слова не вытянешь, однажды рассказал Игорю странную историю, произошедшую неизвестно где и неизвестно с кем; внимательно слушая собеседника, Игорь старался не показать виду, что мучительно вспоминает обстоятельства этого дела, в свое время прогремевшего на всю страну. На уроках новейшей истории его называли одной из самых крупных империалистических диверсий в отечественной промышленности. В газетах

оно получило титул «преступления века», спровоцированного «происками грязных убийц-капиталистов». В ходе громкого расследования за тюремной решеткой оказался не один десяток человек. Многие из обвиняемых позднее были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны. В качестве государственного обвинителя на судебном процессе выступал сам Вышинский.

— Давно это было, — как бы невзначай обронил Бугаев, — самому уже кажется, будто неправда...

У Игоря хватило ума никак не обнаружить перед собеседником, что он понял, о каких именно событиях идет речь.

Бугаев в то время только начинал службу чекистом, и ему поручили весьма простое задание.

«Вы будете проходить мимо ворот завода, — в это время там кое-что должно произойти. Ваша задача: запомнить, кто в это время находился на месте происшествия. Вы должны подойти к воротам в шестнадцать тридцать две, и ни секундой раньше. Задача ясна?»

Никаких подробностей Бугаеву, естественно, не сообщили.

Наутро он встал пораньше и отправился на привычную пробежку. Кого-то из знакомых встретил по дороге, разговорился — и опоздал к радионовостям. Он не успел проверить часы.

Ровно в шестнадцать тридцать он стоял на углу перекрестка у афишной тумбы, делая вид, что донельзя заинтересован сообщениями о концерте джаз-банда Утесова, и отсчитывая про себя секунды, чтобы в назначенное время направиться к воротам завода.

— Бог пожалел, — рассказывал Бугаев Игорю, прихлебывая теплый чай из своего любимого стакана с подстаканником, — у меня шнурок развязался. И мне пришлось потерять несколько секунд на то, чтобы завязать его. Это и спасло жизнь.

Оказалось, что в тот день часы Бугаева спешили. Спешили ровнехонько на одну минуту. И, таким

образом, не случись неприятностей со шнурком, он подошел бы к воротам завода в шестнадцать тридцать одну. Как раз в то мгновение, когда рвануло. На глазах Бугаева огромная стена заводского корпуса медленно отделилась от здания и плашмя легла на мостовую, подняв в воздух клубы едкой известковой пыли. Кирпичный осколок долбанул будущего полковника безопасности по темечку, оставив шрам на всю жизнь. Он по сей день красовался извилистым бугорком на всегда влажной и гладкой бугаевской лысине.

— Ну, я в ту минуту, можно сказать, второй раз на свет народился, — говорил Бугаев. — С того времени часы проверяю каждые полдня. И тебе советую. Мотай на ус!

История, конечно, была невероятная, но Игорь уже привык, что невероятное в его деле случается сплошь и рядом. Главного, правда, из рассказа Бугаева он так и не понял: органы безопасности знали о диверсии, но по каким-либо причинам не смогли или не захотели ее предотвратить — или же... сами были ее организаторами?

Нет, последнее, конечно, было не только невероятным, но и просто невозможным.

Не-воз-мож-ным. И точка!

Игорь успел прошвырнуться по перрону, пофлиртовать с молоденькой торговкой, пытавшейся всучить ему кулечек мелкой, похожей на бузину клубники, просмотреть усеянные грамматическими ошибками объявления на телеграфном столбе про продающихся коз и прочую дребедень и лишь затем неспешным шагом направился к зданию вокзала.

В зале ожидания яблоку негде было упасть. Три проходящих поезда безбожно опаздывали, срывая все графики и расписания, и пассажиры маялись на чемоданах и тюках, обреченно прислушиваясь к объявлениям репродуктора. Этот черный ящик под потолком был сейчас для них чем-то вроде божественного

оракула, от прихоти которого зависело, сколько еще томиться в этом здании, в этом городе, в этой жизни. По полу, лавируя между ног взрослых, трое мальчуганов катали игрушечные танки. В углу рыдала седенькая старушка, громко повествуя окружающим про свою несчастную судьбину, но ее никто не слушал.

Протиснувшись между тюков, Игорь вышел к гудящей очереди у справочного окна.

— Вы не поняли, что было сказано?! — вопила из окна вздыбленная, раскрасневшаяся тетка в железнодорожной форме. — Поезд опаздывает на четыре часа. Я же вам русским языком объяснила! Сорок седьмой раз повторяю! Сил моих нет. Живьем в могилу загонят своими вопросами!

— Та сколько ж можно ждать, никаких сил уж нет! — оправдывался махонький мужичок, отирая пот со лба грязным платком и пятясь.

— А мне какое дело? Я вам чо, министр путей сообщения? К нему и обращайтесь!

Игорь огляделся. Посыльными из центра обычно оказывались самые незаметные, просто-таки сливающиеся со стеной люди, мимо которых пройдешь — не увидишь. Когда-то Захаренко доставляло удовольствие угадывать, кто же явился к нему с сообщениями. Как правило, Игорь ошибался.

Но — не на этот раз.

От удивления он едва не выдал себя.

Потому что в толпе, среди старух, мешков, корзин с гусями, аккурат за перезрелой мамашей, пытающейся рыхлой, сочащейся молоком грудью заткнуть рот орущему младенцу, он увидел знакомую влажную гладкую лысину с извилистым шрамом на темечке.

— Здравия желаю, — пробормотал Игорь, а Бугаев, словно не услышав, изобразил на широком одутловатом лице радость и закричал, распахнув объятия:

— Здорово, племяш!

Они устроились за грязным, облитым томатным

соусом столиком в знакомой Игорю закуской, что на привокзальной площади.

Грудастая буфетчица встретила гостей, как старых приятелей.

— О, кого я вижу! — рявкнула она из-за стойки, прозвенев стаканами. — Гоголь пожаловал!

— Я не Гоголь, — скромно потупился Игорь, которому и было адресовано это приветствие.

— Писатель — значит, Гоголь, — настаивала буфетчица. — Може, скоро знаменитым станешь, а я тогда гордиться буду, что с тобой знакомая. Пивка — или чего покрепче?

— Пивка, — сказал полковник Бугаев.

— Это мой дядя, — отрекомендовал начальство Игорь и для верности прибавил: — Двоюродный.

— То-то я гляжу: не похож! — Буфетчица громыхнула тяжелыми пивными кружками, обливающимися пеной, а в качестве закуски установила на стол тарелку с обтянутым чешуей рыбным скелетом. — Знатная таранька, — сообщила она, — для особых гостей придерживаю.

— Как тебя зовут, красавица? — отирая лысину платочком, поинтересовался Бугаев.

— Кому красавица, а кому и Антонина Гавриловна, — рдея от удовольствия, откликнулась та.

— А пойдешь ли за меня замуж, Антонина Гавриловна?

— Очень надо!

— Я тебя холить буду и лелеять, кормить конфетами, как царицу, уложу на пуховую перину... Буфетчица фыркнула:

— Все вы одинаковые, транзитники! С три короба наобещаете, а потом, как блудливые коты, в кусты бегите.

— Я — не бегу! — заявил полковник. — У меня на пасеке и кустов-то нет никаких.

— Стало быть, пчелками занимаетесь.

— Пчелками.

— Хорошая работа. — Казалось, тот факт, что собеседник оказался не кем-нибудь, а именно пчеловодом, произвел на буфетчицу особое впечатление. Она приосанилась и удалилась за стойку, откуда стала наблюдать за дядей и племянником и лишь изредка призывно вздыхала, как бы намекая на свою нерастраченную женскую нежность. Впрочем, дядя-пчеловод в какой-то момент словно забыл о ее присутствии.

— Здравствуй, Игорек, — негромко произнес он, прихлебнув пивка. — Давненько не виделись.

— Какими судьбами, товарищ полковник?

— Дядя Федя. Никаких званий.

— Слушаюсь.

— Решил вот на юга проехаться, поглядеть, как ты тут живешь. Хорошо живешь, я вижу. Со всеми успел раззнакомиться.

— Служба такая.

— Молодец. Твои отчеты пользуются у начальства большим успехом. На днях в пример тебя поставили: «Вот, мол, Захаренко, — работает, как часы, в докладных записках ни единой детали не упустит. На него, мол, и равняйтесь».

Игорь против воли расплылся в улыбке. Доброе слово и кошке приятно. Хотя, если честно, было не до улыбок.

Все это выглядело очень, **ОЧЕНЬ** странно. С того самого мгновения, как в толпе мающихся пассажиров Игорь увидел полковника, он понял, что услышит нечто из ряда вон. Само появление Бугаева в эдакой глуши в качестве курьера и было чем-то вроде ЧП. Начальство Комитета госбезопасности просто так, за здорово живешь, никогда еще не покидало своих кресел. По крайней мере, на памяти Игоря Захаренко.

Поведение Бугаева всецело подтверждало его ожидания. Полковник дипломатничал. Если бы он тут же, перед прилавком с грудастой буфетчицей, исполнил арию варяжского гостя или сплясал лез-

гинку, это озадачило бы Игоря меньше, чем обтекаемые фразы про жите-бытье.

Бугаев внимательно рассматривал собеседника, будто и впрямь забыл, как тот выглядит, и с удивлением подмечал новые черточки в лице.

— Между прочим, Анатолий Дмитриевич тебе привет передавал. Справлялся, как у тебя дела, и передавал привет. Игорек, он такой, он не подведет, — так и сказал. Перед самым моим отъездом виделись...

— Что-то случилось, товарищ полковник? — не выдержал Игорь.

— Дядя Федя, — вновь поправил Бугаев.

— Дядя Федя, я уже ничего не понимаю. Галина мне сказала, что есть важные новости, но чтоб такие! Она не предупредила, что приедете вы.

— Она и не должна была предупреждать, потому что не знала. Я и сам не знал до последнего момента. — Полковник вздохнул и вновь обратился к пивной кружке.

Игорь с нетерпением ждал, когда же собеседник утолит жажду и соизволит продолжить разговор.

Казалось, Бугаев нарочно оттягивал момент.

Поначалу Игорь решил было, что полковник просто поддразнивает его, но, наблюдая за начальником, постепенно стал приходить к выводу, что дело куда серьезнее.

Бугаев никак не мог заставить себя перейти к главному! Невероятно, но это выглядело именно так.

— Вот что, Игорек, — сказал наконец полковник, теребя короткими волосатыми пальцами иссохшую рыбешку, — привез я тебе очень важное задание.

Торопить события в разговоре с начальством было не принято, но Игорь все-таки не выдержал и спросил:

— Какое, товарищ... Дядя Федя, — на ходу исправился он.

— Помнишь, мы с тобой говорили о возможных волнениях на столичных заводах?

— Разумеется. Но здесь все тихо, я могу ручаться. Бугаев вздохнул и сумрачно покачал головой.

— Принято решение... там, — воздел он палец кверху, и вышло, что указывает он на засиженную мухами липкую ленту, — принято решение, что надо клин клином вышибать. Мы не можем допустить, чтобы в Москве прошли антиправительственные выступления. Вот и поступило одно дельное предложение. — Он помолчал. — Слыхал, как пожары в тайге тушат? — вдруг поинтересовался он. — Погасить огонь в тайге — это, брат, дело нешуточное. Сколько воды ни выльешь, все одно мало будет. Додумались: встречный огонь зажигают. Пламя на пламя идет и само себя сжигает. Интересная петрушка, верно?

Игорь кивнул.

— Так вот, — сказал полковник, — мы тем же самым макаронным справимся с нашей проблемой.

— Не понял, — изобразив на лице наивность, слукавил Игорь.

Бугаев поглядел на него печально и сообщил:

— Волнения произойдут, но не в Москве или Ленинграде, а в Новочеркасске. После этого придется принять жесткие меры, и ничего подобного уже нигде не повторится.

— Так, — выдохнул Игорь. — Ясенько. Но при чем тут я?

— Да при том. Выполнение операции возложено на тебя. Это колоссальная ответственность. Тебе оказано доверие... ты должен...

— Нет! — вдруг слишком громко перебил собеседник, — нет! Ничего такого я не должен! И никогда не сделаю! — Игорь вскочил.

Бугаев даже не поднял глаз.

— Сделаешь, — уверенным тоном мрачно произнес он.

25. ПОГАН

После обеда Лиду вызвали в комитет комсомола. Она не очень хорошо себя чувствовала, хотелось спать, и все время немного подташнивало, поэтому она обрадовалась, что можно наконец выйти на свежий воздух, вдохнуть запах наступающего лета и побродить по прохладным коридорам административного здания. Милютенков встретил ее радостно, как всегда поздоровался за руку и пригласил сесть.

— Вы, Лида, у нас кандидат в партию, если не ошибаюсь?

— Ага. К осени заявление буду подавать.

— Вот поэтому мы к вам и обращаемся. Вы же еще у нас поэт известный, стихи слагаете запросто.

Лида засмушалась:

— Не-е, это не я, это Победа.

— Это не важно. Мы, Лида, на заводе проводим праздник освобожденного труда. Горком комсомола поручил.

— Чего?

— Это совершенно новый праздник. Вы посмотрите, как у нас живет молодежь! Скучно. Выпивают, матерятся, дерутся. И мы решили сплотить всех одной идеей. Это же здорово, Лида, когда все вместе, одной колонной, ради доброго дела. Выйдем на благоустройство территории, потом спортивные соревнования, потом, как водится, концерт, танцы в клубе

— Разве это новый праздник? Мы и на субботнике месяц назад так же работали.

— Вы что же, Лида, против?

— Не-е. Я просто не поняла. А от нас что требуется?

— Ну, вы подумайте. Плакаты напишите, например: «Мы будем партии верны в борьбе за счастье страны» или что-то в этом роде. Да вы же лучше меня в этом разбираетесь. А потом, главное, мы вам, Лида, как будущему коммунисту поручаем провести работу в массах. Дело в том, что мы решили в предпраздничный день работать бесплатно. Все заработанное сдаем в фонд нового оплота социализма — революционной Кубы. Вдумайтесь, Лида, день освобожденного труда.

— Кто?

— Что — кто?

— Кто решил работать бесплатно? Мы в прошлом месяце сдавали одну норму в фонд Африки и еще взносы в ВООПС, я собирала. Вы не подумайте, я все понимаю, но что же я людям буду говорить? Как раз вчера вдруг профвзносы решили собирать за полгода вперед...

— Вот и подумайте, — перебил Милютенков. — Это вам первое боевое крещение. Там, где трудно, там впереди коммунисты. Это запомните.

— Да вот вам честное комсомольское... — От горячки Лида едва не перекрестилась, уже руку поднесла ко лбу. — Я-то с радостью, но всякие несознательные элементы не поймут. Вот Абрамова, например. Как ей втолковать? Она многодетная мать.

— За нее как раз не беспокойтесь. Я уже с ней поговорил, она у нас речь скажет на митинге утром перед работой. Мол, я, как многодетная мать, призываю всех людей с честной совестью отдать все силы на помощь детям социалистической Кубы. Как?

— Хорошо.

— Что — хорошо?

— Хорошо, что Абрамова скажет...

— Ну, раз вам все ясно, за работу, товарищи, как говорит Никита Сергеевич Хрущев.

Милютенков не лукавил перед Лидой. Праздник освобожденного труда, который они придумали с Петуховым, ему вдруг предложили провести сегодня утром, когда он ездил в горком комсомола. Первый догнал его уже в коридоре и рассказал, что директиву сбросили из обкома, что электровозостроительный у них на очень хорошем счету и поэтому они надеются, что мероприятие пройдет на достойном уровне. Милютенков внутренне ахнул — надо же! На ходу подметки рвут, но виду не подал.

Улыбаясь одними уголками глаз, первый сообщил Милютенкову, что в случае удачи о секретаре комитета завода будет разговор в горкоме партии и ему обещано существенное повышение. Конечно, речь шла о должности простого инструктора горкома, там и льгот меньше, чем на заводе, и в зарплате он теряет. Но как-то же надо делать карьеру, вырастать из коротких штанишек. Поэтому Милютенков очень «заинтересовался» праздником, подробно расспрашивал главного и пообещал сделать праздник на «хорошо» и «отлично».

Обманул он Лиду, только сказав, будто Абрамова согласилась выступить на митинге. На самом деле Милютенков еще в глаза не видел эту многодетную мать, но так как она была на заводе кем-то вроде штатного оратора, «во всех дырках затычка», и охотно говорила на всех митингах, то секретарь считал вопрос решенным и ложь его не расстраивала. Абрамовой достаточно пообещать путевку в пионерский лагерь — и согласие получено.

День явно складывался удачно. Милютенков потер руки, отхлебнул бледного чайку и подошел к окну. На скамейке возле сквера он увидел знакомую фигурку.

Лида сидела согнувшись и вытирала платочком глаза.

В последнее время она стала совершенной плаксою. По каждому пустяку пускалась в слезы. Навер-

ное, это было связано с ее теперешним положением. Каждое утро она просыпалась с каким-то новым ощущением радости и страха. Всегда отчаянно хотелось есть, и она чувствовала, что маленькое существо внутри ее, еще даже и не человек, как из соски молоко, тянуло все ее силы. Это было полное физическое ощущение сосания, такое новое и непонятное для Лиды. Теперь все ее мысли были направлены на зарождающуюся жизнь, и постепенно окружающее переставало интересовать ее, раздражало и казалось враждебным. Сегодняшняя встреча в комитете комсомола стала таким явным посторонним вмешательством. Раньше бы, конечно, Лида не задумываясь бросилась исполнять поручение Милютенкова, но теперь она размышляла о том, что полочки и так едва хватает. А если еще работать бесплатно? И с общежитием ей на днях сказали подождать, и свадьба, значит, откладывается на неопределенные сроки, и ребеночек родится незаконный. Лида залилась настоящими слезами, не могла больше сдерживаться, благо в этот послеобеденный час никого не было возле цветника.

Победа нашла ее спустя три часа все так же тихо рыдающей у входа в цех.

— Ты чего, Лид? Что случилось? — испугалась она.

— Просто так. Настроение плохое, — по-детски кривя губы, пробормотала та.

— Вижу, что плохое. Давай рассказывай, кто испортил. Мы ему всей бригадой сейчас накостьляем, а то еще и московскому писателю все расскажем. Пусть пропишет, как женщин в положении у нас обижают.

Лида, всхлипывая, рассказала подруге о разговоре в комитете комсомола. Победа засмеялась:

— Чего ж реветь? Попляшем хоть. Я слышала, в клуб новую радиолу купили и пластинки. Давай не сопливсья. Хочешь, я тебя развеселю? Васька твой тебя искал. Где, говорит, Лидок? Жить он без тебя

не может. Вот это, я понимаю, любовь, как в кинокартине.

— Не понимаешь ты, Бедка, в том-то все и дело.

— Да что тебя так расстраивает?

— К-уу-ба. — Лида вновь залилась слезами.

— Не волнуйсь! Кубе тоже поможем.

— Тебе бы все плясать да хихихать. А чего? Ты у мамочки за пазухой живешь. И ребеночка у тебя нет.

— Можно подумать, у тебя есть.

— Будет. А куда я его принесу? В барак? И зарплату каждый день режут: то норму не выполнила, то взносы, то субботники, то вот день освобожденного труда придумали. Васька в прошлом месяце знаешь сколько получил? Смешно сказать, даже в кино ни разу не сходили.

— Будет тебе, Лидка. Меня обидела, а что изменится? Не отменишь же ты своими переживаниями этот праздник.

— Так все говорят. А если бы собраться вместе, письмо какое написать, чтоб платили больше, чтобы общежитие построили. — Тут Лиду словно осенило. — А вот писатель московский приехал! Ведь про нас писать будет. Он все-таки там, в Москве, рядом с начальством, может, ему пожаловаться?

— Тут где-то ходил. Тоже какой-то расстроенный, не в себе. Наверное, роман не получается. Давай Ваську отыщем, скоро уже гудок, может, в парк прогуляемся и к нам зайдем с писателем поговорить.

Васька мылся на колонке, отфыркиваясь, как добрая разгоряченная лошадь. Увидев Лиду, засмутился своего неприглядного вида и стал вытираться, стряхивая капельки воды с волос.

— Лидок, ты, никак, плакала? — Васька не знал, куда спрятать свои большие черные руки со следами вьезшегося мазута. — С кем не поладила?

— С комитетом комсомола, — засмеялась Победа.

— Опять Милютенков, гнида, что-то вякнул?

— Сейчас, Вася, я тебе все расскажу. Одевай-

ся. — И Лида прижалась всем телом к голому мокрому Сомову. Рядом с могучей фигурой этого великана Лида казалась совсем девчонкой. Она кокетливо провела пальцем по мокрой бороздке на груди, и Васька совсем потерялся.

— Сейчас, сейчас, — сказал он, торопливо натягивая рубаху.

— Туфли надень, а то, я вижу, совсем тебя Лидка довела, босиком пойдешь по городу. — Победа, помахивая яблоневого веточкой, уже направлялась к проходной.

По дороге Лида болтала без умолку. Она подробно излагала весь прожитый без Васьки день, начиная с томительного сосания в животе, и, когда дошла до сцены в комитете комсомола, разгорячилась.

— Представляешь, Вася, они еще хотят, чтобы я лозунги им писала. Об общежитии ни слова. Ты, говорят, будущий коммунист, помоги людям объяснить. А что я им могу сказать, когда работаешь, работаешь, а хлеба не на что купить.

— Ой, девчонки, я вспомнила, мать сегодня предупредила, в гостинице задержится, какая-то делегация приезжает, а мне хлеба нужно купить. — Победа потащила Ваську с Лидой в булочную.

У входа в магазин тесным кольцом стоял народ — бабки с авоськами, ребятишки, редкие мужики держались поодаль. Победа промчалась мимо всех и через минуту выскочила с недоуменным выражением лица:

— Нету почему-то хлеба. Мне сказали, что сегодня не завозили. Все ждут.

— Ишь какая хитрая, хлебушка захотела, — слышалось из толпы, — прямо как с Луны свалилась.

— Ага, как ентот, Гагарин, — вторил шутнику старушечий голос.

— Гагарин, говорят, зубным порошком питается. Намажет на зубы, лизнет — и сыт, — заржали на мужской стороне.

— А что случилось? — разволновалась Победа.

— Второй день перебой с хлебом, — солидно ответил стоящий рядом с мамой пятилетний мальчик и почесал нос.

— Ладно, я тогда Виссариона пошлю.

По дороге в парк Лиду, Сомова и Победу нагнал Васькин отец. Он едва держался на ногах, но пыгался делать вид, что совершенно трезвый, усиленно борясь с непослушным телом.

— Сынок! Васечка! Я к тебе по делу, исключительно по большому неотложному делу. О! Да с тобой такие крали. А как же иначе? Такие парни на дороге не валяются. — Отец потянулся с объятиями к девушкам.

— Перестань, бать, будет тебе. Знаю я твои дела. А Лиду пора уж запомнить. Сто раз знакомились!

— Так это Лида? Не признал, простите старика! Вы учительница. Мой Васька, правда, головастый парень?

— Отец, это моя... — Васька помедлил, — жена!

— Дак ты женился. Поздравляю! Надо отметить. Дай двадцать копеек.

Васька вытащил из кармана несколько монет.

— Бать, вчера же говорили... С чего ты сегодня? — смущенно выговаривал отцу Василий.

— А на душе погано, — вдруг почти трезво сказал старик. — Вот так погано на душе. Чует мое сердце...

— Ладно, батя, иди домой, проспись. — Сын отдал отцу мелочь.

— Премного благодарен. Вы заходите, Лида. Я вам покажу, какие я ложки в лагере научился вырезать. — Отец махнул девушкам, будто пытаясь в знак приветствия снять несуществующую шляпу, покачнулся и упал.

Васька бросился его поднимать, но старик упирался и хныкал.

— Досадная оплошность перед дамами. Какая конфузливая ситуация. Такого со мной с сорок пер-

вого не случилось, когда я ранен был немецким шпионом Вольфом. Вы знаете Вольфа? Вы вообще про шпионов что-нибудь знаете? — обратился он к девушкам, сидя на земле. — А зря! Они вокруг, они кругом! Они везде! Вот от этого и погано!

Васька одним махом дернул легкое тело старика и поставил, но стоять отец уже, видимо, не мог.

— Идите без меня. Я его домой отнесу и подбегу. Ждите у Ермака.

Памятник легендарному покорителю Сибири был главной городской достопримечательностью, вокруг которой, можно сказать, и происходили основные события жизни жителей Новочеркаска. Здесь назначали свидания и впервые целовались влюбленные парочки, здесь признавались в любви и клялись в вечной верности. Лида и Васька Сомов не оказались исключением. Основные вехи их романа были связаны именно с памятником Ермаку. Сюда стекалась к вечеру вся молодежь Новочеркаска пощелкать семечки, попить пива и познакомиться. В эти летние вечера у клумбы можно было встретить едва ли не весь молодой электровозостроительный.

— Что ж я такая дура! Можно было быстро сбежать домой и привести нашего жильца. Он бы тут со всеми своими героями познакомился. Да и гулять с ним по парку одна приятность, просто как с киноартистом, — сокрушалась Победа. — По секрету хочу у тебя, Лид, спросить. Только ты не смейся. Я могу понравиться московскому писателю?

Победа для верности Лидиной оценки повертелась вокруг своей оси и притопнула каблучками.

— Слушай сюда, я стихи сочинила сегодня, прямо в цехе:

Любовь нечаянно приходит,
Она приходит невзначай.
Она, как вина, в бочке бродит
И горяча, как сладкий чай.

Ну? Я и сюжет романа придумала. Молодой писатель приезжает в рабочий город и влюбляется в молодую рабочую поэтессу. Тут, конечно, разные дела, перевыполнение плана, мастер несознательный. Они с ним борются. А потом вместе в Москву. Ой, Лидка, я в Москву хочу!

— Так ты писателя полюбила или Москву?

— Хорошо тебе, у тебя Васька. А мне тоже хочется любви. Как в кино. Пойдем, семечек купим.

Разгоряченный, запыхавшийся Васька примчался через несколько минут после того, как девушки разместились на старой скамейке перед памятником гордому первопроходцу.

— Насилу уволок отца. Совсем пропадает человек, а ведь грамотный был, сколько читал, он зекам в лагере истории из книг рассказывал, потому и выжил. Его любили.

Разговор снова вернулся к празднику освобожденного труда. Лида расплакалась.

— Так, Вася, мы с тобой никогда вместе не будем. И ребеночек родится без законного отца.

— Чего ты, Лидуша? Я ж все понимаю. Только, видишь, ко мне нельзя. Мы сами все за занавесками, и отец каждый день, как свинья. Куда еще тебе на это смотреть?

— Ну сделай что-нибудь, придумай. Ты ведь мужчина! Может, нам к писателю обратиться, может, он какую бумагу составить поможет. Я вот писала в профком, а мне назначили на прием к Петухову, сказали: вопрос решился положительно. Выделили заводу несколько квартир. А Петухов вдруг: «У меня фондов лишних нет». Может, подскажет, куда выше написать.

— Давай к писателю, — нехотя пробормотал Васька и задумался. Глаза его стали жесткими. Лида боялась его таким. — А тебе, Лида, говорю, Победа свидетель: распишемся, как и задумали, не будем больше откладывать. Была не была! Прорвемся!

26. ЧЕСТЬ МУНДИРА

— И не рассчитывайте! — процедил Игорь, опускаясь рядом с Бугаевым. — Это уже чересчур. В подобных делах я участвовать не желаю. И не буду, даже не сомневайтесь. Можете считать, что с сегодняшнего дня я увольняюсь из органов.

Полковник Бугаев слушал, иронически наклонив голову и пощипывая себя за кончик носа.

Со стороны, вероятно, беседа дядюшки-пчеловода с молодым племянником казалась несколько горячей, и грудастая буфетчица, шумно вздохнув, подумала, что, пожалуй, флирта с лысым транзитником не получится — его родственные интересы явно брали верх.

Чтобы вернуть к себе потерянное внимание, она даже протерла вафельным полотенцем облитый соусом стол и будто бы невзначай полюбопытствовала, как пишется книжка и хорошо ли в ней будет говориться о родном Новочеркасске, однако писатель, едва скользнув по буфетчице взглядом, вновь оборотился к дяде-пчеловоду, и перезрелой дамочке не оставалось ничего другого, как убраться во свояси за уставленную стаканами стойку.

Хозяйка питейного заведения с внезапным раздражением вспомнила о впустую израсходованной тараньке и сделала вид, что не заметила, как, допив пиво, пчеловод бросил выразительный взгляд в сторону прилавка.

«Ну, вот уж дудки! — пронеслось в голове буфет-

чицы. — Не рассыплешься, сам подойдешь, если надо».

Однако «пчеловод» не стал суетиться и, оставив кружку в сторону, поглядел на любимого племянника.

Племянник что-то пылко восклицал, а дядюшка с мудрой и снисходительной улыбкой выслушивал его, как видно, юношески наивную и сбивчивую речь. Впрочем, слов собеседников буфетчица так и не разобрала, да и не очень надо! Она принялась бессмысленно переставлять на подносе плохо вымытые граменные стаканы.

— Товарищ полковник, — говорил между тем Игорь, краснея.

— Дядя Федя, — невозмутимо поправлял «пчеловод».

— Дядя Федя, — поправлялся «племянник», — это что ж получается?! Это же... черт знает, что такое! Вы понимаете, о чем идет речь, или нет? Это же... это же самое настоящее особо тяжкое преступление, да еще в общегосударственном масштабе!

— Вот как? — иронически подымал бровь Бугаев.

— Именно так. Если бы я услышал такое от кого-нибудь другого, я бы ни секунды не сомневался: изменник Родины!

— Неужели?

— Наша задача — защищать страну от врагов и обеспечивать безопасность, — словно не слыша иронии в голосе собеседника, упрямо настаивал Игорь, — но ведь организация такого... — даже не знаю, какое слово подобрать! — это никакая не защита! Это... это... — Он сбился, не в силах справиться с волнением.

— Это мера, направленная на поддержание порядка в стране, — сказал полковник Бугаев.

Игорь недоуменно-растерянно поглядел на начальника.

— Поверьте, — пробормотал он после мучитель-

ной паузы, — эта идея... она абсолютно бессмысленна. Я не понимаю, кому она могла прийти в голову! Полный бред!

— Эта идея, — невозмутимо парировал Бугаев, — абсолютно конструктивна. Когда оперируют тяжелобольного, никто не вспоминает о том, что после вскрытия грудной клетки останутся швы и шрамы. Мероприятие, о котором мы с тобой сейчас так мило беседуем, обсуждалось на самом высоком уровне. — Бугаев со значением взглянул на подчиненного. — Надеюсь, тебе не надо ничего расшифровывать... Речь идет о судьбе государства, Игорек. Можно сказать, будущее страны сейчас оказалось в твоих руках. А ты сопли разводишь.

— Но...

— Никаких «но». По решению партии и правительства в Новочеркасске должны произойти некоторые события. И они произойдут.

— Как же так? — пробормотал Игорь. — Что же это получается? Здесь же живые люди. Так же нельзя! Мы же... мы предадим здесь всех. Они ни в чем не виноваты! — Бугаев невозмутимо взирал на подчиненного, и лишь по сузившимся щелочкам глаз можно было догадаться, что полковник в большом гневе. — Это же самая настоящая провокация, — вздохнул твердил Игорь. — Про такое я раньше только в учебниках по истории читал. Мы же не империалисты! Они — другое дело, они способны на всякую подлость. Но мы!

— Подбирай выражения, — предупредил полковник.

— Товарищ полковник...

— Дядя Федя! — вновь поправил Бугаев.

— Товарищ полковник, — угрюмо повторил Игорь, — давайте считать, что этого разговора не было. Не было — и все! Думаю, вы и сами понимаете, что это — полное безумие, — резко выпалил он. — Если случится, как планирует там кто-то

наверху, это же ужас! Ведь массовые волнения надо подавлять, и милицией дело не обойдется... — Игорь помотал головой, будто отгоняя от себя страшную мысль. — Я и не хочу принимать в этом участия, и не буду! Хоть стреляйте. Он смолк, переводя дух.

Собеседник продолжал пощипывать кончик носа, и по щекам его гуляли тяжелые медные желваки.

— Отличное пиво, — наконец произнес он. — В Москве такое днем с огнем не отыщешь.

— Это ваш ответ?

— Мой ответ? — удивился Бугаев. — Никакого ответа не будет. Будет приказ. И ты его исполнишь.

— Такой приказ — никогда!

— Интересные речи толкаешь, — усмехнулся полковник. — Очень даже интересные. — Он пожевал губами. — Ну, к примеру, насчет того, чтобы расстрелять, — это, знаешь ли, мысль. — Бугаев поднял на подчиненного мутные лиловатые глаза. — Впрочем, всегда успеется. А вот насчет живых людей... я тебе могу напомнить кое-что. Ховенко. Браудер. Резинкина. Ганчев. Бурдила... Знакомые фамилии, верно, Игорек?

«Племянник» пошел бордовыми пятнами.

— Знакомые или нет? — настаивал собеседник.

— Это были предатели Родины! — пылко выпалил «племянник». — Они должны были понести заслуженное наказание. Я лишь выполнял свой долг, приводя приговор в исполнение.

— Но ведь они тоже были живыми, — невозмутимо произнес полковник, — а после встречи с тобой взяли да и стали мертвыми. И ты, помнится, не слишком переживал по этому поводу.

— Потому что они были предатели, — мрачно повторил Игорь. — Это совсем другое дело.

— Эти тоже станут предателями, — усмехнулся Бугаев. — Как миленькие, станут. Главное, чуть-чуть их подтолкнуть. Совсем немножечко.

— Я сказал: нет.

— А я сказал: да!

Начальник и подчиненный в упор уставились друг на друга, каждый — словно желая подмять другого под себя, подчинить своей воле, уничтожить, — и Игорь вдруг явственно осознал, что неспроста Бугаев сохраняет столь уверенный и спокойный тон, тогда как сам он нервничает и едва удерживается от того, чтобы не сорваться на крик.

Бугаев вообще никогда в жизни ничего не делал просто так, не подстраховавшись. Это было его кредо.

Игорь внезапно ощутил, как холод растекается внутри и гадкое чувство тошноты подступает к горлу.

Ему стало страшно — ни с того ни с сего, глупо, без причины.

— Вот какая история, Игорек, — будничным голосом произнес полковник, подманивая пальцем буфетчицу, и после столь красноречивого жеста той не оставалось ничего другого, как поднести посетителю новую кружку пива. — Вот какая неприятная история... ты ведь еще не знаешь... На днях нам с Петровки звонили, из уголовного розыска. Отдел по расследованию убийств... особо тяжких преступлений или что-то в таком роде. — Бугаев вдруг по-детски открыто улыбнулся и продолжил: — Представь, они разыскивают какого-то жуткого типа и почему-то решили, что мы знаем, где его найти.

Услыхав про убийства, подошедшая буфетчица не смогла удержать на лице прежнее отстраненно-обиженное выражение. Глаза ее широко и жадно раскрылись, и в них засиял азарт.

— Как ты относишься к убийцам, девочка? — как ни в чем не бывало поинтересовался Бугаев.

— Кошмар! — только и смогла выпалить буфетчица.

— Вот и я говорю, — согласно кивнул полковник. — С убийцами у нас разговор короткий.

— Я бы всех их стреляла, — заявила она.

— Мудрая мысль. Представь, на Петровке того же мнения, — благостно сообщил Бугаев, вновь обращаясь к Игорю, — и они просят у нас содействия. Игорь не перебивал.

— Так вот, — пробубнил полковник, отхлебнув пивка и даже крякнув от удовольствия, — мы, конечно, сказали, что непременно поставим их в известность, если получим хоть какую-нибудь информацию. Двойное убийство, расстрельная статья без права на помилование. Причем жертвами преступника стали известные люди... можно сказать, гордость советского циркового искусства. Говорят, отличные были гимнасты, выполняли уникальный воздушный номер, зарабатывали для нашего государства горы валюты за рубежом. А кто-то взял да и убил. — Бугаев осуждающе покачал головой и наморщился. — Как бишь они звались, никак не припомню...

— Сетчиковы, — произнес Игорь.

Он сидел бледный как мел, и лицо искажала мучительная судорога.

— Сетчиковы, — согласно повторил полковник, одобрительно кивая. — Точно, Игорек, Сетчиковы. Вот что значит: молодая память!

— Ой, — воскликнула буфетчица, — я читала, читала... я в газете про это читала! Неужели их убили? Ой, такие молодые, и еще артисты, надо же! Я бы этого гада!

Она хлопала жирно накрашенными ресницами, плохо понимая, о чем идет речь, и лишь ощущала растущее волнение. Ей даже не пришлось в голову заинтересоваться, с чего бы это дядя-пчеловод обсуждает с племянником уголовную тематику и почему это из самого МУРа звонят на пасеку и пытаются с помощью тамошней обслуги разыскать особо опасного преступника.

— Вот что значит: глас народа, — одобрительно

кивнул Бугаев. Он вновь сделал несколько глотков из тяжелой кружки, отер платком лысину и как бы невзначай продолжал: — Представь, муровцы считают, что убийцей был не кто-нибудь, а сотрудник нашего ведомства. Мол, у них даже имеются какие-то косвенные улики и примерное описание. Кто-то видел, как накануне представления, когда гимнасты сорвались из-под купола, некий тип крутился возле трапеций. Есть версия, что трапеции подпилили. — Полковник залился мелким смешком, однако глаза его при этом оставались холодными, льдистыми. — Глупости. Я так сразу и сказал, что, если в наши ряды затесался такой негодяй, мы немедленно отдадим его в руки советского правосудия и первые будем настаивать на самом суровом наказании. Потому что он не просто убийца, он честь мундира запятнал!

— Честь мундира, — эхом повторил Игорь.

— Ой, а я тоже что-то слышала! — обрадованно заявила буфетчица.

— Иди, девочка, с Богом! Дай мне с племяшем по-родственному пошептаться, — сказал ей Бугаев со вздохом, и обиженная буфетчица, вздернув плечиком, ретировалась за прилавок. Полковник долгим и грустным взглядом проводил ее рыхлые, плавно покачивающиеся бедра и продолжал: — А то как же! Проникнуть в службу безопасности, совершить преступление да еще и засветиться перед свидетелями! Конечно запятнал!

— Вы решили меня шантажировать? — глухо спросил Игорь.

— Как старший по возрасту и по званию — советую: подбирай выражения. Иначе я могу расстроиться.

Захаренко смотрел на спокойное лицо полковника, на его тонкие, чуть кривящиеся в улыбке губы и чувствовал, как холодная струйка пота змейкой струится вниз по позвоночнику. Он вдруг подумал,

что нечто схожее, должно быть, испытывали в прощальную секунду жизни люди, которых он сам, Игорь, подталкивал к последнему краю. Страх, растерянность, беспомощность и — неотвратимость конца.

— Что вы хотите от меня? — врасстановку проговорил он.

Бугаев откинулся на жалобно скрипнувшую спинку стула и сказал:

— Лично я — ничего. Скажи спасибо Анатолию Дмитриевичу; если бы не мое уважение к нему, наш разговор уже был бы окончен, а с ним — твоя карьера, и не только она... Жизнь, Игорек, штука сложная, — вдруг доверительно произнес полковник и извинительно улыбнулся, — очень часто мы лишь задним числом можем понять, что она нам подстроила. А иногда так и не понимаем до конца дней. Может, то, что тебе сегодня кажется чем-то из ряда вон, завтра ты примешь как должное. Сохраняй спокойствие. Только так можно уберечься на виражах. Не волнуйся — и все будет хорошо. Твое задание всесторонне продумано, никаких проблем не возникнет. Следуй инструкциям — и точка. Остальное сделают за тебя. Да, собственно, уже начали делать. Все понятно?

Не в силах произнести ни слова, чувствуя, как предательский спазм сжимает горло, Игорь смог лишь кивнуть.

— Вот и славно, — сказал полковник. — А теперь — внимательно слушай...

27. НЕУДАЧНЫЙ ДЕНЬ

Усталая и измученная, возвращалась Даша с работы. Погода была чудесная, и в воздухе разливался нежный аромат отцветающей сирени, однако на настроении девушки это обстоятельство никоим образом не отражалось.

День выдался суматошным и трудным. С утра, себе на беду, она неосторожно столкнулась на проходной с директором Петуховым и тот, ухватив Дашу за локоть и отведя в сторонку, в который раз принялся вполголоса втолковывать о важности порученной ей миссии. Как видно, личность приезжего литератора до сих пор весьма волновала несчастного директора.

Даша смотрела сквозь него равнодушным взглядом и никак не могла взять в толк, что же хочет от нее товарищ Петухов. Она так и сказала:

— Все, что могла, я сделала. Я не шпионка.

— Ну, знаш-кать! — возмутился Петухов и завелся по новой. Он повторял те самые слова и в тех же самых выражениях, что и в прошлый раз, и Даша кивала головой, не слушая. В конце концов, если дяде Лене так важно знать о каждом шаге смазливового москвича, пусть сам его и выслеживает.

Отделавшись от Петухова, она направилась в медпункт, где ее уже ждал седой и чумазый сварщик Фомичев, от которого внятно разило перегаром, и Даше пришлось возиться с его ошпаренной до кровавистых пузырей рукой.

Фомичев громко стонал, жаловался на жизнь и ругал матом свою супругу Евгению Ивановну и всех женщин заодно с нею.

Обильно натерев обожженную руку Фомичева мазями, она отправила сварщика в травмпункт.

Потом возникли какие-то срочные дела по инвентаризации медпункта, хлопоты, телефонные звонки... И Даша сама не заметила, как рабочий день подошел к концу, и, лишь взглянув на часы, обнаружила, что уже давно должна была быть дома.

Григорий Онисимович работал в ночь, и надо было успеть забежать по дороге в продуктовый магазин, чтобы накормить отца ужином, а то ведь, как ребенок, уйдет на дежурство голодный.

Запыхавшись, Даша влетела в полутемное и сырое, с низкими серыми потолками помещение продуктового магазина и, приятельски кивнув продавщице, затолкала в авоську худую и длинную, обернутую в промасленную бумагу селедку и две консервные банки с бычками в томате.

Она спешила домой, на ходу вычисляя, успеет ли до ухода отца сварить к селедке картошку, потому как одной тощей селедкой и бычками в томате не больно-то насытишься.

Однако Григория Онисимовича уже и след простыл.

Даша в сердцах швырнула авоську с селедкой на кухонный колченогий стол и повалилась на табуретку, переводя дух.

В комнате Даша обнаружила записку, написанную корявым отцовским почерком. В записке значилось:

«Ждал тебя да ни дождался. Где ты ходишь, могла бы и об отце родном подумать. Пошел на смену прииду утром рано как всегда. Про тебя спрашивала Наташка соседка а я ей сказал что ты позно будешь. Ты у нее спроси, чего ей надо а то она мне не сказала. Г.О.».

Григорий Онисимович всегда подписывался инициалами. Даша не помнила, чтобы когда-нибудь он написал просто: папа.

В этот момент прозвучал мелкий, частый стук в дверь. Даша обреченно вздохнула.

Ошибиться невозможно — так мог стучать только один человек: тощая сплетница Наташка с третьего этажа, злоязычная и желчная, которую все старались обходить стороной.

Так оно и оказалось — Наташка стояла на пороге, светясь своей лисьей фальшивой улыбочкой и через плечо Даши косясь одним глазом в глубь квартиры. Наташка была знаменита на всю округу своей редкостно некрасивой физиономией, неистребимой тягой к сплетням и приговорочкой «ля», которая на деле была не чем иным, как полупроглоченным словом «глянь».

— Привет, — сказала Наташка, — ля, а я тебя ищу. Ты давно пришла?

— Только что.

— Я чего хотела узнать, — вкрадчиво затараторила Наташка, бочком продвигаясь в квартиру и делая вид, что не замечает, как хозяйка перегораживает ей дорогу, — я про ентово хлопца хотела узнать, про приезжего. Правду люди говорят, будто он из Москвы писатель?

— Не знаю, — сказала Даша.

— Ля, как это — не знаешь? — возмутилась Наташка. — Ты же с ним по городу разгуливаешь!

— Ни с кем я не разгуливаю!

Наташка покривила губы в знакомой ехидной улыбочке.

— Ля, какая стала, прям страшно смотреть! — Она суетливо всплеснула руками. — Между прочим, я его под твоими окнами видала, он тут ночью сшивался.

— Чепуха. Ты наверняка перепутала.

— Я перепутала?! — задохнулась от возмущения Наташка. — Я?! Я с балкона посмотрела, ля, а он по

палисаднику ходит! Он еще вон в то окно заглядывал, а Григорий Онисимыч кричать стал, и он так улепетывал, аж пятки сверкали!

— Ну и что? — холодно произнесла Даша.

— А ничего. Может, у него к тебе любовь, а?

— Слушай, Наташа, я только с работы, даже переодеться не успела, — сказала Даша, с трудом сдерживаясь.

На лице Наташки отразилась плохо скрываемая досада.

— А я к тебе за солью зашла, у меня соль кончилась, не одолжишь? — вдруг выпалила она. — А то щи варить надо, а я без соли!

Пока Даша ходила на кухню за солонкой, Наташка топталась в прихожей, лихорадочно придумывая повод, чтобы задержаться, однако ничего так и не придумала и вынуждена была удалиться, неся в ладони ненужную соль.

Даша закрыла за нею дверь и покачала головой. Слава Богу, хотя бы на сегодня она отделалась от докучливых расспросов соседки.

Переодевшись в простенький ситцевый халатик и заварив в металлической чашке крепкого чаю, Даша улеглась на кровать с томиком «Анны Карениной».

Это был любимый роман, и за его чтением время пролетело быстро. Лишь оторвав глаза от книжной страницы, Даша обнаружила, что за окном стояла глухая ночь.

Станный шорох привлек ее внимание.

Отложив «Анну Каренину», Даша поднялась с кровати и на цыпочках направилась к полуотворенному окну. Она была уже в полушаге от подоконника, когда занавеска внезапно отдернулась и тяжелое тело с шумом обрушилось ей на руки. Даша едва успела вскрикнуть и повалилась на пол.

— Здравсте. — Оглушенная и перепуганная, она услышала знакомый голос. — З-здравсте, а это я...

Это и вправду был он — Игорь. Взъерошенный, с блуждающей глупой улыбочкой на лице, он глядел

на девушку мутными глазами. Игорь был вдребезги пьян.

От негодования Даша не сразу нашлась, что ответить.

— Интересненько, — пробормотал непрошенный гость, — а как это я тут очутился?

— Вы с ума сошли! Убирайтесь немедленно!

— Нет, вы мне объясните, — упрямо настаивал Игорь, — я хочу знать все до последней мелочи! Я шел, шел — и куда это я пришел, а?

— Я вызову милицию! — выпалила Даша.

— Подумаешь, напугала! Я и сам, кого хочешь, вызвать могу. Хоть милицию, хоть джинна из бутылки! Кстати, где тут моя бутылочка была, вы не знаете? Куда она, интересненько, запропастилась?

Как ни в чем не бывало Игорь принялся шарить вокруг руками и в конце концов с головой залез под кровать.

Ошеломленная, Даша наблюдала за действиями московского литератора, не соображая, что можно предпринять в такой ситуации.

— Дашуля! — раздался сверху ележный Наташкин голос. — Дашуля, ля, что там у тебя за шум? Гости?

«Только этого и не хватало!» — в отчаянии подумала Даша. Кто-кто, а Наташка разнесет сплетню по всему городку, разукрасив сотней несуществующих подробностей. Даша по себе знала, как жестока людская молва, и с некоторых пор предпринимала массу усилий, чтобы не оказаться в центре всеобщего внимания. Прошлая история с заезжим командированным, несостоявшимся самоубийством и самопроизвольным абортом до сих пор не совсем забылась — и на тебе, новый повод для разговоров!

— А? — Даша выглянула в окно, сделав вид, что удивлена возгласом соседки.

Наташка стояла на балконе, перегнувшись через хилые перильца, и на лице ее было написано жадное ожидание новостей.

— Где он? — сдавленным шепотом спросила Наташка.

— Кто?

— Ля! Ну, твой!

— На дежурстве. — Даше не оставалось ничего другого, как прикинуться круглой дурочкой.

— Я не про Онисимыча. Я, сама знаешь, про кого!

Даша хотела было развернутым текстом посоветовать соседке отправиться по известному адресу, но в этот момент почувствовала, как Игорь крепко ухватил ее за ногу и услышала его невнятное бормотание:

— Где моя бутылка? Убери ногу, я под столом поищу!

Она была вынуждена громко произнести:

— Я уже сплю, Наташа! Хватит голову морочить! — и с шумом захлопнула окно.

Распластавшись на полу и задрав лицо кверху, Игорь осуждающе покачивал головой.

— Ай-яй-яй! — заявил он. — Вы с кем-то говорили, а меня не познакомили! Ай-яй-яй! Может, этот человек и спер мою бутылку?

— Откуда ж вы взялись на мою голову! — в отчаянии всплеснула руками Даша.

— Я хочу пить! — требовательно произнес Игорь и засопел.

Положение было совершенно дурацким.

— Уходите, — выпалила хозяйка, — сейчас же уходите!

— Ага! Я понял! Это ты украла мою бутылку, а теперь хочешь от меня избавиться, чтобы больше досталось! Не выйдет.

— Тише! — взмолилась Даша, непроизвольно оглядываясь на окно. Вполне вероятно, что Наташка все еще стояла на балконе, прислушиваясь к тому, что происходило в соседской квартире. — Умоляю вас, пожалуйста, не кричите!

Игорь приподнялся с пола и уселся на ковре, широко расставив ноги и взъерошив шевелюру.

— Все ясно. Меня ограбили. — Он шумно вздохнул, а потом вдруг всхлипнул: — Дашенька, я сволочь. Если бы вы только знали, какая я сволочь! Вот возьмем вас, — круто сменил Игорь тему разговора, вновь мешая «ты» и «вы», — ты хорошая девушка, добрая и красивая. Почему ты меня не любишь, а? Да потому, что ты чувствуешь, что меня нельзя любить! — назидательно подытожил он. — Потому, что ты знаешь, что я негодяй и подонок! Горбатого могила исправит!

— Игорь, мне не до шуток. Уходите!

— Вот видишь, и ты меня гонишь! Никому я не нужен. Что делать человеку, если он в отчаянии, а? Ты когда-нибудь ходила на охоту? Да ну, — отмахнулся он, — чего я спрашиваю! Конечно, не ходила. Ты в зверей не стреляешь, тебе их, наверное, жалко. А вот я ходил. Прицеливаешься, нажимаешь на курок и — бац! — кровища вокруг и клочья шерсти. А лисица, она ведь тоже живая, она умирать не хочет. Она так смотрит жалобно! Прямо хоть плачь! — И Игорь действительно заплакал. — Она смотрит, а я стреляю! Разве мог я подумать, что когда-нибудь окажусь такой вот лисицей и в меня прицелятся, а бежать некуда, и нет никакого выхода!

Он размазывал грязным кулаком пьяные слезы.

— О чем вы говорите, Игорь? — недоумевала Даша. — Кто в вас прицелился?

— Эх, Дашенька! — вздохнул он. — Ничего вы не понимаете! Никто меня сейчас не поймет. Никому я не нужен.

— Вам надо умыться и идти домой, — успокаивающе сказала девушка. — Выспитесь, а утром поговорим. Может, к утру все будет нормально.

Игорь снисходительно усмехнулся:

— Ничего не будет нормально. Ни-че-го, слышите! Будет все хуже и хуже. А я — сволочь. Меня убить мало. Где у вас тут ванна?

— Умывальник в коридоре, — сообщила Даша, помогая незваному гостю подняться с пола.

Игорь, едва удерживаясь на ногах, поплелся в коридор.

Тяжело вздохнув, Даша уселась на табурет и стала ждать.

Ждать пришлось недолго.

Раздался страшный грохот и вскрик. Затем зазвенели разбивающиеся склянки и загромыхал упавший медный таз.

Даша опрометью бросилась к двери.

Она поспела как раз вовремя.

Красавец литератор, нелепо размахивая тряпичными ногами, болтался под потолком на бельевой веревке, туго стянувшей шею. Лицо его налилось кровью, вены вспухли, а глаза вылезли из орбит.

Возможно, любая другая девушка на месте Даши растерялась бы и потеряла бы драгоценные секунды.

Даша же бросилась к висевшему в петле Игорю и, крепко обхватив его за бедра руками, приподняла.

— Снимайте веревку! — скомандовала она. — Скорее!

Не дожидаясь, когда самоубийца последует ее приказу, она схватила лежавшую на полочке отцовскую бритву и, извернувшись, продолжая одной рукой удерживать на весу тяжелое тело, другой полоснула острым лезвием по натянутой веревке. Вербка оборвалась — Игорь и Даша повалились на пол.

— Оп-па! — просипел Игорь, встряхивая головой.

— С ума сошел?! — закричала Даша. — Я спрашиваю: жить надоело?

Казалось, после произошедшего хмель разом вылетел из головы молодого литератора. Он потирал ладонью багровый рубец на шее и тихонечко постанывал.

— Что это значит? — наступала на него Даша, с трудом выбираясь из-под его тела и приглаживая растрепавшиеся волосы. — Кто вам позволил?!

— Вот оно, несчастье, — сокрушенно произнес Игорь, словно не слыша, — даже смерть не берет к себе. Никому я не нужен.

— Дурак! Вы просто круглый дурак.

— Я не дурак, Дашенька. Я мерзавец. — Он вдруг ухватил девушку за плечи и привлек к себе, лицом уткнувшись ей в грудь. — Пожалей меня! Пожалей меня, пожалуйста! Мне это нужно больше всего на свете!

И Даша, всегда сдержанная Даша, неожиданно для себя самой непослушной рукой провела по его взъерошенной шевелюре. Внезапно она почувствовала, что весь гнев улетучился без следа и острая жалость и нежность к непонятному, практически незнакомому ей человеку всецело завладела ею.

Он поднял вспухшее от слез, некрасивое в эту минуту, но прекрасное, искаженное болью лицо, и она прижалась к его соленым губам своими губами.

28. УВОЛЬНИТЕЛЬНАЯ

Митя проснулся рано, часов в пять. Лежа без сна в полутьме казармы, он слушал сопение задремавшего дневального, считал минуты, оставшиеся до подъема, и размышлял, что сегодня может помешать ему отправиться в увольнение. Потом он прикрыл глаза и перед его мысленным взором возник Витек. Витек Сидоренко со своей неизменной хитрой улыбкой.

Он кривлялся, строил рожи, наставнически размахивал пальцем прямо перед носом Мити и назойливо повторял: «Весь мир, мой юный друг, это театр, и люди, как ты понимаешь, в нем актеры. Вот так-то!»

— Рядовой Бажин, подъем! — вдруг прогремел чужой голос откуда-то сверху из-за Витькиной спины.

«Да я же не сплю, — хотел возразить Митя. — Просто лежу с закрытыми глазами». Но как раз в этот момент он понял, что именно спит, и что заснул он совсем не кстати, и что это голос сержанта Жияна, который стоит над душой, орет и, если ему взбредет в голову, запросто может снова не отпустить Митю в долгожданное увольнение. Митя вскочил и начал лихорадочно одеваться. Сержант все еще стоял рядом. Он держал руки за спиной и покачивался с носков на пятки, как это делали немцы из фильмов про войну. Сержантские сапоги поскрипывали. Его ухмылку Митя чувствовал затылком.

Однажды в школе Митя целый урок спорил со своим соседом по парте, как надо себя вести, если

ты в дремучем лесу встретился с диким зверем. Оба соглашались, что отступить — это трусость и вообще нельзя. Но сосед уверял, что ни в коем случае не надо и смотреть зверю в глаза, потому что это его обязательно разозлит. А злой зверь сразу нападает. Мите это казалось чрезвычайно унижительным. Он настаивал на том, что смелый и грозный взгляд прямо в переносицу страшной звериной морды обязательно напугает любое животное. Только тогда оно поймет, что столкнулось с существом более высокого порядка, пускай менее сильным, но зато более умным, и отступит. Теперь под взглядом Жияна, Мите подумалось, что его сосед по парте был не так уж не прав. Митя слишком ясно понимал, чего будет стоить ему сегодня смелый взгляд в сержантскую переносицу.

Когда над плацем затихли раскаты последнего сержантского «Р-разойдись», Школьник жестом остановил Жияна и сказал ему несколько слов. Сержант кивнул и окинул взглядом плац.

— Бажин! Поди сюда!

Замерев перед взводным командиром по стойке «смирно», Митя чувствовал на себе его оценивающий и недоверчивый взгляд.

— Увольнительную, — произнес Школьник, и Митя протянул командиру только что полученный от сержанта листок бумаги.

— В увольнительную? — спросил старший лейтенант.

— Так точно! — с готовностью отозвался из-за спины насупившегося комвзвода Жиян.

— Отставить, сержант. Я обращаюсь к рядовому Бажину. — Школьник посмотрел в сторону и повторил: — Тебя спрашиваю, дезертирский дружок. Сбежать задумал?

«Весь мир театр, — опять подумал Митя, — но

почему же мне все время достаются самые дрянные роли?»

— Отвечать по уставу. Да или нет?

— По уставу, — распорядился Жиян из-за спины начальства и громко хрюкнул, не в силах сдержать смех.

Митя отчетливо представил вонючий, загаженный сортир, его стены с обычным набором образцов литературного солдатского остроумия, себя, который драит и драит все это щеткой, давно уже растерявшей почти всю щетину, и воскресное солнце, которое сквозь щели в деревянном потолке наблюдает за его стараниями и по-воскресному беззаботно хохочет. Смеется своим желтым противным смехом так, как будто он, Дмитрий Бажин, не рядовой Советской Армии, а рядовой туалетный работник.

— Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться к товарищу сержанту, — вдруг услышал Митя свой собственный голос.

— Что? — И брови обоих Митиных начальников поползли вверх.

— Разрешите обратиться к товарищу сержанту.

— К какому товарищу сержанту?

— К товарищу сержанту за вашей спиной.

Школьник обернулся назад и сделал шаг в сторону.

— Обращайтесь, — сказал он и как-то неуверенно пожал плечами.

— Товарищ сержант, как мой наставник, как старший товарищ, подскажите мне, как ответить на вопрос товарища старшего лейтенанта?

Сержант недоуменно посмотрел на Митю, потом на Школьника и снова на Митю:

— Чего?

— Если бы ваш друг попал в беду, вы стали бы его защищать или предали?

Жиян чувствовал себя так, будто ему врезали под дых на последней секунде боя, когда дать сдачи уже нет возможности.

— Ответьте, пожалуйста, по уставу, — прервал минуту молчания Митя и чуть не задохнулся от собственного нахальства.

Школьник стоял с каменным лицом и слушал, как вокруг плаца в траве стрекочут цикады. Когда Жиян перестал мычать, откашливаться и переступать с ноги на ногу, комвзвода снова повернулся к Мите:

— Рядовой Бажин, за неуважение к старшему по званию объявляю наряд вне очереди. Ясно?

— Есть, — отозвался Митя упавшим голосом. — Есть наряд вне очереди.

— Он же у нас специалист по нужнику, — довольно вставил Жиян, в преддверии скорого реванша вновь обретший дар речи.

— Правильно. Завтра отправишь его на кухню. Пусть осваивает смежную профессию.

— На кухню так на кухню, — разочарованно протянул сержант. — Только почему завтра?

— Потому что сегодня у него увольнение. Понял, нет?

Школьник вернул Мите увольнительную. Так он вставил обоим подчиненным. Пусть знают, кто тут главный.

День был такой, что хотелось сочинить какую-нибудь хорошую песню и тут же ее спеть.

Но Митя не пел. Он стоял возле продуктового магазина и ел мороженое. Со стороны картина была, разумеется, глупая. Взрослый детина, солдат, с бляхой на поясе, в галифе, грызет вафельный стаканчик. Зато это было так по-домашнему. Впрочем, не только вкус мороженого, но и все Митино настроение как бы воссоздавало ему дом, Москву. У него вдруг возникло ощущение, что если он будет долго-долго идти вот по этой улице, все время прямо и прямо, никуда не сворачивая, то часа через че-

тыре, а может быть, даже и всего через два, он выйдет напрямик на Красную площадь. Или на что-то очень на нее похожее.

— Скажите, куда я попаду, если пойду по этой улице? — спросил Митя у случайного прохожего, пожилого мужчины с авоськой в руках.

— У нас все дороги ведут в центр.

— На площадь?

— Ну да. На центральную площадь. Только идти будет долго, сынок. Минут пятнадцать. Ты лучше сядь на автобус. Вон остановка. — И указал на противоположную сторону улицы.

Митя поблагодарил, но так как в запасе у него было гораздо больше пятнадцати минут, он решил, что пойдет пешком.

Тем временем из-за угла тяжело вырулил серый автобус и подкатил к поджидавшим людям. Через открытые окна до Мити донесся резкий голос кондукторши, выкрикнувшей призыв передать деньги за проезд и название остановки. Позади, прилепившись к заднему бамперу, висел мальчишка. В свободной руке у мальчишки была буханка хлеба. А вся его фигура напоминала грушу, зацепившуюся за край хозяйственной сумки и готовую вот-вот упасть на землю.

«Если бы твоя мама знала, как ты добираться до булочной, она ходила бы за хлебом сама, а тебе бы надрала уши», — по-взрослому подумал Митя.

Мальчишка тоже заметил солдата и не сводил с него глаз. Понимая, что сейчас он, возможно, служит примером, пускай даже для этого шалуна, Митя непроизвольно подтянулся, расправил плечи, постарался придать своей походке солидность, но вдруг, неожиданно для самого себя, подмигнул мальчишке. Мальчишка тоже улыбнулся и махнул буханкой хлеба в ответ.

Надкусив край вафельного стаканчика, Митя подумал, что иногда для того, чтобы радоваться

жизни, нужно совсем немного. Просто радоваться, без всякой причины. Впрочем, причины у Мити были, но совсем не для радости. Взять хотя бы это отеческое напутствие сержанта.

«Ты, Бажин, из увольнения не задерживайся, — повторил Жиян несколько раз. — Во-первых, потому, что отчизне без тебя будет туго, а, во-вторых, нам с тобой вечером потолковать надо. Потолковать о делах твоих скорбных как мужчина с женщиной. Понял? Ты понял, я спрашиваю?»

При этом сержант похлопывал Митю по плечу так, как соскучившийся по работе молот похлопывал бы по наковальне.

Митя его, конечно, понял. Хорошо понял. Но почему-то предстоящая разборка его не очень пугала. То ли сержант с утра стал поменьше ростом, то ли сам Митя подрос, но он не мог больше воспринимать Жияна так же всерьез, как раньше.

Ну, подеремся, думал он, как будто не о себе. Ну, наверняка мне достанется... Неужели не бывает неприятностей похуже?

Кстати, неприятность похуже у него тоже была — Оленька. Да, одно дело было хорохориться перед сослуживцами и совсем другое — остаться с этими мыслями наедине с собой.

«Девушки у меня уже нет». Это значит, что больше никаких писем он писать не должен. Если, конечно, хочет себя уважать. Ну а если все его предыдущие письма просто не дошли? Если все их какой-нибудь пьяный почтальон все время отправлял по другому адресу? А Оленька ждет, надеется и, кто знает, может быть, даже любит его...

— Бред, — сказал Митя сам себе вслух. — Бред. Если бы она хотела, она писала бы мне сама! Сама... Ясно?

И все-таки это было странно. Витек, балагур, насмешник, прошедший, по его словам, огонь и воду, когда узнал про свою девушку, сбежал из части и чуть не...

А он, который едва ли не плакал, расставаясь с Олей, теперь, можно сказать, спокойно, чуть ли не философски рассуждает, стоит ли продолжать с ней свою одностороннюю переписку или пришла пора ставить последнюю точку.

Митя подумал, что зря не сел в автобус. Не потому, что спешил попасть на площадь или еще куда-то, а потому, что, когда в толпе пассажиров тебя со всех сторон толкают живые люди, личные проблемы перестают казаться такими острыми. На время, конечно. До тех пор, пока кондукторша не выкрикнет название твоей остановки.

Но серый автобус перед ним уже захлопнул двери. Митя вздохнул и пошел своей дорогой. Мальчишка со своей буханкой все еще разглядывал этого странного солдата, когда автобус, отходя от остановки, наехал задним колесом на утопленную в асфальте крышку водосточного колодца. Машина звонко громыхнула всеми своими железными внутренностями, и пассажиры отозвались дружным выдохом. Мальчишка, прятаясь от кондуктора, тоже подлетел вверх, и его ноги соскользнули с узкой железной перекладки. Теперь он висел на одной руке, а черный асфальт под ним бежал все быстрее и быстрее. Мальчишке не хватало ни сил, чтобы подтянуться на одной руке, ни самообладания, чтобы бросить хлеб на мостовую и ухватиться за перекладку другой рукой. Он уже просто ничего не соображал и висел, дергаясь, как червячок на крючке, и силы его таяли с каждой секундой.

Ни кондуктор, ни пассажиры его не видели. Его видел только Митя.

Он знал, что не отличается быстрым соображением. Вот и сейчас соображать, что происходит, он начал только секунд через пять. Но за эти пять секунд его тело, повинуюсь чему угодно, только не Митиной голове, в несколько прыжков пересекло улицу, с разгону подпрыгнуло и мертвой хваткой

вцепилось в бампер. Тут же рука его ухватила мальчишку за шиворот и втянула наверх, в безопасность. Прошло еще несколько секунд, и он понял, что ударился о железную стенку автобуса коленом, плечом и наверняка головой. Иначе с чего бы она так болела.

Автобус затормозил. Митя увидел, что к нему подходят какие-то люди, кто-то кричал, называл кого-то хулиганом, а Митя все висел на бампере, подобрав под себя ноги.

Вдруг издалека донесся пронзительный свист. Мальчишка с силой дернул Митю за штаны.

— Тикаем! — прокричал мальчишка в самое ухо Мите и потащил его в сторону от автобуса куда-то в проход между домами.

— Ты в порядке? — спросил Митя.

— Я — да! А ты?

И тут Митя пришел в себя. Он заметил постового, который быстрым шагом приближался к месту происшествия.

— Милиция!

Вслед за мальчишкой Митя бежал дворами, припадая на ушибленную ногу. Какое-то время он слышал позади себя крики и свист. Но после того как они перелезли через металлическую ограду и проскочили в дыру в деревянном заборе, звуки преследования смолкли. Однако мальчишка, по-прежнему прижимая хлеб к груди, не сбавляя хода, несся впереди. Митя полностью доверял ему и не отставал. Теперь они бежали через какую-то стройплощадку, нырнули в подвал строящегося дома, пробежали узким коридором и вот-вот должны были выскочить на улицу с противоположной стороны. Мальчишка обернулся к Мите и что-то крикнул.

— Пригнись, — услышал Митя. Но прежде чем он понял, что означает это слово, он уже сидел на грязном бетонном полу и держался руками за свою голову, которой опять так немилосердно досталось.

29. ИДЕЙНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ

У Игоря отчаянно болела голова. Она просто взрывалась каждую минуту после вчерашних сумасшедших событий.

Ничего сносного на ум не приходило. Одно дело — заниматься отдельными скомпрометировавшими себя личностями, здесь все методы были уже опробованы — от шантажа до тайного убийства, другое дело — воздействовать на целый завод или даже город.

Игорь терялся — за какую ниточку потянуть, куда надавить.

Почистив яйцо, он от нечего делать забрел в соседнюю — хозяйскую — комнату.

На окне он заметил тетрадку в коричневом плотном переплете. На первой ее странице крупным старательным почерком было выведено: «Поэма о московском госте».

«Ну-ка, ну-ка», — заинтересовался Игорь.

Какими ветрами тебя занесло
В наш тихий простой городок,
И сердцу становится сразу тепло,
И ты уж не так одинок.

Действительно, какими ветрами? Зачем я торчу в этом забытом Богом городе, среди этих подушек, среди ленивого жужжания мух и далекого лая собак? А девчонка, видать, созрела уже для больших дел. Не хватало, чтоб еще и эта в меня влюбилась. Дура.

В дверь постучали.

Игорь нехотя поплелся открывать. На пороге стояли великан Сомов и его не названная пока супруга Лидочка.

— Вы уже встали? А то Победа сказала вас не беспокоить. Вы вчера очень поздно пришли и еще долго работали.

— Однако информация распространяется у вас оперативно. Нет, я уже давно не сплю. Заходите, чайку попьем.

— Да нам посоветоваться надо, — мялся у порога Сомов.

— Конечно, посоветуемся. Проходите.

Когда гости расположились на кухне за столом, Лида взяла на себя инициативу. Она выложила все свои беды, рассказала про бараки, про будущего ребеночка, про то, что не дают места в общежитии, про отца Сомова и, наконец, поведала о готовящемся празднике.

— Они хотят, чтобы мы бесплатно работали. А куда уж бесплатно, когда мы и так ничего не получаем. Знаете, сколько Вася в прошлом месяце получил? Смешно сказать, в кино ни разу не сходили. Не на что.

— Что же вы от меня хотите? Я же не ваш начальник даже не комсорг.

— Вы из Москвы. Помогите. Может, бумагу напишем кому следует.

Игорь остолбенел.

Если это уже наши работают, то хорошо работают. А может, случайность? Местные идиоты устраивают праздник освобожденного труда.

Ну что ж, рыбка сама пошла в сети. На ловца и зверь бежит. Как еще там в народе говорят про такую удачу?

Внутри появилось привычное возбуждение, которое он называл творческим экстазом и которое, ему казалось, было сродни подъему артиста, нахо-

дящегося на сцене. Игорь вообще часто думал, что его жизнь чрезвычайно похожа на театр, где все люди играют роли, написанные для них пожелавшими остаться неизвестными драматургами из высших эшелонов власти. Только в отличие от актеров эти люди, этот материал, это сырье не отдают себе отчета в том, что их ведет опытный драматург. Себе Игорь отводил в человеческом театре место режиссера и гордился тем, что хоть идея и не его, зато у режиссера всегда есть возможность по-своему интерпретировать любые великие замыслы и выстроить какие угодно мизансцены. Вот и сейчас жизнь подбрасывала интересное решение, которого сам Игорь никогда бы не смог заранее предугадать.

— Погодите, погодите. Значит, вы недовольны существующим положением вещей?

— Нет, мы довольны, только...

— Недовольны! — перебил залепетавшую было Лидочку Сомов. До сих пор он молчал, глядел на невесту, и вдруг его словно прорвало. — Чего там довольны? Надоело быть довольным, как бычкам перед забоем. Я, в конце концов, мужик. А бабу свою обеспечить не могу, ребенка негде родить. Да что же это за жизнь? Надоело молчать! — Глаза у Сомова стали злыми, и кулаки, лежавшие на столе, сжались. Таким решительным и страшным Игорь не мог себе раньше представить Ваську. Даже когда он припечатал молодого ловеласа за ухаживание, в нем было больше ухарства, чем серьезной злости. Но теперь на Ваську было страшно смотреть, в нем проснулось что-то могучее, безудержное, необоримое, видно было — это пролились долгие мучившие Ваську неразрешимые проблемы.

Так вот он каков, жестокий и бессмысленный русский бунт, о котором писал Пушкин.

— Молчать, конечно, не нужно, ребята. Только что мы сделаем? Ну напишем петицию, прочитают ее в профкоме или где там еще. Пошлют Петухову,

тот ее снова в профком — дескать, разбирайтесь сами. И начнет бумага ходить. А до серьезного, ответственного человека ваши слова никогда не дойдут. Такие, как Милютенков, не допустят.

— Так мы и говорим, вы у себя в Москве эту бумагу в какую-никакую газету переправите, пусть узнают, как простые люди живут, — оживилась Лидочка.

— А то они не знают! Бумаг у них, поди, целые тонны лежат. При Сталине люди все писали, думали, не знает, отец родной, а потом оказалось — все знал, сам благословлял палачей, и тех, кто писал, расстреливал, — все больше мрачнел Сомов.

«Ишь ты, как заговорил, голубь мой!» — Игорь пристально смотрел на Сомова.

— Бумагами здесь, правильно говоришь, Василий, не обойдешься. Но и с кондачка не возьмешь. Тут все обдумать надо. Смотрите, сейчас вас приперли этим пресловутым праздником освобожденного труда. Вот тут и надо силу проявить, показать, что вы действительно не бычки на веревочке. Трим нам с этим не справиться. Я за правду тоже пострадал. Дело было, потом расскажу, из института вылетел. Так что тут не писать, а действовать надо. У меня есть соображения. — Сомов внимательно слушал. — А ты уверен, Василий, что нас другие поддержат? Что не останемся в одиночестве?

— Не вопрос. Я своих ребят знаю, они мне верят. И насчет других цехов не беспокойся, соберемся вместе. У нас еще те, старые казаки.

«А каким казался тихим, благонадежным завод, и вот стоит копнуть... Нет, не зря Бугаев меня сюда послал!»

— Тогда слушай, Василий. Я уже говорил, нужно силу свою, сплоченность показать. Как наши деды в семнадцатом. Они что делали, чтобы на себя внимание властей обратить? Устраивали забастовку. Я, конечно, не призываю к таким крайним методам.

Но предлагаю в день освобожденного труда выйти на работу, не работать, организовать пикеты возле административного здания, написать лозунги с требованием повысить зарплату. А что они нам сделают? Так и до начальства городского дойдет, сразу зашевелятся. Идет?

— Ой, мальчики, больно что-то вы громкое задумали. — Лида покачала головой. — Мне даже страшно.

— А чего тебе страшно, Лидок? Ты тут при чем? — заулыбался Сомов. — Твоя помощь не нужна.

— Нужна, — строго прозвучал голос Игоря. Он уже почувствовал себя авторитетным идейным руководителем. — Нужна. Женщины в таких делах большая сила. Ты нам очень поможешь, Лида.

Они договорились собраться завтра вечером и обсудить детально план действий. Игорь хотел видеть тех, кто поддержит их идею, поэтому с Васькой было условлено, что он приведет своих друзей. Лиде было поручено разыскать Победу и с нею обговорить несколько женских кандидатур, которые могли бы войти в «штаб по организации срыва праздника».

Она тут же вспомнила про многодетную Абрамову. Правда, за такие выступления никаких путевок ей не посулишь.

30. «ДИМКА ДУРАК»

Виссарион буквально повис на Победе. Собираясь в парк, она надела блузку, к которой вообще нельзя было прикасаться. Она мялась даже оттого, что на нее дул ветер. Но разве это можно объяснить мальчишкам? Особенно родному брату. Особенно такому брату, как Виссарион. Своими грязными от природы пальцами он вцепился прямо в белоснежную ткань Побединой блузки, размахивал перед ее носом буханкой хлеба, которой наверняка только что играл в футбол, и что-то говорил.

Когда Победа окончательно смирилась, что рукав блузки безнадежно испорчен и что теперь ей придется снова идти домой, чтобы переодеться, она вздохнула и попросила Виссариона повторить все с самого начала.

Ее братец нес какую-то чушь. По его словам выходило, что ему угрожала страшная опасность, но какие-то солдаты его спасли. Правда, из-за этого теперь и сами солдаты попали в переделку. Они серьезно ранены, им требуется медицинский уход, а сам он, Виссарион, с такой задачей один справиться ну никак не может.

— Опять хлеб, что ли, уронил? — спросила Победа, когда Виссарион наконец умолк.

— Что хлеб?! Тут такое...

— Вот тебе деньги, — сказала Победа. — Сбегай, купи новый.

— Ты...

— Я маме ничего не скажу.

— Ты что, мне не веришь?

— Я все понимаю. Ты ходишь в булочную, как Суворов через Альпы. Для тебя донести до дома булку хлеба тоже подвиг. Но это совсем не значит, что мне жалко дать тебе двенадцать копеек.

Виссарион повертел в руках испорченный батон и опустил голову.

— Он вон там, за тем домом.

— Кто?

— Раненый солдат. — Виссарион потащил Победу за собой. — Я говорю тебе, он меня спас. Я ехал на автобусе и чуть с него не свалился. То есть чуть из него не выпал. А он... Он не дал мне упасть, только вот сам...

Они прошли через разобранное ограждение, через засыпанную строительным мусором площадку и оказались возле низкой двери в недостроенном здании.

— Здесь, — сказал Виссарион шепотом. — Только пригнись.

Митя сидел на грязном бетонном полу, держался рукой за лоб. Он сидел так не потому, что у него кружилась голова или сильно болело ушибленное место. Он просто пытался хоть как-то привести в порядок мысли, но из этого ничего не получалось. И он только глубже и глубже закапывался в свои проблемы.

Вот он и дождался первого увольнения. Выходит, прав был сержант, когда вместо этого заставлял его чистить туалеты. Что он теперь, интересно, скажет? Да что там сержант?! Наплевать на него. Вот Школьник...

Митя коснулся рукой раны на голове. Кровь уже почти остановилась. Может, еще обойдется. Да, а фуражка где? Он оглянулся направо, налево и тут понял, что фуражка свалилась у него с головы, когда он прыгал через забор. Или нет... А что, если он уронил ее возле автобуса? Его же сразу найдут. Там ведь на внутренней стороне фамилия...

Пока ее глаза привыкали к темноте после яркого солнца, все, что она могла разобрать, была черная на белой стене надпись, сделанная мальчишками: «Димка дурак». Победа сделала шаг вперед и чуть не споткнулась о вытянутые поперек узкого прохода ноги в перепачканных пылью армейских сапогах. Она подняла голову и увидела самого обладателя этих сапог. Коротко стриженный очень молодой парень сидел возле стены прямо под надписью и смотрел на Победу. На его лбу, вдоль линии роста волос, Победа заметила небольшую рану. Кровь уже остановилась, но все его лицо и ладонь, которой он зажимал рану, были в красных разводах.

Победа охнула и наклонилась к нему:

— Где это вас так?

— Ударился, — заговорил Виссарион. — Сначала об автобус, а потом здесь.

Победа заметила, что парень смутился и даже покраснел. Значит, сотрясения нет, почему-то подумала она.

— Я фуражку где-то посеял, — вдруг сказал Митя.

— Где? — засуетился Виссарион.

— Не знаю. Если возле автобуса, совсем плохо... Я пойду поищу ее.

Нет, решила Победа, в таком виде ему никуда выходить нельзя. Любой милиционер или военный патруль его обязательно остановит. Она отправила Виссариона домой, заставив его два раза перечислить все, что нужно было оттуда принести.

Митя чувствовал себя уже довольно хорошо, во всяком случае, гораздо лучше, чем выглядел, и мог бы сам позаботиться о себе, но он боялся, что эта девушка уйдет. Почему ему не хотелось, чтобы она уходила, он даже не задумывался.

— Победа, — представилась девушка.

— Что? — переспросил он.

— Все удивляются.

Виссарион принес воду в большой бутылке, йод,

бинт, моток лейкопластыря, вату, иголку, нитки, еще какие-то мелочи, которые Митя не разглядел, щетку и даже гуталин. Победа вытерла Мите лицо, прижгла рану йодом и перевязала Митю. Тем временем Виссарион превратил его сапоги в сверкающее черное совершенство. Он любовался своей работой и умчался на поиски фуражки.

Победа зашивала китель. Митя наблюдал за ее пальцами и готов был вообще никогда больше не шевелиться. А что, если бы на его месте был Витек? Наверное, он поцеловал бы эту девушку, когда она завязывала ему лоб, ведь ее лицо было так близко? Нет, конечно нет! Победа не такая девушка, чтобы позволять себя целовать первому встречному-поперечному. А вот если бы здесь, перед ним, вместо Победы оказалась Оленька Шевелева... Но стала бы она вот так же возиться с Митей? Умывать его, зашивать порванную одежду? Оля никогда не касалась его лица так, как это получилось у Победы, никогда не гладила его так, как это делала Победа. Конечно, она оказывала помощь раненому, но разве это что-то меняет? Наверное, меняет, вздохнул Митя.

— Все, — услышал он голос Победы. — Можете надевать.

Жалея, что дыра на кителе оказалась не такой большой, Митя встал и отряхнулся.

— Давайте я помогу вам, — сказала Победа.

У него опять перехватило дыхание. Он осторожно просунул в застегнутый на все пуговицы китель руки, а затем голову. И когда через несколько десятков, а может быть, и сотен лет он снова выглянул из кителя, его лицо оказалось так близко от лица девушки, что для поцелуя уже не надо было даже наклоняться.

— Можно я...

— Что?

— Можно я...

— Что?

— Скажу, как меня зовут?

На большее Митю не хватило. Но он был совсем рядом с ней. Может быть, для первого раза этого достаточно?

Победа внимательно посмотрела на Митю, кивнула и тут в направленных на нее глазах увидела себя. Ее раздвоенное отражение в обрамлении распахнутых глаз и ресниц показалось ей таким необычным, что она на мгновение забыла о том, кому эти глаза принадлежали.

А я ничего, мелькнуло в ее голове, очень даже ничего...

— Я Митя, — сказал Митя и отступил на шаг.

— Митя? Вас зовут Митя? — переспросила она, не сразу поверив в такое совпадение.

— Дмитрий, — поправился Митя.

Он ничего не понимал. Победа вдруг почему-то захохотала. Звонко и весело. Так, как будто это имя было наследственным источником смеха для многих поколений ее семьи.

— Можно Дима, — решил он исправить положение.

Но Победа взяла его за плечи, притянула к себе и развернула к стенке. На ней, над тем самым местом, где он только что сидел, кривыми буквами куском черного угля было выведено: «Димка дурак».

Ну вот, подумал про себя Митя, повезло. Угораздило же познакомиться с девушкой в том единственном месте, где я — дурак. Он просто не знал, что ему делать, и это рассмешило Победу еще больше. Хохоचा, она прислонилась к Мите спиной. Ее волосы коснулись его щеки, губ. И вся Митина злость, его робость куда-то ушли. Митя наклонился и коснулся губами затылка девушки. Это был почти поцелуй. Хотя Сидоренко наверняка сказал бы, что это не считается.

После отбоя Митя еще долго лежал без сна. Он был уже без повязки на лбу, но зато с заплывшим

после разговора с сержантом Жияном глазом. Ему было что вспоминать.

Когда Митя, чуть прихрамывая, со швами на лбу и на кителе вернулся в часть, ему снова, как и утром, встретился Школьник.

— Ну как, Бажин, — спросил старлей, вглядываясь в сияющую Митину физиономию, — не сбежал?

— Никак нет, товарищ старший лейтенант, — ответил Митя.

Куда же я теперь убегу, подумал Митя, я же влюбился!

31. СХОДКА

После обеда, который Игорь провел в заводской столовой, у молодого человека значительно улучшилось настроение. Машина завертелась. Главное, правильно ее завести, а она уж обязательно будет давать результаты. Снова пришла в голову аналогия с театром. На хорошо поставленном спектакле не обязательно присутствовать режиссеру, все и так пройдет успешно. Игорь с невольной дрожью вспоминал глаза Васьки. Однако он силен, этот Сомов, таких не стоит дразнить. Но, в конце концов, я даже даю этим Сомовым шанс. Так бы загнили они тут в своем поганом городке, начали бы со временем пить, жену побивать, а так при моей помощи проживут несколько героических дней. Потом всю жизнь вспоминать будут. Ну, может, дадут им лет пять, не больше. Сейчас не сталинские времена...

По дороге через заводской сквер к административному зданию шел директор Петухов.

Ого, вот еще один артист. Нет, он, пожалуй, еще хуже — жалкий статист, которому дадут пару реплик. Игорь подошел к директору и церемонно раскланялся.

— Изучаю ваш героический завод. Сегодня был в столовой. Надо сказать, щи казацкие обязательно пройдут лейтмотивом через весь мой роман.

Петухов кисло улыбнулся:

— Да, стараемся, знаш-кать, заботимся о рабочем классе. Можете это отметить. — Он быстро вскинул

глаза на Игоря и задержал взгляд на полсекунды. — А что же вас еще интересует, молодой человек? Может, наши красивые девушки? Или наши казацкие нравы для специфики романа? Когда вы уезжаете?

Игорю стало не по себе. Казалось, Петухов видит его насквозь, казалось, он о чем-то догадывается. Игоря никогда не подводила интуиция, и теперь он явно почувствовал враждебную настроенность директора.

— Что значит: уезжаете? Я только приехал. Разве я кому-то мешаю?

— Не мешаете. Но вы же умный человек, знаш-кать, и прекрасно понимаете, что чужой, незнако-мый человек в доме даже самым деликатным хозяе-вам в тягость.

— Придется потерпеть. — Это, конечно, была на-глость со стороны Игоря, но она вырвалась потому, что Игорь ощущал превосходство над этим неглупым человеком. И ему хотелось укрепить свои позиции.

— А если мы не захотим?

Это был вызов, и Игорь его принял:

— Ваши действия?

— Против вас оружие найти несложно, — Пету-хов подошел к молодому человеку вплотную, — и не с такими справлялись!

У Игоря против воли мороз пошел по коже. Что это значит? Что он знает? О чем он говорит?

Спокойно, спокойно. Что он может, этот старый хрыч? Смешно!

— Не понимаю, Леонид Константинович, чего вы так на меня окрысились. Я с таким интересом к заводу, лично к вам...

— И к медсестре.

— Ах, вон оно что! Уж не ревнуете ли вы? Стыд-но, стыдно. — Игорь погрозил Петухову пальчиком, пытаясь свести все к шутке.

— Она мне вроде дочки. Я ее в обиду не дам. Од-на сволочь уже, знаш-кать, прошлась по ее судьбе.

— Полегче, Леонид Константинович, — заиграл желваками Игорь, — вы хоть и директор, а я вас могу ударить.

— Если бы, — выдохнул Петухов, — если бы ты мог ударить... — и пошел прочь.

Что это значит? Все-таки ревность или серьезные догадки? Ясно одно, информаторы у Петухова работают хорошо. Доложились уже о наших отношениях с Дашей. А ведь тоже казалось, что это тайна. Может быть, Сомов провокатор? А может, этот ангелочек Лидочка? У, черт, голова пухнет.

Через несколько шагов Игоря пронзила мысль, самая страшная, на его взгляд.

А может, это дело рук нашего ведомства? Может быть, это я статист в какой-то непонятной темной игре?

В работе Игоря никогда до конца не было понятным, где окажешься — на коне или под конем.

Вечером Сомов привел с собой к Игорю человек пять рабочих, Это были не только молодые люди, но и средних лет. Говорили мало, но очень весомо и по делу.

Игорь предложил выбрать уполномоченного, который смог бы представить их требования начальству. Единогласно, без лишних голосований предложили Ваську и еще одного, самого пожилого в этой компании, рабочего, Тимофея Григорьевича. Потом написали эти самые требования — повышение зарплаты, решение жилищных проблем, отказ от работы во внеурочное время. Решено было в день освобожденного труда провести митинг, где все эти требования довести до сведения заводского начальства. Обязательно должны были выступить женщины. Победа с Лидой и несколькими подружками взялись подготовить речи от имени матерей. В случае отказа начальства выслушать рабочих обдумали возможность пройти колонной по улицам города на главную площадь и в горькоме заявить о своих проблемах.

— Но это только в совершенно крайнем случае, — солидно сказал Тимофей Григорьевич.

Разошлись поздно, притихшие, напряженные, но довольные. Завтра им предстоял разговор с рабочими в цехах.

Провожая всех, Игорь стоял во дворе дома и вслушивался в черноту засыпающего южного города. Стояла тишина, изредка прерываемая только далекими электровозными гудками. Васька вдруг отстал от своей группы, вернулся к Игорю:

— Забыл сказать. Это... свадьба у нас с Лидкой скоро. Мы уже заявление подали. Так что приходите.

32. НАЧАЛОСЬ...

День начинался для Петухова отвратительно. На работу он предпочитал ходить пешком, благо дом находился близко от завода. Вот и сегодня он, как обычно, пройдя сквер, остановился у бровки тротуара, чтобы перейти дорогу. Кругом было поутреннему пустынно. Но только он прошел несколько шагов, как из-за угла продмага неожиданно выскочил серый военный газик на огромной скорости. Петухов растерялся, заметался из стороны в сторону, замахал руками и поскользнулся. Перед глазами мелькнуло искаженное злобой и страхом лицо водителя в гимнастерке. Завизжали тормоза, и упавший Петухов увидел метрах в трех колеса автомобиля — между крупными камнями дорожного бульжника медленно, прямо на Петухова текла горячая темная струйка крови.

Что это? Откуда кровь?

Вокруг машины происходила какая-то суета:

— Какого хрена?

— Занесло же бедолагу.

— Да это не его занесло, а тебя, безрукий.

К директору подбежал молодцеватый сержант и, охая, вспоминая всех богов, помог ему подняться.

— Ну, какая непролага. Я ж этому дуралею говорю — тормози, значит. А он несется. Я ж ему...

Петухов поморщился:

— Не кричите так громко. Я еще не оглох из-за ваших дуралеев. Что там? — Он кивнул в сторону машины.

— Ой, да ничего. Вы-то не пострадали? Я ж этому олуху всю дорогу говорил — держись...

Петухов приблизился к небольшой толпе у машины. В черном кровавом месиве он различил собачью голову и мученический, ощерившийся оскал. Мощные лапы бессильно лежали на мостовой.

«Только бы она уже умерла, только бы не мучилась, — с ужасом подумал Петухов и взгляделся в черный круг на дороге. — А ведь я бы мог быть сейчас на ее месте».

Резко развернувшись, директор быстро пошел к заводу.

Лидии Ивановны на месте не было. И это тоже показалось Петухову дурным знаком. Он всегда загадывал: если его вечная секретарша, как всегда возвышается над своим «Ундервудом», значит, мир еще существует и все движется по своим незыблемым законам. А сегодня был совершенно редкий случай — Лидия Ивановна отлучилась. Конечно, через несколько минут она вплыла в кабинет, суровая, неулыбчивая, с горами папок и со свежими номерами газет. Петухов ставил привычным росчерком свою подпись под накопившимися бумагами, наводил справки, но неприятный осадок мучил его. Во рту появился знакомый привкус металла.

Только бы плохо не стало. Вот еще, не хватало, чтобы директора прямо с завода увезла «неотложка». Аккуратно складывая бланки, Лидия Ивановна помедлила и, словно мимоходом, бесцветным голосом сказала:

— В пятом цехе инцидент случился.

— Какой?

— Титаренко подрался с мастером.

— Кто?!

— Титаренко. Пока не понятно, из-за чего.

— Не может быть. Это какая-то, знаш-кать, ерунда. Откуда у тебя такая информация?

— Информация неофициальная, сам мастер молчит. Только сведения достоверные.

— Ну и что теперь делать, знаш-кать! Может, мне возле каждого мастера по милиционеру поставить?

Металлический привкус усиливался. Петухов побагровел, ему стало трудно дышать.

— Ну что ты устави-лась? Принеси мне наконец таблетку нитроглицерина.

Пожав плечами, секретарша зацокала в приемную. Вернувшись, она еще раз попыталась успокоить директора, сказав, что мастер, вероятно, не станет возбуждать дела и вообще он предпочитает об этом не распространяться. Так что волноваться не стоит.

Даша вспыхнула жарким румянцем, когда в окно она увидела приближающегося к подъезду Игоря.

Зачем он ходит сюда? Это, в конце концов, неприлично. Надо ему строго наказать.

Минуту спустя дверь распахнулась и на пороге медпункта возник московский литератор собственной персоной

— Добрый день, сестричка. Как поживает Гиппократ? — Игорь сделал жалостливую гримасу.

— Гиппократа не было, а вот вы, товарищ Толстой, идите и пишите свою «Войну и мир».

— Так я и пишу, набираю материал про свою главную героиню — Наташу Ростову. Образ должен отличаться наибольшей жизненностью и правдоподобием. — Игорь перегнулся через обложенный бумагами стол, губами достал Дашину шею и легонько укусил.

— А-а-й!

На этот невольный вскрик девушки из-за ширмы, как чертик из табакерки, тотчас вынырнула круглая заинтересованная физиономия фельдшерицы.

Завидев ее, Игорь принялся дурашливо раскланиваться:

— Добрый вечер! О-о-о! Доброе утро. Как по-

живают лучшие представители доблестного отряда медицинских работников, чье боевое оружие — не штык, но клизма!

Даше стало вдруг неудержимо весело, она пыталась сдерживать смех, но, чем больше она крепилась, тем сильнее он грозил прорваться. И наконец она залилась — безудержно, задорно, по-девчоночьи открыто.

За нею следом — Игорь.

— Ой-ой, подумаешь, какие умники! — обиделась фельдшерница.

— Когда я приду к тебе? — низко склонившись к самому уху девушки, прошептал Игорь. — Даша, когда? Если ты хочешь...

— Да. В восемь, нет, лучше в девять, — едва слышно ответила девушка.

Около полудня в кабинете Петухова раздался резкий звонок по обкомовскому телефону. Директор вздрогнул и судорожно схватил трубку. Девичий голос пропищал:

— С вами будет говорить Иван Андреевич. — Потом долго что-то щелкало, и на другом конце провода раздалось сухое покашливание Первого.

— Здравствуй, Леонид Константинович. Как дышим? Не зашиваемся?

— Да все нормально, Иван Андреевич. Пыхтим, знаш-кать, но план по полугодью, думаю, дадим нагору к двадцатому.

— Молодцы! Я вообще-то думал, что ты сам мне позвонишь, да вот не дождался. Какие мнения будут насчет новой директивы правительства?

Петухов растерялся. На всякий случай брякнул:

— Положительные.

— Нет, ты мне конкретно скажи, обсудили? Когда думаете обсуждать на партактиве?

Капелька пота скатилась по лбу директора.

— Да, обсудили. Постановление сейчас у секретаря, печатает. Партактив проведем третьего. Когда документы будут готовы, пришлем вам.

— Ты, я вижу, захопнулся, Леонид Константинович. Короче, как толькоознакомишься, я жду твоего звонка.

Резкий звук директорского звонка заставил Лидию Ивановну поперхнуться только что откушенным куском печенья. Она влетела к Петухову.

— Где? Где правительственные документы? Ты хочешь, чтобы меня отправили на пенсию?!

Лидия Ивановна поджала губы:

— Я подумала, тебе плохо, и отложила документы...

— А ты знаешь, что мне только что звонил Певцов. Требуется наших решений. Что я должен делать, знаш-кать? Груши околачивать?

— Сейчас, сейчас. — Лидия Ивановна уже положила на стол тоненький клеенчатый треугольник и исчезла.

На белых листах типографским шрифтом значилось: «Порядок оплаты производственных операций: токарных, слесарных, штамповочных, литейных...» — и следовал длинный реестр деталей, производимых заводом.

Петухов водил взглядом по строчкам и не верил своим глазам. Расценки стали чудовищно низкими. Если раньше рабочий зарабатывал за обточку вала тридцать копеек, то теперь за эту операцию он станет получать пять!

Вот оно, началось!

Петухов выматерился. Он матерился про себя смачно, гадко, по-тюремному. Пусть они там в обкоме подотрутятся своими директивами погаными!

До конца дня Петухов просидел в кабинете. Он приказал Лидии Ивановне никого не пускать к себе под страхом смерти. И она рьяно исполняла приказ, отгоняя назойливых посетителей. Позвонить в

обком Петухов не мог: боялся за себя, сорвется. Показать бумагу кому-нибудь не поднималась рука. Казалось, что, пока о ней никто не знает, она как бы не существует.

Вечерело. За дверь преданно цокала каблуками Лидия Ивановна. Она, наверное, сейчас переживала, что не успеет купить молока к завтраку, а директор все сидел, не выходя из своего кабинета. Наконец его седая голова просунулась в щель двери. Это, безусловно, означало примирение.

— Лидия Ивановна, вызови ко мне Титаренко, знаш-кать, он сегодня во вторую. А потом иди домой.

Григорий Онисимович никакой вины за собой не чувствовал. Была только обида, на кого, непонятно, и привычная досада томила его.

Было немного жаль Иваныча, но и это чувство пропадало, когда Григорий Онисимович вспоминал слова мастера о его дочери. К Петухову старик относился хорошо, знал, каким честным солдатом тот был, но никогда он не считал Петухова своим другом. Как может такого ранга начальник быть другом простого работяги?

Да, оба они выросли на казачьем хуторе, да, воевали, но с тех далеких времен их пути разошлись. То, что Петухов привечает Дашку, Григорию Онисимовичу не больно нравилось, но он махнул рукой. Однако теперь старик крепко задумался, какие разговоры идут на заводе о них. И это выводило его из себя, мучило больше всего, потому что ничего он не мог решить.

Когда через час его вызвали к директору, он вошел в кабинет, ни о чем не думая, решив положиться на случай и говорить только правду. Единственное, что бы он хотел скрыть — слова мастера о Дашке и Петухове. Но как в таком случае изложить суть конфликта?

Петухов сидел за столом, серый и измученный. Он не встал на приветствие Григория Онисимовича и невыразительно поздоровался. Потом вдруг выскочил в приемную и принес оттуда бутылку «Перцовки».

— Давай по-старому, по-фронтовому, не чокаясь. Выпили.

— Ты, наверное, Григорий, думаешь, я тебя из-за драки пригласил? Нет. В том деле сам разбирайся. Думаю, выпутаешься, не маленький. Я тебя видеть хотел, просто посидеть с тобой. Устал я... Ты тоже устал?

— Уставать нам некогда. — Григорий Онисимович чувствовал, что директор что-то недоговаривает, хочет сказать, а не может. — Жизнь не сахар. Вчера Дашка пошла в магазин, стояла пять часов, хлеба не подвезли. Где это видано, чтобы в хлебном крае хлеба в мирное время к столу не было.

— Это временные трудности, Григорий. Кто-то что-то не учел, куда-то не туда послал.

— Не надо этих припевок, Леонид Константинович. А в Ростове, что ли, тоже временные трудности? За хлебом давятся. И реформа денежная, когда мы с Дашкой все с себя продали, — временные трудности. Сколько я сейчас получаю? Рубль с полушкой?

— Ладно тебе, знаш-кать, не все так плохо. Вон у тебя Дашка — девка хоть куда. Когда на свадьбе гулять будем?

— Не знаю. Сам видишь, жениха ей нет в этом проклятом городе, да и приданого у нее — вошь на аркане. Стыдно в кино сходить, не то что на свадьбе невестой сидеть.

— А это не вопрос, Григорий. Была бы лошадь, а узда найдется.

— Что-то не получается у нас с тобой разговор, Леонид Константинович. Зачем вызвал? Хочешь спросить про мордобой, давай, не стесняйся, я отвечу, скрывать нечего.

— Я же сказал, не потому захотел с тобой встре-

титься. Тяжело мне, Григорий. Живу, как последний день, а никому это не нужно.

— Так брось начальствовать. А? То-то же! Не сможешь уже, не захочешь простую воду пить после вина. — Григорий Онисимович тяжело поднялся, осушил стакан «Перцовки». — Пойду, а то я вчера ничего не наработал, да и сегодня у тебя просижу. Что в получку буду брать?

— Постой! — Петухов, словно неожиданно, принял наконец решение: — На вот, посмотри. — Он протянул старику клеенчатую папку.

Григорий Онисимович читал медленно, шевеля губами. Потом поднял голову и потерянно спросил:

— Что же будем делать? По миру пойдём? Где же правды искать?

— Вот и я не знаю, Онисимович, куда бежать, куда податься. Теперь понял, зачем я тебя позвал? Больше некого. Люди и так стонут. Как же я им эту грамоту покажу? Ты человек поживший, опыт у тебя большой, давай вместе думать.

— А что тут думать? Тут вешаться надо, а не думать. А рабочим все равно завтра надо объявить.

— Ты вроде, Григорий, и меня в чем-то обвиняешь.

— На двух конях все равно ездить не получится. И мне тебя не жалко. Ребятишек лучше пожалею, что без молока теперь останутся. — Старик выпил еще и яростно ударил себя ладонью по голове. — Что ж ты там думаешь, Никита Сергеевич?

— Да он-то, наверное, и не знает про все эти безобразия.

— Не знает... они все ничего не знают!

Когда Григорий Онисимович открыл дверь в сенцах, то услышал, что как будто кто-то шмыгнул по квартире. Он прислушался, не сходя с порога, но стояла пронзительная тишина. Не слышно было

даже привычного Дашкиного сопения. Осторожно сняв сапоги и размотав портянки, старик попытался включить свет на кухне, чтобы перекусить. Но света не было. Тогда он стал шарить по столу, чтобы найти спички и зажечь керосиновую лампу, которая на всякий случай всегда стояла под рукой. Вдруг Григорий Онисимович явно услышал звук открываемого окна. Он схватил спички и, не зажигая лампы, бросился в Дашкину комнату. Он ожидал увидеть что угодно — но только не это! У окна, полуголый, стоял московский писатель, пытающийся натянуть брюки, а Дашка, совершенно нагая, дергала неподдающийся шпингалет...

33. КРЫЛО НАДЕЖДЫ

Бытовки были своего рода клубом, хотя, конечно, никому такое сравнение в голову не приходило.

По утрам в женской делились друг с другом своими новостями, секретами, спрашивали у подруг советов, которым, впрочем, почти никогда не собирались следовать, и каждая выходила из раздевалки обогащенная кусочком чужой радости, удачи, а случалось, и разочарования.

А сегодня событие! Вере Шахназаровой муж привез из командировки, из Ленинграда, нижнее белье нового необычного фасона. Это был лифчик с замочком сзади вместо петелек и эластичные трусики, такие, что никакая резинка внизу уже была не нужна.

Вера сразу же решила, что надевать такую красоту без повода не годится, что она будет ждать до ближайшего праздника, но удержаться и не показаться в нем подружкам было выше ее сил. Теперь за три минуты до начала смены Вера уже складывала обновку и заворачивала ее в газету.

— Эх, пораньше бы, — вздохнула Вера, — наде-ла бы на Первое мая. А так придется ноября ждать.

— Ты что, — заверещала Победа. — У нас же на носу день освобожденного труда.

Вера подняла брови и обернулась к подругам, как бы спрашивая, а достаточно ли это большой праздник, чтобы надеть обнову.

Наталья Степановна, которой было уже тридцать

восемь лет и которой проблемы молодых девчонок вроде Веры давно уже казались глупостью, только хмыкнула, пряча волосы под платок.

— Этот праздник нам еще аукнется, — сказала она.

Ее слова заставили всех разом повернуться к Наталье Степановне.

— Ты чего, Наталья? — наконец спросил кто-то.

— Вчера директор распоряжение из области получил понизить на заводе расценки. Сегодня приказ повесят.

— А при чем же здесь праздник? — спросила Вера.

— Вот вам и будет праздник!

— Ты, тетя Наташа, просто сердисься, — сказала Победа. — Праздники — это очень важно. Мы на них единство свое всему миру демонстрируем и рабочим всех стран примером служим.

— Вот когда у тебя будет двое детей, когда им по утрам на завтрак будешь давать по куску хлеба да по полстакана молока, потому что на целый уже денег не хватает, вот тогда приходи ко мне, мы с тобой о жизни-то и поговорим. И рабочих твоих из всех стран тоже вспомним.

Она вышла, хлопнув дверью так, что тишина, наступившая вдруг в раздевалке, стала казаться еще страшней.

— Чего это она?

— Может, мужик загулял?

— Севка? Да брось ты!

— Девочки, — заговорила вдруг до сих пор молчавшая Лида, — а ведь Васька мой тоже говорил, что этот праздник нам ни к селу ни к городу. А если еще и про расценки правда?

Все опять замолчали. И хотя гудок, зовущий на смену, уже прозвучал, никто из бытовки выходить не торопился, как будто за дверью притаился какой-то страшный, никому не известный враг.

— Наталья врать не будет, — тихо произнесла

Вера. — У нее золовка в производственном отделе сидит, они там все всегда наперед знают.

Это была чистая правда.

У Лиды вдруг зануло под сердцем. Там все всегда наперед знают, все наперед знают...

Васька узнал про расценки только в обед, когда завод уже начало лихорадить. Он не знал, что в сборочном, самом крупном из цехов, ребята всерьез думали о том, чтобы прекратить работу, и что в литейном еще в одиннадцать часов начался стихийный митинг. Увлеченный своим делом, он вообще ничего не замечал и просто работал.

Его путь к заводской столовой лежал мимо проходной. Там-то Василий все и узнал. Точнее, сперва он увидел. Люди стояли толпой. Все говорили одновременно, но говорили об одном и том же. Дирекция завода, не посоветовавшись с рабочими, понизила расценки. Трудно сказать, почему люди стояли здесь, возле проходной, а не пошли к административному зданию, где располагался кабинет директора и где в это время сидел он сам. Наверное, они подсознательно чувствовали, что, несмотря на все декларируемое единство, руководство завода — это люди другого круга и других интересов, а значит, и административное здание — это чужая территория, тогда как заводская проходная — понятие по-настоящему рабочее.

Единственный, кого рабочие, и то только молодые, считали своим, был Милютенков. Не то чтобы его уважали (скорее, наоборот), но когда ты вырос с человеком в одном дворе, когда ты помнишь, как он вместе с тобой лупил из рогаток по воронам, а потом, судорожно дыша тебе в спину, удирал от милиции, или что-нибудь такое, то пусть даже он станет хоть кем, хоть директором завода, он все равно останется для тебя своим.

Правда, теперь Васька встречался с Милютенко-

вым только в столовой, хотя и по-прежнему они здоровались за руку.

— Что происходит? — спросил Василий.

— А то ты не знаешь?

— Нет, — ответил Васька и, вспомнив понравившуюся ему присказку своего нового знакомого, добавил: — Чтоб я сдох!

Милютенков сбивчиво, торопливо обрисовал Ваське положение дел. Он рассказал о сборочном цехе, и о литейном, и о том, что повышение расценок мера вынужденная, и что скоро, ну просто очень скоро все опять пойдет как раньше, только будет лучше, гораздо лучше, вот увидишь.

По мере того как до Василия доходило, что ему говорит Милютенков, в нем закипала, да, именно закипала злость.

Все, теперь все пойдет к чертовой матери, подумалось ему. Даже денег на кольца и то не хватит, не говоря уже обо всех расходах на свадьбу.

— Только сейчас, — закончил Милютенков, — надо что-то сделать. Надо им сказать что-то такое, чтобы все разошлись по местам и начали работать. Я же говорю: это мера вынужденная.

— Ага. Потому что вынуждает меня положить зубы на полку за ненадобностью.

— Ты что, Сом? Ты хоть понимаешь, что ты сейчас сказал?

— Да пошел ты! — И Васька двинулся сквозь толпу поближе к тому, кто сейчас встал на ящик и говорил громче всех. Это был пожилой рабочий из литейного. Васька не был знаком с ним, знал только, что его отчество было Семеныч, а за глаза все называли его Карл Маркс.

Семеныч многословно и по-своему толково разъяснял рабочим, что понижение расценок не может происходить само по себе. Просто так понизить их за здорово живешь нельзя. Для этого нужны объективные причины. Например, если страна испытывает

временные внешнеэкономические или политические трудности. Тогда наш долг плотнее сомкнуть ряды, пусть даже отказаться от какой-то части зарплаты, но помочь стране выстоять.

— А какие сейчас у нашей страны сложности? — закричали из толпы. — Немца победили, с американцами дружим!

— В том-то и дело, — продолжал диалектически развивать свою мысль Семеныч Карл Маркс, — что и в экономике, и в политике у нас все в порядке. Можете мне поверить, я каждый день «Правду» читаю и держу палец на пульсе времени.

Над толпой возле Семеныча Маркса возвысилась еще одна голова.

— Если причин нет, значит, мы должны повлиять на Петухова, чтобы он все это отменил!

— И как же ты собрался влиять на него?

— Очень просто. Надо написать письмо! В городской комитет! Вот так!

— Как же! — ответили из толпы. — Это распоряжение на расценки идет из области, прямо от Певцова. На все заводы. А ты думал, только нам одним такая честь?

— Тогда надо написать дальше, — не унималась голова. — Тому, кто может позвонить в обком партии, позвать к телефону их начальника и сказать ему: а ну, немедленно прекратите над рабочим классом издеваться.

— Хрущеву, что ли? — захохотал кто-то. — Только и дел у него, что утирать нос нашему начальству.

— А хоть бы и Никите Сергеевичу. Или ты думаешь, что товарищ Хрущев узнает, как с нами тут поступили, и ничего не сделает?

Серый воздух вдруг стал прозрачнее и как будто чище. Каждый, стоя в большой толпе, в этот момент почувствовал, что, несмотря на явную несправедливость, несмотря на все неурядицы собственной жизни, над каждым из них, даже над самым несчастным,

простирается крыло надежды. И это крыло — улыбающийся со всех газет, журналов и даже со странички детского букваря Никита Сергеевич Хрущев. Вот только как до него добраться? Как донести до него правду, которую местное начальство, пытается от него скрыть?

— Я знаю, — вдруг закричал Сомов. — Я знаю. Нам надо срочно найти писателя. Он поможет. Он из Москвы, и он точно поможет. — И чтобы его слова прозвучали еще убедительней, в первую очередь для него самого, он тихо добавил: «Чтоб я сдох!»

34. КАК РОДИНУ ЛЮБИТЬ

История с Сидоренко в части стала потихоньку забываться. Митя знал, что ведется следствие, но, как ни странно, его самого пока что не трогали. Поначалу он тщательно готовился к тому, что его вызовут на допрос, продумывал варианты вопросов и ответов, ждал подвохов от Школьника. Однако пауза стала затягиваться. Школьник, казалось, забыл о своих придирках и злополучной записке, и потянулись долгие служивые дни безо всяких происшествий. Последнее время на фоне этой безмятежности Митя все больше стал думать о встрече с Победой, о мимолетном, но таком волнующем поцелуе, и мысли о девушке уютно расположились в его жизни, согревая бесцветные солдатские будни. В предстоящие выходные Митя очень рассчитывал на увольнительную. Всю неделю он старался не попадаться на глаза начальству, усердно драил полы и выходил на поверку предельно подтянутым.

Однако сегодня утром, к Митиному огорчению, было объявлено, что весь полк переводится на военное положение, так как грядут какие-то важные учения и ни один солдат в ближайшие дни в увольнительную отпущен не будет. Подобный поворот дела выбил рядового Бажина из колеи. Надо сказать, что Митя даже боялся новой встречи с Победой, хотя и очень ее жаждал. Он представлял во всех подробностях, как начищает сапоги, как подтягивает ремень, как приезжает в город, покупает бутылку вина, но

дальше этого его фантазии не продвигались. Митя испытывал почти забытое смятение — сродни тому, которое охватывало его при виде Оленькиных прозрачных локонов. Во-первых, он не мог придумать, где они с Победой выпьют эту самую бутылку, не дома же, в конце концов; во-вторых, видимо, следовало как-то объясниться с девушкой. И этот пункт программы казался Мите самым трудным. Удачно, конечно, состоялось их знакомство, тогда Митя был в положении страдательном и все происходило само собой, но теперь наступило время решительных действий. И их-то Митя опасался больше всего. Однако, не смотря ни на что, отмена увольнительной расстроила Митю. Он знал, как быстро девушки все забывают, и ему казалось, что новой встречи с Победой может уже не быть. Ему рисовались страшные картины — он приходит к Победе, а та прямо во дворе целуется с другим парнем, дальше следовало объяснение и, возможно, крепкий мужской разговор.

После обеда к Мите подошел Шутов:

— Ну что, паря, не дождался увольнительной?

— Не твое дело.

— Надо поговорить.

— Вроде не о чем.

— Это как сказать. Дело очень стоящее, касается твоего друга Сидоренко.

Митя заволновался:

— Говори.

— Не здесь.

Барак стоял в глубине части, среди зарослей сирени. Там всегда можно было укрыться от посторонних глаз, там распивали самогонку, выясняли отношения, иногда плакали. Митя отправился за Шутовым. Остановились у повалившегося дерева с тыльной стороны барака. Шутов стал расстегивать ремень.

— А теперь, сволочь, ты ответишь мне за дембель, который я не получил.

Митя схватил первый попавшийся дрын и бро-

сился на противника, но в эту минуту кто-то схватил его за руку и повалил на землю. Митя уткнулся носом в прохладную свежую траву, и шею его уже придавили.

— Давай, штаны стаскивай с этого ублюдка, — раздался голос.

Митя, собрав все силы, рванулся, и его подхватили сильные цепкие руки. Он получил прямой удар кулаком прямо в зубы, хрустнул нос, и теплая кровь потекла по лицу.

— Гады! — заорал Митя.

Ему заткнули рот и стали дергать за штаны. Брюки треснули, и кто-то стал ножом резать неподдающуюся ткань. Лезвие задевало за живую Митину плоть, оставляя красные полосы. Наконец его поставили на четвереньки и стали хлестать ремнями по заднице. Слышался визгливый голос Шутова:

— Теперь ты никогда, сволочь, не забудешь, кому дорогу перешел! Вы еще с Сидоренко поплачете кровавыми слезами! Я тебя научу Родину любить!

Били долго и методично. Сквозь пыхтение и сопение истязающих Митя услышал шум струи. Приподняв голову, он увидел, что озверевший Шутов мочился прямо на его волосы.

35. «Я БОЛЬШЕ НЕ БУДУ»

Милютенков вбежал в приемную директора завода так, будто перед этим преодолел тяжелую марафонскую дистанцию с полной выкладкой да еще по пересеченной местности. Он тяжело дышал, сопел и никак не мог перевести дух. В таком виде допустить его в кабинет директора Лидия Ивановна просто не могла. Дела могли быть какой угодно срочности, но уважение к начальству и принципы субординации были для нее превыше всего. Сегодня она пропустит к директору потного комсомольского вожака, а завтра туда без спроса войдет рабочий в грязных сапогах.

Она усадила Милютенкова в кресло и налила ему воды из пузатого графина. Но тот не желал пить. Он сбивчиво, через пень колоду уверял ее, что у него чрезвычайное сообщение, и немедленно рвался к директору.

— У тебя есть не меньше пяти минут, чтобы отдышаться, — строго сказала Лидия Ивановна.

— М-м-мне с-с-срочно.

— Директор занят.

— Но там... такое...

— Остынь. Посчитай до ста. В спокойном темпе. Когда пульс будет семьдесят два удара в минуту, я тебя приглашу.

И она внимательно, как бы гипнотизируя, поглядела Милютенкову в покрасневшее лицо. На секунду оно напомнило ей уют, и она даже подумала, а не прыснуть ли в это лицо водой, тогда маль-

чишка наверняка охладится и сразу же придет в себя. Тарас взял из ее рук стакан и начал пить. Когда воды в стакане осталось примерно половина, а зубы Милютенкова перестали колотиться о граненое стекло, секретарша поняла, что посетитель взят под контроль и спокойно вошла в директорский кабинет.

Петухов стоял возле окна, выходящего в сторону проходной. До людей, скопившихся возле проходной, было довольно далеко, настолько, что отсюда они выглядели единообразной серой массой, и все же Петухов предпочитал смотреть на них сквозь тюлевые занавески.

— В приемной Милютенков.

— Да видел, знаш-кать, как он сюда неся. Что он говорит?

— Как только он будет способен на членораздельную речь, я его сразу впушу.

— Паникер, — снисходительно бросил Петухов и вернулся к столу.

— Я думаю...

— Да?

— Я думаю, что надо позвонить Ивану Андреевичу.

— Певцову? Да не, обойдется.

— Позвоните, — настаивала секретарша, отлично понимая, что решение давно уже принято. — Певцов все равно об этом узнает. Пусть лучше от вас.

— И что, знаш-кать, я должен буду ему сказать?

— Что держите ситуацию под контролем. Что ничего страшного не произошло. Вот только среди рабочих есть отдельные личности, которые занимаются антиобщественной пропагандой.

— Неплохо, знаш-кать. И поэтому необходимо принять меры по усилению правопорядка на территории завода?

— Да. На всякий случай. А для большей убедительности назовите ему нескольких конкретных виновников.

— Даже так?

— Я думаю, Милютенков расскажет вам сейчас обо всем достаточно подробно.

Петухов кивнул.

— Тогда набери Ивана Андреевича... знаш-кать... минут через двадцать, договорились? — И его приятная улыбка проводила ее до самой двери.

— И сделай нам чаю! — крикнул Петухов секретарше через закрывающуюся дверь.

— Вам с лимоном? — успела спросить Лидия Ивановна входящего в кабинет Милютенкова.

Тот не сразу сообразил, что обращаются к нему. А когда сообразил, дверь уже закрылась, и он кивнул неизвестно кому.

— Так что там происходит? — со вздохом спросил директор.

— Они недовольны расценками и хотят написать письмо.

Вошла секретарша с чаем. Петухов подождал, пока она выйдет.

— Кто недоволен расценками?

— Рабочие. Сперва они все вразнобой кричали, а потом Карл Маркс встал на трибуну и началось.

— Карл Маркс?

— Да, Карл Маркс из литейного.

— Знаш-кать, Калабин. А еще кто выступал?

— Да много народу. Алешка Самохвалов, Гена Рязанко... А потом Володька Кречетов сказал, что все эти изменения расценок — обман и надо писать письмо Хрущеву. Чтобы он, значит, разобрался.

— Хрущеву? — Директор постучал пальцами по подоконнику. — Ну а ты что сказал? Вступился хоть за руководство?

— Я? Меня даже не подпустили.

— Да ты, знаш-кать, и не рвался?

— Как это не рвался?! Я с Васькой Сомовым стоял и говорил ему, что надо что-то делать, что-то сказать, чтобы все немедленно разошлись по цехам.

— Значит, и Сомов там?

— Да. Он-то как раз и сказал, что, мол, к писателю надо пойти. Игорю... как его?

Петухов молчал, давая возможность Милютенкову вспомнить фамилию писателя самому.

— Захарченко, — наконец произнес Тарас.

— Захаренко, — со значением поправил директор.

Милютенков преданно глядел в лицо директору и готов был отозваться на его любое слово.

— Бери бумагу, знаш-кать, — сказал директор, как бы между прочим. — Чего сидишь?

Вожак заводских комсомольцев взял чистый лист бумаги из стопки на директорском столе, подвинул к себе чернильный прибор: ручку с белым пером и тяжелую металлическую чернильницу и замер в ожидании.

— Пиши, — сказал директор.

— Что писать? — удивленно воззрился на него Тарас снизу вверх.

— Пиши докладную. Обо всем, что ты мне рассказал. И обязательно, знаш-кать, фамилии укажи. Кто выступал... Кто там вообще чего делал, обо всех...

Только теперь до Милютенкова начало доходить. Самое глупое было то, что ведь он сам сюда пришел. Пришел за помощью. А угодил в ловушку. Он робко, робко и бестолково попробовал дать задний ход.

— Я... я всех и не видел...

— Напиши обо всех, кого видел.

— Но я все уже рассказал. Зачем же мне еще и писать?

— Во, знаш-кать! — деланно изумился Петухов. — Да ты, никак, считаешь, что я тебя заставляю это делать? Нет, брат. Не хочешь — не пиши.

Милютенков молчал, не зная, как себя повести.

— Дурья твоя башка, — заговорил Петухов тоном старшего брата, — сегодня я на это выступление рабочих должен буду написать рапорт в горком партии. И в нем я, конечно, сошлюсь на твои слова, на твои

наблюдения. И, естественно, должен буду приложить к рапорту твою докладную. А если ее не будет, если узнают, что ты писать ее отказался, представляешь, что о тебе там подумают? — Директор сделал небольшую паузу. — Какая там после этого партия? Тебе в комсомоле бы тогда, знаш-кать, удержаться!

Милютенков поднял на Петухова умоляющие глаза. В них стояли слезы. Как в детстве, когда их вместе с Васькой Сомовым поймал милиционер. Тогда Васька не стал распускать нюни и провел полночи в кутузке. А Милютенков, сквозь сопли проямлив, что больше он никогда не будет, во весь дух помчался домой. Наверное, в тот день их пути и начали расходиться. А теперь он и вовсе должен был оставить Ваську Сомова по ту сторону забора. Окончательно. Милютенков опять, как и тогда, сделал глупость, если не кое-что похуже, только ныть «я больше не буду» и давать честное слово теперь было некому.

«Э-э, парень, — решил про себя Петухов, глядя в глаза, а потом в затылок начавшему писать донос Милютенкову. — Да ты не только дурак, ты еще и слабак».

«Литературный» труд первого комсомольца завода подходил к концу, когда в кабинет заглянула секретарша.

— Певцов на связи, — сообщила она взволнованно.

— Я же сказал, знаш-кать, соединить с ним попозже, — недовольно ответил Петухов.

— Это не я. Он сам позвонил, — развела руками секретарша. — Кажется, он уже все знает...

36. СЮЖЕТ

Такой страстной женщины, как Даша, у Игоря еще никогда не было. Поначалу она всякий раз стыдливо и неохотно подчинялась его домогательствам, казалась равнодушной, однако потом становилась безудержной и смелой. Это сочетание застенчивости и страсти пленяло Игоря и соединялось в великую и пьянящую тайну. Ее тело билось в руках у Игоря, как пойманная рыба, которую невозможно удержать. Надо было либо отпустить ее обратно в родную стихию, либо смириться с тем, что через минуту жизнь навсегда ее покинет. Игорь и сам понимал, что их отношения зашли слишком далеко для провинциального романа, но отказаться от ночи с Дашей он уже не мог. Сегодня, когда на дворе стоял белый день и надвигались важные события, нелепость их связи обнаруживалась с особой отчетливостью. Игорю надо было уже давно быть на заводе, но он медлил и не мог оторвать губ от влажной шеи девушки.

— Мне надо уходить. Скоро придет твой отец. Он когда-нибудь убьет меня.

— Не убьет, мой родной. — Даша зарылась глубоко под одеяло. — Не нужно нам никуда идти. Мир пока обойдется без нас. Пусть все произойдет, а потом мы появимся, как первые люди, совершенно нагие и невинные.

— Хорошо, если бы все уже произошло, — вздохнул Игорь. Дашины слова невольно вернули его к действительности, и он потянулся за одеждой.

— Куда ты? — Глаза Даши тревожно округлились.

— На завод, буду искать Сомова. Мы с ним договорились встретиться. — Игорь быстро одевался. Даша лежала, вытянувшись, как струна.

— Зачем тебе все это? Наши проблемы? Ты уедешь, а завод останется, надо будет как-то жить. Не ввязывайся.

— Даша, ты же умная женщина. Если все будут так говорить, кто нас защитит? Права надо отстаивать.

Даша встала и аккуратно заправила постель, накинула халатик.

— Я не знаю, только чувствую. Эта история до добра не доведет. Послушай меня, Игорь. Ты здесь человек новый, не бери грех на душу.

— Да что с тобой, Даша? — Игоря начинал раздражать разговор. — Ты говоришь так, будто я понизил расценки, заварил всю эту кашу, будто я хочу подставить твоего Сомова. Я же хочу им помочь.

— Тогда отступись, успокой их...

— Вероятно, ты решила, что наше с тобой совместное времяпрепровождение способно составить основу сюжета, — тонко улыбнулся Игорь.

Это был удар ниже пояса.

— Подло и низко ради придуманных ценностей провоцировать людей на роковой шаг. Как ты не хочешь этого понять!

— Я никого не провоцирую. Я пойду с ними везде, и не ради литературы, как выразилась ты, а ради убеждений.

Игорь выскочил в коридор и стал завязывать ботинок. Спустя секунду появилась Даша, голос ее дрожал, а две верхние пуговицы на халатике расстегнулись, обнажая ложбинку груди:

— Прости. Не обижайся.

— Мне не на что обижаться, — глухо процедил Игорь и не оглядываясь направился вниз по лестнице.

У выхода он столкнулся с бредущим навстречу Григорием Онисимовичем. Тот недоумевающе поглядел на парня, будто, погруженный в тяжелые думы, не сразу признал. Потом невесело усмехнулся:

— Опять зятек явился.

Игорь протянул руку старику. Помедлив, Григорий Онисимович ответил рукопожатием.

— Уже уходишь? А то посидели бы, поговорили. Тут такие дела творятся. Наши собираются завтра идти в администрацию завода.

— На площадь надо идти, — бросил Игорь.

— Может, и верно говоришь. Я тоже так думал. Пусть наше недовольство до Москвы разнесется.

— Отец, перестань, замолчи! — крикнула Даша.

— А ты брось на отца подыматься. Ишь, распоясалась совсем. Он-то дело говорит. Ты куда сейчас, Игорь?

— К Сомову.

— Я с тобой. Вы думаете, если старик, так он и побоится правду сказать? А мне терять нечего.

Игорь растерялся:

— Может, не надо, Григорий Онисимович? Пока вашей помощи не требуется.

— Ты меня не жалея. Я крепкий мужик, а Дашка сама за себя может постоять. Даша вдруг бросилась к отцу.

— Не пушу. Пусть он идет, — показала она на Игоря, — а тебе куда?

— Охолопись. — Григорий Онисимович осторожно отстранил Дашу, и они с Игорем вышли на улицу.

37. МУЗЫКАНТЫ

Часы, висящие в углу гостиничного холла, показывали двадцать минут восьмого. До конца дежурства оставалось почти полтора часа.

Мария Дмитриевна, нацепив на нос очки в толстой роговой оправе, вязала из грубой серовато-белой пряжи теплые носки на зиму для Победы.

Пальцы ее ловко сновали между натянутыми нитями и спицами. Получалось ладно. Носок и пятка были поплотнее, чтобы раньше времени не продырявились, поверху Мария Дмитриевна пустила красную и белую полоски, так что в них хоть в Ростов, хоть под венец...

«Да, — подумала Мария Дмитриевна, — под венец... Пора об этом подумать — девахе уже восемнадцать, вот-вот кавалеры пойдут, если уже не пошли. На заводе парни высокие, статные, того и гляди, в кого-нибудь влюбится. Эх годы-годы, как быстро летят, не угонишься. Вроде совсем недавно я на сносях бегала, а теперь, поди ж ты, барышня выросла...»

Мария Дмитриевна тяжело вздохнула и еще ловчее заработала спицами.

На улице уже было совсем темно. Фонарей, однако, еще не зажигали — сэкономили электричество.

Из темного окна прямо в глаза Марии Дмитриевне ударил яркий сноп света. Когда глаза попривыкли, она различила, что это кто-то светит прямо в окно автомобильными фарами.

Вот поганцы! Небось Валерка с молокозавода. Сейчас придет, будет трешку до получки клянчить. Алкаш.

Старая дверь гостиницы скрипнула, открылась, и в фойе начали заходить молодые, спортивного вида люди, с подозрительно одинаковыми черными футлярами. Они входили и, ни слова не говоря, рассаживались на облезлых диванчиках, стоящих по периметру холла.

Некоторым не хватило места на диванчиках, и они уселись кто где — на широких подоконниках, на покрытой стареньким линялым ковром лестнице и даже на своих футлярах.

Их было человек двадцать пять, не меньше. Судя по одежде, они были не местные.

«Из Ростова, что ли? Пожалуй, даже и не из Ростова. Не из Москвы ль, часом? — подумала Мария Дмитриевна. — Ишь сколько их...»

Наконец зашел человек, судя по виду, главный. Оглядев своих подопечных, он направился к окошку, за которым сидела Мария Дмитриевна.

— Принимай гостей, мамаша, — весело сказал он.

— Я вам не мамаша.

— А кто ж?

— Администрация! — со значением произнесла Мария Дмитриевна.

— Ну ладно. Ты давай-ка, уважаемый товарищ Администрация, расселяй моих молодцов.

— Чтой-то многовато их у тебя. Духовой оркестр, что ли? — с неприязнью в голосе спросила Мария Дмитриевна.

Непонятно почему, эти люди ей сразу не понравились.

— Да, да. Оркестр. Сводный.

— А ты дирижер, что ли?

— Вроде как, — почему-то хохотнул тот.

— Да-а... — насмешливо протянула Мария Дмитриевна. — И надолго к нам?

— Ну, это как получится. Может, на неделю, а может, и на месяц. Если нам у вас тут понравится.

— Не понравится, — сердито ответила Мария Дмитриевна, — народ у нас лихой, приезжих не любит. Да и местов в гостинице нету.

— Да ты чего, мамаша, — посерьезнел дирижер, — ты шути, да знай меру. Что значит «нету»?

— А то и значит. У меня постояльцев — полная гостиница. Три места свободных только есть. Вот троих поселю, это пожалуйста, милости просим. А остальных — извините-подвиньтесь.

— Нас двадцать семь человек.

— Да хоть сто двадцать семь. Сказано: местов нету. И все. Привел ораву на ночь глядя...

Оркестранты с большим интересом наблюдали за происходящим.

— Так. Где кабинет директора гостиницы?

— Нету директора, — сварливо буркнула Мария Дмитриевна.

— А где же он?

— Домой пошел. Отдыхать. Рабочий день у него два часа тому кончился. — И она с новой силой задвигала спицами, бормоча себе под нос: — Ходют тут всякие, работать не дают...

Тогда дирижер просто-напросто обошел стойку, вошел в закуток Марии Дмитриевны, несмотря на ее протестующие движения, снял телефонную трубку и протянул ей:

— Звони директору домой. Немедленно.

Мария Дмитриевна уже открыла было рот, чтобы послать этого московского музыканта куда подальше, но осеклась. В его голосе, в стойке и жесте, которым он протянул ей телефонную трубку, было что-то начальственное, властное. Мария Дмитриевна вдруг почувствовала, что командует он здесь по праву. А кто знает, кем эти права ему были даны?

Рука Марии Дмитриевны сама потянулась к те-

лефонной трубке, а другая набрала на диске четыре цифры домашнего номера Павла Ивановича.

— Алло, — раздалось с другого конца провода.

— Пал Иваныч?

— Да, я.

— Патрищева беспокоит.

— А, — Павел Иванович сразу оживился, — Маша! А я тут до тебя дозвониться никак не могу. Что-то с линией, видно. Уже ехать собрался.

— Пал Иваныч, тут ко мне духовой оркестр из Москвы заявился.

— Уже добрались? Лихие хлопцы! — отчего-то обрадовался директор. — Я как раз по этому поводу и звонил.

— Двадцать семь человек.

— Да-да, я знаю.

— Поселить требуют. А куда? Мест-то нет.

— Маша, ты давай... того... Сели всех.

— Так три места у меня свободные, куда селить-то?

В трубке раздался тяжелый вздох.

— Придется освободить номера.

— Как это — освободить? Тут люди, которые только-только заехали! Стахановец один приехал по обмену опытом, герой труда. Мать с двумя детьми, командированный один. Куда ж я их дену?

— Ну, орденосца, Маша, не трогай. А всех остальных придется выпроводить. Маша, — вдруг понизил голос директор, — мне насчет этих людей из обкома час назад звонили. Приказали разместить.

— Из обкома? — Мария Дмитриевна покосилась на дирижера — тот только криво усмехнулся.

— Так что ты давай, Машенька, постарайся.

— Хорошо, Пал Иваныч, не беспокойтесь.

— А я через часик буду. Помогу тебе.

Мария Дмитриевна положила трубку на рычаг и недовольно пробормотала:

— Хорошо. Сейчас попробуем что-нибудь сделать. А вы пока подождите.

Дирижер удалился из-за стойки и присел на освободившееся место.

Надо же, размышляла Мария Дмитриевна, прикидывая, кого бы выселить в первую очередь, из самого обкома звонили. Что за важные птицы такие? Может, кто из начальства к нам едет?

Составив небольшой список, она со вздохом отправилась выполнять так неожиданно свалившуюся ей на голову неприятную миссию.

Хоть бы заранее предупредили. Хоть бы за день, с огорчением думала Мария Дмитриевна, стучась в первую дверь.

Пришлось, конечно, Марии Дмитриевне повозиться в этот вечер! Чтобы выгнать людей на улицу, да еще вечером, да еще тех, у кого сразу за несколько дней заплачено, это, знаете ли, нужно уметь! Где-то уговорами, где-то построже, а где-то просто в приказном порядке ей удалось освободить десять номеров.

Мария Дмитриевна была женщина добрая, незлобивая, и не один раз в этот вечер ее сердце обливалось кровью — ведь где ж это видано, чтобы человека на ночь глядя на улицу выкидывать. Да еще в казачьем краю, где в любую хату постучи — везде только рады будут. Кстати говоря, именно такой совет она дала большинству выселяемых, а некоторых прямо отправила к знакомым. Если б была возможность, она и к себе взяла кого-нибудь, да уже один постоялец был.

Люди, конечно, возмущались. Но только для виду — каждый понимал, что, если пришли выселять, значит, так надо. Кому и где — это уже другой вопрос.

Женщину с двумя детьми Мария Дмитриевна решила не трогать. А вот орденоносца пришлось уплотнить — подселить к нему героя-стахановца.

Короче говоря, через час, когда приехал Павел

Иванович, Мария Дмитриевна уже шла из кладовой, нагруженная тюком свежего белья, которое еще нужно было распределить по номерам.

— Ну как? — спросил шепотом директор, показав подбородком на по-прежнему сидящих в фойе музыкантов. — Как они? Не скучают?

— А мне это без разницы, скучают они или нет. Сидят молча, как барчуки, хоть бы покурить вышли.

— Им легкие беречь надо, — со знанием дела сказал Павел Иванович.

Через полчаса все было готово.

И тут произошла вторая странная вещь. Только Мария Дмитриевна собралась поставить неожиданных гостей в очередь, чтобы те предъявили паспорта и заполнили регистрационные карточки, как Павел Иванович снова отозвал ее в сторонку и приказал поселить их без всякого оформления.

— Как так? — опешила Мария Дмитриевна. Подобного в ее практике еще не случалось.

— Очень просто. Оформи их как группу. Так и запиши — «группа музыкантов из Москвы».

— Так, в правилах же сказа...

Павел Иванович махнул рукой:

— Маша, делай что тебе говорят. И это... ты в книгу регистрации карандашиком впиши, чтобы в случае чего изменить можно было.

Мария Дмитриевна вышла из гостиницы в начале одиннадцатого. Кинув напоследок взгляд на темное здание с фальшивыми колоннами, портиком и крупной надписью: «Гостиница Дон», она обратила внимание еще на одну странность — свет горел только в одном номере из тех, куда она поселила неожиданных постояльцев. Кажется, это была комната, которую занял дирижер.

Репетируют, наверное, неодобрительно подумала Мария Дмитриевна, людям спать пора, а они репетируют.

Открыл Марии Дмитриевне Игорь:

— Добрый вечер.

— Здравствуйте-здравствуйте. Как вы тут?

— Все нормально, Мария Дмитриевна.

Мария Дмитриевна первым делом скинула туфли и прошлепала босиком по крашенным суриком половицам в свою комнату, где переделась в домашний халат, затем снова вышла к постояльцу:

— Ну что, Игорек, ел что-нибудь?

— Днем в столовой перехватил.

— Ой, — всплеснула руками Мария Дмитриевна, — нешто это еда? Да ты, поди, голодный!

— Нет, не голодный.

Мария Дмитриевна погрозила ему пальцем:

— Голодный, по глазам вижу, что голодный. Ничего, я зараз борщ сварю. А ты пока чайку попей.

И она, не мешкая, отправилась на кухню. Игорь последовал за ней.

Достав из холодильника большую кастрюлю с приготовленным давеча бульоном, она поставила ее на плиту, затем кинула на сковородку порядочный кусок сала, который сразу же зашипел, зашкворчал, поплыл по сковороде и вскоре превратился в сочную золотисто-коричневую шкварку. У Игоря потекли слюнки. Мария Дмитриевна выложила шкварку на блюде и поставила перед ним:

— На-ка, закуси пока.

Она отрезала кусок серого хлеба и выгащила из холодильника пол-литровую банку с горчицей.

И, пока Игорь лакомился, она быстренько накрошила морковь, свеклу, лук, пережарила все это вместе с помидорами в сале, потом нарезала капусту и закинула в кастрюлю. Через несколько минут по всей квартире пошли чудные запахи настоящего украинского борща.

— Да, — сказала Мария Дмитриевна, усаживаясь наконец напротив Игоря, — вот такие дела, Игореша. Вот вы, писатель из Москвы, хоть и молодой, но жизнь уже, как я погляжу, знаете. И вот объяс-

ните-ка мне, почему у нас в стране до сих пор всякие несправедливости творятся?

— А что такое, Мария Дмитриевна? — спросил Игорь, прихлебывая чаек из большой белой кружки с красными горохами.

Мария Дмитриевна рассказала ему про сегодняшний случай в гостинице, про то, как пришлось выставлять на улицу ни в чем не повинных людей и заселять на их места каких-то странных постояльцев, да еще по звонку из обкома.

— Вот я вам и говорю, — заключила она, — нехорошо это, не по-нашенски, не по-казацьи.

— А народу много было, музыкантов-то этих, Мария Дмитриевна?

— Этих-то? Двадцать семь человек. На мою голову.

— Хорошо, хорошо, — задумчиво произнес Игорь.

— Чего ж хорошего! — раздраженно воскликнула Мария Дмитриевна. — Я спрашиваю, чего ж тут хорошего, когда невинный человек вынужден на вокзале ночевать?

— Да я так, Мария Дмитриевна, о своем, — очнулся Игорь, — а здесь вы совершенно правы. Безобразие это. Непорядок.

— Одна надежда, — сказала Мария Дмитриевна, — что Никита Сергеевич порядок наведет. Новых гостиниц везде понастроит, и тогда всем места хватит.

— Да, — эхом отозвался Игорь, — конечно...

Мария Дмитриевна встала из-за стола и приподняла крышку кастрюли.

— Вот и борщ поспел. — Она взяла большой половник и налила в глубокие тарелки душистого ароматного борща. — Слушай, Игорь, — вдруг очнулась она, — а где Победа?

38. НА ПЯТЬ ШАГОВ ВПЕРЕД

Билет на сегодняшний поезд в Ростов пропал. Поезд ушел без Папахина. Утром, когда он, как обычно, наслаждался в одиночестве горячим чаем, ему позвонили из горкома и попросили срочно приехать. Это было нечто из ряда вон выходящее. Его, генерала, командующего округом, беспокоило местное начальство. В первый момент Папахин вновь подумал о взрыве атомной бомбы, но потом отменил от себя эту мысль. Не могли же, в самом деле, в обход его сообщить о секрете такой важности в сраный горком. Однако то, с чем его встретил перепуганный второй секретарь Авдюшенко, поразило генерала не меньше, чем атомная бомба.

— Я с вами как с военным человеком, — с нервной улыбкой сообщил секретарь, приглашая Папахина присесть. — В городе беспорядки.

— Не понял.

— Я говорю, в городе неспокойно. — Он завел разговор о каких-то расценках, о повышении цен. Папахин, как всегда, слушал невнимательно. Из всего этого бормотания он вынес только одно: Авдюшенко просит боевой готовности вверенной армии.

— Ну знаете, — зарокотал Папахин, — зачем вы ко мне обратились? Армия вам не поломойка, чтобы ваше говно собирать. У нее свои задачи. У вас милиция есть, наконец.

— Милиция уже поднята по тревоге. Мы боимся, не справится. Нужно локализовать очаг сопро-

тивления. Если нам это удастся, армия не понадобится. Однако вы обязаны нам помочь.

Папахин взбесился:

— Кто обязан? Я вам ничем не обязан! — И уже, развернувшись к двери, про себя произнес: — Идиот!

Перед самым отъездом из Новочеркасска Папахина задержал телефонный звонок из Москвы. Ему настоятельно было рекомендовано остаться.

Так вот, значит, цена этих проверок боевой готовности частей. Вот зачем они были нужны. И ведь планируют, гады, на пять шагов вперед.

Папахин устало опустился на стул.

Еще по венгерским событиям он помнил, чем кончались такие приказы...

39. РАЗВЕДКА

— Ваши футбольные матчи, Виссарион, отменяются, — стрекотала Победа, лихорадочно роясь в шкафу, чтобы найти одежду попроще. Сегодня с утра она вырядилась в ту самую нежнейшую кофточку.

Тот симпатичный солдатик обещал прийти к ней. Уже два дня Победа готовилась к встрече. Впервые ее новая влюбленность не разродилась никакими стихами. Вчера ночью она, как обычно, села за тетрадь, но ничего не смогла написать. Зато бигуди, на которых она промучилась целую ночь, придали ее головке очаровательную барашковую курчавость. Помадой Победа вывела тоненькие губки и придала румянец и без того румянному лицу.

«Неужели и у меня будет наконец свой парень?» Просидев дома часа два и выглядывая на каждый шум в окошко, Победа, вконец разругавшись с братом, который откровенно над ней подсмеивался, решила идти в город. Она подумала, что Митя, возможно, забыл, где находится их дом, и кружит на площади, не зная, как узнать адрес.

Город удивил ее своей необычной для такого времени пустынностью. Но самое поразительное было то, что булочная у завода оказалась закрытой. Победа мечтала купить сладкий бублик за шесть копеек и пожевать его по дороге, так как со своими сердечными переживаниями она совсем забыла поесть дома.

Побродив возле магазина, девушка наткнулась на древнюю старуху и спросила, почему не работа-

ет булочная. Та прошамкала в ответ, что начинается война. Окинув презрительным взглядом выжившую из ума бабку. Победа двинулась в парк. Но и там народу было немного. Покрутившись по дорожкам и не найдя даже, где потратить свою небогатую наличность, Победа опустилась на скамейку, упорно выглядывая человека в солдатской форме. Однако ни одного военного на горизонте не намечалось.

Становилось совсем жарко, солнце поднималось все выше и выше.

Наконец она увидела, что к ней несется Лида.

— Ты чего тут сидишь? Я уже у тебя дома была, Виссариона пытала. Он говорит, что ты в разведку ушла.

— В какую разведку? Я ему уши надеру, змее-нышу.

— Господи, там такое происходит. Такое...

— Где?

— Да на заводе. Рабочие собрались, работать отказываются. Требуют возвращения прежних расценок. Говорят, мы до самого Хрущева доберемся. Меня послали за простынями. Будем плакаты писать.

— Да ты что?!

— Конечно, я к тебе забежала, хотела у тебя материю попросить. Васька говорит, мы и на площадь пойдем, если нужно будет. Айда на завод!

Победа было согласилась, но потом, как истая женщина, оглядев себя, подумала, что кофточку надо будет приберечь до следующего ответственного случая, а на заводе ее нечего трепать.

— Лид, давай забежим ко мне, я переоденусь.

— Некогда мне, Бедка, ты сама приходи.

Дома Победа застала Виссариона, который колотил футбольным мячом в стену над кроватью.

— Совсем, что ли, обалдел? Мало тебе улицы.

— Мать приходила, сказала, чтобы ты ее дождалась, никуда не ходила. Она к Павлу Ивановичу пошла.

— Некогда мне. Я — на завод.

— И я с тобой.

— С ума сошел, чего там тебе делать? Да и не пустят тебя.

— Ага, буду я кого-нибудь спрашивать. У меня свой лаз есть. — Виссарион, сделав круглые глаза, прошептал: — А я знаю, что там.

— Где Игорь?

— Да, наверное, тоже на заводе. Бед, ну возьми меня с собой. Я вам тоже помогу. Оружие буду подносить.

— Какое оружие? Рехнулся?

Старенькое застиранное платье наконец отыскалось, и Победа бросилась на улицу.

Митя был уже забыт, ее полностью захватили новые события...

40. «ОТВЕТИТЕ НОВОЧЕРКАССКУ!»

Галина еще нежилась в постели, когда раздался резкий междугородний звонок. Она недовольно поморщилась. Бывают такие минуты, когда ни с кем не хочется разговаривать, а Галина находилась сейчас именно в таком расположении духа.

Вечер накануне она провела в ложе Большого театра. Давали «Лебединое озеро». Галина не очень любила балет, но ей нравилась пышная декоративность Большого и надушенная светская публика партера.

Рассеянно глядя на сцену, где над тонкой трогательной Одеттой кружил черный коршун, Галина ловила на себе заинтересованные взгляды сына шведского посла, сидевшего в соседней ложе, и румянец против воли заливал ей шею. Внимание белокурого высокого шведа (злые языки говорили, глупого; но мало ли что врут люди!) было для нее весьма лестным.

В антракте они обменялись легкомысленными, но при этом сладко-двусмысленными любезностями: сын посла неплохо говорил по-английски. Он пытался назначить Галине свидание на ближайшее воскресенье, но она сделала вид, что не поняла.

По пути домой в отцовской служебной машине Галина наблюдала из окна за спешащими домой пешеходами и думала о красавце шведе — просто так, безо всякой задней мысли.

А ночью он ей приснился — во фраке, с белозубой улыбкой. Хорош, что и говорить.

Ничем не хуже Игоря. Хотя и глупее.

— Алло? — Галина потянулась к телефонному аппарату и сняла трубку. — Я слушаю!

— Ответьте Новочеркасску! — приказным тоном прозвучал резкий голос телефонистки.

— О, Господи! — с досадой пробормотала девушка, а вслух произнесла: — Что, прямо сейчас? А нельзя ли перенести разговор? Я занята.

— Вы будете говорить или нет? — рывкнула трубка.

— Ладно, давайте... — Галина поморщилась и прикусила зубами мундштук сигареты. Свободной рукой она нащупала на тумбочке у ночника зажигалку и прикурила.

— Говорите! — скомандовала телефонистка.

— Алло, Галочка! — донесся далекий знакомый голос.

— Привет, Игорь. Где ты пропадаешь?

— Как это где? Все там же, естественно.

— Ты еще не в Москве?

— Шутишь! Дела задерживают.

— Не понимаю, чем можно заниматься столько времени в этой дыре! Может, ты меня разлюбил?

— Галочка! У тебя плохое настроение?

— Ты меня разбудил.

— Извини. Просто у меня срочное дело. Ты говорила с Анатолием Дмитриевичем?

— О чем?

— Обо мне, конечно! — В голосе Игоря зазвучали нетерпеливые нотки.

— Разумеется.

— И что?

— Папа сказал: вот вернешься, тогда и будем решать.

— Мне кажется, я уже никогда не вернусь, — после паузы сказал Игорь.

— Вот как? У тебя что, очередной роман?

— Не говори глупостей!

Галина насторожилась. Беспечные — такие ис-

кусственные! — нотки в голосе собеседника внезапно заставили ее вспомнить о сыне шведского посла. Если она сама здесь, в Москве, не прочь затеять флирт, то почему бы Игорю не последовать ее примеру в скучной провинции? В конце концов, это было бы единственное развлечение, ужасное, обидное и оскорбительное для нее развлечение! Неужели он изменил ей?

— Не слышу ответа! — холодно произнесла Галина.

— Галочка! Будь умницей! Я звоню, чтобы сказать, как соскучился, а ты устраиваешь мне сцену ревности!

Девушка внимательно вслушивалась в интонации жениха. Теперь уже она не сомневалась: он лгал ей!

— Ты должен приехать, — резко заявила она. — Немедленно!

— Хорошо, что ты это понимаешь. Но я ничего не могу сделать. Приказ есть приказ! Вот если бы Анатолий Дмитриевич попытался вмешаться... поговорить с моим начальством.

— Папе не до того!

— Но ведь ты можешь его попросить! Объясни ему!

— Что объяснить? Что ты завел себе на стороне какую-то колхозницу?!

— Галочка, с чего ты взяла? Никого я не завел. Я хочу поскорее выбраться из этой дыры! Ты одна можешь мне помочь. Если ты не передумала, сразу после моего приезда мы пойдем в загс!

— Неужели? — иронически перебила Галина.

Возникла пауза.

Пожалуй, не стоит злить его, особенно в данной ситуации, на расстоянии. Галина усилием воли заставила себя улыбнуться, как будто бы он мог увидеть эту ее улыбку, и успокоиться.

— Ты действительно по мне соскучился? — изменившимся, вкрадчивым тоном поинтересовалась она.

— Я никогда не обманывал тебя!

— Отвечай: да или нет?

— Да. Да!

— Я поговорю с папой. Сегодня же. Надеюсь, он сможет сделать для меня кое-что. И для тебя.

— Галочка... — Девушка вдруг поймала себя на мысли, что собеседник на том конце провода, должно быть, едва удерживается от рыданий, и это поразило ее. — Галочка, заberi меня отсюда! Я больше не могу! Я должен уехать как можно скорее! Попроси Анатолия Дмитриевича!

— Успокойся, Игорь! Я же сказала тебе.

— Ты не понимаешь! Это нужно сделать срочно. Сейчас! Пусть он надавит на мое начальство!

— Заканчивайте разговор, — вклинился металлический голос телефонистки, — я отключаю!

— Алло, Галочка! — услышала девушка отчаянный голос. — Умоляю, не подведи, от тебя зависит все... от тебя зависит, смогу ли я...

В трубке раздался щелчок, и все смолкло.

Озадаченная, Галина несколько мгновений глядела на замолчавший телефон.

Ничего себе, история! На Игоря все это было непохоже. Вероятно, там действительно что-то происходит, в этом проклятом Новочеркасске, а она даже не знает, что именно.

Конечно, она обязательно позвонит отцу и попросит вмешаться, но ведь сначала надо умыться и принять душ, а потом уж заниматься докучными проблемами.

Сбросив с себя легкое пуховое одеяло, она нырнула в шелковый японский халат и, мурлыкая под нос навязчивый эстрадный мотивчик, направилась в ванную.

Под душем Галина провела полчаса. Мягкие струи ласкали молодое обнаженное тело, и девушка с удовольствием разглядывала себя в огромное овальное зеркало напротив.

Интересно, как это люди могут жить в комму-

нальных квартирах и ходить в душ и туалет по очереди? Она бы и дня не выдержала.

Завернувшись в пушистое, необъятных размеров полотенце, привезенное отцом из какой-то зарубежной поездки, она невесомыми шажками покинула ванную и направилась к телефонному аппарату. Наманикюренным пальчиком она наvertsела на диске знакомый номер.

— Приемная слушает.

— Вера Адамовна? Это Галя, — негромко пропела она в трубку. — Соедините меня с папой.

— Галочка, Анатолий Дмитриевич просил не беспокоить. Он занят.

— Это срочно! — капризно объявила Галина. На том конце провода замялись.

— Ну, хорошо, — сдавленно произнесла секретарша, — я попробую. Подождите у аппарата.

Дождаясь ответа, Галина рассеянно покусывала ноготь на указательном пальце — вредная привычка, оставшаяся с детских лет. Вдруг она услышала далекий, похожий на угрожающий рокот горной лавины голос отца и неожиданно для себя испугалась. Давно она не слыхала в этом голосе таких страшных, таких гневных нот. Она едва удержалась от того, чтобы, как девчонка-школьница, не бросить трубку. Она не разобрала слов, да и не требовалось — интонации сказали ей все.

— Алло, Галочка? — чуть не плача, проговорила в трубку всегда обходительная с нею отцовская секретарша Вера Адамовна. — Он очень занят и сейчас не может с вами говорить. До свидания.

Секретарша положила трубку прежде, чем Галина успела что-либо сказать в ответ.

А в кабинете Анатолия Дмитриевича Баранова вот уже три часа кряду происходил напряженный и крайне неприятный разговор. Хозяин сидел за

широким, покрытым кипами бумаг и папок столом и, сдвинув брови, мрачно слушал серого жидковолосого человека без особых примет, в скромной позе расположившегося напротив.

Человек говорил вкрадчивым, доверительным тоном, но Анатолий Дмитриевич против воли покрывался холодной испариной.

— Политик должен уметь точно оценивать ситуацию и просчитывать ее как минимум на десять шагов вперед, — ласково нашептывал человек без особых примет. — Мы предоставили вам, многоуважаемый Анатолий Дмитриевич, все козыри. Ваша карьера — в ваших руках. Грядут большие перемены, и вы сами в состоянии решить, сохраните ли за собой прежнее высокое положение в новой ситуации или же навсегда покинете политическую арену. Между нами, могу сообщить, что ваши шансы перейти из этого здания на Старой площади в Кремль весьма велики. Просто надо сделать правильный выбор. Надеюсь, вы меня понимаете: **ПРАВИЛЬНЫЙ!**

Глядя в глаза странному собеседнику, Анатолий Дмитриевич мучительно соображал, не провокация ли все это. Похоже, человек без особых примет не блефовал. Вряд ли он стал бы искушать судьбу, пробираясь в кабинет крупного партийного чиновника, и ничтоже сумняшеся выкладывать подобный компромат на собственное начальство. Он вел себя спокойно и уверенно — это значит, за ним стояли мощные силы. Похоже, в здании на площади Дзержинского и вправду решили разыграть сложную партию, в результате которой...

Нет, Баранов даже помыслить боялся о том, что же произойдет в случае, если службы госбезопасности осуществят свой план. Перемены — мягко сказано. Это будет переворот, — и от того, какую позицию займет в затеянной игре он сам, Анатолий Дмитриевич Баранов, зависит не только будущее страны, но и его личное будущее.

На днях он встречался с Хрущевым и против воли подумал о том, что этот пухлый суетливый человек давно уже пережил собственное время и часы его сочтены.

Хрущев улыбался, жал руку и интересовался самочувствием. По опыту Баранов знал, что о самочувствии спрашивает тот, у кого у самого с самочувствием неважно. Эмиссар из здания на площади Дзержинского теперь подтвердил предчувствия Анатолия Дмитриевича. Эпоха Хрущева уходит в прошлое. Кто-то новый займет место первого секретаря партии, и этому новому понадобятся преданные и расторопные помощники. Преданность проверяется на деле. Случай предоставляет Баранову возможность доказать эту свою преданность.

Человек без особых примет смолк и теперь внимательно разглядывал сумрачного хозяина кабинета.

Анатолий Дмитриевич вертел в руках самопишущую ручку с золотым пером, подарок крупного чиновника из администрации американского президента Кеннеди, и упрямо не подымал глаз.

— Итак? — наконец нарушил молчание человек без особых примет.

Баранов поднял на него усталые глаза и медлил несколько мгновений, прежде чем произнести:

— По всей вероятности, вы правы. Страна нуждается в переменах, и мой долг — содействовать на этом пути. Я еду в Новочеркасск.

Человек без особых примет тонко улыбнулся и расслабленно откинулся на спинку стула.

41. «ВЗВЕЙТЕСЬ КОСТРАМИ!»

— Никита Сергеевич, дорогой, вы должны понять, что...

— Не хочу! — выпалил Хрущев.

Он выскочил из-за стола и, будто маленький проворный колобок, прокатился по кабинету, на мгновение задержавшись у высокого и узкого окна. На фоне чистого неба с прожилками молочно-бледных облаков купола кремлевских соборов казались еще более строгими и совершенными. Они золотились на солнце и слепили глаз огненными отражениями.

Сидя в глубине кабинета, председатель КГБ Семичастный наблюдал за Хрущевым, остановившимся у окна спиной к нему и судорожно потиравшим массивный морщинистый затылок.

Хрущев нервничал, и это было на руку.

Семичастный издавна опасался спокойного и уверенного в себе Хрущева, Хрущев же нервный и издерганный становился легкой добычей. Переубедить его в этом состоянии и заставить действовать согласно указке не представляло особого труда.

— Вы соображаете, что говорите, товарищ Семичастный? — вновь закипятился Хрущев, вприпрыжку в рабочее кресло и лихорадочно пролистывая ненужные бумаги. — Это же черт знает, что такое!

— Поверьте, Никита Сергеевич, мои люди сделали все от них зависящее, чтобы...

— Не верю!

Семичастный усмехнулся.

Первый секретарь Центрального Комитета партии был похож сейчас на упрямого ребенка, во что бы то ни стало не желающего считаться с реальностью. Разумеется, в конце концов у него не будет иного выхода, кроме как признать нынешнее положение дел, однако, по правде сказать, председателю КГБ не хотелось доводить дело до крайностей.

— Завтра в газетах появится сообщение о росте цен, — напомнил Семичастный. — Это обстоятельство может вывести ситуацию из-под контроля. Мы должны нанести упреждающий удар...

— Какой еще удар?! — взорвался Хрущев, покрываясь апоплексическими багровыми пятнами. — Вы соображаете, что говорите? Удар — по кому? По собственному народу?

— Народом надо управлять. Вы же глубокий политик, Никита Сергеевич, — попытался польстить председатель КГБ, — и осознаете, что маленький, но жесткий урок может предотвратить большую кровь. Когда страна узнает о резко возросших ценах, может произойти непредвиденное.

— Граждане СССР обладают достаточной сознательностью для того, чтобы понять неизбежность ценовых изменений, — заученно пробубнил Хрущев.

Он и сам не верил в собственные слова, однако выкладки солидных экспертов-экономистов в конце концов сломали его сопротивление. Страна жила в долг, и долг этот увеличивался в геометрической прогрессии. Хрущев отчаянно пытался разобрататься в цифрах и сводках, но в итоге приходил к одному и тому же выводу: если не поднять планку поступлений в государственную казну, в стране грянет экономическая катастрофа. Он пытался было (с подсказки своих более молодых и безоглядных помощников) предложить дополнительное урезание военного бюджета; однако представители военных ведомств и председатель КГБ как дважды два доказали, что эта мера абсолютно невозможна и, кроме

того, приведет к необратимым последствиям. Состоявшееся сокращение армии и без того породило в войсках волну недовольства; Хрущеву докладывали о возможных волнениях в воинских частях, которые, к счастью, не состоялись. Если вновь урезать расходы на вооружение, то силовые структуры вполне могут выйти из-под контроля — запас их терпения и без того на пределе.

«Не надо дразнить голодного зверя», — с ледяной улыбкой процедил министр обороны Малиновский. В этой ситуации оставалось единственное: выкачивать деньги из гражданских кошельков. По крайней мере в руках рядовых граждан нет оружия.

— Вот отчет одного из сотрудников моего ведомства, который командирован в провинцию для анализа ситуации и прогнозирования и упреждения возможных эксцессов. — Председатель КГБ раскрыл створки тяжелой папки с золотым тиснением и взял в руки лист бумаги с машинописным текстом: — «Обстановка в городе вызывает опасения. Нередко можно услышать неодобрительные высказывания о генеральном курсе партии и правительства, которое якобы не заботится о рядовых гражданах. Рабочие текстильной фабрики недовольны существующим уровнем зарплаты и своими бытовыми условиями...»

— Что за город? — мрачно поинтересовался Хрущев.

— Иваново.

— Ерунда. Там одни бабы, — отмахнулся Первый секретарь ЦК.

— Бабий бунт — самый страшный, — парировал Семичастный. — Впрочем, вот отчет из Кемерово, там та же самая ситуация: «Ощутимо плохо скрываемое недовольство существующим положением вещей. В рабочей среде нередки разговоры о том, что необходимо дать понять правительству: народ живет в бедности и надо срочно поднять зарплаты. Библиотекарь Ерыкалова А. З. в частной беседе

высказала мнение, что — цитата — «страна кормит партийно-бюрократическую верхушку, не получая ничего взамен, кроме нищеты и беспорядка...».

— Кто такая библиотекарь Ерыкалова? — зло выпалил Хрущев.

— Мои люди уже занимаются ею, — успокоил председатель КГБ. — Однако, как вы понимаете, единичный случай — не пример. Необходимы массово-показательные меры.

— Почему вам так нравится собирать всякую грязь, товарищ Семичастный? Почему вы не приводите передовые примеры?

— Служба такая. Я, как врач, занимаюсь болячками и язвами, а не здоровым организмом.

— Завтра на Ленинских Горах открывается новый Дворец пионеров. Вот о чем надо говорить и писать! — заявил Хрущев. — Я буду на открытии. Когда Первый секретарь Центрального Комитета присутствует на открытии Дворца для детей — это и есть новый образ жизни. Будет пресса, газетчики, кинохроника. Пусть напишут, покажут по всей стране. И никаких не будет массовых волнений. И никаких показательных карательных мер. Это мы уже проходили. Второй Караганды не будет, это вам Хрущев говорит! Мы живем и будем жить по-новому, по-ленински. Коммунизм не за горами, а вы мне предлагаете устроить войну с собственным народом! Что скажет прогрессивное человечество? Может, вы решили лить воду на мельницу империализма? — Хрущев перешел на крик. У него начиналась форменная истерика.

Семичастный со вздохом закрыл папку с золотым тиснением и вежливым тоном произнес:

— Виноват, Никита Сергеевич. Я просто выполнял свой долг и счел нужным еще раз предупредить вас о возможных событиях.

— Никаких событий не будет! — заорал Хрущев. — Вы меня слышали? Никаких!!!

На следующее утро сверкающий черный лимузин подрулил к праздничной толпе, собравшейся у входа в новый Дворец пионеров. Из репродукторов на несколько кварталов окрест неслось бодрое хоровое: «Взвейтесь кострами, синие ночи!»

Выглядывая из окна машины, Хрущев с удовольствием отметил про себя, насколько архитектура здания непохожа на прежние тяжелые и серые конструкции сталинской поры. «Новое время — новые формы», — удовлетворенно подумал он.

Из толпы вынырнула охрана, тесня праздничный люд от машины главы государства, и сопровождающий ловко отворил дверцу. Раздались бурные, восторженные крики и аплодисменты, и под эти аплодисменты Хрущев вылез из лимузина. Он приветственно махал рукой белоснежной и красногалстучной толпе и думал: «Мой народ любит меня. Все остальное — ложь. Они рады мне. Они улыбаются и смеются — не по заказу, а от души. Они верят, что коммунистическое завтра придет. Они не могут пойти против партии и против Хрущева. Никогда!»

Одаривая всех широкой, добродушной улыбкой, он двинулся по красной дорожке к просторному белоснежному зданию, сверкавшему огромными ослепительными прямоугольниками окон. В этот самый радостный и торжественный момент откуда-то сзади вынырнул невзрачный референт и, склонившись к самому уху Первого, прошептал:

— Никита Сергеевич, плохие новости.

— В чем дело? — недовольно откликнулся Хрущев, еще не осознавая важности момента.

Бледный оттого, что именно ему приходится сообщать столь дурную весть, референт поднес к губам кулачок и так, в кулачок, выпалил:

— Из Ростовской области пришла срочная телефонограмма. В Новочеркасске массовые беспорядки...

Старуха стояла у прилавка с растерянным по-детски лицом и трясущимися скрюченными пальцами пересчитывала мелочь, высыпанную из дряхлого кошелька.

Продавщица, против обыкновения, наблюдала за ее действиями не раздраженно-выжидающе, а жалостливо и весьма сочувствующе.

— Как же так, внученька? — пробормотала наконец старуха. — Може, ты напутала чегой-то?

Продавщица вздохнула:

— Газеты надо читать, бабуся. Ничего я не напутала.

— Мне ж только молочка на кашку. Оно ж еще вчера дешевле стоило, я покупала.

— То было вчера, бабуся.

— Сколько ж теперя получается? — Старуха в очередной раз уставилась на нарисованную грифельным карандашом цифру на ценнике.

— Вот же написано перед вами, разве не видите?

Склонив голову, старуха изучала ценник, прилепленный к стоявшей на прилавке бутылке с молоком.

— Неужто не напутала? — произнесла в конце концов она. — Почему ж так много, внученька?

— По распоряжению начальства. А мое дело маленькое. Я цены на товар не назначаю.

— У меня ж пенсии не хватит! — Губы старушки мелко задрожали.

За спиной старухи вилась очередь, однако никто

не торопил и не прикрикивал, что старуха отнимает драгоценное время.

Казалось, у всех сегодня были одинаковые лица — донельзя удивленные и растерянные. Мужчина в очках, стоявший метрах в четырех от прилавка, негромко зачитывал передовицу центральной газеты, объясняющую насущную необходимость резкого повышения цен на продовольствие, и голос у него был почти плаксивым.

Вокруг сгрудились женщины, слушали и, качая головой, задумчиво пожевывали концы легоньких косынок. Все находились в состоянии пока еще не до конца осознанного шока.

Внезапно очередь, будто по команде, обернулась к окну, а бубнящая жалобы старуха даже перестала пересчитывать мелочь в кошельке.

Тяжелый, мрачный гул раздался за окном. Гул нарастал, и казалось, словно грозная лавина, откуда ни возьмись, приближается к хлипкому зданию магазинчика. Зазвучали резкие, по-птичьему гортанные голоса, и сплошная тень упала на оконное стекло.

По улице шли люди. Десятки, а потом и сотни людей. Толпа.

Над головами реяли красные знамена.

— Батюшки святы! — пробормотала старуха и выронила из слабых рук кошелек. Мелочь со звоном поскакала по каменным плитам пола, но никто даже не вздрогнул.

«Вставай, проклятьем заклейменный!» — неся над городом нестройный, но могучий хор.

Игорь шел в толпе и сам недоумевал, как быстро и без больших усилий с его стороны стронулась с места эта махина. Казалось бы, не столь давно в душном, загаженном мухами помещении привокзальной забегаловки он выслушивал инструкции полковника Бугаева о том, каким образом, используя настроения

рабочих, организовать массовые противоправительственные выступления, выслушивал, как фантастический бред, нелепую сказку, которая никогда не станет былью. Игорь по опыту знал, что инертную массу рабочих, хранящих в памяти темные страницы сталинских репрессий и не выкорчевавших из себя глубокий, проникший в самые дальние закоулки сознания страх перед верховной и всесильной властью, подвигнуть на какие-либо действия, ставящие под сомнение праведность и могущество этой власти, — невозможно, немислимо.

Полковник Бугаев упоминал о готовящемся повышении цен на насущно необходимые продукты питания и рекомендовал с максимальной выгодой использовать момент, однако и этот его совет тоже весьма отдавал прожектерством.

Игорь прямо сказал ему об этом.

— Плохо ты знаешь свой народ, Игорек, — добродушно возразил тогда Бугаев, потягивая разбавленное пивко и кося заинтересованным взглядом на тучную буфетчицу (после того, как полковник окончательно сломил сопротивление подчиненного, он пришел в благодушное настроение и словно впервые подумал о том, что буфетчица — хоть и не первой свежести, но тоже бабенка, и к тому же ядреная, и негоже пропускать мимо такую юбку, коль сама на рожон прет). Полковник разглядывал буфетчицу лениво и оценивающе, и, казалось, тема разговора больше не интересует его. — А свой народ надо знать! — назидательно процедил Бугаев. — Вздорожавшее молоко — это чепуха, они тут не молоко, они кой-чего покрепче употребляют в изрядных количествах. Русская держава не на молоке, она на водке держится. Но для толпы ведь важен принцип! Из-за принципа они хоть голову в петлю сунут. Главное — вовремя подбросить нужную идею. Ты ведь не против Советской власти их поведешь. Наоборот! Объясни, что надо обратить на себя внимание Москвы, а в Москве, мол, сидит добрый дя-

дя, который про страдания народа не знает, и нужно докричаться до него. Дядя услышит, и все будет хорошо. Он покажет всем местным начальничкам, где раки зимуют, такого задаст жару, будь здоров! Вот о чем толковать надо. И за тобой пойдут, попомни мои слова.

— А если не пойдут? — с надеждой возразил уже поверженный Игорь.

— Пойдут. Чтобы наверняка пошли, мы тебе еще подмогу организуем.

— В смысле?

— Спустим сверху новые разнарядки на продукцию. Чтоб жизнь медом не казалась. Скажем, еще сегодня слесарь за работу получает рубль в час, а завтра за ту же работу десять копеек. Цены подскочат, нормы выработки увеличатся, а зарплата упадет — и все одновременно. Если их и это ни на что не подвигнет... ну, тогда я не знаю, что делать. Терпелив русский народ... дурной народ! Впрочем, надеюсь, что уж теперь-то терпение иссякнет.

События показали, что полковник в своих расчетах оказался прав. У народного терпения действительно был предел.

Ранним утром Игоря разбудил громкий, захлебывающийся стук в дверь. Игорь слышал, как шлепают по дощатому полу голые пятки Победы.

— Кто там? — поинтересовалась девушка придуренным со сна голосом.

— Открывай, Бедка, свои! — раздался зычный бас Васьки Сомова.

Взъерошенный и возбужденный, Сомов ворвался в тесную Игореву комнатку и, размахивая ручищами-лопатами и едва не сбивая с серванта ужасающих фаянсовых слоников, принялся рассказывать, что услышал по радио правительственное постановление о повышении цен на молоко и мясо.

— Ты ж погляди, что делают, сволочи! Последнюю краюху хлеба отобрать хотят! — горланил Сомов.

Игорь с удивлением разглядывал парня. Васька, как известно, никогда не отличался сдержанностью характера, но сейчас возмущение хлестало через край, и Сомов сам предложил то, что по первоначальному плану Бугаева должно было исходить от Захаренко.

— Ну, баста! — орал Васька. — Я с ребятами говорил, они на завод побегли! Будут станки останавливать. Пойдем на площадь, пусть начальство объяснит, чего нам делать и как дальше жить!

Полчаса спустя у ворот завода уже бурлила толпа; всегда спокойные рабочие, выпучив глаза и не слушая друг друга, орали жалобы на жизнь и на сволочную заводскую дирекцию.

— Пусть сами кровью харкают!

— А Петухов-то, Петухов небось в отдельной квартире живет, а я с четырьмя детьми в бараке!

— Ходим в обносках, хуже нищих!

— И так жрать нечего, а теперя что будет?!

Васька Сомов выволоч из ворот проходной охапку транспарантов. «Да здравствует 44-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции!» — прочел Игорь на одном. «Делу Ленина верны!» — значилось на другом. «Народ и партия едины», «Вперед, к победе коммунизма!», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Миру — мир!», «Слава КПСС», «СССР — оплот дружбы народов!», «Догоним и перегоним Америку!». На вылинявшем от времени красном знамени красовались накладывающиеся один на другой чеканные профили Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

«Интересно, и откуда он это откопал?» — усмехнулся про себя Игорь.

Среди старых лозунгов, как видно хранившихся на заводском складе в ожидании очередной городской демонстрации, мелькали и свежие, начертанные медно-золотой краской на сочном кумаче: «Слава празднику освобожденного труда!», «Электровозостроительный — партии и стране!», «Рабочий класс —

всегда впереди!». Забавно. Это были те самые транспаранты, которые по распоряжению начальства заводской художник подготовил аккурат к несостоявшемуся торжественному мероприятию — дню освобожденного труда.

Бледный, с трясущимися губами, комсорг Милютенков носился в толпе, уговаривая рабочих одуматься. От него даже не отмахивались — его просто-напросто никто не видел в упор.

— Сомов! — срывающимся голосом кричал Милютенков, дергая Ваську за рукав. — Сомов, ты соображаешь, что делаешь! Мы тебя на комсомольское собрание вызовем... мы же тебя... мы тебя из комсомола исключим! Вот тогда попрыгаешь у меня!

— А пошел ты! — рывкнул Сомов, и Милютенков, отпрыгнув в сторону, удалился с неожиданно удовлетворенным выражением лица — как видно, он был рад, что хоть кто-то его заметил и ему ответил. Кроме того, теперь-то комсомольский секретарь мог считать, что выполнил свой долг. Он притулился у забора за проходной и так, издалека, стал наблюдать за происходящим.

— Ребята, хватит терпеть это издевательство! — горланил старый рабочий с изрытым морщинами лицом. — Мне пятьдесят четыре скоро, а я уже ни хрена не могу, даже жинку поймать и то силов нету! И ведь подохнуть спокойно не дадут, гады! Айда на площадь, скажем им, чего про них думаем! Пущай подавятся!

— Надо Хрущеву письмо написать, Никите Сергеичу! — взвизгнула Победа, и Игорь тонко улыбнулся: его усилия не прошли даром.

— Точно!

— Правильно!

— Дело говорит!

— Никита Сергеевич ничего не знает о том, как живет в Новочеркасске рабочий класс. Он узнает и всем им покажет! Он нашего Петухова с должности

снимет, вот увидите! Он не позволит, чтобы нам расценки снижали!

Толпа гудела и наливалась яростью. Стоя в стороне, Игорь с интересом следил за результатом собственных стараний. Конечно, он рассчитывал, что рабочие, несмотря на всегдашнюю забитость и неверие в свои силы, все-таки решатся выразить недовольство произошедшим скачком цен и падением зарплаты, однако, положив руку на сердце, никак не ожидал, что события будут развиваться столь стремительно, а поступки рабочих электровозостроительного будут столь единодушны.

«Нет, что ни говори, массовый психоз — великая сила!» — размышлял он, глядя на искаженные гневом лица простого люда. Отдельная человеческая эмоция в толпе словно умножалась, росла в геометрической прогрессии: даже те, кто просто пришел поглазеть на происходящее, даже те, кто поначалу высказывал сомнение и неодобрение по поводу стихийного выступления, теперь азартно расхватывали кумачовые транспаранты и становились в нестройные колонны, готовые идти искать правду.

«Толпа хороша и вместе с тем ужасающа — в зависимости от ситуации — тем, что у нее напрочь отсутствует инстинкт самосохранения, — говорил мудрый человек, преподаватель общественных дисциплин, который обучал Игоря в институте. — В толпе единица утрачивает способность анализировать и всецело отдается общему настроению. Бойтесь толпы и умеете использовать ее. Учитесь направлять ее действия в нужное вам русло».

Надо думать, преподаватель общественных дисциплин был бы теперь доволен своим учеником. Огромный и, казалось, неуправляемый людской поток двигался в единственно правильном для Игоря направлении, не подозревая, насколько запрограммировано его движение.

Толпа запрудила городскую улицу; с ревом она

текла от заводской окраины к центральной городской площади. Зеваки высывались из окон, а затем, наскоро напялив на себя легонькие пиджачки и кофты, присоединялись к шествию.

— Да здравствует Союз Советских Социалистических Республик! — истерично проорал кто-то. — Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза и ее Первый секретарь товарищ Хрущев! Ур-р-рааа!

— Р-р-рррааа!!! — подхватила толпа.

Всем было весело, и уже играла, фальшивя, гармошка, и какая-то тучная тетка уже пустилась в пляс по тротуару, вдогонку за толпой.

Небольшой город в эти часы походил на взбудораженный улей.

И городской отдел милиции тоже походил на взбудораженный улей.

По коридорам, сталкиваясь меж собой и роняя фуражки, металась очумелые молоденькие милиционеры, и из-за дверей начальника неся хриплый отчаянный ор:

— Ростов! Алло, Ростов! Черт бы вас всех побрал, соедините меня с Ростовом, вашу мать!!!

Потом двери распахнулись, и буряково-красный, потный вывалился из дверей майор Гладунко, а милиционеры бросились врассыпную, будто перепуганные курята, — прочь, подальше от глаз разгневанного начальства.

Только растерявшийся юный сержантик, нехстати оказавшийся на дороге шефа, вытянулся по стойке «смирно» и ломающимся от испуга голосом выпалил:

— Товарищ майор, разрешите доложить! Толпа направляется на центральную площадь!

От наглости такой Гладунко на мгновение опешил, а затем с искаженным лицом прорычал:

— Кто такой, почему не знаю?!

— Се-сержант Балашенков... разрешите доложить.

— Вот и пошел в жопу!!! — рывкнул майор, и обалдевший подчиненный едва не грохнулся в обморок.

— Где Петухов... где этот козел, я спрашиваю?! — орал Gladунко, шагая по коридорам горотдела милиции. — Куда он делся?

— Не могу дозвониться, — проблеяла секретарша, высунувшись из окошка в стене.

— Из-под земли мне его достань! Я не знаю, что с ним сделаю!

— Ростов на проводе! — крикнул дежурный по отделению. — Товарищ майор, это обком!

Gladунко метнулся к телефонному аппарату.

— Что там у вас происходит? — звучал в трубке далекий голос. — Почему мы не в курсе?

— Я до вас полдня дозвониться не могу! Где товарищ Певцов?

— Ищем.

— Как это — ищите?! — возмутился Gladунко. — Здесь такие дела творятся, а вы ищите!

— Товарищ Певцов отдыхает. Надеемся к вечеру найти его. Нам тут из Москвы звонили, из приемной Первого секретаря партии товарища Хрущева!

Заслышав эти слова, майор почувствовал, как спазм сдавил его горло, а ноги стали ватными. Кранты, иначе не скажешь. Прощай, начальничья должность, прощайте, майорские погоны, прощайте, честолюбивые мечты и надежда дослужиться до генерала!

— Т-товарищ Хрущев... он звонил л-лично?

— Я же говорю: из приемной! Но товарищ Хрущев в курсе дел. Как вы могли допустить, чтобы в городе началась несанкционированная манифестация?

— Я и не допускал... — с трудом выдавил из себя Gladунко.

— В таком случае, что могло произойти?

— Это рабочие. С электровозостроительного.

— Чего они хотят?

— Недовольны, что подняли цены на продовольствие. Требуют увеличения зарплаты и тому подобное.

— Вы в своем уме?! — охнули на другом конце провода. — И вы об этом так спокойно говорите? Да я вас под суд отдам!

Майор Гладунко ощутил, как земля качнулась под его ногами.

— Я приму меры.

— Немедленно! Слышите: НЕ-МЕД-ЛЕН-НО!!! А иначе я с вами буду разговаривать в другом месте!

Майор опустил трубку на рычаги, и только тогда вспомнил, что даже не спросил, а кто, собственно, орал на него на том конце провода.

Впрочем, какая разница! Обкомовское начальство, оно и есть обкомовское начальство.

Он вдруг побагровел, вены вздулись на шее, и во всю мощь, на которую только был способен, майор заревел:

— Из-под земли мне его достаньте, этого Петухова!

В это самое время директор Новочеркасского электровозостроительного завода товарищ Петухов мирно сопел в мягкой постели, прижавшись носом к мосластому плечу секретарши Лидии Ивановны. Лидия Ивановна уже проснулась, но боялась пошевелиться, чтобы не потревожить ненароком чуткий сон товарища директора. Открыв глаза и глядя в потолок, Лидия Ивановна размышляла о том, что хорошо бы приготовить сегодня на обед суп из петушка, да только где его взять, этого петушка!

Телефон был отключен. Лидия Ивановна давно взяла за правило: когда человек отдыхает, никто не имеет право ему мешать. Никаких звонков. Никаких переговоров. Никаких рабочих дел. Пусть хоть небо упадет на землю, все равно можно дожждаться

понедельника, а потом уж заниматься накопившимися проблемами.

Вот почему она была так раздосадована, когда в дверь заколотили кулаком. Петухов вздрогнул и проснулся. Как перепуганный ребенок, он уставился на секретаршу, будто искал защиты под ее крылом.

— Ничего-ничего, — успокоила Лидия Ивановна, — сейчас я их быстренько выпровожу!

Накинув на себя цветастый халатик и перепоясавшись, она направилась в прихожую.

— Кто? — мрачно поинтересовалась она из-за двери, не отворяя.

— Лидь Иванна, Леонид Константинович не у вас?

— Вот еще!

— Вы не знаете, где его искать?

— Дома.

— Дома его нету!

— Значит, уехал человек на выходные. Имеет он право отдохнуть или нет?

— Лидь Иванна, там такое творится! — донесся захлебывающийся голос. — Там такое!

— Ну, что еще случилось? — недовольно произнесла секретарша, но дверь все-таки отворила.

На пороге стоял серый, как грязно-меловая стена, Милютенков.

— В чем дело?

— Завод бастует! — выпалил комсомольский секретарь.

— А я тут при чем? — фыркнула Лидия Ивановна, еще не успев осознать ужасный смысл сообщенной информации. — Мне-то какая радость?

Милютенков выпучил глаза:

— Разве вы не понимаете?! НАШ завод бастует!

— То есть как это — наш? — удивилась секретарша. — Почему? Кто разрешил?!

Из спальни, натягивая на ходу штаны и трясая животом, уже несся директор товарищ Петухов.

— Леонид Константинович! — так и подпрыгнул

Милютенков. — Какое счастье, что я вас нашел! Там — тако-о-ое!

— Где мои туфли, Лида? — заорал Петухов. — Скорее!!!

Спустя четверть часа директор в сопровождении Милютенкова вылетел на бурлящую центральную площадь города, где перед зданием горкома партии уже вовсю шел стихийный митинг.

На ступенях горкомовского крыльца стоял Григорий Онисимович в позе пламенного трибуна и толкал энергичную речь.

— Братишки! — выкрикивал Григорий Онисимович. — Вы меня хорошо знаете, и я вас знаю как облупленных. Поэтому не будем впустую тратить время на разговоры. Я на собраниях выступать не умею и не умел никогда, но это у нас не собрание, это, можно сказать, народное вече. Я так думаю, у всех у нас накипело. Почему, спрашивается, начальники распоряжаются нами, как им вздумается? Почему, спрашивается, никто с нами не посоветовался, прежде чем поднять цены на главные продукты?

В толпе загудели. Даша, стоявшая рядом с Игорем, растерянно оглядывалась по сторонам, будто боялась поверить в реальность происходящего. Она пришла сюда вслед за Григорием Онисимовичем в надежде увести его домой, от беды подальше, однако Григорий Онисимович и слушать не захотел, и несчастной Даше не оставалось ничего другого, как задержаться на площади в толпе и ждать, что же произойдет дальше.

— Я вам правду скажу, — продолжал вещать Григорий Онисимович, — я с Петуховым разговаривал, и он меня проверял на вшивость, только не на того напал! Он у меня, почитай, две недели назад спрашивал, а как рабочие отнесутся к тому, если снизить цены на заводскую продукцию; мол, про-

явят ли рабочие должную сознательность? А я ему сказал, что рабочие у нас все сознательные, да только такое безобразие к сознательности никакого отношения не имеет. Нас же обирают среди бела дня. Труд рабочего человека ни во что не ставят! Есть здесь коммунисты, я хочу спросить?

Над толпой взметнулся лес рук.

— Ну вот, — удовлетворенно кивнул Григорий Онисимович, — коммунистов много. А коммунисты, как правильно говорят, это авангард всего общества. Если мы — авангард, значит, общество должно к нам прислушаться. И начальники — тоже. Потому что они без нас — как ноль без палочки!

Вокруг зааплодировали.

— Я человек бывалый, и знаю, что Первый секретарь нашей родной Коммунистической партии товарищ Хрущев Никита Сергеевич, если бы он оказался здесь, вместе с нами, обязательно поддержал бы наши требования. Но Никиту Сергеевича обманывают и говорят, что рабочие живут хорошо, а на самом деле мы живем — хуже некуда.

Вновь раздались аплодисменты.

Григорий Онисимович выждал, пока аплодисменты стихнут, и нанес решающий удар:

— Вот поэтому я и хочу сказать: мы должны объявить бессрочную забастовку! Потому как по-другому с начальниками уже разговаривать невозможно!

— Правильно! — раздались голоса из толпы. — Верно говорит!

Григорий Онисимович спустился вниз по ступеням, а на его место взобрался небольшой округлый человечек с суетливыми жестами.

— Товарищи рабочие! — писклявым голосом возопил он. — Обращаюсь к вам от имени всех работников горкома партии. Прошу проявлять выдержку и спокойствие и разойтись по домам!

Ответом ему был резкий свист.

— Товарищи рабочие! Будьте сознательны! —

взмолился человек, но его спихнули с импровизированной трибуны, и он пропал в толпе.

Петухов, активно работая локтями, продвинулся к горкомовскому крыльцу.

— Глянь-ка, Петух пожаловал! — громко прокомментировал его появление ироничный мужской голос.

Директор сделал вид, что не расслышал.

Откашлявшись и приняв начальственный вид, он оглядел толпу. Надо признаться, что сердце его в этот момент бешено колотилось от страха, однако Петухов нашел в себе достаточно мужества и сил, чтобы голос его не дрожал.

— Друзья! — произнес он. — Нам всем трудно. Всей стране, знаш-кать, не только вам. Еще свежи раны, нанесенные войной. Западный империализм еще хочет задушить нашу страну в своих железных объятиях. Мы должны показать всему миру, что советские рабочие готовы пройти сквозь любые испытания. Наша цель, знаш-кать, — коммунизм! — Выпалив последнюю фразу, директор товарищ Петухов и сам испугался. Дело в том, что он просто-напросто повторил текст лозунга, назойливо маячившего прямо перед его глазами.

«Надо взять себя в руки! — мысленно призвал товарищ Петухов. — Надо срочно взять себя в руки, а не то...»

Он и помыслить боялся, что может произойти, если, паче чаяния, он не сможет убедить рабочих электровозостроительного разойтись по домам.

— Предлагаю в понедельник собраться на общезаводское собрание. Обсудим сложившуюся ситуацию и сообща выработаем решение.

— Нечего нам обсуждать! — крикнули из толпы. — Пусть повысят расценки и зарплату, тогда и поговорим!

— Время ультиматумов прошло! — выпалил Петухов.

— Нам детей кормить нечем!

— И так мясо раз в три месяца покупали, а теперь — так вообще не увидим!

— Я пирожок в заводской столовой не могу себе позволить съесть!

Побагровев, директор товарищ Петухов рывкнул бессмертное:

— Не хватает на пирожки с мясом, жрите, знашкать, пирожки с капустой!

Толпа загудела, засвистела; товарищ Петухов почувствовал, как сильные руки толкнули его в спину и он кубарем полетел вниз.

Он поднял голову, отряхнулся; на крыльце горкома уже стоял новый оратор. Новые пламенные слова летели в толпу.

«Ужас! ужас!» — только и смог подумать Петухов.

Его бережно взяли под руку; оглянувшись, Петухов увидел верную Лидию Ивановну с несчастным и жалким лицом.

— Вот так вот, Лида, — горестно произнес товарищ Петухов.

— Ничего, Ленечка, все будет нормально. Идем, идем...

И Лидия Ивановна, пробивая дорогу грудью, вывела Петухова из людского столпотворения.

Митинг продолжался.

«Предлагаем немедленно разойтись!!! — вдруг разнесся над площадью усиленный мегафонами металлический голос. — К тем, кто нарушает общественный порядок и спокойствие, будут применены крайние меры!»

Оказалось, пока директор толкал речь на крыльце горкома, к площади со всего города стягивались отряды милиции. Одетые в синюю форму молодые мужчины окружили площадь по периметру, готовые по первому сигналу ринуться на толпу.

«Считаю до трех!» — сообщил металлический голос, совсем как в детской игре.

Люди засмеялись.

А потом вдруг началось невообразимое.

Милиционеры бросились в гущу толпы, размахивая дубинками. Толпа заревела; раздался истошный женский визг.

Массовая паника — это всегда страшно; люди метались по площади с обезумевшими лицами; упавшую наземь русоволосую юную девушку топтали ноги в тяжелых ботинках.

— Друзья... друзья! Что вы делаете?! — растерянно кричала пожилая женщина в очках, расставив в сторону руки.

Милиционер ударил ее по лицу; женщина, охнув, свалилась на асфальт, как подкошенная.

Озлобленные внезапным нападением, митингующие пустили в ход кулаки.

— Бей гадов! — орали рабочие, опьяненные азартом.

Это была самая настоящая драка — с мордобоем, в кровь.

В ход пошли подручные средства. Рыжий взерошенный парнишка, обороняясь, отчаянно лупил милиционера по голове плакатом с изображением улыбающегося Хрущева.

Женщины с трудом пробирались сквозь людскую свалку, кричали и плакали, а затем, миновав дерущихся, бегом направлялись в ближайшие проулки.

Двое молоденьких милиционеров навалились на Ваську Сомова; расшвыряв их, будто беспомощных кутят, Васька бросился к растерянно крутившейся среди толпы Лиде, схватил ее в охапку и поволок прочь.

А Игорь выводил с площади Дашу. Она без конца оглядывалась, надеясь разглядеть в людской мешанине отца.

— Уходи! — крикнул Игорь.

— Где папа?

— Уходи!

В последний раз обернувшись, Даша выпалила:
— Я — в больницу. Может, там нужна будет моя помощь...

Пожалуй, девушка была права: в больнице сегодня впрямь должно было прибавиться хлопот. Из гущи дерущихся выползали рабочие с окровавленными лицами; кто-то, негромко стеная, держался за проломленную голову, кто-то с удивлением ощупывал сломанное ребро, еще не чувствуя боли.

— Найди папу! — крикнула на прощание Игорю Даша. — Обязательно найди!

Игорь махнул ей рукой: мол, уходи скорее, — и обернулся лицом к площади.

Происходящее в эту минуту казалось ему дурным и совершенно невероятным сном. Нет, такой спектакль он ставить не хотел...

43. СВОЙ ЧЕЛОВЕК

Это был крошечный ад.

В течение нескольких, казавшихся нескончаемыми, часов Хрущев расточал улыбки, гладил ладонью шелковистые головки радостных младшеклассников, выслушивал исполняемые звонкими ломающимися голосами задорные стихи и песни. Недрогнувшей рукой он перерезал красную ленточку и первым вошел в новый Дворец пионеров под аплодисменты присутствующих и бравурный марш.

Происходившее он помнил нечетко, будто во сне. В эти мгновения он больше всего опасался, что теперешнее его состояние станет заметно окружающим, и изо всех сил противился этому, и призывал на помощь всю свою выдержку и силу воли и актерские способности.

Мятеж.

Мятеж в Новочеркасске!

Это сообщение стучало в висках, как резкая азбука Морзе, отзывалось ноющей зубной болью, казалось бредом, абсолютной бессмыслицей. Хрущев даже пытался внушить себе, что налицо явная ошибка, злая преднамеренная дезинформация, и вот-вот придет опровержение. Однако осторожные, шепотом на ухо, доклады референта, повторявшиеся каждые пять — десять минут, не давали забыть и уверовать в то, что происходящее где-то на юге страны, в вольном казачьем крае, окажется досадным недоразумением и не более того.

В окружении подобострастной свиты и заученно улыбающихся школьников Хрущев бродил по сверкающим отшлифованным камнем и стеклом просторным помещениям Дворца, внимательно выслушивал комментарии директора (вернее сказать, делал вид, что внимательно выслушивал, потому что до подобной ли словесной шелухи было ему в эту минуту!), кивал, но мысли его были далеко отсюда.

Даже взволнованный директор, который перед лицом Первого секретаря Коммунистической партии, главного человека страны, путался в словах и время от времени сбивался на околесицу, — и тот вдруг с удивлением поймал себя на крамольной мысли: а отчего это так странно ведет себя высокий гость, Никита Сергеевич Хрущев?

Первый секретарь выглядел самой благожелательностью, но в глазах его словно бы застыли испуг и замешательство. Он даже не отреагировал на нелепые эскапады директора, который, заикаясь, вдруг заявил, что в новый Дворец пионеров будут открыты двери всем детям страны, включая пенсионеров. Вокруг заулыбались, не смогли сдержаться, а Никита Сергеевич по-прежнему серьезно и вдумчиво кивнул, словно так и надо.

Директор внезапно осознал, что Хрущев слушает его, но не слышит.

Эта мысль повергла директора в панику.

Быть может, товарищ Первый секретарь партии знает о нем что-то такое, что сам директор предпочел забыть?

Быть может, неспроста Никита Сергеевич Хрущев так странно-рассеянно взглядывает на него, и в глазах его прочитывается немая холодная отчужденность?

Директора прошиб пот.

Он вспомнил сентябрьскую ночь тридцать восьмого года (казалось, навсегда забытую, выкорчеванную из памяти), когда в их большой коммунальной

квартире на Сивцевом Вражке раздался звонок и тяжелые сапоги прошли по коридору к двери забавного старого человека — ему исполнилось целых сорок пять лет! — Ивана Сергеевича, дяди Вани, который работал настоящим конструктором на самолетном заводе и по выходным помогал ребятне из подъезда конструировать из реек и папиросной бумаги не что-нибудь, а летательные модели аэропланов.

Директор вспомнил увиденные сквозь замочную скважину глаза дяди Вани, и заплаканное лицо его жены тети Веры, и вспухшую ото сна мордашку дочери Валентины, и наглухо закрытые двери соседей, которые всегда помогали друг дружке в самой большой беде, а тут вдруг спрятались, забились каждый в свою комнатку и не казали носа, будто бы и не было их вовсе на белом свете.

Дядю Ваню увели люди в красивых темных кожаных куртках, поскрипывавших при ходьбе, и больше его никто не видел. А еще через две недели — тоже глухой дождливой ночью — другие люди в скрипящих куртках увели тетю Веру с Валькой. Навсегда.

Теперь директор отчетливо вообразил себе нынешнюю июньскую полночь, и топот ног на лестничной клетке, и требовательный звонок, и стук в дверь, от которого кровь стынет в жилах.

Директору стало плохо. С большим трудом он окончил экскурсию по вновь открытому Дворцу пионеров и школьников и, проведя гостей в просторный зрительный зал и дождавшись, покуда товарищ Первый секретарь со свитой усядутся в удобные мягкие кресла, повалился в свое и, растянув губы в улыбке, устался на сцену, где начался торжественный праздничный концерт и кипенно-белое смешалось с красногалстучным, и зазвучали пионерские песни и звонкие здравицы.

Директор сидел и, ощущая ноющую боль в левой части грудной клетки, но боясь даже помасси-

ровать ее ладонью, размышлял, сколько ему осталось и когда же пробьет час «Х».

Надо думать, он бы очень и очень удивился, если бы узнал, что высокий гость Никита Сергеевич Хрущев в эту самую минуту размышлял о том же самом, но в приложении к себе.

Директор едва не потерял сознание, когда бледный невзрачный референт в очередной раз скользнул к креслу товарища Первого секретаря и что-то коротко прошептал на ухо.

И товарищ Первый секретарь, медленно подняв на него глаза, не смог сдержать дрожи в щеках.

— Вы уверены? — едва слышно произнес он.

Бледный референт кивнул.

Больше директор ничего не помнил.

Он очнулся лишь в тот момент, когда негромко, но гулко захлопнулась дверца тяжелого правительственного лимузина, и толпа пионеров зааплодировала, и лимузин медленно двинулся сквозь эту расступающуюся толпу. Директор огляделся и понял, что стоит на площади перед Дворцом, а товарищ Первый секретарь и вся его камарилья, рассевшись по авто, отъезжают от площади. Все закончилось, а он остался на свободе, и яркое летнее солнце светит ему в лицо.

«Я жив! — только и смог подумать директор. — Господи, какое счастье, — я жив!»

От переполнявших чувств он чуть было не пустился вприпрыжку по каменным плитам площади, и только присутствие подчиненных помешало ему въяве выказать свой восторг.

Тем временем Первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза товарищ Никита Сергеевич Хрущев сидел на заднем сиденье бронированного правительственного лимузина, вжавшись в дальний угол, и лихорадочно пытался сообразить, как поступить в возникшей ситуации.

Он даже хотел было велеть водителю ехать до-

мой, на Староконюшенный, где тихо и спокойно, где все свои и Нина Петровна читает у торшера в кресле газету, а на столе стоит горячий чай.

Дома — надежно, дома можно спрятаться от всех невзгод и проблем и хоть на несколько мгновений ощутить себя защищенным.

Однако Хрущев тотчас прогнал прочь малодушную мысль.

События в Новочеркасске требовали немедленных мер, и его, Хрущева, место в эту минуту было — в кремлевском кабинете, на посту, на пересечении всех путей, в эпицентре политической жизни страны.

«Новочеркасск... — думал Хрущев, — что за город такой, интересно? Где-то на юге. Наверное, солнце, фрукты, зелень... Чего им не хватает? Неужели же прав Семичастный, и налицо происки империалистического врага? Я им покажу врага... я им покажу кузькину мать!»

Он стиснул короткие толстые пальцы в кулаки, и так, со стиснутыми кулаками и гуляющими по щекам рыхлыми желваками, въехал на территорию Кремля. Охранник молодцевато отдал честь промчавшемуся мимо черному и длинному лимузину.

Брежнев, сидя в кресле за рабочим столом, нервно пощипывал густую бровь. Лицо его было зло и растерянно, однако губы оставались крепко сжаты. Он размышлял о бренности всего земного и еще о том, что, черт побери, трудно быть теньвым политиком.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Леонид Ильич Брежнев был вторым человеком в стране. Кого-то, может быть, такое положение дел и не устроило бы, но только не Леонида Ильича.

Он чувствовал себя как рыба в воде и не желал лучшей доли. Он мучился и томился от того, что дал втянуть себя в эту темную историю со смещением

Хрущева с поста Первого секретаря, хотя и понимал, что Рубикон перейден и обратной дороги нет.

Однажды он так и заявил секретарю ЦК КПСС Шелепину, бывшему председателю КГБ: «Делайте что хотите, а я ничего знать не желаю».

Шелепин тонко улыбнулся. Своим ответом Брежнев вручал ему все козыри, и уже не важно было, что для проформы Леонид Ильич старался держаться в тени. Брежнев был нужен Шелепину и тем, кто стоял за его спиной. В большой игре всегда требуется свадебный генерал. В случае смещения Хрущева необходима была замена, и фигура Брежнева казалась с этой точки зрения едва ли не идеальной. Брежнев был труслив, несамостоятелен, он был слишком примитивен для сложных подковерных маневров и при этом достаточно прост для использования Шелепиным в своих целях.

Короче говоря, выбор пал именно на него.

И теперь Брежнев маялся в своем кресле, а Семичастный, сменивший «железного Шурика» на посту председателя КГБ, сидел на стуле напротив и буравил его взглядом.

Брежневу было очень неудобно, однако не мог же он выставить за порог за здорово живешь председателя КГБ! Он продолжал пощипывать бровь и делать вид, что абсолютно уверен в себе.

Полчаса назад Семичастный без доклада вошел к нему в кабинет и, даже не поздоровавшись, произнес: — Началось!

— Что началось? — не понял Брежнев.

— В Новочеркасске волнения.

— А где это? — удивился Брежнев.

— Ростовская область.

— Далековато...

— В самый раз, — возразил председатель КГБ. —

Ну, теперь-то ему не отвертеться!

Брежнев и Семичастный переглянулись. Они оба знали, что речь идет о Хрущеве.

— Он на открытии Дворца пионеров, — сообщил Брежнев, внятно ощущая посасывание под ложечкой. Он вмиг почувствовал себя на краю бездонной пропасти.

— Знаю, — кивнул Семичастный. — Я дождусь его.

— Вы собираетесь с ним говорить? А если он поедет домой?

— Сейчас?! — Председатель КГБ иронически усмехнулся.

Брежнев вспыхнул и сделал вид, что не понял своей оплошности и реакции собеседника на нее.

— Вчера он говорил мне, что хочет в выходные съездить на рыбалку, — попытался объяснить свою промашку Брежнев. — Что, если он не станет менять планы?

— Маловероятно. Однако рыбалка была бы нам на руку. В таком случае вы лично могли бы отдать приказ.

— Я?! — перепугался Брежнев.

— Вы. И не надо нервничать. — Председатель КГБ преспокойно раскрыл толстую папку для документов и стал пролистывать бумаги. Брежнев зачарованно наблюдал за вкрадчивыми движениями его холеных пальцев. — Между прочим, — сказал Семичастный, не подымая на собеседника глаз, — вероятно, вам придется поговорить с ним насчет кандидатуры...

— Какой еще кандидатуры? — удивился Брежнев.

— Леонид Ильич, я не узнаю вас. Хрущев, разумеется, не захочет сразу отдать приказ войскам на разгон манифестации. Хотя, конечно, это единственный разумный выход. Мы должны заранее просчитывать направление его действий, разве нет? — Председатель КГБ помедлил, сделав вид, что заинтересованно проглядывает очередную бумагу с грифом «Совершенно секретно». Лишь пробежав строчки взглядом, он продолжал: — Ставлю сто против

одного, что Хрущев еще долго будет упираться, пока события не заставят его поступать по обстановке.

— Что же делать?

— Использовать это обстоятельство в своих целях.

— Каким же образом? — упорствовал недоумевающий Брежнев.

— Леонид Ильич, как видно, вы не слишком хорошо знаете собственное начальство. А вот я считаю, что Никита Сергеевич не придумает ничего другого, как направить в Новочеркасск человека из состава ЦК для анализа положения дел на месте.

— Да?

— Да. И это должен быть наш человек.

— Ваш?

— Наш, общий.

— Кого же вы предлагаете?

— Шелепин?

— Да вы что! — Семичастный даже оторопел. Нет, все-таки Леня непроходимый тупица. — Зачем же своих подставлять? «Наш» не означает «свой». «Наш» — значит, пешка, козел отпущения, который, сам того не понимая, будет играть по тем правилам, которые диктуем мы.

— А вы? — Семичастный наконец оторвал взгляд от бумаг и не мигая уставился в глаза Брежнева. Тот против воли ощутил озноб.

— Н-ну... я не знаю, — пробормотал он. — Может, послать Игнатьева? Или Сулова, к примеру.

— А вы уверены, что они станут действовать именно в наших, а не в своих интересах?

— Михаил Андреевич — надежный товарищ, — в замешательстве пробормотал Брежнев.

— В Новочеркасск поедет Баранов, — отчетливо произнес Семичастный.

— Да вы что?!

— Не понял.

Брежнев мучительно пытался сообразить, как отвести неудачную, на его взгляд, кандидатуру. Ба-

ранов относился к Брежневу, несмотря на подчиненное служебное положение, свысока. Словно бы понимал истинную цену бровастому импозантному начальнику. Выслушивая из уст Леонида Ильича очередное глобальное указание, Баранов глядел на него своим прозрачным, чуть ироничным взглядом, в котором Брежневу виделось нечто презрительное по отношению к нему лично.

Разумеется, простить к себе такого отношения Брежнев никак не мог. Первым человеком, которого бы он вышвырнул прочь из ЦК, будь на то его воля, стал бы именно Баранов.

— Чем вы недовольны, Леонид Ильич? — снисходительно поинтересовался Семичастный.

— Я не думаю, что Баранов — тот человек, которому мы могли бы доверять, — сказал Брежнев.

— Отчего же?

— Он ненадежный, — после паузы процедил Брежнев.

Семичастный усмехнулся. Он не знал тонкостей взаимоотношений между Брежневым и Барановым, однако, будучи человеком опытным и проницательным, понял все без объяснений.

— Леонид Ильич, не стоит отдаваться во власть эмоций. Мы должны уметь использовать собственных противников в своих интересах. А иначе тогда зачем они нам нужны?

Собеседники вновь переглянулись. На лице Брежнева возникла бледная улыбка. В этот момент зазвонил телефон.

Семичастный напрягся, а Брежнев вздрогнул.

— Алло? — сказал он, сняв трубку. — Брежнев слушает.

— ОН въехал на территорию Кремля, — прозвучал сильный мужской голос, а следом — короткие гудки.

Бледный Брежнев опустил трубку на рычаги и вопросительно взглянул на председателя КГБ.

— Ни пуха ни пера! — сказал Семичастный.

— Что делать, Леня, что делать? — простонал Хрущев, положив сжатые в кулак руки на крышку письменного стола.

Лицо его было серое и бескровное, под глазами пролегли глубокие тени; и Брежнев с удивлением подумал, что всегда бодрый и молодцеватый Никита, должно быть, уже очень и очень стар и немощен.

Брежнев никогда не задумывался о возрасте Хрущева; он знал дату рождения, однако воспринимал ее оторванно от человека, как абстрактную и ничего не говорящую цифру. Он сам был ненамного младше и потому по инерции продолжал считать Первого секретаря ЦК человеком еще достаточно молодым и полным сил — каковым всегда считал себя самого. Они вместе охотились в заповедных угодьях (Никита при этом мог дать фору даже двадцатипятилетнему азартному охотнику), вместе сиживали за богато накрытыми столами в охотничьих домиках, пили вино и предавались чревоутодию, и никогда Хрущев не показывал своей усталости или недомогания. Правда, он никогда на памяти Брежнева не оборачивался на интересную женщину, разве что если хотел, чтобы этот его жест был замечен окружающими; но Брежнев по здравом размышлении пришел к выводу, что Хрущев, должно быть, просто-напросто не желает дать пищу для разговоров. Мысли, что Первый секретарь уже не интересуется дамским полом, Брежнев не допускал, ибо сам по-прежнему чувствовал себя молодым жеребцом, дай только волю, и без конца одергивал себя на многолюдных мероприятиях, потому что взгляд автоматически скользил по встречным женщинам, к волнующе открытым до колен ножкам.

И вот теперь Брежнев с удивлением обнаружил, что его начальник, глава страны, первый человек государства, — всего лишь дряхлеющий старик, и прав Семичастный, который торопит события, желая поскорее заменить Хрущева на новую фигуру.

— Все будет хорошо, Никита Сергеевич, — как можно более уверенным тоном произнес Брежнев.

Хрущев поднял на собеседника мутные глаза и покачал головой.

Брежнев понял этот жест; он означал: «Ничего-то ты не понимаешь, Леня!»

— В городе базируется танковая дивизия, возглавляемая генералом Папахиным, — сообщил Брежнев. — С Папахиным я знаком, встречались на фронте. Это толковый офицер, на него можно положиться...

— Да-да, — устало пробормотал Хрущев, — я слышал... Малиновский мне уже докладывал.

— В таком случае о чем беспокоиться? — удивился Брежнев.

— Леня, как же ты не понимаешь! Неужели ты думаешь, я допущу, чтобы армия пошла против своих же граждан?

Несколько мгновений Брежнев растерянно глядел на Хрущева. Он даже не сразу осознал, о чем тот говорит.

— Никита Сергеевич! — пылко воскликнул он, шевеля бровями. — Это же не граждане! По оперативным донесениям из Новочеркасска, на центральной площади сегодня собрались агрессивные антисоциалистические элементы, можно сказать, люмпены. Очистить город от всяческой нечисти — наш долг. Кто, как не армия, может достойно осуществить эту операцию?!

— Ты не от Малиновского? — поинтересовался Хрущев.

— В каком смысле? — растерялся Брежнев.

— Я говорю: не от Малиновского ли явился?

— Никак нет.

— Странно. Его словами говоришь.

— Потому что это и есть самые разумные слова на сегодняшний день! — наконец нашелся Брежнев. — Никита Сергеевич, в данной ситуации нельзя мед-

лить, это я вам как военный человек заявляю! Необходимо срочно подымать дивизию Папахина.

— Не пори горячку, Леня, — сказал Хрущев. — Поднять по тревоге танковую дивизию — это мы всегда успеем. Но прежде надо попытаться остановить волнения другими методами.

— Какими это — другими?

— Я вот о чем подумал, — врасстановку произнес Хрущев, откидываясь на спинку кресла, — а не послать ли нам в Новочеркасск надежного человека из ЦК? Пусть осмотрится на месте, разберется... может, и предложит какой-нибудь достойный выход из ситуации.

Брежнев смотрел на Хрущева, против воли ощущая оторопь.

Страшный, страшный человек этот Семичастный. В точности предсказал ход мыслей Никиты. Вот от кого надо избавляться, придя к власти, — в первую очередь избавляться.

Он слишком сильный противник, чтобы играть с ним на одной доске.

В эту минуту Брежнев твердо решил, что при первом же удобном случае отправит председателя КГБ в отставку, — естественно, когда у него достанет власти для этого.

— Хорошая идея, Никита Сергеевич, — фальшивым голосом проговорил он. — Странно, что она не пришла мне в голову.

Хрущев скептически усмехнулся, однако комментировать не стал.

— Пожалуй, надо вызвать Лонкова, — сказал он. — Павел Иванович — товарищ ответственный, на него можно положиться.

— Да, но ведь он не знает региона. Однажды, помню, приезжал в Молдавию, когда я там работал, и там курьезная ситуация, знаете ли, произошла. Стал говорить с крестьянином на поле, а тот его понять не может: одни иностранные словечки!

— Ну и что?

— Может не справиться, — категорично заявил Брежнев, чувствуя за спиной дыхание Семичастного. Он на мгновение представил себе, каким взглядом одарит председатель КГБ, когда узнает, что Хрущев отправил в Новочеркасск НЕ ТОГО человека. — Никита Сергеевич, тут нужен надежный вариант, чтобы без осечки. Надо на площадь выйти, с людьми говорить, убеждать. Павла Иваныча я уважаю, но он на такое не способен, если говорить серьезно.

— Что ты предлагаешь, Леня? — устало спросил Хрущев.

Брежнев изобразил глубокую задумчивость, словно бы перебирал в уме возможные кандидатуры; затем лицо его осветилось, брови взлетели вверх и, подняв указательный палец, он изрек:

— Баранов! Лучшего человека не найти!

— Ты думаешь?

— Анатолий Дмитриевич, он и только он. Голову даю на отсечение!

Хрущев на мгновение опустил голову, а потом кивнул:

— Ладно, вызывай Баранова. Срочно. Сию минуту!

Удовлетворенно улыбаясь, Брежнев хозяйским жестом снял трубку правительственного телефона.

Вечером в Новочеркасск из Ростова в экскурсионных автобусах прибыло милицейское подкрепление. Сотрудники были переодеты в штатское; их высадили из автобусов на заднем двореке здания горсуда, закрытого от сторонних глаз, и провели в столовую.

Инструктаж был коротким и емким.

Инструктор обкома партии, сухощавая немолодая женщина с короткой стрижкой в чопорном пиджаке, поджав губы, ходила по периметру столовой, глядя себе под ноги, и жестко выговаривала отрывистые фразы:

— До специального распоряжения вы не должны обнаруживать, кто такие и откуда. Вам будет выдано табельное оружие и боеприпасы. Без команды оружием не пользоваться. В случае необходимости — стрелять вверх.

— А если возникнет угроза? — поинтересовался кто-то.

— Тогда действуйте по обстановке. Сейчас вы получите маршруты курсирования по городским улицам. Сделаете вид, что просто прогуливаетесь перед сном. Внимательно наблюдайте, нет ли где скопления народа, прислушивайтесь к разговорам. Областной комитет партии интересуют все детали.

Затем женщина переместилась в небольшой кабинет, где разговор продолжался с двумя десятками отдельно отобранных стражей порядка.

Теперь инструкции были иными.

— Имеется информация, что провокаторы собираются будоражить учащихся ПТУ, — говорила женщина, по-прежнему глядя в пол и чеканя фразы. — По распоряжению обкома вы должны блокировать здания общежитий, никого не впускать, никого не выпускать и ждать дальнейших распоряжений. Вопросы имеются?

Уже стемнело, и городские улицы были пустыни. Странно было видеть, как одетые в штатское люди — одни мужчины — небрежным шагом прогуливаются на безлюдных перекрестках, озираясь по сторонам и прикуривая друг у друга «Беломор».

Новочеркасск будто вымер.

После столь бурного дня затишье казалось нереальным. Ветер гнал по центральной площади мусор и обрывки бумаг.

В окнах горкома партии горел свет.

Бледные и перепуганные, работники бесцельно бродили по кабинетам и спрашивали у встречных коллег новости. Никто ничего не знал.

— А я в отпуск должна была уехать, — жаловалась пухлая блондинка с высокой прической худому и скрюченному, как жук-богомол, мужчине с орлиным профилем. — А муж отговорил: мол, лучше в июле. Теперь уже и не знаю, доживу ли.

— Доживете, Любочка, — успокаивал «богомол». — Ваше дело молодое.

— Говорят, сам Хрущев из Москвы звонил, — сдавленным шепотом сообщила Любочка, округлив глаза от ужаса, — будто бы с Певцовым разговаривал и ругался страшно.

— Он приезжает, — сказал «богомол».

— Сам?! Никита Сергеевич?!

— Да нет же — Певцов.

— О Боже! Когда?

— Да уж, наверное, на подъезде к городу.

— О Боже! О Боже! Что же будет?

— Ничего не будет. Он еще днем должен был приехать, но какие-то дела задержали. Вроде как на рыбалку отправился...

— Певцов?!

— А что, — усмехнулся собеседник, — если он первый секретарь обкома, так уже и не человек?

— Как же быть? — заверещала Любочка. — Неужели ничего нельзя сделать? Надо найти зачинщиков! В милицию их! Под суд!

— Не глумите! — отмахнулся «богомол». — Все му свое время, и не нам решать...

Паника в горкоме имела под собой серьезные основания. Дело в том, что в этот субботний день, как назло, в городе отсутствовал товарищ Куницев, первый секретарь горкома. Накануне он отправился в командировку в Сибирь; при этом все горкомовцы знали, что предлог — командировка — был придуман для проформы и товарищ Куницев на самом деле отбыл в далекий край для того, чтобы навестить престарелую мамашу и отдать, таким образом, святой сыновний долг.

В результате, когда в городе начались беспорядки, никто не знал, каким образом можно связаться с начальником, и это обстоятельство стадо причиной серьезных потрясений. Днем звонили из Ростова, из обкома партии, и первый секретарь обкома товарищ Певцов истерически орал на второго секретаря горкома Авдющенко, который с перепугу никак не мог вспомнить имени-отчества областного начальства.

Самого Певцова и вправду нашли на берегу тихой донской заводи, где он мирно удил рыбу и пил водку в компании с друзьями по партии. У Певцова сильно прихватило сердце, потому что ему сообщили: был звонок из Москвы, из приемной самого товарища Хрущева. Интересовались ходом событий в Новочеркасске, про которые Певцов, выехавший на

рыбалку с утра пораньше, слыхом не слыхивал, и расспрашивали про предпринимаемые меры.

Словом, все было ужасно, хуже не придумаешь. А страшнее всего было то, что ни Любочка, ни сутулый «богомол», ни трясущийся от нервной икоты Авдюшенко, ни даже сам первый секретарь обкома партии товарищ Певцов не знали, что делать.

Казалось, они всегда как партийные работники, авангард общества могли контролировать любую ситуацию и направлять ее в нужное русло, однако теперь вдруг оказались перед лицом чего-то грозного, могучего, неуправляемого, сметающего на своем пути даже такую преграду, как авторитетное мнение партийного работника. Они были в растерянности.

Толпа, оказалось, умеет не только подобострастно шествовать перед трибуной на праздничной демонстрации и орать «ура!» на заранее подготовленные лозунги. Толпа может реветь, как разъяренный зверь, и жаждать возмездия.

Дом, где проживали работники горкома партии, был оцеплен милицией во избежание погрома; мелкие партийные чиновники тосковали в своих кабинетах и поминутно названивали домой, опасаясь, как бы на их уютные отдельные квартиры не был совершен разбойничий налет.

Дело в том, что кто-то из горкомовцев, ошивавшихся днем на митинге в толчее, якобы слышал, как заводские рабочие возмущались, что живут в грязных бараках, тогда как горком отстроил для себя отличный многоквартирный дом; напуганный инструктор горкома сделал вывод, что заводчане под покровом ночи заявятся отбирать у него кровно нажитое, и забил тревогу.

Дом немедленно оцепили двойным милицейским кольцом.

— Что же будет дальше? Господи, что же будет? — с тоской твердила Любочка, глядя в темное окно. За окном сгушалась тьма.

В этот момент острый свет фар разрезал черноту и несколько машин, шурша шинами, подкатили к заднему крыльцу здания горкома партии.

— Товарищ Певцов приехал! — со священным ужасом в глазах пролепетала Любочка.

Однако она ошиблась.

Высокий седой человек с каменным выражением лица поднялся по ступеням и мрачно протянул руку выскочившему навстречу второму секретарю горкома Авдюшенко.

— Баранов, — коротко представился он.

Это был действительно Анатолий Дмитриевич Баранов, крупный партийный чиновник, доверенное лицо Хрущева и — по совместительству — отец Галины. Пять часов назад по личному распоряжению Первого секретаря ЦК КПСС он экстренно вылетел в Новочеркасск и сделал при этом вид, что очень удивлен и раздосадован сложившейся ситуацией и предпримет все возможное, чтобы свести ее на нет.

Покидая массивное здание на Старой площади, он на выходе столкнулся с Брежневым, и тот со значением кивнул Баранову.

«Ну и лис же этот Семичастный! — одобрительно подумал Анатолий Дмитриевич, усаживаясь в машину. — Ну и лис! Даже такое ничтожество, и того сумел поставить себе на службу!»

Баранов уже знал, что Брежнев ходатайствовал перед Хрущевым, чтобы в Новочеркасск отправили именно его, Баранова, и догадывался, кто подсказал бровастому Леониду Ильичу эту идею.

Самолет еще не оторвался от взлетной полосы, а Анатолий Дмитриевич уже успел составить плотный план действий. Разумеется, перво-наперво для проформы необходимо посетить новочеркасский горком партии, но именно что для проформы. Потому что основная часть его миссии должна была быть реализована в ином месте.

Поэтому он не стал задерживаться в кабинете Авдюшенко, блявшего какие-то невнятные оправдания и без конца путавшего отчество гостя (он называл Анатолия Дмитриевича Анатолием Васильевичем и каждый раз очень удивлялся, когда Баранов вежливо, но неуклонно поправлял его), кратко пообщался с горкомовскими работниками («Завтра нам предстоит решающий день... Надо собраться, сосредоточиться... Надо найти аргументы... внедриться в ядро бунтовщиков... обнаружить зачинщиков!») и удалился, сославшись на усталость и неотложные заботы.

Он хлопнул дверцей черного «зила» и, сбросив с лица холодно-вежливую гримасу, брезгливо поморщился и приказал водителю:

— В танковую дивизию. Быстро!

45. БИТАЛОВИСТ

Сделанный из куриного пера бело-красный поплавок спокойно лежал на гладкой поверхности реки Аксай. Вот уже почти два часа он не менял своего положения. И теперь вряд ли уже начнет клевать — на старых, еще отцовых часах «Заря» на потрескавшемся кожаном ремешке, лежащих в нагрудном кармане рубахи Виссариона, большая стрелка приближалась к двенадцати.

Солнце уже припекало всюю.

Ну, еще полчасака посижу и пойду, подумал он, втайне, однако, надеясь, что вот-вот и клюнет на его старый, сделанный из стального гвоздя крючок крупный сазан, а то и сомище.

Срок, отпущенный Виссарионом самому себе, почти истек, когда на берег Аксяя прибежал запыхавшийся Федька — соседский мальчишка.

— Виська, — заорал он еще издалека, — там в городе такое творится. Тако-ое...

— Не шуми, всю рыбу мне распугаешь, — важно сказал Виссарион, не отрывая взгляда от поплавка.

— Да брось ты ерундой заниматься. Айда в город!

— А чо такое?

— О-о, — Федька сделал большие глаза, — там на улице демонстрация, как на Первое мая, народ везде, и милиции — видимо-невидимо.

— Подумаешь! — скривился Виссарион. Он сам принимал участие в демонстрации, поэтому размахом его не удивишь.

— Драка началась!

— Какая еще драка? — не врубился Виссарион.

— Заводские милиционеров бьют!

Это решило все. Виссарион быстро смотал удочки, опрокинул обратно в реку плавающую в садке мелочь, и они вдвоем стремглав побежали в город.

Народу на улицах действительно было много. Причем лица у всех были серьезные и очень напряженные. Там и сям стояли небольшие группки людей, о чем-то негромко шушукающихся. Виссарион с Федькой попытались было пристроиться, послушать, о чем это там говорят взрослые, но сразу же были замечены высоким рабочим в замасленной робе и с такими же замасленными руками, который, ни слова не говоря, больно схватил их за уши и оттащил подальше от группы.

— Так, мальцы, сейчас ноги в руки — и домой. Ясно? Чтоб я вас тут не видел.

— Ну, дяденька... — взмолились ребята.

— Без разговоров. Сейчас не время по улицам шляться.

Было в его словах что-то очень серьезное, такое, что Виссарион сразу понял — сейчас не до шуток и надо беспрекословно выполнять приказ взрослого дяди.

— А это правда, что драка была с милицией? — выпалил Федька.

— А ну домой! Живо! — прикрикнул рабочий и грозно топнул ногой.

Ребят точно ветром сдуло.

Федька побежал домой, а Виссарион через пять минут уже был у матери в гостинице.

— Ты чего это по городу шляешься? — нахмурилась Мария Дмитриевна. — Ты ж вроде на рыбалку собирался.

— Мама, — заговорщическим шепотом произнес Виссарион, — там говорят, заводские милиционеры побили.

Мария Дмитриевна огляделась по сторонам, потом перегнулась через стойку и, подняв Виссариона, легко перекинула его в свой закуток — он даже опомниться не успел.

— Слушай меня внимательно, — как можно более проникновенно сказала Мария Дмитриевна, крепко взяв сына за плечи, — демонстрации, милиция, драки на улицах — это все тебя не касается. Ты меня хорошо понял?!

— Понял, — с обидой в голосе ответил Виссарион. И когда уже его перестанут считать маленьким?

— Лишнего не болтай, ты ничего не знаешь. Разговаривай только со знакомыми. Понял?

— Понял.

— На улицу — чтобы носа не показывал! Понял?

— Да понял я, понял! — вырываясь из рук матери, в третий раз повторил Виссарион.

— Вот и хорошо. До вечера здесь побудешь, а домой вместе пойдем.

— Ну-у, мама, что мне тут делать до вечера?

— Ничего, погуляй по коридору. Или вон книжку какую-нибудь почитай.

Виссарион со вздохом уселся на стул в углу и взял невесть откуда взявшийся здесь потрепанный тяжелый кирпич «Тихого Дона», открыл книгу на первой попавшейся странице и начал читать:

«— За мной! — негромко скомандовал Григорий, как только пулемет умолк, и пошел к бугру, вынув из ножен шашку.

Позади, тяжело дыша, затопотали казаки.

До красноармейцев оставалось не более полусотни сажений. После трех залпов из-за песчаного бугра поднялся во весь рост высокий смуглолицый и черноусый командир. Его поддерживала под руку одетая в кожаную куртку женщина. Командир был ранен. Волоча перебитую ногу, он сошел с бугра, поправил на руке винтовку с примкнутым штыком, хрипло скомандовал:

- Товарищи! Вперед! Бей беляков!

Кучка храбрецов с пением «Интернационала» пошла в контратаку. На смерть...»

А хорошо бы вот так, с шашкой, в хромовой ту-
журке, вести отряд на врага, тут же размечтался
Виссарион. И чтоб винтовка в руках со штыком! И
чтоб пулемет тарыхтел без умолку!

Он перелистнул еще несколько страниц. Стран-
но, но этот Григорий, который угробил целый отряд
красноармейцев, был, похоже, одним из главных ге-
роев этой толстенной книги. Виссарион вздохнул,
положил «Тихий Дон» обратно на стол и слез со
стула.

Было жарко. Жарко и очень скучно.

— Мам, я пойду по коридорам погуляю.

— Иди. Только за порог — ни ногой.

— Ла-адно.

Гулять по гостинице было так же бессмысленно,
как и читать с полстраницы «Тихий Дон». В сущ-
ности, идти-то было некуда — гостиница была не-
большая, под стать городку с его ста тысячами жи-
телей. Три этажа с узкими темными коридорами и
крашенными темно-коричневой краской дверьми.

Вначале Виссарион устроился возле окна — по-
смотреть, не творится ли чего на улице. Вечерело.
Вроде было спокойно. Ничто не говорило о том, что
с утра снова были какие-то происшествия. Улица
казалась тихой и сонной — разве что пройдет ка-
кой-нибудь старик в галифе с лампасами и потре-
панном картузе или, беспокоя придорожную пыль,
промчится грузовик, дребезжа и лязгая всеми свои-
ми частями.

Глядеть в окошко вскоре тоже наскучило, и он
пошел бродить по коридорам.

Эх, думал Виссарион, там такое творится, а я в
этой гостинице парюсь. Обидно...

Он слонялся по коридорам не меньше часа, ко-
гда ему наконец захотелось есть.

Пойду-ка я у мамани чегонибудь попрошу, решил он и неторопливо направился к лестнице

По дороге Виссарион углядел застрявший в щели между плинтусом и половицей гривенник

Ого, новый, довольно подумал он, нагибаясь за монеткой и засовывая ее в нагрудный карман, рядом с часами.

Он уже было собрался продолжить свой путь, когда совсем рядом что-то вдруг клацнуло

Виссарион сначала не обратил на это особого внимания, но клацанье повторилось еще и еще раз.

Надо же, словно затвор перезаряжают, подумал Виссарион, хотя звук затвора он слышал только в кино. Интересно, откуда это?

Через секунду он обнаружил, что дверь, около которой он стоял, немного приоткрыта, и звуки, по всей видимости, идут из-за нее.

Виссарион уже было собрался идти дальше - не караулить же ему у этой двери, когда сквозняком приоткрыло дверь шире и он сумел заглянуть в гостиничный номер.

За столом, покрытым клеенкой, на которой стоял графин с водой и граненый стакан - непременная принадлежность каждого гостиничного номера, — сидел стриженный под полубокс парень, лет двадцати — двадцати двух, черноусый, одетый в полосатую футболку и белые теннисные брюки. Парень негромко насвистывал «Бессаме мучо», изрядно фальшивя и сбиваясь.

Но самым главным было другое. И когда Виссарион осознал, что именно делает этот явно не местный парень, у него все внутри похолодело.

Он чистил и смазывал винтовку.

Перед ним на столе лежала маленькая круглая масленка с длинным никелированным хоботком (точь-в-точь такая же находилась у Марии Дмитриевны в чемодане, где хранилась швейная машина «Тула»), ершик, наподобие посудного, только мень-

ше и с длинной проволочной ручкой, клубок пакли, еще какие-то инструменты, назначение которых Виссариону было неизвестно.

Но самое главное, к чему был прикован его взгляд, это, конечно, винтовка. Парень сидел к нему боком, так что Виссариону никак не удавалось рассмотреть ее получше, он видел лишь торец массивного деревянного приклада с глубокими поперечными насечками.

Виссарион даже встал на цыпочки, чтобы получше разглядеть оружие. Шутка ли — постоялец в номере винтовку держит. Такое не каждый день увидишь.

Дверь растворилась еще шире. Засмотревшись, Виссарион не заметил, как почти переступил порог комнаты.

Внезапно парень поднял винтовку со стола, быстро перевернул ее в воздухе. Виссарион и глазом не успел моргнуть, как дуло было повернуто в его сторону.

Первой его мыслью было, конечно, дать деру. Но неожиданно для самого себя Виссарион вспомнил, что он казак, и сын казака, и что прадед его — Кузьма Патрищев, по рассказам, служил в Великом войске Донском адъютантом самого Платова, — короче, он остался на месте. Смутно вспоминаемые им рассказы отца не прошли даром.

— Руки вверх! — скомандовал стриженный, быстро передернув затвор.

Однако Виссарион был не робкого десятка. Он демонстративно запихнул руки в карманы своих замызганных холщовых штанов.

— Руки вверх, — уже не так уверенно повторил парень, положив щеку на основание приклада и делая вид, что прицеливается.

— Дядя, вы хотя бы сначала патрон вставили, а потом уже пугали.

— Э, — присвистнул парень, опуская ствол, — да ты, я вижу, не робкого десятка!

— А чего мне вас бояться?

— Ну-у, а если бы патрон все-таки был заряжен?

— Да кто ж заряженную винтовку чистит? — небрежно произнес Виссарион. — Она выстрелить ненароком может.

Парень рассмеялся и положил оружие снова на стол.

— Ну-ка иди сюда, малец.

Виссарион важной походкой вразвалочку, как ходят казаки, подошел к столу.

— Будем знакомы, — протянул парень ему большую ладонь, — меня зовут Рудольф.

— Виссарион.

— Ух ты, и имя у тебя подходящее. Звучное. Ну что ж, садись, Виссарион, рассказывай, чего это ты моду взял за людьми подглядывать?

Виссарион покраснел:

— И не подглядывал я вовсе. Мимо проходил, гляжу — дверь открыта.

— И решил посмотреть, все ли в порядке? — со смехом продолжил Рудольф.

— Да... То есть нет... — Виссарион чувствовал, как краска покрывает его лицо до самых ушей, но сделать ничего не мог. — Я хотел... Я тут гривенник нашел!

— Гривенник? — посерьезнел Рудольф.

— Да.

— Новыми?

— Новыми.

— Ты, я вижу, еще и счастливчик. Мне вот так никогда не везло — больше пятака ни разу в жизни не находил. К тому же старыми.

Тут только Виссарион понял, что над ним смеются, и надулся.

— Ну-у, не обижайся. Скажи-ка лучше, ты чей?

— Я администраторшин сын.

— Хорошо. А я тут чай пить собрался, хочешь со мной?

— Хочу.

Рудольф достал из тумбочки пол-литровую банку, наполнил ее водой из графина и приспособил на край маленький дорожный кипятильник.

— Ты, я надеюсь, никому не расскажешь, что я тут правила пожарной безопасности нарушаю?

— Не расскажу. А можно мне винтовку подержать?

— Ну, для такого храбреца, как ты, мне ничего не жалко. Держи.

Он взял одной рукой винтовку и протянул ее Виссариону. Она была довольно тяжела — раза в три тяжелее, чем духовые «переломки» в тире, куда Виссарион частенько захаживал с ребятами пострелять маленькими пульками по вырезанным из жести зайцам, кабанам и ветряным мельницам. Кроме того, она была чуть ли не в полтора раза длиннее и к тому же имела одну странность — в ее широком массивном деревянном прикладе была проделана большая квадратная дыра. Таких винтовок Виссарион еще никогда не видал.

— А зачем тут дыра? — поинтересовался он.

— Чтобы она весила поменьше. А то, видишь, она и так довольно тяжелая. Четыре с половиной кило — тяжелее, чем автомат Калашникова. Это СВД — снайперская винтовка системы Драгунова. Опытный образец.

— А вы стрелок?

Рудольф кивнул:

— Стрелок. Биатлонист.

Виссарион улыбнулся:

— А что же вы к нам в такую жару приехали? У нас же снега нет.

— Ну и что, — невозмутимо ответил Рудольф, — летом-то тоже нужно спортивную форму поддерживать, так, нет?

— Нужно.

— Ну вот. А у вас степи, ни единой души — стреляй, не хочу!

Виссарион продолжил осмотр винтовки. Да, она была какая-то необычная. За массивной деревянной ложей с продолговатыми отверстиями торчал изогнутый металлический магазин, такой же, как и у автомата Калашникова, только раза в три короче.

— Погоди-ка, — вдруг сказал Рудольф, взял со стола длинную трубу, типа подзорной, приладил ее к винтовке, посмотрел в нее, что-то подправил и снова отдал оружие Виссариону.

— Держи. Теперь можешь прицелиться.

Виссарион глянул в окуляр. Такого он еще ни разу в жизни не видал! Даже оставшийся от отца трофейный цейсовский бинокль не увеличивал так сильно. В оптический прицел можно было разглядеть даже самые крохотные детали, даже мелкий текст объявлений на щите «Горсправки», висящем на противоположной стороне улицы, казалось, можно легко прочесть, если приглядеться.

— Ух ты! — воскликнул Виссарион.

Рудольф только посмеивался:

— Ну как винтовочка? Годится?

Он поставил на стол жестянку с сахарным песком и чашки с дымящимся чаем.

— Эх, мне бы такую...

— А вот это уже лишнее, — серьезно сказал Рудольф.

— Почему это? — запальчиво выпалил Виссарион.

— А потому. Тебе, пацан, учиться надо, ума-разума набираться. А на курок нажимать — дело нехитрое, этому каждый научиться может.

Виссарион уже было открыл рот, чтобы возразить: дескать, в их краю умение обращаться с оружием считается настоящим делом для мужчины, и все его предки были военными, и он, Виссарион,

конечно же тоже будет военным, поступит в суворовское, когда из коридора раздался голос Марии Дмитриевны:

— Виссарион, ты где?!

Виссарион вскочил из-за стола:

— Мне пора, дядя Рудольф.

— Ну, покедова, казак, покедова... И запомни — к оружию лучше всего не касаться. Особенно если оно заряжено. Иначе таких бед наделать можно...

И он со значением усмехнулся.

46. ФРОНТОВЫЕ ДРУЗЬЯ

Стоя у овального зеркала, полускрытого широким двустворчатым книжным шкафом, генерал Папахин не спеша расчесывал редкую седую прядь волос, прикрывавшую гладкую, лаковую лысину. Он низко опускал крупную голову с покатым лбом, вздыхал, рассматривал на просвет расческу и сдувал с нее длинные бледные волосины.

Не то чтобы генерал Папахин был излишне озабочен собственной внешностью — просто расчесывание волос успокаивало его лучше любых транквилизаторов и теплых ванн.

Было от чего нервничать в эту ночь.

Разумеется, Папахину первому доложили о происходящих в Новочеркасске событиях, и — в отличие от горкомовских и обкомовских работников — он был на месте и мгновенно оценил обстановку.

Первой мыслью, которая пришла в голову генерала, была: «А не вывести ли в срочном порядке дивизию куда-нибудь на маневры?»

Мысль эту Папахин немедленно отогнал прочь, как совершенно абсурдную и безумную, однако с тоской подумал, что хорошо бы в эту минуту оказаться где-нибудь как можно дальше от эпицентра событий.

Кадровый военный и умный расчетливый политик, он никогда не занимался политикой профессионально, однако закулисная политическая жизнь страны, полная интриг и сговоров, происходила на его глазах и Папахин лучше, чем кто-либо, мог

предугадать решения высших чинов государства с минимальной погрешностью, — так вот, генерал мгновенно осознал, по какому руслу будут развиваться события в Новочеркасске.

Впервые на его памяти рабочие крупного промышленного предприятия осмеливались бросить решительный вызов устоявшемуся в стране порядку, а значит — правительству, а значит — партии, а значит — самому Советскому государству.

Он не удивился, когда раздался звонок из Москвы и министр обороны СССР маршал Малиновский приказал объявить по дивизии боевую готовность.

— Пока ситуация в городе контролируется силами милиции, — резко сказал Малиновский, — но, возможно, очень скоро потребуется вмешательство армейских частей...

Положив трубку, Папахин задумался. Войска на улице мирного городка — это чревато трагическими последствиями. Разумеется, генерал выступал за скорейшее урегулирование конфликта, однако с трудом представлял себе, каким образом армия способна повлиять на его развитие, не прибегая к силовым методам, которых Папахин опасался больше всего.

Ну разве что попутать обывателя грозными солдатскими шеренгами.

А если обыватель не испугается, что тогда? Папахин терялся в догадках.

В конце концов генерал пришел к выводу, что вряд ли Москва ограничится телефонными звонками и следует ожидать скорого появления в Новочеркасске сановного эмиссара из центра, который и расставит все по местам.

Ждать и вправду пришлось недолго.

Поздним вечером адъютант доложил, что на территорию части въехал черный правительственный «зил».

— Очень хорошо, — к удивлению адъютанта,

кивнул Папахин и отправился к овальному зеркалу. Расчесываться.

Он приглаживал седые пряди до тех пор, пока в коридоре не раздались громкие шаги и голоса. Сдвув волосы с расчески, он одернул генеральский мундир и направился к двери.

Дверь немедленно распахнулась, и на пороге возникла хорошо знакомая Папахину высокая фигура.

— Вот так встреча! — удивленно воскликнул генерал.

— Здравствуй, — сказал Баранов и захлопнул дверь перед носом у опешивших сопровождавших. — Вот и свиделись снова, дружище...

Они обнялись; Папахин выудил из потайного шкафчика початую бутылку водки и два граненых стакана.

— Выпьем, Толя.

— Выпьем, Ваня.

Папахин разлил водку по стаканам. Чокнулись.

— Крепкая, зараза, — жарко выдохнул Баранов, залпом заглотив содержимое стакана.

— На фронте и покрепче пили, — откликнулся Папахин. — Ты, может, голодный? Я прикажу, мигом ужин сообразим.

— Не до ужина. Дела поджимают. — Баранов уселся на стул, вынул из кармана мундштук и портсигар. Прикурил. Кольца бледного сизого дыма скрыли от собеседника его мрачное, осунувшееся лицо, изборужденное глубокими морщинами. — Ну, Ваня, что делать будем?

— Обстановка, конечно, напряженная, — сказал Папахин. — Судя по всему, завтрашний день будет ничуть не легче, чем нынешний. Город по-прежнему взбудоражен...

— Это я и сам знаю. Я спрашиваю: что делать?

Папахин пожал плечами.

— Я человек военный, — сказал он. — С гражданской публикой разбираться не умею. Видимо, надо

вести переговоры... выслушать требования рабочих и сообща искать взаимоприемлемое решение...

Прищурясь, Баранов глядел на фронтowego друга.

— Странные слова говоришь, — процедил он. — Что значит: взаимоприемлемое решение? Чьи требования я должен выслушивать?

— Насколько мне известно, бастует весь электровозостроительный. Это тебе не три с половиной человека, это огромный коллектив. Заметь, не интеллигенция, не какая-нибудь прослойка — бастуют рабочие, хозяева государства!

— Ты мне лозунги не толкай. Мы оба с тобой знаем, в каком государстве живем и кто здесь хозяин, — отрезал Баранов.

— Как бы то ни было, вряд ли заставишь их идти на попятную, — сказал Папахин. — Слишком долго они молчали, теперь не станут. Интересно знать, какому дураку пришло в голову понизить расценки на заводскую продукцию одновременно с повышением цен на мясо? И так ведь люди с трудом концы с концами сводили...

— Я тебя не узнаю, Иван, — неприязненно проговорил Баранов. — Ты на чьей стороне?

— Ни на чьей. Я — человек военный, — упрямо повторил Папахин. — Что прикажут, то и сделаю.

— Тогда — наливай! — с улыбкой приказал гость. Забулькала водка в стаканах. Чокнулись. Выпили.

— А помнишь, как мы в сорок четвертом Днестр форсировали? — ностальгически произнес Баранов. — Лето было на дворе, а вода — холоднющая!

— При чем тут Днестр?

— Просто ты тогда приказ не выполнил, отказался. И ведь был прав!

— Это исключение, — буркнул Папахин.

— Благодаря тебе, может, и я тогда жив остался, и не я один. Корпусной вопил, как резаный, а потом к награде представил. М-да, было дело...

— Теперь такого уже не бывает, — откликнулся Папахин.

— А смог бы ты сегодня не выполнить приказ начальства? — вдруг поинтересовался Баранов.

Генерал удивленно поглядел на товарища.

— То есть как это — не выполнить? Не понял.

— Очень просто.

— Глупости говоришь.

— Вот и славно, — отчего-то удовлетворенно кивнул Баранов. — Очень хорошо и даже замечательно. Потому что приказ будет, и скоро.

— Какой приказ? От кого?

— Приказ сверху, — со значением произнес московский гость. — Сам понимаешь, что терпеть то, что сейчас происходит в городе, долго не будут. Могу сообщить по секрету, что не за горами экстренные меры. По всей видимости, без твоей дивизии дело не обойдется.

Папахин напрягся. В который раз он верно угадывал направление мыслей начальства и в который раз был обманут в своих ожиданиях, надеясь, что все-таки ошибается.

— А что в состоянии сделать моя дивизия? Мы же не милиция!

— Милиция — это ерунда, и ты это понимаешь лучше, чем кто-либо. Милиция — для впечатлительных старух и нервных девиц. Силами милиции теперь уже мало что изменишь.

— Толя, — серьезно произнес Папахин, — уж не хочешь ли ты сказать, что...

— Именно! Именно это я и говорю. Единственная реальная сила, которой можно воздействовать на мятежников, — армия. И она будет пущена в ход.

— У меня нет приказа.

— Он будет.

— Приказ вывести дивизию на улицы города?

— Приказ противостоять провокаторам и обезвредить их.

— Каким образом?

Баранов не отвечал. Он разглядывал пустой граненый стакан с капельками жидкости на стенках, и выражение лица его не оставляло сомнений в том, КАКИМ ОБРАЗОМ наверху намерены подавить волнения в городе.

— Два часа назад я говорил с министром обороны, и он не сказал мне ничего подобного, — выдавил Папахин.

— Приказ будет издан Верховным Главнокомандующим. Министр обороны тут уже ни при чем.

— Это безумие.

— Не тебе судить.

В кабинете зависло тягостное молчание. Затем Баранов широким жестом поставил граненый стакан на стол (тот жалобно звякнул, едва не разбившись) и встал.

— Вот что, Ваня. Ты меня давно знаешь. Давно и хорошо. Поэтому давай не будем тратить слов впустую. Сейчас во избежание эксцессов необходимо вывести танки на улицы города. И солдат — для патрулирования. Усиленные вооруженные наряды. И не забудь раздать боеприпасы.

— Зачем?

— Приказы не обсуждаются.

Папахин тоже встал.

Так они и стояли друг против друга, бывшие фронтовые друзья, генерал и высший партийный чин. Сохраняя на лице каменное выражение, Баранов с тоской думал о том, как же все-таки это тяжело: действовать не по совести, а по чьему-то лукавому велению, изображать из себя начальника, выступая, по сути, исполнителем чужой воли. Такова она, доля крупного политика, пытающегося всеми силами удержаться на плаву. И еще Баранов думал о том, как тяжело становится негодяем в глазах старого и верного товарища. Тяжело, но — необходимо.

— Я не буду стрелять в людей, — сказал генерал.

— Если понадобится, будешь, — ответил высший партийный чин.

— Толя, ты понимаешь, что говоришь?

— Смир-рно, товарищ генерал! — вдруг рывкнул Баранов, и Папахин от неожиданности вытянулся во фронт. — Из партии вон вылетите за такие слова!

— Ты меня не пугай, — сказал Папахин. — И не таких видывал.

— Вызывай адъютанта и отдавай приказание. Танки должны выйти на улицы города через четверть часа.

— Толя!

— Генерал Папахин!

Папахин устало вздохнул и вновь опустился на стул.

— Я не отдам такой приказ, — произнес он.

— В таком случае вы отстраняетесь от командования дивизией, — объявил Баранов. — От имени Центрального Комитета Коммунистической партии беру руководство дивизией на себя.

— Бери, — кивнул генерал.

— Ты мне еще за это ответишь! — прошипел гость, позабыв о дружеских чувствах и ощущая себя в эту минуту лишь всемогущим начальником, которому осмелился перечить пешка-подчиненный. Он распахнул входную дверь. — Слушай мою команду! — гаркнул Баранов опешившей свите. — Немедленно подымайте солдат по тревоге. Вывести усиленные патрули на городские улицы. Быть готовыми к боевым действиям!

Папахин сидел на стуле в безжизненной позе, не подымая головы. Растерянные адъютанты глядели на начальника, на сановного московского гостя и не понимали, что происходит.

— Выполняйте!!! — рывкнул Баранов.

Одного из офицеров он поманил к себе пальцем и негромко произнес:

— А для вас — особое задание. В городе хорошо

ориентируетесь? — Он порылся во внутреннем кармане пиджака и извлек небольшой листок бумаги. Показав офицеру размашисто начертанный на листке адрес, он поинтересовался: — Сможете отыскать? В таком случае передадите эту записку лично в руки. Лично, вы слышали?

Офицер с готовностью кивнул.

— Гражданская одежда найдется? — спросил Баранов. — Переоденьтесь. Не нужно привлекать к себе внимания.

Московский гость взял со стола генерала Папахина карандаш и под адресом написал: «12.30».

47. ТАНКИ

Виссарион вприпрыжку мчался по пустынной и темной улице, ориентируясь на далекий одинокий свет тусклого фонаря, который маячил впереди за деревьями и островерхими крышами домов. Эти тихие старые кварталы города он знал как свои пять пальцев.

Однако сегодня привычное течение жизни родного городка было нарушено, и подросток ежеминутно ощущал тревожащие перемены. Дважды или трижды он едва не столкнулся с прогуливавшимися в тени зданий широкоплечими мужчинами, но успевал метнуться в ближайшую подворотню и переждать, покуда странные личности исчезнут из виду.

Виссарион сразу признал в них чужаков, приезжих; их поведение не поддавалось сколько-нибудь приемлемому объяснению, да и сам мальчишка не стал ломать над всем этим голову: он просто решил для себя, что надо обязательно рассказать о незнакомцах Победе и Игорю.

Наверняка появление этих людей в городе как-то связано с произошедшими днем событиями. Кстати, хорошо бы не забыть сообщить и о новых постояльцах городской гостиницы.

Размышляя таким образом, Виссарион пересек сквер, где высился бюст с отколотой головой, и, перепрыгнув через невысокий заборчик, двинулся по широкой и пыльной городской магистрали.

Теперь идти оставалось совсем немного. Надо

было лишь свернуть к барачным зданиям, пересечь несколько дворов, миновать мост, а оттуда уж до дома рукой подать.

Внезапно Виссарион остановился и тревожно прислушался. Он не столько услышал, сколько кожей почувствовал ноющий, вибрирующий звук, подымавшийся откуда-то снизу,

Звук нарастал, умножался, и, казалось, вторя ему, мелко и надсадно зазвенели стекла в окнах домов.

Виссарион огляделся и метнулся в тень.

Вовремя — в этот самый момент городская магистраль вдруг осветилась далеким могучим снопом света и огромный прожектор, гудя, двинулся из темноты по направлению к центральной площади.

Затаившись, Виссарион ждал.

Он слышал непонятный, незнакомый лязг и ощущал, как начинает дрожать и сотрясаться земля под ногами.

Он взгляделся в ночную мглу и сквозь слепящий свет странного прожектора разглядел очертания могучей стальной машины. Прожектор, оказалось, был огромной фарой, прикрепленной к броне самого настоящего танка.

У подростка захватило дух от восторга. Это было потрясающе, великолепно и неправдоподобно; и Виссарион подумал, что соседские ребята, должно быть, помрут от зависти, когда узнают, что именно он, Виссарион Патрищев, первым увидел танки на улицах Новочеркасска. Танки ползли один за другим, и казалось, не будет конца этой громяющей металлом грозной веренице.

Подросток жадно вдыхал ядовитые выхлопные газы, извергавшиеся из чрева тяжелых машин.

Он закрыл глаза, полностью отдавшись мечтательной дреме.

Он часто слышал рассказы о минувшей войне и втайне жаждал хоть на пять минут оказаться в прошлом, в гуще военных батальев. Он всегда тосковал

по приключениям и подвигам и жалел, что угораздило родиться в такое скучное, серое и вроде как благополучное время. Он и в самом восхитительном сне не мог вообразить себе то, что происходило в эту минуту наяву. В Новочеркасск входили войска.

Виссарион воображал себя отважным партизаном, наблюдающим за надвигающейся на родной город танковой армадой врага. Если бы под рукой оказалась пивная бутылка, он не задумываясь метнул бы ее в проходившую мимо лязгающую машину, как герои Великой Отечественной бросали во вражеские танки последнюю гранату. К счастью, бутылки под рукой не было, а то неизвестно, чем бы могла закончиться подобная безрассудная выходка.

Танки ползли по городу. Танки перегораживали собой улицы и проулки. Ночной Новочеркасск стал вдруг похож на оккупированную территорию.

Неизвестно, сколько времени провел Виссарион на обочине городской магистрали. Может, мгновение, а может, вечность. Во всяком случае, голова его сладко кружилась, он ощущал прилив сил и энергии.

Внезапно острая мысль пронзила сознание: Виссарион нешуточно испугался, что кто-то другой, а не он, может принести потрясающую новость Победе и постояльцу из Москвы. Пришпоренный таким сообщением, подросток во всю прыть помчался вдоль покосившегося забора, стараясь оставаться незамеченным, однако при этом достаточно быстрым, чтобы поскорее добраться до дома.

Задыхаясь от быстрого бега, он ввалился в родной подъезд и на подкашивающихся от усталости ногах доковылял до двери квартиры.

Пальцем он утопил кнопку звонка и, согнувшись в три погибели, ждал, куда отворят.

На трезвон вылетели все: не только насмерть перепуганная Победа, не только Игорь, но также и Васька Сомов с сизым фингалом под глазом, побледневшая Лида и даже Дашин отец, Григорий Онисимович.

Что?! Что случилось?! — охнула Беда, увидав окосевшего от переполняющих его чувств брата. Где ты шляешься, я уже места себе не нахожу!

— Я у мамки был, потом сбежал...

— Почему сбежал?

Виссарион только отмахнулся от сестры, как от назойливой мухи.

— Слыхали?! — восторженно воскликнул он. — Слыхали, в городе танки?

— Чего?! — не поверил Игорь, а Григорий Онисимович скептически усмехнулся: мол, ври, да знай меру.

— «Чего-чего», — передразнил Виссарион с солидным видом. — Танки, говорю. Своими глазами видел.

— Тьфу ты! — сплюнула в сердцах Победа. — Ну и горазд ты брехать, Виссарион!

— Я?! — возмутился тот. — Это я брешу?! Да чтоб я сдох! — И он гордо оглядел присутствовавших.

— Какие танки, Виссариоша? — жалобно произнесла Лидка.

— Самые настоящие. С пушками! По улице ехали... много!

— Откуда здесь взяться танкам? — растерянно пробормотал Игорь.

— Так ведь часть в городе, — пояснил Сомов. — Целая дивизия.

Победа ничего не сказала. Она вдруг подумала о Мите — и испугалась. Неужели и он сейчас едет в громыхающей колываге по улицам ночного города, несчастный, одинокий, нуждающийся в поддержке и опоре?

— Глупости, — отрезал Григорий Онисимович. — Этого не может быть. Чтобы танки... на мирных жителей? Да никогда в жизни! Это же Советская Армия, а не какое-нибудь там НАТО!

— Ничего не понимаю, — сказал Игорь. — Ну-ка садись, рассказывай по порядку.

Виссарион уселся на табурет в кухне, испытывая

неповторимое чувство гордости и собственной значимости. Впервые с ним говорили, как со взрослым, как с равным, — и кто! Не только старшая сестра Бедка, которая стояла напротив с открытым от удивления ртом, не только ее подружка Лидка, но даже сам Васька Сомов, личность весьма авторитетная среди детворы всей округи, даже сам Григорий Онисимович, который никогда не заговаривал с малышкой, будто ее и не было на свете, даже московский писатель Игорь, который, хоть и болтал по-свойски с Виссарионом, однако всегда оставался себе на уме.

И вот все они стояли вокруг него, Виссариона, и ловили каждое его слово.

Разумеется, Виссарион рассказал обо всем, что знал и видел. Он не удержался и приврал кое-что про роты солдат, якобы тихо двигавшихся вслед за танками с автоматами Калашникова наперевес, и про то, что он, Виссарион, указал танкистам головной машины неправильное направление, и они не поехали к единственному городскому мосту, а свернули совсем в другую сторону.

Он даже хотел было сообщить о барражирующих в ночном небе вертолетах и тысячах парашютистов, обрушивающихся в эту минуту на городские крыши, но вовремя прикусил язык.

История про парашютистов, пожалуй, была бы уже чересчур.

Победа, и московский гость, и Григорий Онисимович, и даже Васька Сомов — все внимательнейшим образом выслушали его и стали наперебой сыпать вопросами, на которые Виссарион едва успевал отвечать: куда двинулись танки, и сколько их было, и для чего солдаты держали наизготове автоматы...

Виссарион премьерствовал, ощущая себя счастливейшим человеком на планете. От избытка чувств он даже стал ковырять в носу, и Победа не одернула его, как это обыкновенно случалось, а продолжала глядеть с неподдельным уважением и восторгом.

Подросток был по-настоящему разочарован, когда вдруг прозвенел требовательный звонок и, бледная, перепуганная, в кухню ввалилась заводская медсестра Даша.

— Танки! Танки в городе! — наперебой закричали все, а Даша только кивнула в ответ: мол, знаю, но это еще не все.

— Я только из больницы, — сообщила она, — На улицах стреляют.

— Как стреляют? Кто? Почему?

— Заводское общежитие оцеплено.

— Кем?

— Два часа назад на крыльце общежития застрелили восемнадцатилетнего парнишку!

Зависло молчание.

— В каком смысле — застрелили? — сдавленно проговорила Лида.

— Его привезли в милицейской машине, — сказала Даша. — Приказали осмотреть. А я была у Сережи... ну, в смысле — у своего коллеги, Резниченко, — поправила она, вспыхнув, потому что поймала на себе ревнивый взгляд Игоря.

На эту ее оговорку, впрочем, никто, кроме постояльца, не обратил внимания — не до того было, все слушали, затаив дыхание.

— Мы осматривали раненого вместе, — продолжала Даша, виновато глядя на Игоря и будучи не в силах отвести этот взгляд, — оказалось, у парня сквозное пулевое ранение грудной клетки. Мы пытались остановить внутреннее кровотечение, но... — Она смолкла.

— Неужели умер? — охнула Победа.

Даша кивнула.

— Кто стрелял? — мрачно произнес Григорий Онисимович.

— Милиционеры, которые привезли раненого, сказали, будто он попытался напасть на них, — тихо отозвалась Даша. — Но это неправда. Мальчиш-

ка просто возвращался с другого конца города... У него там девушка живет. Его застрелили у самого входа в общежитие.

— Что же будет? — простонала Лида. — Что же это будет, а?

— Тебе нельзя волноваться, — напомнил Васька Сомов, — будешь волноваться, отведу домой!

Угроза подействовала. Лида замолчала и так и сидела молча, лишь глазами испуганно хлопала.

— Ну, что сказать, — произнес Игорь, — дело серьезно. Мы все знали, на что шли, и отступить поздно. Завтра — решающий день. Мне кажется, мы сейчас сами должны составить воззвание к Советскому правительству и лично к товарищу Никите Сергеевичу Хрущеву. Только он может защитить нас в сложившейся ситуации. А завтра на митинге соберем подписи и отправим письмо в Москву, в Кремль...

— Правильно говоришь, — поддержал Григорий Онисимович. — В Кремле сидят мужики головастые, они там все видят и понимают. Как Хрущев, я не знаю, а они-то понимают, уж это точно! Просто они там, в Москве, не ведают, что у нас тут творится. Они бы такого безобразия ни в жизнь не допустили!

— Что будем писать? — спросил Сомов.

— Так и напишем, — сказал Игорь и приказал Победе принести чистый лист бумаги и ручку с чернилами, — так и напишем: «Уважаемый Никита Сергеевич! — Он склонился над бумагой и продолжал диктовать себе вслух, чтобы слышали остальные: — Уважаемый Никита Сергеевич! Обращаются к Вам жители... нет, труженики города Новочеркаска. Надеемся, что Вы сможете помочь нам в нашей беде и защитить от местных начальников, которые житья не дают. Живем мы туго. Говорят, в Москве люди в квартирах живут, с горячей водой и ванной, а мы все больше в бараках ютимся и не знаем, когда же такая жизнь кончится. Зарплату получаем маленькую, едва сводим концы с концами. Детей кормить не на что...»

— Ты про фронтовиков напиши! — распорядился Григорий Онисимович. — Пуцай знает, как нам живется!

— «Бывшие фронтовики, которые защищали Советскую Родину в Великую Отечественную войну, не имеют денег, чтобы купить себе новые сапоги и пиджак, — надиктовывал себе Игорь, бросив короткий взгляд на Дашиного отца, который и впрямь никогда не снимал ветхую, еще с военной поры оставшуюся гимнастерку. — А на пенсию прожить тяжело...»

— Про облигации не забудь! — напомнил Сомов. — Все отцовские сбережения сгорели!

— «...Вложили мы свои кровным трудом нажитые деньги в государственные облигации, а назад получить не можем. Вот и стали обклеивать облигациями стены бараков, будто бы обоями...»

— Складно выводит, — восхитился Васька, услышав, в какие слова облечена Игорем его мысль. — Сразу видать: писака!

— «Уважаемый Никита Сергеевич! — продолжал Игорь. — Приезжайте к нам в город Новочеркасск, поглядите, как мы тут живем, и не верьте начальникам, когда они будут говорить, что все прекрасно. Потому что жизнь эта не человеческая, а хочется пожить по-людски, чтобы не испытывать нужду, и чтобы дети были счастливы, и чтобы все было вокруг хорошо. Только жизнь эта кажется нам далекой-далекой, как в кино, и такой же несбыточной. — Казалось, Игорь изливает на лист бумаги и свою собственную горечь по поводу несбывшихся надежд. Обращение к Хрущеву получалось весьма эмоциональным и драматичным. — Помогите нам, пожалуйста, уважаемый Никита Сергеевич! Только вы один и можете нам помочь!»

— Последнее это ты зря написал, — заявил Григорий Онисимович. — От Хрущева добра не жди, потому он и Хрущев. Был бы жив Иосиф Виссарио-

нович, не надо было бы таких писем писать. Сталин бы тут живо порядок навел!

— Ничего-ничего, — возразила Победа, — пусть так останется, как написал. Очень пробирает. Я бы на месте Никиты Сергеевича не сдержалась и приехала, когда люди так просят. Хотите, я еще стих придумаю, пусть Никита Сергеевич прочитает!

— Стих не надо, — одернул Игорь. — Это все-таки официальный документ.

Победа обиженно пожала плечами, но спорить не стала. Не надо так не надо. Сами потом будете жалеть.

Даша молча сидела в дальнем углу. По выражению ее лица было видно, что происходящее здесь, на кухне, не вызывает у нее одобрения; но она уже не возражала и не пыталась отговорить друзей от опрометчивых действий.

Даша теперь и сама не знала, какой поступок правилен, а какой — нет. Случившееся сегодня словно опрокинуло все прежние представления о добре и зле.

— От нас, и только от нас, зависит, сможем ли мы добиться завтра чего-нибудь серьезного, — патетически произнес Игорь, отложив в сторону перо. — Я с утра направляюсь на центральную площадь, к горкому. Надеюсь, состоится крупный разговор с областным начальством, если, конечно, правда, что Певцов действительно прибыл из Ростова. Но этого мало. Москва должна узнать о том, что происходит сейчас в Новочеркасске. Я предлагаю перекрыть железнодорожную ветку и остановить движение поездов. Это будет серьезное основание для того, чтобы центральные власти повернулись к вашим проблемам. Иначе ведь и не обратишь на себя внимание!

— Как это: остановить движение поездов? — поразился Сомов.

— Очень просто. Выйти на рельсы и перегордить собой путь. Возвести баррикады...

— Ну, ты мне этого не объясняй, — усмехнулся Григорий Онисимович. — Я по этим делам — спец. Еще с военных времен.

— Очень хорошо, — подхватил Игорь. — Значит, завтра с утра вы отправляетесь на железнодорожную станцию. Возьмите в подмогу небольшой отряд из наиболее надежных заводчан. Справитесь?

Григорий Онисимович хлопнул себя по коленям. Этот жест должен был означать: не волнуйся, парень, все будет в ажуре.

— Кроме того, — продолжал Игорь, — мы просто-таки обязаны вовлечь в происходящее рабочих с других предприятий. А то получается, что бастует один электровозостроительный! Нехорошо как-то.

— Есть идея! — воскликнул Васька Сомов. — Махну-ка я с утречка на газораспределительную станцию. Если отключим в городе газ, остальные, как миленькие, к нам присоединятся!

— Отлично, — одобрил Захаренко, — значит, ты займешься газовиками...

— А это не опасно? — тревожно поинтересовалась Лида.

— Ну, что ты, Лидок! — успокоил Сомов. — Ты же знаешь: я мужик осмотрительный.

— А мне что делать? — вставил Виссарион. — Я тоже могу на газораспределительную пойти!

— Еще чего! — взвилась Победа. — Ты, голубчик, будешь сидеть дома! И даже не вздумай высовывать на улицу свой длинный нос! Я тебя не выпущу!

— Выпустишь! — обиделся Виссарион.

— На ключ запру, а не выпущу!

— Ну и дура!

— Ребята, не ругаться, — предостерег Игорь. — Нам предстоят слишком важные заботы, чтобы сейчас ссориться и портить друг другу настроение.

— Мне кажется, что мы допускаем ошибку, — медленно проговорила Даша. — Их слишком много, у них танки. А у нас?

— Нам не нужны танки! — вскричал Григорий Онисимович. — Мы в своей стране и будем вести себя так, как считаем нужным. Плевать я хотел на их танки!

Даша не ответила, лишь головой покачала.

Вновь раздался звонок; все переглянулись: кто бы это мог быть — так поздно? И Виссарион побрел отворять.

— Дядя Игорь, тут вас спрашивают! — крикнул он из коридора.

В дверях стоял коротко стриженный, с военной выправкой человек в поношенном пиджаке. Он протянул Игорю сложенный вчетверо листок бумаги.

Развернув записку, Игорь мгновенно узнал знакомый почерк. Он едва удержался от удивленного возгласа.

— Кто это, Игорь? — спросила из кухни Даша.

— Вы ошиблись, — сказал Игорь мужчине, возвращая записку. — Так и передайте...

Мужчина внимательно поглядел на Игоря и кивнул.

Виссарион захлопнул дверь и вернулся в кухню, а «московский литератор» замешкался в коридоре.

Стиснув зубы, он пытался одолеть внезапную слабость в коленях.

Перед глазами стояли размашисто начертанные карандашом цифры: «12.30».

48. ОРУЖИЕ К БОЮ!

В два часа ночи Митину часть подняли по тревоге. Сначала казалось, что это обычная учебная тревога, — секундное одевание, построение, объяснение тактической задачи. Однако на этот раз Митя по лицам Школьника и командира части, по тому, как они о чем-то зло спорили с замполитом, понял, что дело какое-то необычное. Митя обратил внимание, что Школьник уже не вышагивал привычно перед строем, как петух, и не проверял обмундирование, он что-то долго и лихорадочно помечал в записной книжке и издали пристально рассматривал солдатский строй. Замполит без конца крутил ручку полевой «вертушки» и натужно кричал:

— Але! Але! Город! — и бросал трубку.

Потом перед строем был зачитан приказ о том, что в данный момент они, направляясь на ответственное государственное задание, должны дать подписку о неразглашении тех обстоятельств, с которыми столкнутся. Выстроилась длинная шеренга тех, кто обязан был дать такую подписку. Вместе с солдатами подписывались и офицеры.

Мите это напоминало какой-то жуткий сон. Ночной пронизывающий ветер безжалостно дул в грудь, они уже час стояли на плацу, и вереница серых фигур все двигалась и двигалась к треугольнику фонаря, под которым стоял стол. Кто-то попытался узнать причину тревоги. Школьник занервничал и зашипел:

Молчать! Придет время, все узнаете.

Им раздали боевые патроны. Через несколько минут Жиян вызвал Митю и еще нескольких солдат и они отправились на кухню. В столовой тоже был необычный переполох. По полу катились банки тушенки, и множество людей в шинелях собирали их и запихивали в большие холщовые мешки. Откуда-то несли буханки хлеба и тоже паковали отдельно. Митя получил приказ запастись провизией на свой взвод. Когда сержант отошел, Митя наклонился к солдату, завязывающему мешок на противоположном конце стола, и спросил:

— Не знаешь, что случилось?

— Ни хрена, но, видать, что-то серьезное. Ты подписку давал?

— Ага...

— Я думаю, едем на испытание секретного оружия.

— А зачем тогда боевые патроны? В кого стрелять?

— Да уж не в лосей.

В Мите нарастало какое-то необъяснимое возбуждение. Он вдруг понял, что скоро произойдет нечто самое важное в его жизни, что вся его предыдущая жизнь была только подготовкой к этому событию, что вот оно начинается, настоящее мужское дело. Хлеб и тушенку раздавали прямо на плацу каждому в руки, но, что самое невероятное, через час солдаты получили по поллитровке водки.

— Сто грамм наркомовских, — смеясь, говорил Жиян.

К четырем часам ночи, когда Митя окончательно продрог, светящаяся колонна машин с брезентовыми кузовами подъехала к их части. Школьник еще долго бегал и матерился мимо курящих шоферов, наконец была дана команда к посадке. Среди нескольких сотен лиц, мельтешащих перед Митей в ночном тумане, вдруг ярко и четко возле соседней машины высветилась ухмыляющаяся рожа курящего Шутова. Митя невольно крепко сжал автомат. Если б московскому мальчику Мите Бажину еще полгода назад

сказали бы, что подобная мысль возникнет в его голове, он никогда бы не поверил. Но теперь он не думал ни о последствиях, ни об угрызениях совести. Он вспомнил, прижимая автомат, как подвыпивший сосед из тридцать восьмой квартиры однажды, слушая на лавочке доносившуюся из распахнутого окна какую-то героическую радиопередачу о войне, едко сказал.

— Ты знаешь, на фронте половину не немцы убивали, а сами наши — своих.

— Как это? — не понял Митя.

— А так. Я, например, на тебя злой. Идем в атаку, я тебя из винтовки сзади и хлопну.

Митю эти дяди Витины откровения возмутили тогда несказанно. Он и не верил ему, думал, пьяный бред. Но так они поразили, эти слова, что прошло много лет, сосед умер, а забыть их Митя не мог. И вот теперь в суматохе июньской ночи они всплыли.

Через полчаса машины тронулись. В тишине брезентового кузова чувствовалась какая-то напряженность. Никто не знал, куда они едут. Изредка машину подбрасывало на дорожных кочках или на повороте заносило на сторону. По этим неразборчивым знакам кто-нибудь из солдат пытался угадать их маршрут.

— По-моему, на Темиргоевскую пошли.

Несмотря на усталость, никто даже не кемарил. Наконец остановились. Долго сидели впотьмах и в полной тишине, кто-то пытался закурить. Едкий дым махорки наполнил кузов. Митя тоже скрутил сигарку и нервно затянулся. Томительные минуты ожидания тянулись бесконечно. Потом поступил приказ откуда-то из глубины ночи разгружаться и дислоцироваться на местности. Из кузова стали выпрыгивать солдаты. Митя огляделся. Машины стояли сплошной стеной на огромной площади города.

Начинался рассвет, из молочного предутреннего тумана выплывали знакомые очертания. В последних снах Митя бесконечно бродил по этим улицам, спа-

сал знакомую девушку Победу от хулиганов, а потом они жарко и страстно целовались в тени памятника Ермаку, возле сквера. Теперь сквер стоял невдалеке бесприютным островком, а домики прижались к земле, обнажая бесконечность надвинувшегося неба.

— Быстрее, быстрее!

Солдаты растерянно метались возле машин. Началось новое построение, в суматохе недосчитались одного солдата, стали выкрикивать по фамилиям. Оказалось, отсутствует Шутов. Школьник быстро пробежался по шеренге, взглядываясь в лица. Остановился рядом с Митей.

— Рядовой Бажин, выйти из строя. Бегом найти Шутова.

Митя бросился за колонну машин, только теперь он рассмотрел, что вдалеке, в проулке, ведущем на площадь, торчали дула танков. Громады машин заполнили весь проезд, перегородив жалкие улочки.

Вот это да! Что они здесь затевают?

У подъезда ближайшего дома Митя заметил фигуру солдата.

Шутов быстрым движением закрывал бутылку, потряхивая от нетерпения головой.

Митя выхватил бутылку швырнул ее о стену и схватил Шутова за грудки.

— Ну что, гад? Где твои ублюдки? Они тебе сейчас тоже помогут? Я задушу тебя, и никто не узнает. Скажу, что нашел мертвым.

Шутов мелко, задыхаясь, заверещал:

— Пусти!

Митя со всей силой нажал на кадык. Шутов дернулся.

— Я тебе, сволочь, никогда не прощу. Умирать буду, а тебя вспомню. — Митя швырнул противника на землю и пошел к своим.

Шутов поплелся сзади, как побитая собака.

— Ты вот что, Бажин. Скажешь старлею, что я по малой нужде отошел.

— Что надо, то и скажу. Ты мне, гад, еще приказывать будешь!

Рассвирепевший Школьник проверял амуницию солдат. Бегло оглядев Шутова, он буркнул:

— С тобой, говно, потом разберемся. Стать в строй. Слушай мою команду! — закричал он. — Занять позицию возле машин. Оружие к бою! Вопросы есть?

— В кого стрелять? — спросил Митя.

— В кого прикажут. — Школьник метнул на Митю злобный взгляд. — Отдельные несознательные элементы, подстрекаемые американскими империалистами, спровоцировали волнения в городе. Наш полк должен подавить беспорядки. Разбираться будем потом. В том числе и с тобой, Бажин.

Совсем рассвело. Над городом обозначился шпиль водонапорной башни, и зачирикали птицы. Наступало обыкновенное утро обыкновенного дня...

И в эту секунду совсем рядом раздался отчетливый звук выстрела. Моментально все вскочило, задвигалось. Митя прижал автомат к груди, словно боялся, что это уханье повторится, невольно ощущая себя виновником нарушенной тишины.

— Кто стрелял? Где?

Школьник резкими прыжками перелетал через спящих солдат. Завернувшись в шинели, они сидели редкими группками прямо на земле, привалившись к колесам машин, кто-то осторожно жевал хлеб из пайка, кто-то по-прежнему пыхал табак, Шутов, растянувшись у радиатора, громко храпел.

— Вста-а-ть! Скотина!

Старший лейтенант ударил пинком Шутова. Гулко покатилась по бульжнику солдатская фляжка. Шутов, озираясь, вскочил по стойке «смирно».

— Служу Советскому Союзу!

Школьник заехал рядовому в глаз. Тот едва удержался на ногах и громко охнул.

— Трибунал! Пьяница! Тут у нас не бирюльки!

Лечь! Встать! — Школьник, уже не помня себя, орал на всю улицу.

— Побереги нервы, старлей. Они еще пригодятся. — Замполит осторожно потрогал Школьника за рукав гимнастерки. — Потом разберемся. Скоро начальство приедет, надо немного перышки почистить. Начальство, говорят, из Москвы. Да и сам Папахин будет.

Имя Папахина привело старшего лейтенанта в чувство. Он что-то неразборчивое прошипел в адрес Шутова, потом отдал приказ достать флягу с водой и помыгаться. Лениво отшучиваясь, солдаты споласкивали сонные лица и жадно хватали холодную воду ртом.

У Мити не было никакого желания следовать их примеру. Он с тоской вспомнил своего Сидоренко. Вот он, настоящий театр, о котором когда-то говорил друг. Очевидная бессмыслица происходящего остро вставала перед Митей. Он думал о Победе, о Виссарионе, представлял, что они где-то совсем рядом и не знают, что их малознакомый друг сидит сейчас на улицах города, подстерегая смерть.

Весь мир театр, кажется, так говорил Витек. Вот и надо относиться, как к театру. Меня это не касается. Я не здесь. Я там, с Победой.

Но ведь Победа-то здесь.

Митя вконец запутался. Попытки отрешиться не удавались. Школьник в который раз проверял автоматы у своих подопечных.

Послышался звук сирены. Со стороны электровозостроительного завода прямо на их расположение неслась милицейская машина, возглавлявшая такую же, как у них, колонну брезентовых грузовиков. Въехав на площадь, газик остановился, и из него выпрыгнул щуплый чернявый милиционер.

— Начальство! Где начальство? Где командир?

К нему подбежал Школьник.

— Командир, мне нужно освободить проезд.

Особо ответственное задание. Вывозим из города заключенных.

— Твою мать! Что это у нас все так делается, через задницу? Как я тебе сейчас дам дорогу? Там дальше танки. -- Школьник бросился к начальству.

Долго советовались и утрясали создавшуюся ситуацию. Наконец солдатские грузовики тяжелым медленным ходом поползли навстречу друг другу, образовав дружный хоровод. Танки выехали на площадь. Гул и копоть наполнили, казалось, все пространство. В одном из окон быстро мелькнуло за занавеской старушечье лицо и, перекрестясь, скрылось. Лязг металла заставил Митю прижаться к стене облупившегося дома, рядом стоял обалдевший, в мелких брызгах, голый по пояс Шутов.

— Че делают! Ты погляди, че делают! — восхищенно шептал он, рассматривая чинно поворачивающиеся стволы.

Грузовики с заключенными зловещей лентой поползли в узкий проулочек.

— Зачем они? Зачем вывозят заключенных? — раздались голоса.

— А черт их знает!

— Серьезное дело.

— Во мы попали в заварушку!

Достав флягу, Митя хлебнул крепкой, горькой жидкости.

«Театр, театр, театр!» -- билось у него в голове.

Горячая тошнота подступила к горлу. Он схватился рукой за живот и не успел сделать нескольких шагов, как его вырвало на мокрый, грязный от солярки тротуар

49. ПО ОБСТАНОВКЕ

В половине третьего ночи в кабинет Первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза товарища Н. С. Хрущева заглянул секретарь с красными от недосыпа и нервозности глазами.

— Никита Сергеевич! -- осторожно позвал он. — Никита Сергеевич, проснитесь!

Хрущев открыл глаза. Он не спал, но вот уже более получаса бездвижно сидел в кресле, смежив веки и пытаясь отвлечься от горестных дум.

Он даже не захотел разговаривать с домашними, и, когда в одиннадцатом часу вечера из квартиры на Староконюшенном позвонила озабоченная долгим отсутствием мужа Нина Петровна, Хрущев, зло сверкнув глазами, рявкнул:

— Скажите ей, я занят! Пусть не звонит.

Сведения, поступавшие из далекого Новочеркасска, ужасали.

Весь минувший день в городе происходили антиправительственные выступления.

Милиция пыталась своими силами восстановить порядок и спокойствие.

Однако митингующие отказались подчиняться и завязали драку.

В больнице есть раненые.

Кошмар.

— Никита Сергеевич, к вам товарищи Брежнев и Семичастный. Говорят, срочно...

Хрущев выпрямился в кресле, одернул пиджак.
— Пусть войдут.

Брежнев вошел первым. Вид у него был усталый, но при этом деловитый. Семичастный сразу скользнул к дальнему креслу в углу и без приглашения занял его.

— Никита Сергеевич, пора принимать решение, — без лишних слов начал Брежнев. — Если вы этого не сделаете в течение ближайшего часа, ситуация окончательно выйдет из-под контроля.

— Я жду доклада Баранова, — сказал Хрущев. — Пока он мне не доложит обстановку, никаких решений не будет.

— Среди мятежников имеются убитые, — сообщил Семичастный.

— То есть как?!

— Обороняясь, работники милиции вынуждены были застрелить одного из злостных зачинщиков беспорядков, учащегося заводского профтехучилища, некоего Шейдина Петра Сергеевича. Кстати сказать, его отец, Шейдин Сергей Афанасьевич, был осужден в 1949 году за антисоветскую деятельность, но реабилитирован в пятьдесят шестом...

Это был точно рассчитанный ход. Сергей Афанасьевич Шейдин никогда не сидел (а может, и сидел: председателю КГБ сейчас недосуг было наводить справки о каком-то там Шейдине). Просто Семичастному не терпелось ущипнуть «кукурузника» за уязвимое место: мол, видишь, что ты наделал, освободитель.

— Яблочко от яблони... — язвительно вставил Брежнев.

— Кто позволил пускать в ход оружие?! — закричал Хрущев. — Я их всех под суд отдам!

— Работники милиции действовали в соответствии с установленными законом правилами, — невозмутимо парировал Семичастный. — В уставе МВД

имеется пункт, разрешающий применять оружие в целях самозащиты...

Серый от гнева, Хрущев не нашелся, что возразить.

— Никита Сергеевич, войска ждуг вашего приказа, — сказал председатель КГБ. — В данную минуту относительное спокойствие в городе сохраняется за счет патрулирования вооруженных групп и бронетехники на улицах. Однако с утра следует ожидать нового всплеска напряженности. По имеющимся у меня данным, рабочие электровозостроительного завода собираются перекрыть движение поездов на железнодорожной ветке, проходящей через Новочеркасск.

— Как это — перекрыть? — не поверил Хрущев.

— Для этих целей создаются специальные банды. Кроме того, не исключено, что к рядам бунтовщиков примкнут свежие силы. Информация о беспорядках в городе просочилась в область. Рабочие ряда предприятий Ростова, согласно нашей информации, готовы поддержать преступников...

Хрущев помассировал виски пухлыми короткими пальцами. Головная боль становилась невыносимой.

— Где Баранов? — спросил он. — Я хочу знать мнение Баранова.

— Мы могли бы вызвать его на связь, — сказал Семичастный.

— Вот и вызывайте.

Председатель КГБ и Брежнев незаметно переглянулись.

— Велика опасность, что обо всем этом прознают западные средства массовой информации, — проговорил Семичастный. — Будет международный скандал.

— Обязательно будет, — поддакнул Брежнев.

— Теперь уже все равно, — устало выдохнул Хрущев. — Только не надо кровопролития!

— Вот и я говорю о том же! — воодушевился председатель КГБ. — Если мы активизируем танко-

вую дивизию, то сможем избежать нагнетания напряженности!

— Клин клином? — усмехнулся Хрущев.

— Подумайте о простых мирных жителях, которые оказались заложниками бандитов!

— Никакие они не бандиты. Просто до них не довели генеральную линию партии, не растолковали, — с обезоруживающей наивностью объяснил причины беспорядков Первый секретарь ЦК КПСС. — Я вот с работников горкома и обкома три шкуры спущу! Я им покажу, засранцам! Они у меня узнают, где раки зимуют! Чтобы так запустить агитационную работу! Вся страна живет в едином порыве, советский народ семимильными шагами... а они! — Хрущев горестно вздохнул и покачал головой.

— Никита Сергеевич, — заученно проговорил Брежнев, глядя поверх начальственной лысины, — я не хотел говорить, но... Дело в том, что рабочие на митинге выкрикивали антиправительственные и антипартийные лозунги. Проявляли недовольство курсом партии. Несколько человек публично сожгли свои партийные билеты.

— Вот и хорошо, — кивнул Хрущев, против воли играя на щеках крупными желваками. — Баба с возу, кобыле легче. Партии не нужен такой балласт.

— Ничего хорошего не вижу, — возразил Семичастный. — Подумайте сами: какой пример для неосознательного элемента!

— И какой урок для нас! — подхватил Никита Сергеевич. — Принимаем в партию кого ни попадя. Как говорил Ленин: «Лучше меньше, да лучше!»

Семичастный и Брежнев вновь переглянулись. Похоже, их нешуточно раздражало упрямство неподатливого главы государства.

— Я еще не все сказал, — грустно произнес Брежнев. — Они высказывались также и против вас лично...

Хрущев удивленно поднял голову:

— Что? Против кого?!

— Против вас. Звучали призывы сместить вас с должности и отдать под суд за развал государства.

— Меня-а?!

— Так они говорили, — поспешил уточнить Брежнев, опасаясь быть неправильно понятым. — А еще перед зданием горкома партии публично сожгли ваш портрет.

— Мой портрет?

Брежнев сокрушенно вздохнул.

Несколько мгновений Хрущев смотрел прямо перед собой, словно оценивая смысл сказанного.

— Как изменились люди, — произнес вдруг он. — Разве можно было вообразить что-нибудь подобное, когда у власти был Коба? Выходит, перемены — все-таки не пустой звук!

В этот момент требовательно зазвонил телефонный аппарат.

Хрущев уставился на него с удивлением, словно не верил собственным ушам.

— Никита Сергеевич, Новочеркасск на проводе, — сообщил секретарь. — У телефона товарищ Баранов.

— Баранов! — повторил Хрущев, вздрогнув.

Брежнев и Семичастный подались вперед.

— Алло, Никита Сергеевич? Баранов докладывает...

— Ну, давай же скорее, не томи!

— Обстановка напряженная. К утру ожидаются массовые беспорядки.

— Ты встречался с партийным активом?

— Так точно. Но они ничего не могут сделать. Совершено нападение на работников милиции. Имеются раненые и один убитый.

— Среди милиционеров?

— Никак нет, — после паузы произнес Баранов. — Среди участников беспорядков...

— Что можно предпринять?

— Никита Сергеевич, положение крайне тяжелое. Нужны решительные меры.

— Я думаю, тебе нужно с утра выступить по городскому радио. Призвать к порядку. Если соберется митинг, выступить на митинге. Пообещай, что мы разберемся с их требованиями и примем меры. Чего они хотят?

— Они хотят... Извините, Никита Сергеевич, но в числе требований повстанцев — смещение вас с поста Первого секретаря Центрального Комитета...

— Эк хватили! — крикнул Хрущев.

— Простите, не понял?

— Это я про себя. Ладно, скажи, выслушаем и это их требование. Пусть только дадут обещание не учинять больше беспорядков.

На другом конце провода зависло молчание. Наконец Баранов сообщил:

— Дело в том, что они планируют устроить в городе погромы. Чтобы вовлечь в свои ряды мирное население. Как мне стало известно из надежных источников, зачинщики написали письмо, которое собираются обнародовать завтра на митинге. Это обращение к главам ведущих империалистических государств с просьбой объявить бойкот Советскому Союзу и потребовать изменения нынешнего социально-общественного строя.

— В капитализм, значит, захотелось, — мрачно уточнил Хрущев.

— Они хотят собрать подписи, чтобы затем передать письмо эмиссарам ЦРУ. Имеется информация, что беспорядки спровоцированы тайными агентами за океанской разведки...

— Ну, вот уж этого я не допущу никогда, — сказал Хрущев. — Пусть командующий танковой дивизией примет меры.

— Я взял командование на себя, — сообщил Баранов. — Генерал Папахин отказался выполнять мои приказы, и потому я отстранил его от командования.

Хрущев молчал. Прижимая к уху трубку, он пытался восстановить в сознании разрушающуюся на глазах единую картину мира. Холодная струйка пота струилась с лысины к виску и ниже, по шее, заползая за ворот рубахи.

Обреченным движением руки Хрущев ослабил узел галстука. Ему было трудно дышать.

— Действуй по обстановке, — сказал он Баранову.

— Я могу дать приказ стрелять на поражение?

— Действуй по обстановке... — безжизненно повторил Хрущев и опустил трубку. Он поднял мутные глаза и, казалось, не сразу узнал сидевших перед ним Брежнева и Семичастного.

— Не надо так волноваться, Никита Сергеевич, — с трудом скрывая торжество в голосе, произнес председатель КГБ. — Все будет хорошо. Вот увидите: все будет очень хорошо...

— А с тобой, — вдруг снова взвился Хрущев, — мы еще разберемся!

Семичастный покорно опустил голову.

50. СТОИ-КРАИ

Будильник затрещал, как всегда, неожиданно.

Люся испуганно подскочила на своем узеньком проводничком диванчике и, посмотрев на циферблат, принялась растирать кулачками заspanные веки.

Уже совсем рассвело. За вагонным окном зеленили еще не выжженные солнцем степи, перемежавшиеся небольшими рошицами, мелькали крытые почерневшим тесом домики редких деревень. Иной раз на горизонте даже показывалась чудом сохранившаяся церковка с молодыми березками на крыше.

Было без десяти минут восемь утра.

Сладко потянувшись, Люся откинула одеяло и, поживаясь от утреннего холода, сунула ноги в спортивные тапочки. Потом встала и первым делом расчесала свои кудрявые белокурые волосы, перехватила их резиночкой и уже после этого облачилась в свою форму — темную прямую юбку, голубую гимнастерку с погонами и темно-синюю пилотку с молотами на кокарде.

Плацкартный вагон уже давно проснулся. В обоих концах длинного узкого коридора стояли пассажиры в очереди в туалет — умываться.

— Поторопимся, товарищи, через двадцать минут остановка, туалеты закрою.

Пассажиры, видимо, уже давным-давно произвели все подсчеты, они шуршали газетами, в которые были завернуты еще оставшиеся дорожные

припасы — крутые яйца, помидоры, уже обезноженные вареные цыплята. Все это непременно надо было успеть съесть до прибытия.

— Сестричка, а чай будет? — спросил молоденький матросик с полотенцем через плечо, который явно пытался познакомиться с ней, но не знал как, и выбрал для этой цели самый нейтральный способ.

— Будет, — как можно более индифферентно ответила Люся.

— А с чем? С сахаром или с вареньем?

«Эх, матросик, матросик, если б ты только знал, как мне ваши клейкие подходы осточертели!»

— Специально для тебя, — неприветливо ответила Люся, — с дыркой от бублика.

Видя ее мрачный взгляд, матросик не стал развивать тему и со вздохом отвернулся.

Люся протиснулась через очередь (при этом мужчины специально не сторонились), вышла в тамбур и загрузила из угольного ящика в черное от антрацитовой пыли ведро несколько брикетов. На обратном пути, однако, всем таки пришлось посторониться — блондинка блондинкой, а свои брюки никому пачкать не хочется.

Спички, как назло, отсырели. Истратив весь коробок, Люся беспомощно оглянулась по сторонам.

— Разрешите вам помочь! — раздалось из-за спины.

Высокий благообразный старичок в очках (профессор, наверное) поспешно вытащил из кармана серебристую заграничную зажигалку с накладкой из крокодильей кожи и, щелкнув ею, поднес ровное голубоватое пламя к Люсиной газете.

— Спасибо, — буркнула Люся, разжигая брикеты.

— Скажите, милая барышня... — начал старичок.

«Господи, и этот туда же. А ведь дома наверняка жена, детишки», — подумала Люся.

— ...во сколько мы прибываем в Ростов?

— Расписание перед вами. — Люся захлопнула дверцу топки.

— А мы не опаздываем?

— Нет. Следуем точно по расписанию, — отрезала Люся, зашла в свое купе и закрыла дверь.

«Посижу-ка я лучше здесь, пока вода не закипит», — решила Люся и, присев на диванчик, стала смотреть в окошко.

Бесконечная степь сменилась маленькими поселками, больше стало переездов с полосатыми шлагбаумами, за которыми дожидались прохода грузовики с большими алюминиевыми молочными бидонами в кузовах.

«Подъезжаем к Новочеркасску, — с грустью думала проводница. — Подъезжаем — уезжаем, а с Дашкой и дядей Гришей повидаться все никак не получается. Давно я у них не была! Эх, вот бы сейчас поезд взял да и остановился на неопределенный срок!»

Внезапно состав сильно тряхнуло. Люся по инерции резко подалась вперед, потом — назад, да так, что больно ударилась затылком о никелированную вешалку для полотенец. Люся чуть не взвыла от боли.

Где-то впереди завизжали тормоза локомотива, поезд еще несколько секунд двигался, постепенно снижая скорость, потом резко стал. В воздухе повисла непривычная, мертвая тишина.

«Опять какой-нибудь придурок за стоп-кран ухватился, — с досадой подумала проводница, потирая быстро увеличивающуюся шишку. — Ну все, теперь, пока разберутся, пока то, пока сё... Застряли!»

Но тут кто-то бешено заколотил в дверь. Так заколотил, что стоящие на полочке подстаканники зазвенели друг о дружку. Люся испуганно подскочила и дернула за ручку.

На пороге стоял Степа — проводник из соседнего вагона. Лицо у него было прямо-таки перекошено от страха. Он размахивал руками и твердил что-то невнятное.

— Да погодь ты, остановись. Толком объясни, что случилось, Степа?

— Там... люди! Пути перегородили! Ехать дальше не пускают!

— Что ты мелешь?!

— Не веришь — сама иди посмотри! Да... бригадир приказал все двери запереть, никого не впускать и никого не выпускать.

На крики Степы стали собираться пассажиры.

— Заткнись ты, — прошипела Люся.

Она втолкнула Степана в свое купе, сама кинулась в тамбур и быстро заперла обе двери.

— Ну-ка, — сказала она, вернувшись в купе и аккуратно прикрыв за собой дверь, — говори, в чем дело.

— За полкилометра от станции какие-то люди пути перегородили... сами стоят...

— Что за люди?

— А шут их знает. Да вон, выгляни из окна и сама посмотри.

Люся встала на диванчик и высунулась из окна. Ее вагон был десятым по счету от головы состава, поэтому Люсе было плохо видно, что там творится впереди. Действительно, стояла какая-то толпа, люди бегали туда-сюда, размахивали руками. Еще ей удалось разглядеть черные шпалы, лежащие навалом поперек дороги, на них сверху — рельсы, металлические бочки. А за всей этой баррикадой... Вроде прямо на путях стоял гусеничный бульдозер.

— Батюшки! — всплеснула руками Люся.

— Так я ж тебе говорил, — отозвался Степан.

— Что же это такое? А? Почему на путях шпалы свалили?

В Люсино купе уже кто-то негромко, но настойчиво стучал.

Люся сдула со лба прядь волос, поправила съехавшую на затылок пилотку и решительно раскрыла дверь.

Перед ней стоял тот самый старичок. Только на этот раз его выражение лица было не игривое, как десять минут назад, а обеспокоенное.

— Скажите, в чем дело, почему мы стоим?

Люся изобразила на лице подобие улыбки:

— Не волнуйтесь, ничего страшного. Просто небольшая техническая неисправность.

— А что за неисправность-то? Долго мы стоять будем? — послышалось из-за его спины. Видимо, у двери ее купе собрались несколько пассажиров.

— Все будет нормально, товарищи. Скоро поезд тронется... — не очень уверенно произнесла Люся.

Видно, ей не удалось скрыть своей тревоги, потому что пассажиры и не думали расходиться.

— Сейчас... сейчас я чай сделаю. — Люся кинулась к котлу и повернула ручку. — Товарищи, не волнуйтесь, идите, пожалуйста, все по своим местам.

При упоминании о чае они несколько успокоились — раз дают чай, значит, все еще не так плохо.

Люся быстро закинула в большой заварной чайник полпачки «Грузинского № 40», повязала на пояс фартук и положила в его большой карман два десятка маленьких бумажных упаковок дорожного сахара.

Налив шесть стаканов крепкого, ароматного чая, она уже было собралась подхватить их за ручки подстаканников и идти разносить по вагону, когда в купе снова ворвался Степан.

На него было просто страшно смотреть. В глазах застыл неподдельный ужас. Люся первым делом задвинула дверь.

— Ну, что там?

— Восстание! Революция! Война! Бунт! В городе бунт против Советской власти! Там на улицах войска! А еще говорят, — Степан понизил голос до шепота. — в городе танки!

Люся так и села. Она могла многое себе представить. Но тако-ое!

Дверь чуть-чуть приоткрылась.

— Простите, а чай скоро будет? — спросила заглянувшая в щель толстая дама в белой панаме на голове.

— Да, да, сейчас, — встрепелулась Люся и, подхватив стоящие на столе стаканы, вышла из купе.

— Ты только не рассказывай пассажирам об этом, — сказала она Степану, — люди разнервничаются, переполошатся...

В вагоне, однако, полным ходом шло обсуждение происшествия. Все уже по очереди выглянули из окон и видели баррикаду на рельсах. Машины с солдатами, пронсящиеся мимо вагонов.

— Я вам говорю, — повторял сухонький немолодой гражданин в довольно-таки потрепанной майке, — я вам говорю, это просто-напросто учения. Маневры. Ничего страшного. Вот, я помню, в тысяча девятьсот четырнадцатом году, когда я еще учился в гимназии, под Самарой тоже проводили императорские военные маневры. И ничего!

— Та яки манэвры, — возражал до смерти перепуганный толстый хохол в вышитой косоворотке, — дэ ж це бачимо, щоб колею перегоражувалы?! Це провокация, дорогой громадянин, супроты нашего Никиты Сергеевича. Це недобиты остатки бандеровцев повылазылы!

— Откуда здесь бандеровцы?!

— Может, война началась...

— С кем?

— Известно с кем. С американскими империалистами...

— А я думаю, самосвал через рельсы переезжал да и перевернулся. А бульдозером они пытаются убрать завал.

— Гарно было б, колы так.

— А солдаты? — упрямо стоял на своей версии гражданин в майке.

— Какие солдаты? — вдруг вмешалась строгая женщина, по виду докторша. — Никаких солдат! А

если у кого-то галлюцинации, то нужно идти к врачу, а не провоцировать беспорядки и не распускать ложные, клеветнические измышления в общественных местах!

Последняя фраза была произнесена с таким значением, что все почувствовали себя уже чуть ли не на скамье подсудимых.

— Но позвольте, — попытался возразить гражданин в майке, — никаких измышлений никто не распространял.

— Распространял! — жестко отчеканила докторша. — Я сама слышала. Вот вы и распространяли.

— Я? — испугался тот.

— Именно, — докторша ткнула ему в грудь длинным и тонким указательным пальцем.

— Вы бы лучше посмотрели, что там творится! — в сердцах воскликнул собеседник, непроизвольным жестом одергивая майку.

— Мне достаточно того, что я уже битые сутки имею счастье видеть вас, — многозначительно произнесла докторша и, раскрыв залистанную брошюрку под названием «Профилактика гриппа и стафилококковых заболеваний в советской школе», углубилась в чтение.

— Товарищи, — подал голос чернявый мускулистый гигант, свесившийся с верхней полки, — действительно, не будем паниковать. Вот поступит правительственное сообщение — тогда и узнаем, что там произошло. А пока — не будем ссориться...

Между тем Люся, напоив весь вагон чаем и ответив успокаивающими фразами на сто пятьдесят вопросов, снова удалилась в свое купе. Голова ее разламывалась от тревожных мыслей: «Как там мой? Даша, дядя Гриша? Целы ли? Что делать? Бежать в город? Остаться здесь? Нет, это еще хуже».

Она колебалась несколько секунд, потом решительно сняла трубку с устройства связи с бригадиром поезда и переключила тумблер.

— Да, я слушаю, — донесся через некоторое время из трубки голос.

— Дмитрий Палыч! Это Люся, проводница из десятого вагона.

— Да.

— Дмитрий Палыч, миленький, отпустите в город!

— О чем ты говоришь! Знаешь, что там творится?

— Понимаете, у меня там сестра, дядя... Я должна разузнать, что с ними.

Люся услышала, как бригадир вздохнул в трубку.

— Да ты хоть понимаешь, что в городе войска?

— Понимаю, Дмитрий Палыч, понимаю. Только поймите и вы, не могу же мне сидеть здесь, когда неизвестно... — Договорить последнюю фразу она не смогла — комок подошел к горлу. — Отпустите, Дмитрий Палыч, — почти шепотом произнесла Люся.

— Ну ладно. Но только смотри у меня — будь осторожна. По стеночке передвигайся, по стеночке.

— Спасибо, Дмитрий Палыч.

Люся быстро переобулась — надела коричневые кожаные туфли на низком каблуке, положила в нагрудный карман гимнастерки паспорт, удостоверение железнодорожника и уже было хотела выйти из купе, как вдруг обнаружила, что перед ней стоит тот самый матросик, которого она полтора часа назад так категорично отшила.

— Вам чего? Чая больше не будет.

— Да нет, сестричка, мне твоего чаю не нужно. Напился уже — во. Слушай...

Он аккуратно прикрыл дверь.

— Я тут случайно услышал, что ты в город собираешься. Совершенно случайно.

— Ну, — хмуро сказала Люся.

— Ты понимаешь, мне тоже туда же надо. У меня мама там.

— Не могу. Приказ был — из поезда никого не выпускать и никого не впускать.

— Да это понятно, — махнул рукой матросик, — но ведь и тебе положено с пассажирами оставаться.

«Гм... — подумала Люся, — а может, он просто клеится снова?»

— А ну предъяви документ! — сказала она строго.

Матросик пожал плечами и достал из кармана военный билет.

Перевернув несколько страниц, Люся прочитала в графе место рождения: «Новочеркасск».

— Ну ладно, — сказала она, возвращая ему документ, — пошли. Но чтоб никому!

— Само собой, — расплылся в улыбке морячок.

«В конце концов, одной действительно страшно», — решила девушка.

Люся постаралась выйти из купе незаметно, чтобы пассажиры не видели, что она уходит. Оказавшись в тамбуре, она отперла дверь и специально сошла первой, чтобы избежать всяких там подаваний рук и разного такого.

Сама справлюсь!

Матросик спрыгнул следом.

Они пересекли проход между составом и уже начинающимися складскими строениями и, пройдя узкими закоулками, вышли на окраину города.

Вокруг не было ни души. Казалось, что город вымер. Но это было обманчивое впечатление.

Внезапно за их спинами раздался оглушительный лязг. Через секунду мимо них на огромной скорости пронесся огромный приземистый танк. На плоской башне сидел солдат в каске и с автоматом наизготовку — дуло вверх, приклад на плече. Без всякого интереса глянув на Люсю и ее спутника, солдат отвернулся. Люся заметила стеклянные, ничего не выражающие глаза, поджатые губы...

— Да, — сказал морячок, когда танк скрылся за поворотом, — видно, дело действительно серьезное.

Они решили, от греха подальше, идти переулками. Людей по-прежнему не было.

— И что же это тут творится? — недоумевал морячок. — Вроде город всегда спокойный был, а тут...

— Стой!

Вдруг перед ними как будто из-под земли вырос высокий парень в десантной форме:

— Дальше прохода нет.

— Как это прохода нет, — возмутился морячок, — мы к себе домой идем.

Он попытался отстранить десантника с дороги. Но не тут-то было.

— Сказано — нет прохода. — Тот загородил дорогу своей длинной ручищей. — Поворачивайте назад.

— Братишка... — Морячок решил сделать попытку договориться с ним по-хорошему. — Меня там мать ждет, а ее — сестра. Мы можем тебе документы предъявить.

— На хер мне твои документы?! Поворачивай назад.

Морячок сжал кулаки.

— Не надо при девушке выражаться, — раздельно проговорил он.

— Да пошел ты на ... Твою мать я ... — Десантник оттолкнул паренька так, что он отлетел к стене.

— Ребята, не надо, — попыталась остановить Люся.

Но было уже поздно. Морячок вскочил и не мешкая нанес десантнику сильный и точный удар в челюсть. Тот нелепо вздернул руками и грохнулся на-земь.

— Ах ты, гад! — чернея от ярости, просипел он, вскидывая автомат.

Короткая автоматная очередь — морячок упал.

Не помня себя, Люся опростелью помчалась прочь. Горячий асфальт пружинил под ногами. Пилотка слетела с головы и осталась где-то далеко-далеко позади. Каждый миг она ожидала за спиной еще одного выстрела...

Она бежала по запруженным людьми улицам,

мимо милицейских кордонов, ничего не видя и не слыша и даже не соображая толком, что происходит вокруг.

Она сама не помнила, как оказалась перед знакомым домом. Взлетев по лестнице, она принялась колотить в дверь. Никакого ответа. Люся стучала кулаками, ногами, изо всех сил. Слезы градом катились по лицу.

— А они на площадь ушли.

Выглянувшая на шум тощая востролицая соседка приоткрыла дверь на цепочке.

— Давно?

— Ля, уж порядочно, часа два, наверное.

Люся в бессилии опустила на порог.

51. СОЛДАРСКОСТЬ

— Ты давай, давай, ровнее клади! В два ряда. И концы между шпал упирай. Чтоб даже если паровоз на полном ходу врежется, не сдвинул!

Григорий Онисимович руководил возведением баррикады у Новочеркасской железнодорожной станции. Несмотря на то что лет ему было уже порядочно, он то и дело подходил к широкоплечим, мускулистым парням с электровозостроительного завода и самолично брался за черные концы пропитанных шпал, чтобы уложить их «как надо». А как именно надо, он знал лучше всех.

— Вот помню, — приговаривал он, — в сорок третьем, на Белорусском фронте, я инженерным противотанковым взводом командовал. Так мы из простых елок такие заграждения делали — никакой «леопард» их взять не мог. Увязали, шельмы, точно мухи в меду.

Баррикада получалась хоть куда. Массивные шпалы были уложены по всем законам фортификационного искусства. Для верности за баррикадой поперек колеи поставили тяжелый гусеничный бульдозер.

— Хотя, пожалуй, это уже лишнее, — почесал в затылке Григорий Онисимович.

Людей на баррикаде у станции было немного — всего-то около тридцати человек. Но все надеялись. Если остановится движение поездов на этой, главной на южном направлении, железнодорожной ветке, то в Москве узнают про забастовку. Тысячи лю-

дей ежедневно отправляются из Москвы в Ростов-на-Дону, Грозный, Махачкалу, Баку и сообщают правительству.

— Придется Никитке теперь оправдываться перед народом, ох придется... — приговаривал Григорий Онисимович, громоздя поверх строения из шпал черную железную бочку из-под мазута.

— А это еще зачем? — спросил один из парней.

— Это — для страха дополнительного. Пусть думают, что там бензин, и если по ней стрелять, то здесь все разнесет к чертовой бабушке...

Пару раз она натыкалась на посты, но солдаты, видя молоденькую девушку, не обращали на нее особого внимания, так что ей удалось добежать почти до самого горкома.

Дальше дорога была перегорожена БТРами.

— Дашка! — вдруг услышала она из-за спины.

Даша обернулась. Это был Васька Сомов.

— Здорово! — сказал он, приближаясь.

— Привет.

— Ты куда это на всех парах?

— На площадь.

— На пло-ощадь! — протянул Васька. — Ты лучше туда не суйся.

— Почему это? — независимо поинтересовалась Даша.

— А потому. Там военных полно. Через оцепление все равно не пробиться.

— А ты как же?

— Ну-у, я — это другое дело. Ты же знаешь, я, если надо, ужом проползу. А если серьезно, не пускают туда, в оцепление, а оттуда — пожалуйста. Только одно условие — напрямиком в милицейские автобусы.

— И что?

— Что-что... Увозят неизвестно куда — вот и вся недолга.

— А народу-то много?

— Много. Почти вся площадь забита. Считай, весь электровозостроительный, автопарк, студентов много. Ну и просто народ собрался... А ты-то откуда?

— Со станции.

— Ну и что там?

— Железную дорогу уже перекрыли.

— А, хорошо. Ну, я побег.

— А ты куда?

— На газораспределительную, — уже на лету ответил Васька.

Даша, не теряя времени, свернула в переулок в надежде все-таки пробраться на площадь, с которой доносился гул, как из растревоженного улья, и время от времени чей-то голос, усиленный мегафоном:

— Приказываю немедленно разойтись и покинуть площадь! Участие в митинге будет расцениваться как злостное нарушение общественного порядка! Приказываю немедленно разойтись...

Газораспределительная станция находилась почти на самой окраине города, так что Васька Сомов совсем запыхался, пока до нее добежал.

Среди большого количества труб он с трудом отыскал диспетчерскую, откуда регулировалась подача газа во всем Новочеркасске.

— Всем здорово! — Васька раскрыл дверь с большой надписью: «Не курить! Опасно!» — и вошел в большой зал, в котором находились запорные вентили.

Однако, к его удивлению, в зале было совершенно пусто.

«Интересно, куда это они все подевались?» — подумал он, осматривая все закоулки.

Действительно, здесь не было ни души.

В воздухе раздавался ровный гул аппаратов, на циферблатах подрагивали стрелки, кое-где горели разноцветные сигнальные лампочки...

— Есть кто живой? — крикнул Васька.

Ответа не было.

Ну, раз никого нет, придется действовать своими силами, решил он.

Васька подошел к пульта и начал искать ручки, с помощью которых можно было бы отключить газ. Как назло, тумблеров было много, а ни одной надписи под ними не было. Немного покумекав, Васька решил крутануть один — красного цвета, со специальным откидным запором.

— Это кто здесь хозяйничает? — слышался у самого уха Васьки голос.

Резко обернувшись, он обнаружил, что прямо перед ним стоит худой мужик лет сорока в рабочем берете и синей спецовке.

— Убери руку с тумблера, недоумок, — приказал он, — хочешь, чтобы мы все тут на воздух взлетели?

Васька послушно отпустил тумблер.

— Так, — продолжал рабочий, — а теперь скажи-ка, кто тебя через проходную пропустил?

— Да я вообще-то... — начал Васька.

— А это еще кто? — спросил подошедший мускулистый амбал в засаленной майке, из-под которой была видна волосатая грудь.

С ним вместе подошли еще человек пять. Некоторые что-то жевали.

Вот почему никого в зале не было, догадался Васька, они обедали.

— Да вот, — произнес мужик в берете, — прихожу, а он тут на пульте шурует. Еле остановил — он уже собирался компрессор включить.

Амбал присвистнул:

— Ни фига себе! Это ж через три минуты все взорвалось бы к едрене фене!

— Так я ж о чем и толкую!

Васька взял себя в руки и решил пойти в атаку:

— Да не собирался я ничего крутить! Что я с ума сошел? Так, посмотреть хотел...

— Ну, это мы сейчас разберемся, чего ты хотел,

а чего нет, — сказал рабочий в берете, видимо бригадир. — Володька, проверь-ка давление в газгольдере. Может, он успел тут что-нибудь напортачить. А ты чего сюда приперся?

— Василий Сомов я, с электровозостроительного завода, токарь.

— А здесь чего тебе понадобилось?

Васька откашлялся и начал:

— Товарищи. Друзья. Вы знаете, что в городе весь рабочий люд поднялся против повышения цен и понижения нормативных расценок. Наш завод, например, почти в полном составе вышел сегодня на площадь перед горкомом, чтобы выразить...

— Ты давай короче, отвечай на вопрос, — перебил «беретка». — Тебя спрашивают — ты зачем сюда явился? И как через проходную прошел?

Васька с негодованием махнул рукой:

— Ну, положим, на проходной у вас ни одного вохровца. Заходи, кто хочешь. А сюда я пришел, чтобы просить вашей поддержки требований, выдвигаемых новочеркасскими рабочими.

— Это каких же требований?

— Понижение цен — раз, — Васька загибал пальцы на правой руке, — повышение нормативных расценок — два, повышение зарплаты — три. А то это ж куда годится — скоро с голоду помирать будем!

— А требуете у кого?

— У правительства, — со значением ответил Васька. Все засмеялись.

— Разбежалось правительство тебя слушать. У него своих дел полно!

— Ну вот именно поэтому мы и должны требовать этого все вместе. Единственный способ — массовая всеобщая забастовка. Чтобы все предприятия города в ней участвовали.

Газовики загалдели:

— Эка, куда загнул! Забастовку тебе подавай! Никак, в Сибирь захотел, умник!

— Товарищи! — пытался перекричать всех Васька. — Если мы будем вместе, правительству придется прислушаться к нашим требованиям! Сейчас не сталинские времена, чтобы всех в лагерь сослали — и все!

— Хрен редьки не слаще, — сказал кто-то негромко. Все рассмеялись.

— Сейчас на площади идет демонстрация. А на станции перекрыли железную дорогу, — пустил Васька в ход свой последний козырь.

Все затихли.

— Ну, — наконец произнес бригадир, — и чего же ты от нас хочешь?

— Для того чтобы к нам прислушались, мы должны остановить работу всех предприятий города. И поэтому я прошу вас — перекройте подачу газа. И сами присоединяйтесь к забастовке.

Рабочие переглянулись.

— Но ведь это же... диверсия!

— Ребята, да что мы его слушаем? Гнать его в шею! «Беретка» положил руку Ваське на плечо:

— Послушай, Сомов, или как там тебя, вот что: катись-ка отсюда подобра-поздорову, пока мы тебя в милицию не сдали. Раньше за такие призывы четвертак особого режима давали!

— Вспомнил! Теперь уж время другое.

— А нам это без разницы. Кто честно работает — тому все одно. Что Сталин, что Хрущев.

Васька потоптался на месте и прибавил:

— Ну, если вы хотите, чтобы правительство на вас ездило, чтоб делало, что хотело...

— Иди, иди! — Газовики подталкивали Ваську к выходу.

— ...а вы чтобы даже и не плакали, терпели все, как бараны... — не унимался он.

— Давай-давай, топай!

Газ перекрыть не удалось.

Покусывая губу с досады, Васька направился обратно в центр города.

52. РАССТРЕЛ

На городской площади, окруженной танками и веренищами солдат, издалека наблюдавших за происходящим, но ни во что не вмешивающихся, бушевало людское море.

Казалось бы, накануне тоже здесь собралась внушительных размеров толпа и нынешний митинг лишь повторяет предыдущий, но нет.

Перед зданием городского комитета партии собрался весь город; да что город! — создавалось впечатление, будто все население Ростовской области съехалось в этот день в Новочеркасск.

Ходоки из окрестных поселений проникали сюда с раннего утра; даже плотное милицейское оцепление и множество вооруженных постов, перекрывших подходы к городу, не были помехой.

Первым, на кого натолкнулся Сомов у входа на площадь, был забавный мужичок с крупной, прямо на плечи посаженной (словно и не было у него шеи) головой; расположившись на перевернутой урне в удобной позе — нога на ногу, он покачивал носком грязной туфли и поглядывал на самодельный плакат на грубоструганом шесте, который сжимал в руках.

«Ребята-новочеркасцы! Ростов-папа с вами!» — было выведено тушью на листе ватмана.

Неподалеку от мужичка расположились три паренька с губными гармошками. Отчаянно фальшивя, они выдували на своих незамысловатых инструментах «Яблочко»; несколько слушателей окружили

их и хлопали в ладоши, а подвыпивший дед с медалями через всю грудь шел по кругу вприсядку.

— Калинка-малинка, малинка моя! — некстати выкрикивал дед, однако слушателей это обстоятельство ничуть не смущало.

Танцующего деда фотографировал смешливый рыжий паренек — и его, и аплодирующих зрителей, и толпу у здания горкома.

Пухлая тетка с мешком на тесемке через плечо, наблюдавшая за ораторами, то и дело становилась на цыпочки и шумно сплевывала подсолнуховой шелухой. Она зарделась и подмигнула фотографу, когда тот щелкнул затвором перед самым ее носом.

Рядышком, с интересом озираясь по сторонам, стояла молоденькая девушка в форме проводницы. Люся все-таки добралась до площади в надежде обнаружить среди митингующих Дашу или Григория Онисимовича. Если бы она совершила попытку пробраться поближе к импровизированной трибуне, с которой выступали ораторы, то, конечно, тут же наткнулась бы не только на свою двоюродную сестру, но и на недавнего пассажира, через которого передавала новочеркасским родственникам посылку-гостинец.

А деревья в соседнем скверике облепила местная ребятня. Деревья оказались весьма выгодны в качестве наблюдательных вышек. Распираемые от чувства собственной значимости и причастности к великому делу пацаны раскачивались на самых высоких ветках и горланили вместе с толпой — не потому, что что-нибудь могли разобрать в речах выступавших, а заради интереса, просто так, ибо весело было.

Если бы Сомов взгляделся в зеленеющую крону ближайшего клена, он увидел бы круглую мордашу не кого иного, как Виссариона Патрищева, который, как все наивно полагали, остался в закрытой квартире.

Победа собственноручно заперла дверь, строго-

настрою наказав брату не высовываться в окно и не торчать на балкончике.

— Лучше книжку почитай! — посоветовала она на прощание.

Виссарион изобразил смирение и покорность, однако, когда стихли удаляющиеся шаги на лестничной клетке, он как ни в чем не бывало отворил окно, перебрался с карниза на водосточную трубу и был таков.

Теперь он раскачивался в свое удовольствие на макушке разлапистого клена и чувствовал себя наверху блаженства. Площадь была перед ним как на ладони, и своим острым зрением он уже успел угледеть в толпе сначала Игоря и Дашу, а затем и сестру Бедку.

Завидев спешащего на митинг озабоченного Лидкиного хахаля, он сначала было хотел окликнуть Ваську, да вовремя передумал.

Еще нажалуется сестре, хлопот потом не оберешься!

Сомов тем временем вышел на площадь.

— Гляди, Васька Сомов! — раздалось за его спиной.

— Где?

— Да вон же!

— Точно!

— Васек, айда к нам!

Развеселая компания, расстелив газетки прямо на цветочном газоне, разливала по стаканам водочку. В пирующих Сомов признал приятелей из соседнего двора. Он отмахнулся и ринулся в гущу толпы, поближе к импровизированной трибуне. Его узнавали, приветственно хлопали по плечу, жали руку, но Сомов не останавливался и продолжал продвигаться вперед.

Митинг между тем был в самом разгаре.

Невысокая седая женщина с собранными в пу-

чок волосами, стоя на ступенях горкомовского крыльца, слабым голосом выкрикивала в толпу:

— ...потому что власти должны знать, как мы живем! Я пережила войну! Я потеряла на фронте мужа и старшего сына. Мы голодали, ютились во времянках; эшелон, на котором я с моим младшеньким ехала на Урал, попал под бомбежку, и мы уцелели лишь чудом. Но раньше я понимала, за что и во имя чего страдаю. Я надеялась: ну, пусть не мы, но дети наши уж точно будут жить хорошо и счастливо! Скоро двадцать лет, как закончилась война, а с хлебом в магазинах до сих пор перебои. До сих пор мы ютимся в сырых и холодных бараках, и неизвестно, переселимся ли когда-нибудь в нормальное человеческое жилье. Если страна, в которой мы живем, самая счастливая, то в таком случае что же такое несчастная страна?

Сомов растерянно прислушался к речи. Это уже был не просто разговор о раздутых ценах и несправедливо заниженном уровне заработной платы. Это уже была политика. Женщина толкала самую настоящую антисоветскую речь!

Политики Васька боялся, как огня, но еще больше в эту минуту он, хоть и был не из пугливых, испугался реакции слушателей. Они внимали серьезно и сосредоточенно; когда женщина закончила говорить, раздались аплодисменты и крики:

— Правильно!

Пробираясь сквозь толпу, Сомов увидел Дашу и Игоря. Они стояли, держась за руки и тревожно оглядываясь по сторонам.

Заметив Ваську, Игорь заметно оживился и вопросительно кивнул.

Сомов отрицательно покачал головой.

Наконец он смог протиснуться поближе.

— Не получилось? — спросил Игорь.

— В следующий раз получится! — с деланной бодростью отвечал Васька. — Несознательный у нас

народ пока еще. Бойтся. Ладно, и без газовиков обойдемся. А что тут у вас происходит?

— Митингуем, как видишь.

— Странно, что милиция не вмешивается, — озабоченно проговорила Даша.

— А ты бы хотела, чтоб вмешалась? — иронически усмехнулся Игорь.

— Нет, но... Вчера, по крайней мере, они себя вели открыто.

— Ничего странного, — возразил Сомов, — они же теперь чувствуют: сила за нами!

Даша с сомнением пожала плечами, а Игорь ничего не сказал.

— Железнодорожная ветка блокирована! — общал тем временем очередной оратор. — Мы полностью контролируем ситуацию в городе! Наши представители ведут переговоры с солдатами и водителями-танкистами. Все они тоже на нашей стороне! Армия не направит против нас оружие. Мы рассчитываем также и на сознательность работников милиции, которые стоят здесь в оцеплении. Будем надеяться, вчерашнее недоразумение больше не повторится. Ходят упорные слухи, что ночью в город прибыло областное начальство. Однако первый секретарь обкома партии товарищ Певцов и его подчиненные, как видим, упорно не желают вести с нами открытый разговор. Еще одно свидетельство этому, тот факт, что они укрылись в стенах горкома и не выходят к нам на митинг для честного разговора!

Толпа засвистела и заулюлюкала.

— Долой! — заорал кто-то.

— Мы составили письмо в Центральный Комитет Коммунистической партии! — объявил худой мужчина с хриплым голосом. — Сейчас я прочитаю вам это письмо, и каждый, кто поддерживает его содержание, может поставить свою подпись. Внимание! «Москва. Кремль. Первому секретарю

Центрального Комитета КПСС товарищу Никите Сергеевичу Хрущеву от рабочих электровозостроительного завода и жителей города Новочеркаска Ростовской области!»

Он принялся зачитывать текст, который накануне ночью был написан Игорем и ранним утром передан в стихийно возникший штаб по проведению митинга.

— Ой, Даш, я не могу! Ты тоже тут? Ой, как интересно!

К Даше сквозь толпу протиснулась соседка Наташка, скаля в улыбочке свою лисью физиономию.

— А где Григорий Онисимович, ля? Тоже тут? Что-то я его не вижу! Тебя сейчас дома какая-то, ля, искала, чуть дверь не вышибла...

Даша сочла за благо не вступать с Наташкой в пространные беседы, а то ведь заболтает. Она коротко кивнула и оборотилась к оратору, продолжавшему зачитывать текст письма.

Она не столько слушала, сколько делала вид, что слушает его.

Дурное предчувствие камнем давило на сердце.

Она оставила отца на станции и теперь волновалась за него. Краем глаза она видела, что и балагур Васька Сомов вдруг стал необычно серьезен и даже суров.

Он покусывал нижнюю губу, и на лице его было написано раздумье. Впрочем, это происходило вовсе не оттого, что Сомов был поглощен текстом письма к главе государства.

«Ай, как славно! — думал Васька, вспоминая перебранку с Лидой, которая во что бы то ни стало вновь хотела прийти на площадь, — ай, как хорошо... Какой же я все-таки умник. Правильно сделал, что не послушался Лидуху. Ей здесь никак нельзя было появляться. Хватит с нее и вчерашнего. Чуть в давке не задохнулась и ребеночка чуть не убила, получается. Пускай себе дома сидит. Нечего ей по всяким митингам шастать!»

Бедный Васька Сомов — он не знал и никак не мог предвидеть, что его милая, с округляющейся не по дням, а по часам фигурой невеста стоит в эту минуту в нескольких десятках метров и, по-детски приоткрыв рот, наблюдает за происходящим на центральной городской площади.

Надо честно признаться, Лида долго мучилась, прежде чем решиться выйти из дому. Она ведь клятвоу обещала Васе не ходить на площадь, а обещание — это святое.

Однако вскоре ей в голову пришла отличная идея. В конце концов, ведь она может просто-напросто пойти прогуляться в городской сквер, что находится с площадью по соседству: во-первых, оттуда очень удобно следить за ходом митинга, а, во-вторых, насчет сквера у нее с Васей договора не было, и, стало быть, вполне можно туда отправиться, не нарушая данного жениху обещания.

Наскоро одевшись, Лида вразвалочку отправилась к центру города. Обходя милицейские кордоны, она вежливо здоровалась со стражами правопорядка, и те дружелюбно кивали ей в ответ.

Приободренная таким к себе отношением, Лида по пути размышляла о том, что, должно быть, с сегодняшнего дня никто больше не будет ни с кем драться и в городе наступят новые времена. Все будут добрые и отзывчивые. Всем будет хорошо. И погода всегда будет замечательная — как теперь.

У выхода на городскую площадь Лида едва не столкнулась с оживленно жестикулирующей Победой и едва успела юркнуть за киоск «Союзпечать».

Победа о чем-то яростно спорила с полной продавщицей местного универмага, и вид у нее был решительный и ожесточенный.

— Солдаты — они такие же, как и мы, — говорила Победа. — Это вам не милиция, они против мир-

ных людей ни в жизнь не пойдут. Их просто так на улице выставили, для острастки.

— И ничего не для острастки, — возражала продавщица. — Ты молодая еще, ничего не понимаешь, а я уже такого повидала на своем веку!

— Я тоже повидала! Я с этими солдатами знакомая. У меня в части друг служит, замечательный парень! Если бы я сейчас его нашла, он бы обязательно подтвердил, что бояться нечего!

Митя, о котором говорила Победа, стоял в солдатской шеренге по другую сторону площади. Лицо его было сосредоточенно.

Он наблюдал за прохаживавшимся взад-вперед старшим лейтенантом Школьником и ощущал подкатывавшую нехорошую тошноту.

Школьник не просто волновался, — казалось, он готовился к выполнению какой-то важной, но до поры неизвестной миссии и потому поглядывал на солдат взвода не снисходительно-покровительственно, как бывало обычно, а пристально и испытующе.

Может быть, Митя и не обратил бы внимания на странное поведение комвзвода, если бы не приказ раздать солдатам боевые патроны.

«Ну, оружие — это еще куда ни шло, — размышлял Митя. — Для толпы автомат в руках военного — это активно действующий психологический фактор. Но зачем нужны боевые патроны? Ясно ведь, что никто не собирается стрелять».

Он не мог найти сколько-нибудь приемлемого объяснения этому настораживающему обстоятельству, и потому сам, подобно Школьнику, нервничал все больше и больше.

Митя боялся признаться себе, что думает не только о безымянных людях из толпы. Ведь вполне могло оказаться, славная девчонка с нелепым именем Победа тоже крутилась теперь среди них.

Она такая, думал Митя, она ведь дома отсиживаться не станет, еще и стишок сочинит!

Он пытался высмотреть в людском круговороте знакомое лицо, однако безуспешно.

Зато в эту самую минуту Победу внимательно рассматривал биатлонист-снайпер Рудольф, расположившийся со своей винтовкой у слухового чердачного окна здания напротив.

«Как же медленно тянется время! — с нетерпением думал Рудольф, с интересом изучая размахивающую руками Победу. — Давно пора устроить шухер!»

Несколько раз он ласково касался пальцем спускового курка и ощущал сладостную дрожь при мысли, что еще одно движение, слабый нажим — и вон тот мужик с балалайкой, или тетка, лузгающая семечки, или округлая (похоже, беременная) девчонка, гуляющая в сквере напротив площади и с любопытством прислушивающаяся к речам ораторов, — они беспомощно взмахнут ватными ручками и брякнутся оземь. И никогда уже не подымутся.

Согласно приказу, Рудольф с раннего утра занял боевую позицию на чердаке. Здесь было пыльно, душно и то и дело раздавался неприятный шорох — это бегали в грудях тряпья и прочего хлама огромные крысы. Ожидание казалось мучительным.

Пощипывая ус, Рудольф от нечего делать выбирал себе будущую первую жертву. Беременная девчонка из сквера подходила на эту роль больше остальных.

Рудольф не любил беременных. Более того — терпеть не мог.

Он с отвращением взглядывал на новенькое, поблескивающее в полутьме обручальное кольцо на безымянном пальце правой руки, и губы его против воли презрительно кривились.

Не так давно он всего-то отодрал симпатичную веснушчатую девчонку — очередную, одну из мно-

гих, что попадались на его пути, а она, подлюка, взяла да и забеременела.

Ему пришлось жениться, потому что в дело вмешалась комсомольская организация, и Рудольф с отчаянием осознал: либо он немедленно вступит с Вероникой в законный брак, либо судьба и карьера его будут разрушены раз и навсегда.

Ставить крест на карьере Рудольф не хотел.

Он надел на палец обручальное кольцо.

Глупая девчонка Вероника, кажется, и вправду втюрилась в него; ради Рудольфа она бросила своего жениха, отбывавшего службу в рядах Советской Армии (кстати, если Рудольф не ошибался, как раз в этих местах).

Как говорили, узнав об этом, жених бросился в бега, надеясь добраться до неверной бывшей возлюбленной, но его вскоре поймали и осудили за дезертирство. Поделом.

Узнав об этом, Вероника пустила слезу, а Рудольф презрительно усмехнулся.

— Нет, ты только представь, — сказал он, косясь на ее заметно округлившийся живот, — была бы ты замужем не за мной, а за каким-то хмырем, недоделанным актеришкой, и фамилия у тебя была бы — Сидоренко! Сидоренко — это ж просто смех какой-то!

Теперь, глядя сквозь оптический прицел на прогуливающуюся по скверу Лиду, Рудольф вспоминал Веронику и горел желанием хоть таким способом свести счеты с женским полом. Наверняка и эта пытается теперь округить ни в чем не повинного парня! — думал Рудольф. — Ну, ничего, подожди же, я тебе еще отомщу за весь мужской род!

В это же самое время, полускрытый тяжелой занавеской, Анатолий Дмитриевич Баранов наблюдал за происходящим на площади из окна горко-

мовского кабинета. Чуть поодаль, как перепуганные курята, жались инструкторы под предводительством второго секретаря Авдюшенко. В углу топтался мрачный первый секретарь Ростовского обкома партии Певцов. Все они ощущали себя растерянными и беспомощными — все, за исключением высокого посланника из центра.

— Что будем предпринимать? — грозным тоном поинтересовался Анатолий Дмитриевич. — Страсти накаляются!

— Может, стоит выйти к ним? Поговорить? — неуверенно предложил Авдюшенко и тут же залился краской под тяжелым взглядом партийного босса.

— Да? — усмехнулся Баранов. — Кто говорить будет? Ты?

— Мо... могу я, — выступая вперед, предложил Певцов, которого в эту минуту поддерживала на плаву одна лишь мысль о том, что, быть может, московский начальник отметит его смелость и мужество и вместо порицания за происшедшие в подведомственном ему городе беспорядки заберет себе под крыло в столицу. — Если надо, м-могу.

— Они письмо в Москву написали, — сообщила подошедшая инструктор Любочка, — самому товарищу Хрущеву. Хотят видеть вас, Анатолий Дмитриевич.

— Хотят — значит, увидят, — кивнул тот. — Впустите пару человек из числа зачинщиков.

Инструкторы стайкой припустились по коридору — исполнять приказание, а Баранов тяжело плюхнулся в кресло первого секретаря горкома.

Певцов осмелился притулиться в глубине кабинета на краешке стула; Авдюшенко же стоял ни жив ни мертв, не зная, позволено ли ему садиться в присутствии высокого начальства и нужно ли развлекать столичного гостя разговорами.

Он откашлялся было, чтобы начать речь о погоде, но Баранов смерил его таким взглядом, что несчастный почел за благо промолчать.

Тем временем инструкторы горкома лихорадочно подбирали кандидатуры из числа митингующих, достойные войти в делегацию.

— Нам серьезные люди нужны! — кричала Любочка, размахивая папкой на горкомовском крыльце. — Чтоб говорить умели!

— Мы все умеем! — горланила толпа. — Пусть к нам выйдет, мы ему все скажем, этому начальнику из Москвы!

— Я — мать десятерых детей! — откуда ни возьмись вынырнула из людской массы Абрамова; черт ее дернул здесь объявиться. — Меня надо выслушать! Я про все могу рассказать. Я пойду!

— И я хочу! — закричали отовсюду — И я! И я!

В конце концов Любочка выдернула из столпотворения невзрачного мужичонку со звенящими на груди медалями и вместе с матерью-героиней Абрамовой затолкнула внутрь здания.

— Письмо! Письмо забыли! — ревела толпа.

Абрамова и невзрачный бывший фронтовик вошли в приемную первого секретаря горкома и сквозь открытую дверь кабинета увидели сидевшего за столом грозно нахмурившегося седого мужчину.

— В чем дело?! — пророкотал Баранов, не дожидаясь, пока они переступят порог. — Да я вас в порошок сотру!

— Я мать-героиня! — запальчиво сообщила дурра-Абрамова. — Я вхожу в Красный Крест! Мы, все горожане, хотим...

— Значит, так, — перебил ее Баранов. — Слушайте меня внимательно. Сейчас вы выйдете из этого кабинета и скажете своим... «горожанам», чтобы они немедленно и без лишних разговоров расходились по домам. Слышите: немедленно!

— Товарищ... извините, что не знаю имени-отчества...

— Анатолий Дмитриевич! — проворно подсказал Певцов.

— Товарищ Анатолий Дмитриевич, вы нас должны выслушать! — вскипел бывший фронтовик, выпячивая грудь колесом. — Мы от лица народа пришли! У нас тут письмо Никите Сергеичу Хрущеву, значить... мы его всем миром писали!

Баранов взял протянутый лист бумаги и не глядя размеренными движениями разорвал его на части.

— Что вы делаете?! — возмутилась Абрамова. — Мы на вас жаловаться будем!

— Вон!!! — проорал Баранов.

Насмерть перепуганные инструкторы горкома окружили «делегацию» и вытолкали за дверь.

— Разговоры закончены, — сказал Анатолий Дмитриевич второму секретарю Авдюшенко. — Выводите своих людей через задний ход из здания...

Он снял телефонную трубку и, набрав номер, произнес:

— Подтвердите готовность. Время начала операции остается без изменений.

Выслушав ответ, он кивнул и автоматически взглянул на наручные часы.

И Игорь Захаренко взглянул на часы, стараясь, чтобы никто, даже Даша, не заметил этого.

На часах было двенадцать ноль шесть.

Игорь с трудом сдерживал прорывающееся в каждом жесте, в каждом взгляде волнение.

Толпа, казалось, окончательно позабыла о присутствии на площади вооруженных солдат и милиции.

Люди вытягивали шеи, стараясь разглядеть, что же происходит на крыльце здания горкома, и глухой ропот катился по рядам.

Абрамова, размахивая руками, истерически общала, каким непотребным образом обошелся сановный чин с народной петицией. Бывший фрон-

товик энергично кивал в подтверждение ее слов, звеня медалями.

— Бей их! — заорал кто-то. — Бей начальников!

Игорь не успел понять, что произошло; толпа вскипела, и могучая волна нахлынула на крыльцо. Зазвенело бьющееся стекло; людской поток выдавил двери, будто они были из картона.

— Уходим, — распорядился Игорь.

— Нет, — сказала Даша. — Отец уже должен быть где-то здесь, я не уйду без него!

Игорь в панике поглядел на часы. Минутная стрелка неумолимо приближалась к заветному делению.

В здании горкома бушевала толпа. Распахивались окна, и вниз летели бумаги, начальничьи папки и портреты лидеров государства. Тетка с семечками топтала на асфальте плакат с надписью «Слава КПСС!».

— Здесь нет никого! — визжала Абрамова, по пояс высунувшись из окна. — Сбежали, сволочи!

Издалека, со своей наблюдательной точки, Лида не сразу поняла, что же произошло у здания горкома. Она слышала резкий многоголосый крик и видела единое движение людской массы; потом вдруг из окон полетели портреты, и Лида в первое мгновение решила, что это работники горкома отбиваются от наседающей толпы.

Зато Виссарион, который занял отличную позицию, с удовольствием следил за ходом событий.

— Ну, класс! — кричал он приятелю в ярко-красной, с широким воротом рубахе, разместившемуся на нижней ветке. — Гляди, Федька! Вот это да!!!

Федька, не удержавшись, спрыгнул с дерева и помчался к зданию горкома.

Виссарион хотел последовать его примеру, но передумал.

— Мы должны уйти! — отчаянно вопил Игорь на ухо полуоглушенной Даше, взглядывая на наручные часы и морщась от напряжения. — Скорее! Скорее!

— Где папа? — Кажалось, она не слышала его слов.

— Мы должны уйти!!!

— Готовность номер один, — произнес старший лейтенант Школьник.

Митя услышал, как передергиваются затворы автоматов.

— В воздух! Предупредительный! Огонь!

Раздался залп.

Движение на площади на мгновение замерло, а затем по людскому морю покатила волна смеха.

— Они пугают! — кричала седая женщина. — Это же солдаты... наши сыновья! Они не будут стрелять в нас.

— По толпе цельсь! — прозвучал приказ Школьника.

Митя растерянно огляделся по сторонам.

Вокруг были люди — живые, и они смеялись, не веря, что смерть вот она, рядом. Митя видел их разгоряченные азартом лица.

«Это театр! Это всего лишь театр и я играю очередную роль!» — лихорадочно колотилась в мозгу спасительная сидоренковская отговорка.

Внезапно в толпе мелькнуло нечто знакомое; Митя вздернулся... Но нет, это была не Победа. Мужской профиль возник вдальеке; молодой мужчина, ухватив за руку миловидную девушку, что-то яростно

втолковывал ей, как видно, пытаясь убедить; девушка же, поправляя выбившуюся из прически прядь волос, рассеянно озиралась по сторонам, словно выискивала в толчее кого-то.

Теперь уже казавшееся необратимо давним воспоминание пронзило мозг солдата. В уши вдруг ударил цирковой туш; голос шпрыхталмейстера объявил: «После триумфальных гастролей по Соединенным Штатам Америки и перед гастролью в Париже!» Митя почуял запах опилок и увидел перед глазами покрывную красным ковром плоскую тарелку циркового манежа, и разряженных карликов, и бледно-голубую жилку, бьющуюся на шее Оленьки.

Перед внутренним взором возникла газета «Правда» и странный человек, который исподтишка читал передовицу, вместо того чтобы наблюдать за ходом представления.

Все это промелькнуло перед Митей в одно мгновение, однако теперь он готов был поклясться, что возникший в беснующемся людском море мужчина и странный зритель в московском цирке — одно и то же лицо.

Митя озибался по сторонам, надеясь вновь увидеть давнего знакомца и убедиться в своей правоте, но тщетно.

Смерть, казавшаяся еще минуту назад абстрактным понятием, вдруг овеществилась в его памяти в образе двух воздушных гимнастов, бездвижно лежащих в тряпичных позах на красном цирковом ковре.

Митя вскинул автомат — поймал в прорезь лицо незнакомца из цирка и — не смог нажать гашетку.

— Рядовой Бажин! Твою мать! — рявкнул Школьник. — Я сказал: готовность номер один!

— Я не буду стрелять, — сказал Митя.

— Что?!

— Я!!! Не!!! Буду!!! Стрелять!!!

— Ах, ты, гад! — заорал Школьник, вырывая из рук солдата автомат. — Дай сюда!

То, что произошло следом, было неожиданным даже для Мити. Школьник вцепился в автомат, а Митя ударил комвзвода локтем в грудь.

— Огонь! — завопил Школьник подчиненным. — Огонь, я вам сказал!!!

Однако солдаты, обалдевшие от потасовки рядового и старшего лейтенанта, замешкались.

Игорь поглядел на часы, и в этот момент минутная стрелка сделала короткое движение и встала ровнехонько на деление 6.

12.30.

— Огонь! — обрадованно скомандовал сам себе снайпер Рудольф, поглядев на часы.

Накануне его и его товарищей четко проинструктировали по поводу времени начала операции. «Товарищи стрелки, — сказал чин из областного подразделения КГБ, — вам поручено ответственнейшее задание. Не подведите!»

— Огонь! — повторил Рудольф, поймав в оптический прицел фигурку беременной девчухи из сквера. В этот самый момент навстречу девчухе со всех ног бежал какой-то громила.

— Лида!!! — отчаянно орал Васька Сомов — это был он. — Лида, ты откуда взялась? Что ты тут делаешь?!

Несколько мгновений назад, оглянувшись на ружейный залп, он вдруг увидел вдалеке, на аллейке прилегающего к площади сквера, знакомое платье и развевающиеся на легком ветру волосы — эти развевающиеся волосы он не смог бы спутать ни с какими другими.

Он мчался к Лиде, расталкивая людей, пере-

прыгивая через газоны, — скорей, скорей, только бы увести ее отсюда подальше!

— Уходи! Уходи, Лида! — кричал Сомов на бегу.

Появление нового действующего лица очень не понравилось Рудольфу.

Он хотел еще немного помучиться в сладостном томлении, подразнить себя видом ни о чем не подозревающей жертвы, однако невесть откуда взявшийся громила запросто мог смешать все карты.

Рудольф прищурил левый глаз и привычно, как и полагается опытному стрелку, мастеру спорта по стрельбе по движущейся мишени, прицелился. Палец вновь любовно погладил спусковой курок и — надавил.

Глухой шум выстрела эхом отозвался в пустых чердачных помещениях, вспугивая крыс.

Девичья фигурка всплеснула руками и опрокинулась навзничь.

— Есть! — радостно вскричал Рудольф и перевел оптический прицел на толпу, сразу потеряв интерес к былой мишени.

— Лида-а-а!! — дико взвыл Васька.

Она упала, когда он был в трех шагах от нее.

Всплеснула руками и повалилась наземь.

Сомов не сразу понял, что произошло. Он схватил ее на руки, прижал к груди.

— Лида... Лидочка! Что с тобой? Врача!!

12.30.

Игорь затравленно огляделся и увидел направленные в толпу дула ружей и автоматов. Даша не успела вскрикнуть, как он, будто зверь, прыгнул на

нее сверху и сбил с ног. Даша упала на асфальт, и тотчас прогремел ружейный залп.

Толпа взревела.

Обезумевшие люди метались по открытому пространству, не зная, где укрыться от пуль.

Приподняв голову, Даша увидела, как осела наземь пожилая женщина, стоявшая неподалеку и приветственно размахивавшая косынкой на каждый новый призыв очередного оратора.

Черная кровь потекла по асфальту.

Все происходило, будто в замедленной киносъемке.

Даша видела бегущую мимо Победу, смешно вытаращившую глаза и беззвучно хлопающую ртом. Видела невысокого мальчишку в ярко-красной рубашке, схватившегося за грудь, а потом, как мешок, рухнувшего наземь. Отовсюду неслись отчаянные вопли. Даша пыталась обнаружить в сутолоке Игоря, но тот словно сквозь землю провалился.

Какой-то мужчина с разбитым лицом, ухватив девушку за руку и пригнувшись, силком поволок ее по асфальту, к выходу с площади.

— Беги! — кричал мужчина, страшно напрягая вены на шее. — Беги же!

Даша не упиралась, она вообще ничего не могла предпринять — ноги словно отказали ей.

Раздался новый залп.

Сухощавое, но при этом тяжелое тело повалилось сверху на девушку, и Даша с ужасом разглядела прямо перед собой искаженное смертной судорогой личико соседки Наташки.

Разъяренный старший лейтенант Школьник наконец-то вырвал из рук Мити автомат и, изо всех сил ударив солдата в голову прикладом, наугад дал

очередь в сторону толпы. Митя, уже падая, попытался отвернуть ствол автомата в сторону; очередь пошла вверх.

По кроне зеленого дерева, где на своем наблюдательном посту засел все еще не соображавший, что же произошло, тринадцатилетний мальчишка Виссарион...

Стоны и вопли.

Мелькающие искаженные лица.

Выстрелы.

Кровь.

Митя сидел на земле, обхватив голову руками.

«Весь мир — театр, все люди в нем актеры», — будто заевшая нелепая пластинка, вертелось в его разбитой голове...

53. СТРАХ

Та-та-та-та. И потом еще раз — та-та-та-та-та. Победа заткнула уши, чтобы не слышать этого сухого треска, от которого веяло только что, впервые за все восемнадцать лет увиденной ею смертью. Настоящей смертью — не красивой и благородной, как в кино, а реальной — с всамделишной кровью, страданием и ужасом в уже начинающих затуманиваться глазах...

Она заткнула уши, но это не помогло — автоматные очереди все равно проникали в голову и отдавались в самых дальних уголках мозга.

«Что же это? Что же это такое?» — билось в висках.

То, что творилось вокруг, не поддавалось описанию: огромная толпа людей после первого залпа хлынула прочь, в переулки, где их уже поджидали милицейские автобусы. Тех, кто не удержался на ногах или же был ранен и поэтому упал, скорее всего ждала смерть под ногами обезумевшей толпы. Крики сливались в один кошмарный вой, сквозь который пробивались лишь все те же автоматные очереди...

Люди превратились просто в большое стадо, единственной потребностью которого было спастись, выжить любой ценой. Лица восставших были исполнены страха — животного, нечеловеческого страха...

Если бы Победа не прижалась к стене, заскочив в небольшую нишу массивного сталинского монолита, стоящего рядом с площадью, неизвестно, уда-

лось бы ей вырваться из этого кошмара. Прямо перед ней, буквально в тридцати сантиметрах от лица, пронеслась, сметая все на своем пути, толпа — крупные капли пота на лицах, белые разорванные рубахи, окровавленные руки, испуганные женщины с взлохмаченными волосами...

Люди все бежали и бежали, и у Победы не было никакой возможности выбраться из своего убежища. Кто знает, может быть, это спасло ей жизнь...

Победа посмотрела направо, по направлению движения несущейся толпы. Благодаря тому, что она стояла на небольшом возвышении, ей было видно то, чего люди разглядеть не могли. Солдаты поставили БТРы поперек каждого переулка, так, что свернуть вбок было нельзя. Можно было двигаться только прямо. А через несколько кварталов были различимы автобусы, куда и заталкивали большую часть выбравшихся из-под пуль на площади.

Из огня да в полымя...

Надо было что-то делать. Остаться здесь было нельзя — вот-вот сюда могли прийти шеренги солдат, оттесняющие людей с площади. Однако бежать вместе со всеми прямо в лапы милиции тоже не сулило ничего хорошего.

Победа чуть выглянула и обнаружила метрах в десяти справа от себя подъезд. Что, если пробраться в дом и попытаться переждать там? Однако делать это нужно было очень осторожно — ведь толпа запросто могла бы увлечь ее за собой.

Вдохнув, как перед входом в реку, она схватилась за руку одного из пробегающих мужчин и оказалась в толпе.

Сразу же ее сдавили со всех сторон разгоряченные, потные тела. Стало трудно дышать... В мгновение ока Победа оказалась у подъезда. Она с силой оттолкнулась от того же человека и, словно пробка из бутылки, вылетела из человеческого потока.

По инерции она сильно ударилась боком о мас-

сивную медную ручку, потом — головой о каменный угол. Победа почувствовала, как ее щеку будто обожгло. Но это уже были мелочи. Открыв дверь подъезда, насколько это позволяла бегущая масса, Победа прошмыгнула в образовавшуюся щель.

В подъезде было тихо. Шум, выстрелы и крики остались где-то вдалеке, приглушенные толстыми стенами и массивной дубовой дверью.

Странно, но здесь не было ни души. Видимо, обезумевшие люди настолько слились с несущей их толпой, что полностью потеряли способность самостоятельно соображать и оценивать ситуацию.

Тут только Победа обнаружила на своей щеке кровь. Рана была не опасная — так, царапина. Она достала из кармана платочек и приложила его к ране.

Однако надо было торопиться. Следующим, вошедшим в эту дверь, мог быть и милиционер, и солдат с автоматом...

Победа обошла вокруг лестницы и обнаружила за ней небольшую металлическую дверцу. К счастью, она была заперта только на щеколду. Отодвинув ее и открыв дверь, Победа оказалась во дворе дома.

Здесь тоже вроде было спокойно. Победа по стеночке (чтобы не заметили с крыши) обогнула двор и вышла в маленький переулочек, место слияния которого с главной улицей было перегорожено двумя самосвалами. В их кузовах находились вооруженные солдаты, но все их внимание было обращено в сторону бегущей толпы, и поэтому Победе удалось перейти улицу незамеченной.

Быстро сориентировавшись, она побежала в сторону гостиницы.

Через пять минут изрядно запыхавшаяся Победа уже входила в вестибюль.

Первым делом она кинулась к администраторской стойке, за которой, как всегда, сидела с вязаньем Мария Дмитриевна. Впрочем, на этот раз лицо Марии Дмитриевны жило отдельной, не имеющей

отношения к вяло постукивающим спицам жизнью. Женщина с испугом прислушивалась к шуму, доносившемуся из-за окон. Она едва не уронила вязанье, когда увидела перед собой родимое чадо.

— Доченька! — закричала она.

Победа со слезами кинулась ей на шею:

— Мама!

Мария Дмитриевна сразу же заметила царапину на ее щеке:

— Что это?! Ты ранена?

— Да нет. О камень кожу содрала.

— Как ты могла? Кто тебе разрешил?! — вдруг прорвало администраторшу. — Я же тебе настрого наказала: сидеть дома! Был бы жив отец, он бы тебя живо проучил, чтоб неповадно было!

— Не кричи, мама, — тихо попросила Беда.

Мария Дмитриевна вздрогнула и словно очнулась. Она бережно коснулась ранки на дочкином лице:

— Надо йодом прижечь...

Мария Дмитриевна кинулась к тумбочке и поширила в выдвигном ящике.

— Только зеленка. — Она огорченно достала из него маленькую бутылочку.

— Да ты не волнуйся, мама. Это ерунда. Там люди гибнут!

Победа зарыдала с новой силой.

— Где?

— На площади. Я только что оттуда.

Мария Дмитриевна крепко обняла дочь:

— Боже ты мой... — Потом, спохватившись, она достала ватку и смазала Победину ранку зеленкой.

Та продолжала плакать.

— Ну ладно, все, все, — успокаивала ее Мария Дмитриевна, — лучше расскажи, что там на улице делается. Говорят, многих арестовали?

— Да, — с горечью ответила Победа, — многих... А тех, кто остался... пулю в лоб!

— Что ты говоришь такое! — Мария Дмитриевна испуганно приложила пальцы к губам.

— Я сама видела. По всей площади трупы валяются. И по ним... — Слезы снова полились у нее из глаз. — Прямо по ним бегут, на головы наступают...

— Как же так... — Мария Дмитриевна не могла поверить в рассказанное дочерью. — Они же... ничего плохого... Они же без оружия...

Победа молчала. Увиденное сегодня на площади перевернуло все ее представления о добре и зле, о грани дозволенного, о разрушительной силе ненависти... И эти впечатления сразу же стали складываться в ее голове в стихи, которые она тут же и записала на полях газеты «Новочеркасский рабочий»:

Мы хотели добра. Были мы безоружны,
И стояли среди нас и рабочий, и мать, и студент.
И лишь слово сочувствия было нам нужно,
Лишь с балкона горкома горячий привет.

Но предатели Родины подло сбежали и скрылись,
Не сказав нам ни слова и даже не выйдя к народу,
Как из тонущего корабля бегут крысы,
Выбегая из трюма и прыгая, прыгая в воду.

А потом окружили нас справа и слева,
Не оставили даже и узкую щель,
Встали строем солдаты, и взяли они на прицел нас,
И раздалась команда «Пали!», и начался расстрел.

Побежали тут все, но немногие там уцелели,
Многих пуля сразила, упали под ноги они,
А толпа все бежала и вниз не смотрела,
Наступая на лица...

Дальше Победа писать не смогла. Она опустила лицо в ладони и заплакала навзрыд.

Вдруг дверь распахнулась и в гостиничное фойе ввалился высокий мужчина лет пятидесяти. Он был

в разорванной рубашке, весь в крови. Глаза его дико блуждали.

— Володя, — всплеснула руками Мария Дмитриевна. — что с тобой? — Она вышла из-за стойки и подбежала к нему: — Ты что, с площади?

— Да, — еле шевеля языком, произнес он.

— Ты ранен?

— Да... легко. Пуля задела. Прямо как на фронте. Только там фрицы были, а тут — наши, — с горечью добавил он.

— Беда, намочи-ка полотенце, — скомандовала Мария Дмитриевна, — и зеленку захвати.

— Пить дайте, — попросил Володя.

Через некоторое время, когда он пришел в себя, вдруг вспомнил:

— Да, чуть не забыл. Я же вашего Виссариона видел.

— Господи! — выдохнула Мария Дмитриевна. — Где, неужто тоже на площади этой проклятой?

— Там, — кивнул Володя.

Мария Дмитриевна побледнела:

— Давно?

— Часа два назад.

— Я ж его в квартире заперла, — пролепетала Победа. — Може, вы обознались, дядь Володя?

— Надо бежать, — выпалила Мария Дмитриевна. — Ты вот что, Володя, сделай доброе дело, побудь тут вместо меня, лады? Беда, — позвала она, — скорее домой. Надо проверить, где Виссарион.

До дома было недалеко, но из-за того, что многие улицы оказались перекрыты, пришлось идти кругным путем.

— Скорее, скорее, — торопила Мария Дмитриевна.

Добравшись в конце концов до дома, они обнаружили, что квартира пуста.

— Господи, — запричитала Мария Дмитриевна, —

где он, сыночек-то мой? Где Виссарион? — Она в изнеможении опустилась на диван.

— Может, где-то отсиживается? — предположила Победа.

— Ох, чует мое сердце, что-то неладно, ох чует... — И Мария Дмитриевна беззвучно заплакала. У нее дрожали губы, а слезы градом стекали по глубоким дорожкам морщин.

— Мама! — пыталась успокоить ее Победа. — Не переживай ты так! Сейчас он придет. Может, к Федьке забежал по дороге или еще к кому-то из ребят.

Вдруг Мария Дмитриевна прижала руку к груди и стала ловить воздух посиневшими губами. Из ее горла вырвался хрип.

— Что с тобой, мама, что с тобой?! — перепугалась Победа.

— Сердце, — с трудом выговорила Мария Дмитриевна, — как будто тисками сжало...

Победа кинулась к ящику серванта, где в доме Патрищевых хранились лекарства.

Мария Дмитриевна завалилась на бок.

— Мама, мамочка, ты потерпи! Потерпи, слышишь? Я сейчас в больницу за врачом сбегаю!

В ответ Мария Дмитриевна только слабо кивнула...

54. ЖИЗНЬ

Раненых и погибших привозили в больницу прямо с площади на грузовиках, приносили на носилках или просто на руках. Кто-то добирался и на своих двоих. Но таких было мало.

Цементная лестница в приемный покой стала липкой и скользкой от крови. Темно-красная дорожка вела внутрь больницы и шла по коридорам — раненых клали везде, где только было свободное место. Когда кончились койки, одеяла начали стелить прямо на полу. Живые лежали вперемежку с умирающими или мертвыми... Воздух оглашался стонами и криками, врачи и медсестры просто сбивались с ног. А с площади приносили все новых и новых раненых и погибших...

Победа, аккуратно поднимая ноги, чтобы не наступить на чью-нибудь безжизненно откинутую руку или ногу, шла по коридору больницы, пытаюсь поговорить с кем-то из врачей или медсестер. Но это было не так-то просто: они все были заняты — накладывали швы, вытаскивали пули...

В лучшем случае от нее отмахивались, а некоторые зло кричали:

— Сердечный приступ?! Да ты что, девочка! Тут люди умирают, а ты?

Победа уже готова была снова расплакаться, когда вдруг заметила в дальнем углу одной из переполненных палат Дашу. Та обрабатывала одному из раненых большую рану на ноге йодом, приговаривая:

— Ничего, милый, ничего. Поболит-поболит да и перестанет. Зато потом всю жизнь себя уважать будешь, что не испугался, вышел на площадь со всеми...

Раненый, парнишка лет двадцати, сжав зубы, терпел. Не будешь же распускать нюни перед девушкой!

— Даша! — крикнула Победа.

Даша подняла голову:

— Что случилось?

— У мамы с сердцем плохо. Я прибежала, чтобы врача вызвать, а никто даже и слушать не желает.

Даша вздохнула:

— Ну да, сама видишь, что здесь творится.

— К тому же Виссарион куда-то подевался... Даша, мне хотя бы валокордину добыть. Аптеки-то закрыты.

— Сейчас попытаемся что-нибудь придумать.

Она быстро забинтовала ногу парню и подошла к шкафу со стеклянными дверцами, в котором хранились лекарства, перебрала несколько бутылочек и протянула Победе одну из них:

— На, возьми. Это корвалол. Должно помочь.

Победа бережно спрятала бутылочку в нагрудный карман, чмокнула Дашу в щеку в знак благодарности и бросилась из палаты. Но, не добежав до двери, встала как вкопанная.

Детская рука свешивалась с койки, застеленной белыми простынями, испачканными кровью. И Победа прошла бы мимо, если бы не одно обстоятельство.

На тонком запястье этой руки были часы. Обычные часы «Заря» с белым циферблатом, золотистыми накладными числами и тонкими стрелками, каких тысячи. Потрескавшийся кожаный ремешок... Нет, это были именно ТЕ часы. Часы ее отца.

Победа рывком откинула простыню, с головой покрывающую лежащее на койке тело.

Казалось, он спал, отвернувшись к стене. Осторожно, словно боясь спугнуть еще остающуюся в сердце надежду, Победа тронула его ладонь.

— Виссарион, — прошептала она.

Ладонь была еще теплой и мягкой. Немного осмелев, Победа взяла его за плечи и легонько тряхнула.

— Виссарион, проснись, — произнесла она погромче.

Голова безвольно повернулась на подушке. Рука выскользнула, и часы глухо стукнули о никелированную ножку койки.

Вместо глаза у мальчика зияла огромная черная дыра.

Победа, еще не до конца осознав происшедшее, села рядом с телом брата.

— Даша, — позвала она.

Но Даша не слышала — она перевязывала очередного раненого.

Победа в бессилии огляделась вокруг.

Паника и суэта продолжались. Те, кто мог ходить или хоть как-то передвигаться, пытались помочь тем, которые встать не могли. Бинты, бурые бинты и ватные тампоны в еще не успевшей запечься крови, большие склянки с йодом и перекисью водорода, забрызганные халаты врачей, стоны, стоны, стоны...

Это было ужасно. Но все равно, это была ЖИЗНЬ. И тяжелораненые, уже агонизирующие, цеплялись, боролись за нее изо всех сил.

А Виськи уже не было.

Победа снова схватила Виссариона за плечи и затрясла изо всех сил, пытаясь вернуть жизнь, которая, как ей казалось, еще близко, еще не совсем ушла, еще вполне могла передумать и вернуться.

— Ему уже ничем нельзя помочь, — донесся сверху чей-то голос.

Победа подняла голову. Это был Сергей Резниченко.

— Это бессмысленно, поверьте.

Он положил ладонь ей на руку.

— Он умер легко. Пуля из автомата. Все произошло в долю секунды. Раз — и все. Он даже не успел

понять, что с ним произошло. Такой смерти можно только позавидовать.

Какое-то ватное оцепенение овладело Победой. Все вокруг подернулось туманом, звуки затихли, ушли далеко-далеко. И, как будто со дна бетонного колодца, услышала она свой собственный голос:

— Скажите, когда можно будет забрать тело?

Тот в ответ только вздохнул:

— Когда все это закончится...

Он закрыл лицо Виссариона простыней. Потом кто-то позвал врача, и он ушел. Победа продолжала сидеть на койке.

— Беда, пойдём, — позвала Даша. Она взяла ее под руки и подняла с койки. — Тебя мать ждет. Иди домой. Только не говори ей сразу, ладно?

— Ладно.

Победа, поддерживаемая Дашей, послушно пошла к выходу из больницы.

Вдруг она почувствовала, что пальцы Даши сильно сжали ее локоть.

Прямо перед ними на каталке лежала девушка. Густые белокурые волосы, голубая форменная гимнастерка, темная юбка...

— Люся! — закричала Даша, кидаясь к сестре. Проводница была мертва.

— Сволочи, гады, убийцы, — в бессильной ярости Даша била кулаками по металлическим ручкам каталки, по стене...

Ее крики остановил все тот же твердый, спокойный голос Сергея:

— Даша, Григория Онисимовича арестовали.

55. ПУСТЬ ЖИВУТ

Охая и сокрушенно покачивая головой, Любочка рылась в содержимом перевернутых шкафов, в вывороченных столешницах. Сахар она в конце концов обнаружила в кабинете Авдюшенко, а вот чайной заварки нигде не было, хоть ты тресни!

Любочка досадовала на себя, что не сообразила захватить из дому пакетик индийского чая, который за неделю до того прикупила в горкомовском буфете. Московский гость наверняка любит индийский чай.

Была глубокая ночь. В первом часу наряд милиции, охранявший подходы к зданию городского комитета партии, дружно отдал честь, пропуская к крыльцу несколько человек. Машину оставили у въезда на площадь.

Дрожащей рукой Авдюшенко собственноручно освободил проход в здание: вместо взломанных толпой дверей проход загораживали доски и ленты с надписью: «Закрыто! Опечатано! Стой!» — и зажег ручной фонарик.

Процессия — в нее входили уже упомянутый Авдюшенко, первый секретарь областного комитета партии Певцов, Любочка, директор электровозостроительного завода Петухов, две малозаметные серые личности — инструкторы горкома и двигавшийся чуть на расстоянии от прочих Анатолий Дмитриевич Баранов — молча проследовала в здание Новочеркасского городского комитета партии.

Дикая картина предстала перед их глазами.

Повсюду царил погром. На полу валялись груды бумаг, кумачовые лозунги, сброшенный с постамента гипсовый бюст с разбитой на черепки головой (чей это бюст, понять теперь было весьма затруднительно; первый секретарь обкома Певцов даже обрадовался этому обстоятельству — раз неизвестно, чей бюст, значит, и нагоняя не будет), разорванные в клочья парадные портреты выдающихся деятелей Коммунистической партии и Советского государства.

Баранов мрачно обвел глазами поле побоища.

— Где мы сможем спокойно поговорить? — спросил он.

— Я думаю, в моем кабинете будет удобно, — робея, заметил Авдюшенко.

Они поднялись на второй этаж. Увы, кабинет второго секретаря пострадал ничуть не меньше прочих, и в итоге решено было разместиться в небольшой комнатке, где обычно принимали партийные взносы.

Бредя в полутьме за Барановым, Певцов с тоской думал о том, что напрасно не прислушались к его мнению и не остались в загородном охотничьем домике — закрытой гостинице для прибывавших в Новочеркасск высших партийных и государственных чинов. Охотничий домик был тих и уютен; вышколенная обслуга накрыла бы стол и не мешала бы во время серьезного разговора.

Однако Баранов отчего-то уперся и стоял на своем:

— Говорить будем в здании горкома!

Только теперь Певцов вдруг понял, что, возможно, это был не просто нелепый сановный каприз. Что, если Баранов хочет сказать им нечто важное, что не должно достичь чужих ушей?

Охотничий домик был напичкан прослушивающей аппаратурой — просто так, на всякий случай; была она и в помещениях горкома, однако после учиненного толпой погрома, по всей видимости, система прослушивания не действовала, и, таким образом, Ба-

ранов мог говорить свободно, не опасаясь, что его речи будут услышаны в нежелательном месте.

«А он, оказывается, не так прост, курилка!» — восхитился про себя Певцов и с уважением поглядел на массивный затылок двигавшегося чуть впереди Анатолия Дмитриевича.

Итак, они расположились в небольшой комнатке в левом крыле здания. Авдюшенко обнаружил в углу розетку и врубил настольную лампу. Любочка помчалась шарить по кабинетам в поисках чашек и заварки, чтобы приготовить чай для высокого гостя.

— Ну, вот что, — сказал Баранов, усевшись на жалобно скрипнувший стул у перевернутого шкафа, — теперь мы можем поговорить серьезно и обсудить создавшееся положение. — Он строго поглядел на Авдюшенко и Певцова. — Руководители областной партийной организации не смогли должным образом отреагировать на происходившее в городе и выпустили инициативу из своих рук. Думаю, немалая доля ответственности лежит именно на вас...

— Но, Анатолий Дмитриевич... — жалобно начал Певцов, однако Баранов жестом велел ему замолчать.

— Меня не интересуют оправдания, — сказал Баранов, — у меня слишком мало времени, чтобы выслушивать всю эту галиматью. К утру я должен быть на докладе у Первого секретаря ЦК партии товарища Хрущева. Я обязан доложить ему, какие меры приняты для урегулирования сложившейся ситуации.

Он взглянул на наручные часы, как бы давая понять, что разговор будет кратким.

— Силы правопорядка полностью контролируют обстановку, — объявил Певцов. — Железнодорожная ветка деблокирована, и поезда без задержек следуют согласно маршруту. Как вы знаете, на улицах города продолжается военное патрулирование. Насколько мне известно, никаких эксцессов и столкновений зачинщиков беспорядков с милицией больше не произошло...

— Этого мало, — сказал Баранов. — Я еще накануне просил подготовить списки бунтовщиков, чтобы при первом же намеке на повторение беспорядков арестовать их и вывезти из города.

— Списки готовы! — отрапортовал Авдюшенко. — Полторы тысячи фамилий. Надеюсь, для начала этого будет достаточно... Как я уже докладывал, из городской тюрьмы переправлена большая часть заключенных уголовников; освобождены места для вновь арестованных. Однако на данный момент массовые аресты не проводятся; ждем дальнейших распоряжений.

— Вот и ждите, — кивнул Анатолий Дмитриевич. — Меня интересует, обнаружены ли организаторы мятежа?

— Так точно! — рявкнул Певцов. — Сотрудники областной организации Комитета госбезопасности представили нам исчерпывающий материал. — Он распахнул кожаную папку, которую все это время бережно прижимал к груди. — На площади во время митинга действовали переодетые в штатское сотрудники КГБ. Они покинули толпу буквально за минуту до начала операции.

Певцов протянул Баранову глянцевого фотографического снимок. На снимке был изображен приседающий в танце дед с медалями через всю грудь в кругу аплодирующих зрителей.

— Вот, к примеру, Удальцов Тимофей Петрович, 1891 года рождения. Участник Великой Отечественной, награжден орденами и медалями...

— Ну и?

— Одним из первых ворвался в здание горкома, выбросил из окна портрет товарища Брежнева, — сообщил Певцов, демонстрируя новое фото.

Фотограф запечатлел момент, когда разгоряченный Тимофей Петрович, по пояс высунувшись из окна, непочтительно размахивал изображением Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

— Арестовать, — распорядился Баранов.

Певцов кивнул и передал фотоснимок топчущимся за его спиной невзрачным инструкторам.

— Абрамова Арина Григорьевна, — представил он женщину, запечатленную на другой фотографии. — Мать-героиня, работница электровозостроительного завода...

— Я ее знаю, — поспешил вставить директор товарищ Петухов. — Она у нас входит в женсовет.

— В женсовет, говорите? — мрачно переспросил Баранов. — Зачинщица и бунтовщица — в женсовет?!

— К-кто бунтовщица? — растерялся Петухов.

— Это ведь она являлась сюда с письмом для Никиты Сергеевича? — спросил Баранов.

Певцов кивнул.

— Арестовать и под суд. К высшей мере наказания.

— Так ведь она... у нее ведь десять ртов детишек! — пробормотал Петухов, но Баранов на сей раз даже не удостоил его взглядом.

— Враги Советского государства, — зычно объявил он, — не могут рассчитывать на снисхождение и всякие там смягчающие обстоятельства. Под суд — чтоб другим неповадно было.

— Этот человек приходил сюда вместе с Абрамовой, — сообщил Певцов, комментируя очередное фото.

— Под суд. К расстрелу.

— А вот этот, тоже, кстати, рабочий электровозостроительного, пытался сагитировать работников газораспределительной станции перекрыть подачу газа на городские предприятия.

На фотографии был изображен Васька Сомов. Он прижимал к груди тело Лиды с безвольно свешивавшимися к земле руками, и лицо его было искажено отчаянием.

— К расстрелу, — кратко распорядился Баранов. — А это что за девица-красавица?

Он взял из рук снимок Даши. Не столько Даша

привлекла его внимание. Просто рядом, держа девушку за руку и пытаясь привлечь к себе отчаянным жестом, стоял Игорь Захаренко.

Несколько мгновений Анатолий Дмитриевич мрачно разглядывал изображение своего будущего зятя.

— Просто зевака, — поспешно сообщил первый секретарь обкома партии. Он боялся признаться, что по поводу Даши не успел навести необходимые справки.

— Найти. Отдать под суд.

— Очень хорошо! — закивал Певцов.

— Лет на пятнадцать ее упечь, чтоб неповадно было! — громогласно объявил Баранов. — А то разгуливает, понимаешь, где не надо!

Директор Петухов беззвучно захлопал ртом, но так и не смог выдать из себя протестующее слово.

— Я еще хотел узнать, что делать с теми, кто застопорил движение железнодорожных составов, — вкрадчиво поинтересовался Певцов, приободренный тем, что начальственный гнев не обрушивается на его голову. В качестве громоотвода в этот момент он готов был подставить для Баранова кого угодно, хоть мать родную. — Вот один из организаторов, тоже — бывший фронтовик.

Подавшись поближе к московскому гостю, Петухов с ужасом разглядел на фотографии своего давнего приятеля, Григория Онисимовича.

— Это заслуженный рабочий, — жалким голосом пробормотал он, — уважаемый человек!

Баранов скользнул по Петухову ледяным взглядом.

— У вас что ни уважаемый человек, то государственный изменник, — процедил он. — Под суд.

Петухов почувствовал, как у него подкашиваются ноги.

В этот момент в глубине здания раздался отчаянный крик Любочки. Все, как по команде, повернули головы.

— Ч-что... что такое? — бледнея, пролепетал Авдюшенко.

Ответом ему был неожиданный смешок — будто колокольцы прокатились по коридору.

— Любочка! — окликнул Авдюшенко. — Любочка, что случилось?

— Тут к товарищу Баранову посыльный, напугал меня до смерти, — крикнула она, приближаясь, — а я заварку нашла!

В дверях возник высокий, с армейской выправкой мужчина в штатском. Мария Дмитриевна Патрищева с первого взгляда признала бы в нем дирижера, который несколько дней назад вместе со своим оркестром заселился в городскую гостиницу.

— Автобус пришел? — без лишних слов спросил Баранов.

— Так точно. Ждем ваших указаний.

Анатолий Дмитриевич с неудовольствием поморщился:

— А без указаний обойтись нельзя? Погружайте личный состав и можете ехать. Надеюсь, излишне напоминать о неразглашении?

— Так точно.

— Свободны.

Мужчина молодцевато развернулся и был таков. Авдюшенко озадаченно поглядел ему вслед, но ни о чем спросить не решился. Первый секретарь обкома Певцов сделал вид, что уж ему-то, конечно, все известно и вопросы излишни. Но на самом деле и он ничего не знал.

Просто накануне, около двадцати двух часов, поступило личное указание Баранова выделить пассажирский автобус и подогнать его к заднему двору городской гостиницы. Указание было выполнено.

Но никто, даже водитель автобуса, которому поручено было доставить пассажиров в аэропорт Ростова, не ведал, что в их узких и длинных футлярах спрятаны снайперские винтовки с оптическим прицелом.

Постояльцы гостиницы, выполнив особо ответственное и абсолютно секретное задание, разъезжались по домам. Среди них, довольный проведенным днем, был и Рудольф. Он наверняка знал, что уложил троих, — а это уже немало!

— По имеющимся сведениям, во время беспорядков погибли шестнадцать человек, — продолжал докладывать Певцов, — и около сорока ранены. Городская больница переполнена...

— Это понятно, — кивнул Баранов, — а вот что с уборкой площади?

— По вашему приказу дважды прогнали по всей территории поливальные машины.

— Ну и?

— Пятна не смываются, — замешкавшись с ответом, виновато проговорил Певцов. — Но мы завтра еще раз попробуем...

— Так ведь вся площадь в крови, — некстати встрял Авдюшенко. — Я даже не знаю, получится ли замыть ее начисто.

— В таком случае вызовите дорожные службы и закатайте сверху новым асфальтом, — отрезал Баранов.

Певцов с готовностью кивнул.

— Кстати, что происходит в армейских частях? — поинтересовался Анатолий Дмитриевич, вспомнив, что на время замещает в должности командующего.

— Войска в полной боевой готовности. Боевой дух личного состава — на должном уровне, — отпартовал Певцов. — Правда...

— Да? — воздел бровь Анатолий Дмитриевич.

— Несколько солдат во время операции отказались выполнять приказ командиров. Они не стали стрелять в бунтовщиков...

— Кто такие?

Певцов поспешно извлек из папки листок с фамилиями:

— Рядовые Кузнецов, Ерыкалов, Бебенченко, Шварцман, Лапиньш, Бажин...

— Всех — под трибунал, — распорядился Баранов. — И пусть им впаяют под завязку. Ну-ка, дайте-ка сюда фамилии! — Он пробежал глазами список. — Может, и тут кого-нибудь представить к подрасгрельной статье, а? В конце концов, что ж это начнется, если и армия перестанет подчиняться приказам сверху? — Анатолий Дмитриевич в задумчивости занес карандаш над бумагой. — Кого бы выбрать? Бебенченко... Нехорошо — украинец. Лапиньш... С прибалтами связываться — себе дороже.

Карандашный грифель завис над русопятой фамилией Бажин.

— А, ладно, — вдруг отмахнулся Баранов. — Ну их! Пусть живут!

И он отдал список Певцову.

— Ну, что ж! — потянувшись, проговорил Анатолий Дмитриевич. — Теперь, пожалуй, можно и чаю. Кстати, где находятся тела погибших?

— То есть как — где? — удивился первый секретарь обкома. — В городской больнице, в морге.

— Что мы будем с ними делать?

Певцов и Авдюшенко озадаченно переглянулись.

— Вы ведь не рассчитываете возратить их родственникам, верно? — грозно произнес Баранов. — Надеюсь, хоть на это у вас ума хватает?

56. ПОХОРОНЫ

Отъезд солдатских грузовиков был приостановлен в тот момент, когда уже зафырчали моторы. По машинам пронеслось:

— Отменить! Остановить движение колонны! — Под брезентом показалась голова старшего лейтенанта Школьника. — Построиться в шеренгу!

Солдаты посыпались из кузова на землю. Уставшие, грязные, с землистыми детскими лицами, они мало походили на победоносную армию. Оглядев своих подопечных, Школьник остановился на шатавшемся от водки Шутове:

— Поедешь на задание. Назначаю старшим. И чтоб никаких историй.

К старшему лейтенанту подошел бесцветный, в сером костюме человек.

— Рядовой Шутов! Поступаете в распоряжение полковника... полковника. — Школьник замялся. Фамилии он не знал.

— Неважно, — бросил Серый.

Он отобрал еще пять человек, и на освободившемся грузовике они поехали по ночным улицам Новочеркасска. Долго въезжали во двор через тесные ворота, газуя туда и обратно. Шутова мутило. Когда брезент открыли, резкий запах ударил в нос, защипало глаза.

— Выходите, товарищи, — тихо произнес откуда-то взявшийся полковник. — Соблюдайте тиши-

ну. Наша задача — оцепить морг, так что действуйте быстро и без разговоров.

Шутов рванул двери морга. Они с шумом распахнулись, и тяжелый металлический лязг прокатился по всему помещению.

— Кто там? — прохрипели в глубине.

Группа бросилась в морг. Запах усилился, Шутов уже не мог дышать, глаза слезились. Он поднес руку к носу и зажал рукавом ноздри. В полутемном помещении сидел мужчина в грязном, с пятнами крови халате. Увидев вошедших, он испуганно вскочил.

— Руки за голову! — заорал Шутов.

Кто-то из солдат схватил врача и повалил его на стол.

Из прозекторской появились седая старуха и молодой веснушчатый паренек, врач.

— Стоять! Всем к стене!

Старуха закричала. Ей зажали рот и поволокли на кушетку. Парень бросился за ней. Через секунду на пороге появился полковник. Он поковырялся в портфеле, наблюдая за сценой.

— Всем работникам сесть.

Шутов немного привык к запаху и, разгоряченный, теперь отдувался, отпустив врача. Полковник деловито вытащил из портфеля бланки и ручку самописку.

— Вы обязаны, — обращаясь в основном к врачу, сказал он, — оказать нам помощь в захоронении трупов погибших. Кроме того, вы дадите сейчас подписку о неразглашении тайны.

— Ой, люшеньки! — завопила старуха. — Да что ж это делается! Помереть человеку спокойно не дают.

— Вы не имеете права. — Молодой парень был бледным как мел.

— Молчать! — У Серого прорезался голос. — Вас никто не спрашивает. — Он поднес лист к столу и положил ручку перед врачом: — Подписывайте.

Врач резко вскинул голову. Полковник заулыбался:

— А как вы хотели? За разглашение государственной тайны — расстрел!

— К чему эти меры? Что мы завтра скажем родным?

— Не знаю. Это ваша забота. Испарились, — похихикал Серый.

Врач, понурясь, медленно взял ручку.

— А я как же подпишу? Я и грамоты-то не знаю, — прошамкала старуха.

— Давай, бабка, не прикидывайся целкой, — прикрикнул Шутов. Ему не терпелось поскорее закончить эту бодягу. Бок жгла заветная фляжка, но нельзя же было приложиться к ней при Сером. Причитая и причмокивая, бабка поставила крестик. Парень уперся.

— Не буду подписывать.

— Сука!

Шутов ударил парня стволом автомата по голове, тот упал. Несколько пинков, и врач затих. Все происходило в полной тишине. Даже старуха перестала причитать и сидела, как парализованная.

— Все, хватит, — остановил полковник Шутова. — Начинаем операцию.

Он заставил врача пройти в мертвецкую. На столах и на полу в жутком кровавом месиве лежало полтора десятка трупов. Все они были голые. Полковник стал в стороне и приказал солдатам разобрать кучу. Шутов, брезгливо отворачиваясь, схватился за ближайшую ногу. Трупы, как живые, зашевелились, расползаясь по полу. Прямо в лицо Шутову хлынул фонтан черной крови. Солдат отскочил, матерясь и отплеываясь. Голые тела с зияющими ранами были похожи на резиновых кукол. Обезображенные смертью, они застыли в неестественных позах, и кровавые синяки под глазами сделали их всех похожими. У девушки с острыми худыми коленками была со-

драна кожа на голове и белокурая прядь зацепилась за ухо. Шутов плюнул на все законы армейской субординации и не таясь хлебнул теплой водки.

— Давайте выносить, — раздался голос полковника.

Солдаты бросали мертвые тела на плащ-палатки и несли в машину. Когда Шутов поволок по полу последние два трупа. Серый остановил его и, показывая взглядом на лежащего в прихожей парня, сказал:

— А с этим что делать? Нехорошее дельце состряпали. Грязно работаем. С собой, что ли, прихватить? — помедлил полковник. — Ладно, семь бед — один ответ. Бросай до кучи.

Шутов схватил парня за руку, тот неожиданно резко застонал.

— Куда, родимые, пожалейте! Он сирота! — бросилась наперерез старуха. — Вы-то что-нибудь скажите, Сергей Иванович.

Бледный как мел Резниченко только махнул рукой и отвернулся к стене.

Машина тяжело заухала и понеслась за город. Шутова трясло. Он клацал зубами так громко, что сидящий рядом однополчанин ударил его по лицу:

— Надоел, скотина. Пить меньше надо.

Ехали долго. Кто-то в тишине засопел. Сказывалась усталость. Шутов тоже немного успокоился, хлебнув для разрядки еще пару глотков. Но стон снова вывел его из себя. Перед глазами закружились только что виденные в морге тела. Он вспомнил, как, выходя из мертвецкой, наткнулся на что-то совершенно черное, бесформенное, запнулся и взгляд его остановился на синей тряпке, по которой ползали жирные белые черви. Его рука едва не упала на эту тряпку, и теперь он почти физически ощущал липкое прикосновение смерти. Шутов соскочил с сиденья и с остервенением стал пинать трупы...

На месте захоронения их уже ждали. Молча побросали в яму всех, в том числе и прихваченного в

морге живого парня. Он уже не стонал, а только по временам издавал какие-то щенячьи, жалобные звуки. Сверху полили в яму известкой и шустро стали закапывать. Солдаты вяло помогали. Управились за полчаса. Передохнули, покурили. Полковник вылез из машины.

— Благодарю за службу, товарищи. Распишитесь о неразглашении тайны, — сказал он будничным голосом, снова роясь в портфеле. Увидев образовавшийся холм, он немного подумал. — Непорядок. Наш девиз — чистая работа. Утрамбовать.

Еще три четверти часа похоронная команда вместе с солдатами ползала по могиле, разравнивая бугор. Потом принесли ветки, прошлогоднюю солому и навалили на свежераскопанную землю.

Теперь все было кончено, все сокрыто.

57. НОВЫЙ ДЕНЬ

Машина остановилась метра за три от дома. Гулко процокали каблуки кирзовых сапог и замерли неподалеку. Даша сидела у раскрытого окна и ждала. Она помылась, причесалась, переделалась в самое нарядное платье и задумчиво смотрела на синюю ветку сирени, склонившуюся на подоконник. Отец все время хотел вырубить этот куст и посадить вишню, а Даша сопротивлялась. Она всегда была непослушной, строптивой дочкой и часто перечила отцу.

За спиной тихо тикали ходики. Скоро откроется дверца и черная кукушка откукукает положенное время. Дверь несмело отворилась, и на пороге показалась мужская фигура. Даша встала. Через секунду дом наполнился незнакомыми людьми в милицеевской форме и в штатском.

— Вы арестованы. — Молодой лейтенант показал девушке ордер.

Откуда-то из глубины двора возникли понятия, заспанные соседи. Они пугливо озирались и жались друг к дружке. Лейтенант оглядел комнату и приказал приступить к обыску. На пол посыпались школьные Дашины тетради, мамины фотографии, а вот и она с Петуховым.

— Ага. Это уже интересно. — Лейтенант внимательно рассматривал изображение Петухова на маленькой карточке. — Вы знакомы?

— Нет, это случайно, на празднике каком-то сфотографировались. На субботнике.

— Посмотрим. — Лейтенант положил фотографию в черную кожаную папку как особо ценную улику.

Долго рылись в сундуке, переворачивая старые платья, с интересом рассматривая причудливые узоры. На дне нашли фронтовые ордена и медали, записали как подлежащие конфискации.

— Не густо тут у вас, — пожалел лейтенант. — Собирайся. Вещи теплые возьми и туфельки сними. Тут нужно что-нибудь попроще.

Даша покопалась в коридоре, выбирая разношенные боты.

— Ну вот, так лучше. Идем.

Позади заголосила соседка:

— Да за что ж вы ее, сиротиночку? Да на кого ж ты, Дашенька, нас покидаешь?

— Будет тебе, тетка Марья. Я еще не померла, — оглянулась Даша у калитки на дом. Уходящая вглубь дорожка открыла всю перспективу ее прошлой жизни: детство, школу, больницу, несчастную первую любовь, Игоря, мать, отца. — Прощайте, — прошептала она и решительно отвернулась.

Вслед ей бежала соседская пятнадцатилетняя девочка:

— Даша, Даша! Вот возьмите. Первая земляника. — Красные ягоды упали в горячую Дашину ладонь.

— Спасибо.

Рассветало.

Начинался новый день.

58. КАТАСТРОФА

Эту ночь Первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза товарищ Никита Сергеевич Хрущев запомнил на всю оставшуюся жизнь.

Ссутулясь, он сидел в кресле за рабочим столом своего кремлевского кабинета и мучительно пытался заставить себя не думать о далеком южном городке, где происходили теперь страшные и не поддающиеся какому-либо логическому объяснению события.

Я сделал все, что мог, говорил себе Хрущев, я сделал все, что мог, чтобы предотвратить катастрофу...

Дверь кабинета распахнулась, на пороге стоял секретарь.

— Никита Сергеевич, к вам товарищ Баранов... только что с самолета, — доложил он.

Хрущев нетерпеливо кивнул: пусть войдет! скорее же!

Баранов вошел решительным шагом, высоко неся свою седую, крепко посаженную голову.

— Ну? — нетерпеливо, будто ребенок, выпалил Хрущев. — Как дела?

— Все в порядке, Никита Сергеевич. Конфликт локализован.

— Локализован — или?

— Локализован и исчерпан.

Хрущев с усталым вздохом отвалился на спинку кресла, и на лице его возникло отсутствующее выражение.

— В городе восстановлен порядок и спокойствие, — продолжал докладывать Баранов, усаживаясь на стул и укладывая на приставной столик папку с документами. — Органы правопорядка и армия полностью контролируют ситуацию. Правда, как я уже сообщал вам по телефону, мне пришлось отстранить от командования танковой дивизией генерала Папахина. Думаю, вопрос о неблагоприятном поведении коммуниста Папахина следует в самое ближайшее время рассмотреть на заседании Политбюро.

— Надеюсь, среди мирного населения нет пострадавших? — неуверенно проговорил Хрущев.

— Среди мирного — нет.

Баранов внимательно наблюдал, как на лице Хрущева возникла улыбка облегчения и само лицо, осунувшееся за последние двое суток, вдруг осветилось внутренним светом, изменяясь на глазах.

Все позади. Самое плохое, самое тяжелое — позади! Так думал Хрущев, вспоминая свои тревоги, свой страх, который на протяжении последних дней ледяным ободом сковывал сердце и не давал дышать полной грудью, а теперь за какие-то несколько секунд истаял без следа.

— Как это хорошо! — произнес Хрущев, потирая разом взмокшие ладони. — Как это замечательно! События в Новочеркасске должны послужить для нас серьезным уроком. Отныне мы просто-таки обязаны зажить по новому графику. Я признаю свои ошибки. В последнее время мы совершенно не уделяем внимания проблемам малых городов. Необходимо в срочном порядке созвать экстренный пленум ЦК, чтобы рассмотреть положение дел в периферийных районах страны. Надо направить на развитие окраин средства из бюджета. А то я тут на досуге пролистывал сводки и отчеты — все деньги идут сплошь на оборону и вооружение, это же ненормально! Кеннеди обещал мне, что эпоха «холодной войны» подходит к концу, — так ради чего все

эти танки и оружие? Сократив расходы на оборону, мы к концу года сможем вернуть цены на продовольствие к прежнему уровню. Представляете, как подымется наш престиж в глазах рядовых граждан СССР! Что касается Новочеркасска, то я завтра же распоряжусь отправить детей рабочих завода... Какой там завод?

— Электровозостроительный, — невозмутимо подсказал Баранов.

— Вот-вот! Надо отправить детишек с электровозостроительного на отдых в лучшие здравницы страны. Включая «Артек»! И разобраться с положением дел на заводе. А директора — снять, к чертовой матери!

Хрущев хлопнул ладонью плашмя по столу.

Баранов не перебивал. Он знал, что Никите прежде всего надо дать выговориться, а потом уж сообщать самое важное.

По пути из аэропорта в Кремль у Анатолия Дмитриевича состоялся конфиденциальный разговор с председателем КГБ. Семичастный ждал Баранова в правительственной машине с затемненными стеклами; о его присутствии в аэропорту никто не догадывался. Включая охрану.

— Как съездили? — поинтересовался председатель КГБ после того, как они обменялись рукопожатием, и машина мягко тронулась с места.

— Задание выполнено.

— Поздравляю. Кстати, и Брежнев тоже шлет вам свои поклоны, я с ним виделся час тому назад.

— Хорошо, что вы заранее позаботились о том, чтобы разместить снайперов на чердаках окрестных домов, — сказал Баранов. — Солдаты в основном палили в воздух. Некоторые даже во всеуслышанье отказались стрелять в толпу.

— Надеюсь, вы не оставили это безнаказанным, — холодно усмехнулся председатель КГБ.

— Не беспокойтесь. Уже назначена дата военного трибунала. Однако должен обратить ваше внима-

ние: впредь рассчитывать на армию в подобных делах не приходится. Разве что в качестве декорации.

— А милиция?

— Эти понадежней, но полные неумехи.

— Я учту вашу информацию.

— Что Хрущев?

— Он пока еще ничего не знает. Вам лично придется доложить ему обо всем.

Баранов против воли поежился.

— Не беспокойтесь, — усмехнулся Семичастный, — он теперь уже не страшен. Операция прошла в целом успешно, и вашей вины в происшедшем нет. А вот что касается самого Хрущева... Безусловно, расстрел в Новочеркасске отразится на его репутации. Думаю, дни Хруща сочтены.

Именно по этому пренебрежительному прозвищу Баранов и понял — действительно сочтены.

И вот теперь Хрущев сидел напротив и счастливо улыбался. Невероятно, но дело обстояло именно так. Баранов смотрел на Никиту-кукурузника, с трудом скрывая жалость. Он впервые увидел своего начальника, главу государства, в таком свете. Баранов всегда знал, что Хрущев — недалекий человек, хотя и хитрый. Баранов знал, что Хрущев может быть обескураживающе наивен, чтоб не сказать — глуп. Но Хрущев никогда не бывал слаб. За ним стояла армия, силовые ведомства, вся мощь Советского государства. Этот толстый лысый пожилой человек сменил на высшем посту самого Сталина, заместника Бога на земле.

И вот теперь Баранов знал, что вся сила, которую Хрущев продолжал по привычке считать своею, ушла от него. Что глава страны — всего лишь судорожно пытающийся сохранить былую энергию и азарт молодости старик, чей час уже пробил.

— Никита Сергеевич, — негромко произнес Баранов, — я не сказал вам самого главного.

— За то, что вы столь успешно справились с урегулированием ситуации в Новочеркасске, —

выпалил Хрущев, будто не услышав слов собеседника, — за это объявляю вам личную благодарность. Знаете, Анатолий Дмитриевич, я уже давно к вам присматриваюсь и думаю, что вы вполне бы могли заменить на посту... ну, скажем, Брежнева. Не подумайте ничего такого, но у меня впечатление, что в последние год-два мы с Леонидом Ильичем не находим общий язык и его пора перевести на другую работу. Вы — прекрасная кандидатура на его место!

— Никита Сергеевич, — вновь сказал Баранов с какой-то странной, соболезнающей нотой в голосе, — вы должны знать. Дело в том, что нам не удалось решить проблему полностью мирным путем...

Хрущев удивленно поглядел на собеседника:

— Я не понял. Что вы имеете в виду?

— Вы спрашивали насчет жертв.

— Да?

— Мирное население действительно не пострадало. А вот что касается зачинщиков и бунтовщиков...

Хрущев напряженно ждал. Впервые он не торопил собеседника с ответом.

— Понимаете, — сказал Баранов, — они разграбили помещения горкома партии, а потом бросились на милицейское оцепление, пытались завладеть огнестрельным оружием... — Он смолк.

— Товарищ Баранов, — упавшим голосом произнес Хрущев, — Анатолий Дмитриевич, вы что-то скрывали от меня?

— Никак нет. Просто я не успел сказать, что для обеспечения правопорядка в городе пришлось прибегнуть к крайним мерам.

— К каким?

— Около сорока бунтовщиков ранены. Шестнадцать человек, основные зачинщики мятежа...

— Да?

— В ходе проведения операции они были убиты. В кабинете зависло гробовое молчание.

Баранов видел, как маслянистая струйка пота

прокатилась со лба к переносице, а затем по носу к верхней губе первого человека в государстве.

Толстая перекрученная вена вздулась на поседевшем виске.

Хрущев был оглушен. Хрущев был уничтожен. Его страна, самая мирная и замечательная страна на планете, вновь стала ареной кровавого побоища.

Не в далекой Америке, а в СССР граждане вышли на улицы, чтобы требовать справедливости по отношению к себе и к своим детям, а их встретили дула ружей.

Мир перевернулся. Мир сошел с ума.

Пытаясь справиться с дрожью в теле, Первый секретарь Коммунистической партии Советского Союза Никита Сергеевич Хрущев в этот момент впервые отчетливо осознал, что власть утекает из его рук, словно песок сквозь пальцы.

Он вновь ощутил себя дряхлым, беспомощным старцем, несчастным, никому не нужным, и вспомнил бездвижное тело Сталина, лежавшее распластанным на непокрытом столе кунцевской дачи. Он вспомнил, как Лаврентий Берия, думая, что никто не видит его в эту минуту, приблизился к телу Отца народов и изо всей силы зло дернул труп за усы, и на лице хитрого царедворца при этом возникло отвратительное удовлетворенное выражение. Пигмей вытер ноги о прах поверженного великана.

Хрущев никогда не мог простить Берии этот странный и подлый жест. Потому что нет ничего хуже, чем надругательство над трупом. Теперь Хрущев и сам оказался в положении распластанного на столе и уже начинающего разлагаться тела. Он гнал от себя прочь эту мысль, но страшное предчувствие железным обручем стиснуло его грудь. Впереди была чернота... бездна.

Впереди был октябрь 1964-го.

— Нельзя допустить, чтобы узнала западная пресса, — только и смог прошептать он. — Ни в коем случае нельзя этого допустить!

59. ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СЛУСЯ

По-стариковски не люблю осень. Тяжело, знаете ли, наблюдать, как все опадает, чахнет, осыпается, умирает и остаются одни лишь голые ветви, да серое небо, да слякоть.

Мрачно, как на кладбище.

Впрочем, для внучки — что весна, что осень. Все нравится, все вызывает восторг. Возраст такой: мир прекрасен, несмотря ни на что. Даже омерзительный морозящий дождь вызывает не тоску, а щенячий восторг.

Как раз такой дождь шел сегодня за окном, но внучка вцепилась в меня мертвой хваткой:

— Дед, а дед, ты же обещал, что мы пойдем гулять в город! Я хочу гулять в город!

Ну что ты с ней сделаешь! Пришлось натягивать пальто, вооружаться старым широким зонтом. Ничего не попишешь — обещал!

Жена укоризненно покачала головой, но ничего не сказала.

— Будьте осторожнее, — лишь крикнула из кухни на прощание.

Москва уже оправлялась после пережитого, приходила в себя. На улицах разбирали баррикады. Еще позавчера здесь стреляли. Вот этот перекресток показывали по телевидению, на асфальте лежали убитые и раненые. Невозможно представить!

Внучка, накрывшись прозрачной полиэтиленовой детской накидкой, вприпрыжку бежала по на-

бережной, я едва поспевал за ней. Такая кроха, а меня, взрослого мужика, в три счета обгонит!

Никак не могу смириться, что мне уже под шестьдесят. Смотрю в зеркало и не верю — Господи, да неужто это я?!

Впереди возникло здание Белого дома. Посередине, где-то в районе пятнадцатого этажа, зияла огромная черная дыра. Угольные языки копоти тянулись вверх по фасаду. Два дня назад по Белому дому палили танки. А по телевидению, по первой программе, стали передавать эстрадный концерт. Красная девка-певичка размахивала юбками. Помнится, когда в 1991-м к власти рвались гэкачеписты, по телевидению без конца крутили «Лебединое озеро» и вся страна потом плевалась. А теперь вот — эстрадный концерт. Интересно, чем девки-певички лучше балерин из «Лебединого озера»?

Ну, это я так, к слову. Стариковское брюзжание.

— Дед, а дед! — крикнула внучка. — А я пульку нашла!

Она с гордостью продемонстрировала стреляную гильзу на крохотной ладошке.

У детей свои радости.

Я покивал головой, и внучка принялась скакать по тротуару на одной ножке. Мне ж не оставалось ничего другого, как из-под зонта наблюдать за ее веселой игрой, прислонившись к парапету набережной.

Вокруг прогуливались зеваки. Все, что произошло в последние дни в Белом доме и вокруг него, было для них чем-то вроде грандиозного аттракциона, невероятного и захватывающего; даже в тот момент, когда на улицах стреляли и выходить из дому было небезопасно, здесь, на набережной и на крышах окрестных домов, собирались целые толпы, чтобы воочию наблюдать за ходом схватки между президентскими войсками и парламентом.

Ко мне прибежал сосед и стал клясть Руцкого с Хасбулатовым.

— Вот гады! — вопил он, хлопая себя по коленям от избытка чувств. — Вот паразиты! Они в Белый дом оружие завезли и снайперов! Да их же на первом суку вешать надо!

Я с ним не спорил. По-моему, бессмысленно было объяснять ему, всю жизнь оттарабанившему на заводе у станка, верившему в партию и коммунизм, а потом, поддавшись душевному порыву, публично сжегшему свой партбилет, что не все так просто на этом свете. И без негласной санкции сильных мира сего ни одна мышшь не прошмыгнет в святая святых верховной власти, не то что грузовики с оружием и снайперы!

Я пришел сюда, чтобы убедиться, что дело обстояло так, как я и предполагал. Что правительственный мятеж, в котором участвовали высшие чины государства, был вовсе не случаен, и к нему долго готовились, и самым тщательным образом подталкивали будущих мятежников к единственно нужному для закулисных сил решению.

Я знал, КАК это делается.

Я давно уже на практике изучил механизм провокации — и эта, казавшаяся всем верхом чудовищности и безумия, меня не удивляла. Когда грызутся боги на Олимпе, в ход идут самые жесткие методы. Десятки и сотни трупов, искалеченные судьбы — для кого-то это всего лишь карта в большой политической игре. Моя собственная судьба тоже когда-то стала такой картой...

Я глядел на обожженное здание Белого дома и думал, что ничего не меняется на этом свете.

— Простите... — услышал я женский голос за спиной, — извините, что не знаю вашего отчества...

Я обернулся.

Седовласая старуха глядела на меня доброжелательно и пытливо.

Терпеть не могу, когда со мной пробуют заговорить на улице, — на Западе бы себе таких вольностей никто и никогда не позволил, — но старуха

мне показалась отчего-то знакомой... точнее, напоминающей кого-то далекого и хорошего. Я ответил:

— Алексеевич.

Мне было интересно, как она будет выпутываться из этой ситуации: зная отчество и не зная имени.

— Игорь Алексеевич? — вдруг уточнила старуха.

Я вздрогнул. Я поглядел на нее внимательнее.

Старуха улыбалась:

— Надо же, я впервые в Москве и вот теперь встретила вас. Как в кино!

— Простите... — пробормотал я, — мы знакомы? Не припомню...

— Конечно, — сказала старуха и неожиданно плавным и юным жестом поправила волосы в причёске. Этот сдержанно-кокетливый жест вновь показался мне странно памятным.

— Конечно я изменилась... — продолжала старуха, — ведь прошло столь лет! А вот я вас сразу узнала... Просто не поверила, что это можете быть вы. Я ехала сюда и мечтала: вот было бы здорово, взять и встретиться! Надо же! — Она вдруг извлекла платочек из потрепанной дамской сумочки и приложила к повлажневшим глазам.

Чтоб я сдох, если я хоть что-нибудь понимал!

— Игорь Алексеевич, — сказала старуха, — я Даша. Помните: Даша Титаренко из Новочеркасска!

Я судорожно ухватился за парапет. Если бы не это гранитное сооружение, я, должно быть, просто не удержался бы на ногах.

Даша...

Это была она.

Я глядел в старческое бескровное лицо, обрамленное аккуратными седыми буклями, и горло мое перехватывал спазм.

Моя Даша.

— Это чудо, правда? — произнесла старуха. — Столкнуться на улице недалеко от вокзала спустя тридцать лет. Я ведь в Москве проездом. От сына

еду. Он военный и служит в Карелии. Очень красивые места.

— Ты... вы... — Я сбился, пытаюсь найти нужный тон: — Вы замужем?

— Нет, что вы! — всплеснула руками старуха. — Кто ж меня замуж возьмет такую! Я ведь отсидела, Игорь Алексеевич. Представьте себе. Пятнадцать лет — все до копеечки.

Она поглядела на меня испытующе, словно надеялась увидеть в глазах хоть какое-то смятение. Но я уже взял себя в руки.

Я знал, что через день после моего отъезда из Новочеркасска Дашу арестовали. Ей были предъявлены обвинения в организации антисоветских выступлений и государственной измене. Ее чудом не расстреляли. Я ничего не мог сделать в той ситуации, даже если бы захотел.

— А папа умер. Помните моего папу?

— Григорий Онисимович! Ну как же! Замечательный был человек.

— Его судили и приговорили к высшей мере. Но, к счастью, они не успели. Он умер в тюрьме, в камере смертников, от сердечного приступа. Я даже не знаю, где его могила.

— Светлая память, — пробормотал я. Что еще скажешь?

— После тех событий расстреляли семерых, — сказала старуха. — Васю Сомова, помните его?

Я кивнул.

— Ивана Антоновича Поварницына... электрика... ну, вы его, по-моему, и не знали... Абрамову, мать-героиню, — даже ее не помиловали... Бедная Абрамова, она всегда была совершенно безобидной! А Лиду, невесту Васи Сомова, убили прямо на площади... пуля попала в живот...

Я делал вид, что слушаю ее внимательно и соболезнующе. Она не по возрасту состарилась, скукожилась, а движения стали мелочно-суетливы. Тюре-

ма сломала ее: всегда такая гордая, независимая, мудрая, сейчас она тарахтела, как горох в барабане, и слова сыпались из нее, словно она пыталась хоть как-то сгладить неловкость, несвоевременность, ненужность этой встречи.

Я проклинал себя за то, что потащился в этот слякотный день к Белому дому потешить свою гордыню. Мне хотелось повернуться и бежать... бежать, куда глаза глядят!

Внучка как ни в чем не бывало прыгала по мокрому асфальту. Лениво дефилировали мимо зеваки. Я кивал.

Что она могла мне рассказать такого, о чем бы я сам не знал?

Что от случайного выстрела погиб тринадцатилетний мальчик Виссарион, а тело его таинственным образом исчезло из городского морга?

Что его старшая сестра Победа после пережитого тяжело заболела менингитом и едва не умерла?

Что его мать, администратор городской гостиницы Мария Дмитриевна Патрищева, поседела от горя и еще долго, годы и десятилетия, пыталась отыскать след сына и все еще надеялась, что, быть может, он жив и бродит где-нибудь по земле вдали от родного дома?

Что директора электровозостроительного завода товарища Петухова сразу после произошедших в Новочеркасске событий сняли с должности и отправили на пенсию?

Что первого секретаря Ростовского обкома партии Певцова в спешном порядке перебросили в другую область, куда-то за Урал, и он еще долго руководил местной партийной организацией и зачитывал с высоких трибун статьи кодекса строителя коммунизма?

Чем она могла удивить меня, эта сморщенная, преждевременно превратившаяся в развалину старуха, прикладывающая к губам ветхий носовой платочек и улыбающаяся мне жалкой улыбкой?

— Ужасно, — сказал я, — ужасно... Но это жизнь.

— Да, — эхом повторила она, — жизнь... Но что

же я все о себе да о себе. Как вы? Куда вы пропали тогда... в тот день?

— Долго рассказывать.

Она скорбно поглядела мне в глаза:

— Знаете, а ведь я вас искала. Все никак не могла поверить, что мы навсегда потеряли друг друга.

— Я женат, — поспешно сообщил я. — У меня замечательная супруга, двое детей и трое внуков. Вот моя младшая внучка, собственной персоной.

Старуха умильно улыбнулась:

— Прелестный ребенок. Хотите, я покажу вам фотографию своего сына?

Я не хотел. Но отказаться было невозможно.

— Интересный мужчина, правда?

— Сколько ему?

— В феврале исполнилось тридцать.

— Совсем взрослый!

— Да? — удивилась она. — А для меня он по-прежнему ребенок. Знаете, я ведь родила его в тюрьме. Ему несладко пришлось в детстве.

Я не отвечал.

Она наконец-то все поняла, поспешно взглянула на часы и сделала круглые глаза.

— Боже мой! — фальшиво воскликнула она. — Да я ведь опаздываю. У меня же поезд! — Она протянула мне сухонькую ручку. — Приятно было повидаться с вами. Всего хорошего! — Старуха уже повернулась, чтобы уходить, и вдруг спохватилась: — Да, кстати, я ведь так и не спросила. Вы написали книгу?

— Книгу? — удивился я.

— Ну да. Вы ведь приезжали к нам в Новочеркасск, чтобы собрать материал для романа, если мне не изменяет память.

Она не стала дожидаться ответа и легкой, совсем не старческой походкой двинулась в сторону Киевского вокзала.

Я смотрел ей в спину — она шла точно так же, как когда-то, когда я увидел ее в первый раз. Все изменилось, а походка осталась прежней.

Даже теперь я не мог сказать ей всего. Я не признался, что моя жена, Галина, живет со мной по привычке и из жалости; что дети ни во что меня не ставят, как сам я ни во что не ставил своего покойного тестя, Анатолия Дмитриевича Баранова, после того, как в 1964-м, еще до отставки Хрущева, Семичастный сотоварищи со скандалом отправили его на пенсию, состряпав грязное дело о коррупции в одной из среднеазиатских республик. Безвинно опороченный, Анатолий Дмитриевич слег с тяжелым инсультом и через год скончался, а моя карьера пошла под откос.

Впрочем, не только моя. Очень скоро после прихода к власти Брежнев вышвырнул из ЦК Шелепина, который, как говаривал в минуту откровенности мой тесть, своими руками возвел Леонида Ильича на престол. Следом полетел со своего поста Семичастный. Та же участь, шептались, была уготована Председателю Президиума Верховного Совета РСФСР Игнатову, да тот, нюхом ощутив неладное и перенервничав, скоропостижно скончался, и его пришлось хоронить с надлежащими по чину почестями. Началось новое время.

С той поры жизнь моя была навсегда отравлена. Я существовал, скорее, по инерции.

После двух перенесенных инфарктов из молодого, полного сил и энергии мужчины я превратился в руины. Теперь никто не дает мне моих лет — даже ровесники пребывают в убеждении, что я много старше их.

Что поделаешь? Я смирился. Надо уметь проигрывать.

Одно лишь последние годы не дает мне покоя: новочеркасские события, неведомым образом вывернувшись наизнанку, стали в ряду козырных карт против Никиты Сергеевича Хрущева. Я был так предан ему. Из-за меня его смели — в том числе из-за меня. Тяжело на старости лет осознать, что был лишь пешкой в чьей-то большой игре.

Очень долго, годы и годы, я видел во сне по ночам одно и то же лицо.

Галина однажды злобно сказала мне:

— Запомни, меня зовут Галя. Галя, а не Даша.

Она не могла простить, что нередко в полудреме, оговариваясь, я называл ее чужим, но таким родным мне именем.

Году, наверное, в семидесятом я купил билет на поезд и отправился далеко от Москвы, в места, где находилась женская колония строгого режима. Я ходил вдоль увитой колючей проволокой высокой стены и мечтал, как отброшу стыд и страх и решусь-таки попросить у начальника свидания с одной политзаключенной девушкой из Новочеркасска. Но я так и не сделал этого и вернулся обратно в постылую Москву, к Галине, к привычной жизни. Я раз и навсегда постановил для себя: ЗАБЫТЬ!

Однако — не получилось.

Я стоял у парапета, все еще не в силах пошевелиться, и внучка весело скакала по глянцевому асфальту. Руки мои жгло от мимолетного прикосновения к фотоснимку, который показала мне седая старуха. С фотографии, счастливо улыбаясь в объектив, глядел я сам — только молодой и полный надежд. Я и раньше догадывался, что рожденный Дашей в тюрьме Игорь мог быть моим сыном, а теперь окончательно убедился в этом.

У меня кружилась голова.

— Ну как, наигралась? — спросил я у внучки. — Пора домой.

Она доверчиво ухватила меня за ладонь своей маленькой теплой ручонкой.

— Не спеши, Дашенька, — попросил я. — Дедушка уже старый...

Я еще раз поглядел в ту сторону, где навсегда скрылась из виду моя давняя и единственная любовь, и мы с Дашкой побрели в противоположном направлении.

Старуха интересовалась, написал ли я книгу о происшедшем.

Вот она, эта книга.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо вступления	3
1. Незнакомец с «Правдой» на коленях	5
2. Особо важное задание	12
3. Любовь до гроба	24
4. Попутчики	41
5. «Вертушка»	53
6. Молодой писатель	65
7. Паника	84
8. Родине, блин, служить	92
9. Литературная жизнь	98
10. Жизнь — театр	106
11. Завод	114
12. Недотрога	130
13. «Кукурузник»	138
14. Москва, Кремль	143
15. Поблядушка	161
16. Письмо	167
17. Информация	177
18. Инженер человеческих душ	187
19. Записка	193
20. Душно	196
21. Откровенность	201
22. Казачий род	205
23. Только слова	208
24. Очень странно	212
25. Погано	220
26. Честь мундира	229
27. Неудачный день	237
28. Увольнительная	246

29. Идейный руководитель	254
30. «Димка дурак»	259
31. Сходка	265
32. Началось	269
33. Крыло надежды	278
34. Как Родину любить	284
35. «Я больше не буду»	287
36. Сюжет	292
37. Музыканты	295
38. На пять шагов вперед	303
39. Разведка	305
40. «Ответьте Новочеркаску!»	308
41. «Взвейтесь кострами!»	315
42. Новочеркасск, 1 июня 1962 года	320
43. Свой человек	337
44. Ночь	350
45. Биатлонист	356
46. Фронтовые друзья	366
47. Танки	374
48. Оружие к бою!	385
49. По обстановке	392
50. Стоп-кран	399
51. Солидарность	410
52. Расстрел	416
53. Страх	436
54. Жизнь	443
55. Пусть живут	447
56. Похороны	456
57. Новый день	461
58. Катастрофа	463
59. Тридцать лет спустя	469

Литературно-художественное издание

Игорь Николаевич Лебедев

РАССТРЕЛ НА ПЛОЩАДИ

Редактор *М. К. Холмогоров*
Художественный редактор *О. Н. Адашкина*
Технический редактор *Н. Г. Новак*
Корректор *И. И. Попова*

Сдано в набор 03.03.97. Подписано в печать 21.03.97.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Таймс».
Печать высокая. Усл. печ. л. 25,2.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 365

«Олимп». Изд. лиц. ЛР № 07190 от 25.10.96.
123007, Москва, а/я 92

ООО "Издательство АСТ"
Лицензия Серия ПИМ № 01372 от 16.04.96.
366720, РИ, г. Назрань, ул. Фабричная, 3

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1 Госкомпечати России
144003, г. Электросталь Московской обл.,
ул. Тевосяна, 25

OCR - Давид Титиевский, февраль 2017 г., Хайфа

РУССКИЕ ТАЙНЫ

Впервые!

Правда о ключевых моментах
истории России!

Величайшие преступления XX века,
без тайн и искажений!

Подлинные документы спецхранов
и советских архивов!

За каждой тайной – новые,
за каждым преступлением –
цепь других. История нашей
страны – впервые без прикрас.
История, полная безжалостных
сражений за власть, изощренных
интриг и кровавых секретов...

84

VIII.7

N

26,00

0.50

ЗАПИСЬ АКТА О СМЕРТИ №...

Зверева